

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Источниковедение литературы Древней Руси

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1980

$\text{И}\ \frac{70202\text{-}549}{042\ (02)\text{-}80}$ 539.80.4603010101.

ОТ РЕДАКТОРА

Предлагаемый вниманию читателей сборник вовсе не случаен по своему составу, как может показаться тому, кто поверхностно ознакомится с его оглавлением.

Сборник посвящен исключительно вопросам литературоведческого источниковедения древнейшего периода русской литературы. Непременным условием участия в этом сборнике были молодость автора и отсутствие у него ученой степени. В сборник приняты статьи студентов, аспирантов, молодых преподавателей литературы, сотрудников рукописных отделений научных библиотек и пр.

Почему так странно ограничили мы круг участников и связали молодость именно с источниковедением, а не какой-либо другой дисциплиной, более широкой и, казалось бы, более заманчивой для молодежи?

Нет, в узких и источниковедческих темах есть своя чрезвычайно важная привлекательность и интересность.

Во всякой научной работе есть и эстетическая сторона. Исследование может быть красиво по своим эффектным выводам — выводам неожиданным, объясняющим одновременно целый круг разнородных вопросов. Если вывод позволяет объяснить сразу несколько проблем, это всегда служит дополнительным аргументом в его обоснование. И такой вывод своеобразно «красив».

Но исследование может быть красиво не только по выводам, но по своей методике, по своей аргументации, по построению доказательств, по привлечению разнородных и «редких» материалов, требующих большой эрудиции, знания рукописей, умения эти рукописи читать и интерпретировать, разбираться в текстологических вопросах, соединять в своем лице литературоведа, историка, лингвиста, текстолога, археографа, т. е. представлять филологию. Филология — это и есть, по существу, «разнонаучная» интерпретация источника.

Что же объединяет все статьи данного сборника? Дух филологии: науки, которая разносторонне интерпретирует все словесные памятники — от сухих документов до гениальных художественных произведений.

Филология больше, чем любая другая наука, открывает путь в духовный мир творца памятников письменности и больше, чем любая другая гуманитарная дисциплина, открывает путь к отмеченной выше красоте научного исследования второго типа: красоте строгой и бесспорной доказательности. Подлинно филологические исследования эстетически привлекательны потому, что они позволяют ученому обнаружить разностороннюю эрудицию (для молодого ученого это важно), умение собирать различные данные, оперировать с фактами языка, разыскивать рукописи, работать в рукописных собраниях, умение прибегать к консультациям специалистов, быть социальным в широком значении этого слова (теперь нет ученых «одиночек», ученый сейчас — организатор своей работы в кругу товарищей по специальности).

Но разве, спросит читатель, не лучше все это обнаружится у ученого с большим научным опытом? Чем оправдывается привлечение к источниковедению в первую очередь молодых ученых? Ответ на этот вопрос может быть дан вполне определенный.

Научный путь исследователя имеет свои закономерности. Как нельзя отдельное исследование начинать с обобщения, так нельзя начинать свою исследовательскую деятельность с обобщающих работ. Обобщения — всегда завершающий этап работы отдельного исследования или всего научного опыта в целом.

Конечно, есть разные типы исследователей. Есть исследователи, у которых тяга к частным археографическим исследованиям остается на всю жизнь. Признаюсь, такие ученые вызывают у меня чувство наибольшего уважения. Ибо, не достигая особого блеска в своих работах, они надолго остаются в науке. И есть другой тип исследователя — исследователя, у которого очень рано обнаруживается тяга к обобщениям широкого масштаба. Положение последних далеко не легкое. Для того чтобы завоевать доверие, они должны проявить знание «мелочей», частных фактов, а последнее достигается только, казалось бы, «узкими» исследованиями. Широкие обобщения труднее доказать, и они быстрее исчезают с научного горизонта, не оставляя по себе следов и воспоминаний.

Обобщения, сделанные в начале научной деятельности и в ее конце, резко различаются по своей убедительности. Ведь мы доверяем не только аргументации исследователя, но и самому исследователю — его знаниям как таковым, его опыту. Частный вывод доказывается, широкое же обобщение строится как художественное произведение. В широком обобщении исследователь разворачивает картину, как она ему представляется. Эта картина поэтому всегда в той или иной мере субъективна. Но субъективность пожилого ученого ближе к объективности. . .

Если строить идеальный путь ученого, то он должен проходить от частных исследований в молодости к широким обобщениям в конце жизни. И это тем естественнее, что такова и сама возраст-

ная психология. Вот почему, планируя наши сборники (или конференции) молодых специалистов, мы выбираем темами этих сборников и конференций источниковедение, археографию, текстологию, соединяем историков и литературоведов, византологов и «древнерусcников», лингвистов и искусствоведов.

Было бы неправильно представлять себе, что наши молодежные сборники и конференции ставят себе по преимуществу педагогические цели.

Педагогические цели, конечно, есть, но я позволю себе перефразировать известный вопрос Льва Толстого — «кому у кого учиться»: молодым исследователям у «зрелых» или «зрелым» у молодых? Дело в том, что ученым с большим опытом исследовательской работы полезно иногда учиться у молодежи, оглядываться на свои собственные работы, в которых они завоевали авторитет ученых, владеющих точным и доказательным научным методом. Обращение ученого к «узким» исследованиям частных вопросов всегда плодотворно, всегда возвращает ему силы, как прикосновение к земле.

Сборник вносит очень много нового — того, что войдет не только в историографию исследования того или иного памятника, но и в исследование историко-литературного процесса. Здесь и разыскания в области оригинальных русских повестей, рукописная традиция которых была до сих пор не известна или раскрыта недостаточно. Здесь и интереснейшие работы по переводной литературе (переводные памятники слабо изучались в последние десятилетия, и обращение к этой важнейшей части наших связей с античностью, Византией, югославянскими и западнославянскими литературами чрезвычайно важно). Здесь проявился особый интерес исследователей к литературе эпохи барокко, что актуально в связи с тем, что к стилю этому привлечено сейчас внимание во всем мире. Здесь и текстология такого огромного и сложного составного памятника, как Пролог, изучение которого замерло за последние годы в связи с его очень большой трудностью. Здесь и исследование сборников «постоянного состава» — «Златоуста» и «Торжественника», которыми занимался когда-то акад. А. С. Орлов, так и не закончивший своей работы. Здесь и издавна затруднявшие исследователей вопросы об авторе так называемой «Повести Катырева-Ростовского», о редакциях «Сказания» Авраамия Палицына. Здесь изучается и чрезвычайно важный для древней русской литературы вопрос о редакторской работе (в частности, таких известных писателей, как Иона Думин, Симеон Полоцкий). Наконец, читатель найдет в сборнике и некоторые вопросы, связанные с очень высокой и занимающей все больше и больше ученых всего мира певческой культурой древней Руси.

Поэтому темы данного сборника, «частные» по подходу, очень значительны по «меткости», с которой они направлены на решение кардинальных вопросов древней русской литературы. Это свое-

образная «связка ключей» — ключей, открывающих широкие двери в мир древней русской литературы.

Среди публикуемых статей есть и статья безвременно погибшего молодого итальянского ученого А. Данти — молодого по возрасту, но уже достигшего крупной известности у славистов как эрудированный и точный текстолог.[1] Статья его представляет интерес еще с одной стороны, о которой я не писал выше: это образец настоящей корректной и аргументированной полемики — полемики, без которой невозможна наука. Это полемика со мной, — тем лучше.

Д. Лихачев

---

[1] Особенно обращу внимание на подготовленное им совместно с другим итальянским ученым издание «Моления Даниила Заточника»: Daniil Zatočnik. Slovo e Molenie. Edizione critica a cura di Michele Colucci e Angiolo Danti. Firenze, 1977. Это лучшее из критических изданий этого памятника.

Е. В. АФАНАСЬЕВА, Е. М. ШВАРЦ

ДРЕВНЕЙШИЙ СЛАВЯНСКИЙ ПЕРЕВОД КНИГИ ИОВА

(по пергаменным рукописям)

Изучение переводческого наследия Кирилла и Мефодия — одна из актуальных проблем славистики. Традиция приписывает Кириллу перевод богослужебных книг, Мефодию — перевод полного текста Ветхого и Нового завета за исключением Маккавейских книг. Однако все еще не изученными для отдельных книг Библии остаются такие важные вопросы, как отнесение того или иного текста к наследию каждого из солунских братьев, возможные греческие оригиналы этих текстов, их судьба в славянской рукописной традиции, отношение перевода Мефодия к переводу Кирилла: включал ли, например, Мефодий в свой полный перевод Библии те тексты, которые читались во время богослужения и в составе богослужебных книг уже были переведены Кириллом, или переводил их заново?

Недостаточно выяснено значение хорватских глаголических бревиариев, которые благодаря особым историческим условиям отчасти сохранили текст, более близкий к первоначальному, чем кириллические списки.[1]

Особенность изучения переводов Библии на славянской почве заключается в том, что выводы, сделанные в результате исследования одной книги, нельзя автоматически переносить на другую книгу. В частности, для наследия Кирилла и Мефодия существенно то, что переведенные ими книги Ветхого завета, по мнению И. Е. Евсеева, могли бытовать у славян в трех редакциях: 1-й — Кирилла (краткой, находящейся в богослужебных книгах); 2-й — Мефодия (полной, находящейся в четьих списках); 3-й — симеоновской (толковой, находящейся в списках с толкованиями и возникшей в Болгарии в X в. при царе Симеоне).[2]

Краткая редакция некоторых книг Ветхого завета дошла до нас в составе паримийников — сборников отрывков из Ветхого завета, которые читаются во время богослужения. «Такие отрывки в практике славянских церквей получили название „па-

---

[1] Pechuška F. Staroslovánský překlad knihy Job. Praha, 1935, s. 8.

[2] Евсеев И. Е. Книга пророка Даниила в древнеславянском переводе. М., 1905, с. IX—XXXVIII.

ремий“ (т. е. притчей— от греч. παροιμία, по наименованию одной из самых популярных ветхозаветных книг — Притчи Соломоновы). В греческой церковной практике аналогичные сборники называются „Профитологии“, т. е. книги Пророков».[3]

Полностью паримийник не был издан, по-видимому, ни у греков, ни у славян, — потому, может быть, что к XV—XVI вв. уже вышел из богослужебного употребления. Во всяком случае, старопечатный паримийник не найден. А. В. Михайлов в своем исследовании греческих и древнеславянских паримийников отмечает, что их происхождение и судьба в науке не известны, история не написана.[4]

Славянские паримийники А. В. Михайлов относил к рождествено-триодно-месячному, т. е. древнейшему, типу,[5] который выдержан очень строго, и это свидетельствует о древности, а также близости к греческому оригиналу. Что касается греческих паримийников, то они едины по содержанию и произошли от одного протографа. Редакций, предполагавших разные цели писцов и составителей, установить нельзя, хотя списки и не тождественны.

Несмотря на почти полное отсутствие сведений о времени и месте возникновения протографа профитология, А. В. Михайлов делает весьма обоснованный вывод о том, что это произошло между VII и IX вв. в Константинопольской церкви, а оттуда система паримий рождествено-триодного круга перешла в другие патриархаты, отчасти вытеснив местные системы чтений, отчасти смешавшись с ними. [6]

Константинопольская система паримий послужила оригиналом и для протографа славянских паримийников, причем перевод древнеславянского паримийника был сделан там, где был известен и римский обряд, т. е. в мораво-паннонской области. Об этом свидетельствуют латинизмы в литургической заметке на Великую субботу в Григоровичевом списке.[7]

Точно установить греческий оригинал древнеславянского прототипа паримийника пока не удалось. Профитологий Великой Церкви, которым пользовался первый славянский переводчик паримийника, в триодном отделе несколько отличался от дошедших до нас греческих профитологиев.

---

[3] Мещерский Н. А. Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX—XV веков. Л., 1978, с. 38.

[4] См.: Михайлов А. В. Греческие и древнеславянские паримийники. Из истории древнеславянского перевода св. Писания. Варшава, 1908, с. 4—5.

[5] В паримийнике такого типа вначале помещены паримии на Рождество Христово и Богоявление, затем к ним были присоединены чтения триодного цикла (от недели сырной до недели всех святых), впоследствии он был дополнен паримиями на дни постоянных памятей святых и непереходящие праздники.

[6] Михайлов А. В. Греческие и древнеславянские паримийники, с. 17—18.

[7] Там же, с. 22—23.

Книга Иова входит в триодный отдел паримийника и читается на вечерне в первые пять дней Страстной седмицы: в понедельник I_{1-12}, во вторник I_{13-22}, в среду II_{1-10}, в четверг XXXVIII_{1-23}, XLII_{1-5}, в пятницу XLII_{12-17}. Состав этого чтения в греческих профитологиях тот же, но стихи XXXVIII_{22-23} опущены.

В настоящей работе рассматривается бытование паримийной редакции Книги Иова на славянской почве по древнейшим пергаменным спискам, так как к началу XV в., когда бумага в качестве писчего материала сменила пергамен, паримийники вышли из употребления в богослужении, хотя и продолжали некоторое время существовать в виде бумажных кодексов. На данном этапе работы в задачу авторов их исследование не входит.

Авторами осуществлено критическое издание паримийного текста Книги Иова. В качестве основного списка выбран Захарьинский паримийник 1271 г., чтение из Книги Иова в котором было опубликовано Ф. Пехушкой в 1935 г. по подготовленному А. В. Михайловым тексту.[8] Поскольку это издание очень редкое,[9] а Захарьинский паримийник является наиболее характерным для восточнославянского извода паримийной редакции,[10] мы сочли возможным издать этот же текст, но уже по рукописи.

Чтение из Книги Иова на Великую пятницу в Захарьинском паримийнике утрачено и поэтому в данной работе восполнено по списку Софийско-Новгородского собора № 53.[11]

Перейдем к краткой характеристике списков.[12]

Захарьинский паримийник (З), 1271 г., русский извод. Шифр: ГПБ, Q. п. I.13. Чтения из Книги Иова находятся на л. 175г—177в, 180а—181в, 185в—187в, 191в—193в. Чтение V отсутствует.[13]

Григоровичев паримийник (Г), XII в., болгарский список. Шифр: ГБЛ, фонд Григоровича, № 1685. Л. 69 об.—70, 71—71 об., 73—73 об., 75—76, 77 об.—78.[14]

ГПБ, Q. п. I.51 (Д), XII в., сербский извод. Л. 42 об.—43 об., 46—47, 49 об.—50. Чтения I и II отсутствуют.[15]

---

[8] Pechuška. F. Staroslovánský překlad. . .

[9] Мы работали по ксерокопии, любезно присланной нам из Югославии д-ром Е. Благовой.

[10] Михайлов А. В. Опыт изучения текста Книги Бытия, ч. I. Варшава, 1912, с. 393—394, 409—415.

[11] Как выяснилось в процессе работы, Соф. 53 стоит ближе всех других списков к Захарьинскому паримийнику (см. ниже).

[12] В работе для сравнения с текстами пергаменных паримийников был привлечен текст паримийной редакции, которым Книга Иова представлена в Успенском сборнике XII—XIII вв. (У), по изданию: Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971, с. 160—162.

[13] Описание ркп. см.: Гранстрем Е. Э. Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Л., 1953, с. 23.

[14] Викторов А. Собрание рукописей В. И. Григоровича. М., 1897, с. 4.

[15] Гранстрем Е. Э. Описание. . ., с. 95.

ГПБ, Q. п. 1.14 (E), XIV в., русский извод. Л. 108—108 об., 109 об.—110, 112—112 об., 114 об.—115 об., 123 об.—124.[16]

ГПБ, Соф. 53 (C), XIII в., русский извод. Л. 33—33 об., 35 об.—36. Чтения I, II и III отсутствуют.[17]

ГПБ, Пог. 57 (П), XIV в., русский извод. Л. 59—59 об., 63—65. Чтения I, II, часть III и V отсутствуют, текст местами не читается.[18]

ГПБ, Профитологий греч. 217 (P), 1054 г. Л. 105 об.—106 об., 108—109, 111—112, 114—115, 121—121 об.[19]

ГПБ, Профитологий греч. 218 (PI), XII в. Л. 79 об.—80 об., 82—82 об., 84 об.—85 об., 87 об.—88, 90—90 об.[20]

В греческих профитологиях, по сравнению со славянскими паримийниками, опущены стихи XXXVIII_{22-23}.

Тексты глаголических бревиариев Вита из Омишле 1396 г. (B) и Вербницкого II 1391 г. (B2) приведены по изданию Ф. Пехушки,[21] а Новлянского I XV в. (H1) и Новлянского II 1493—1495 гг. (H2) — по изданию Й. Вайса.[22]

Глаголические бревиарии содержат первые четыре главы из Книги Иова, бревиарии Новлянский I и II, за небольшими исключениями, содержат всю Книгу Иова.

Все перечисленные кириллические списки содержат I, краткую редакцию, относимую к деятельности Кирилла, в двух изводах: восточнославянском (Захарьинский паримийник и Соф. 53) и южнославянском (Григоровичев паримийник, Успенский сборник, Q. п. 1.14, Q. п. 1.51, Пог. 57).

Паримийный текст Книги Иова во всех указанных выше списках был разбит нами в процессе работы на главы и стихи по изданиям Септуагинты,[23] а стихи — на синтагмы, которые мы будем называть «чтениями».

Чтения всех славянских списков были тщательно сопоставлены друг с другом, а также с двумя греческими профитологиями (P и PI) и тремя древнейшими кодексами Септуагинты — Александрийским (A), Ватиканским (V) и Синайским (S);[24] где это

---

[16] Там же, с. 50.

[17] Там же, с. 28.

[18] Там же, с. 51.

[19] Гранстрем Е. Э. Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ, вып. 3. Рукописи XI в. — ВВ, т. XIX, 1961, с. 203.

[20] Там же, вып. 4. Рукописи XII в. — ВВ, т. XXIII, 1963, с. 193.

[21] Pechuška F. Staroslovánský překlad. . .

[22] Vajs J. Liber Job. Veglae, 1903. Об издании и изучении глаголических текстов Вайсом и Пехушкой см.: Михайлов А. В. О новых изданиях хорватских глаголических текстов. Из истории перевода св. Писания. Варшава, 1905.

[23] The Old testament in Greek. Ed. H. B. Swete. Cambridge, 1896; Vetus Testamentum graece. Ed. C. Tischendorf. Lipsiae, 1850.

[24] До сих пор паримийный текст не сопоставляли с текстом греческого профитология, а только с древнейшими кодексами Септуагинты (A, V, S), тогда как известно, что Кирилл переводил уже имевшиеся богослужебные книги, а не составлял новые.

было целесообразно, привлекались для сравнения глаголические тексты. При этом обнаружилось большое число грамматических, лексических и синтаксических разночтений между рукописями.

За исключением грамматических разночтений, нами было выделено 262 места в тексте, имеющих лексические и синтаксические разночтения в нескольких или во всех рукописях. Они составили три основные группы.

1. Разночтения между славянскими рукописями, основанные на греческих разночтениях (53 места).

2. Разночтения, отразившие изменения текста на славянской почве (165 мест). Среди них: а) чтения, во всех славянских списках отличные от греческих; б) чтения, в части списков отличающиеся от греческих и сохраняющие при этом смысл оригинала, тогда как оставшаяся часть славянских списков точно следует греческому оригиналу.

3. Разночтения в транслитерации имен собственных (12 мест).

При классификации были учтены чтения, встречающиеся только в одной рукописи и не имеющие соответствий в других (единичные).[25]

Наиболее характерные примеры позволяют дать оценку чтений того или иного списка. Заметим, что, если греческие рукописи не имеют разночтений, списки не указываются.[26]

Текст приводится по правилам изданий для лингвистов.

1. Разночтения между славянскими рукописями, основанные на греческих разночтениях.

I_1 и бѣ чл҃вкъ то непорочьнъ правьдьнъ истиньнъ бѣчьтьць (З); истиньнъ непорочьнъ правьдьнъ бо҃чьтьць (УГЕВВ2); невинань и прав'и боесе бога (Н1Н2); καὶ ἦν ὁ ἄνθρωπος ἐκεῖνος ἄμεμπτος, δίκαιος, ἀληθινός, θεοσεβής (P, PI, A); ἀληθινὸς ἄμεμπτος, δίκαιος, θεοσεβής (V).

Чтение Зах. соответствует греч. 217, 218, A, а остальные славянские рукописи дают чтение V.

I_4 съходѧще же сѧ с҃нве ѥго къ себѣ (ЗВВ2); дрꙋгъ къ дроугоу (УГЕН1Н2); συμπορευόμενοι δὲ οἱ υἱοὶ αὐτοῦ πρὸς ἀλλήλους (P, PI, A, V); πρὸς ἑαυτοῦς (S).

---

[25] Нельзя не упомянуть также и еще об одной группе разночтений (32 места в тексте), которые, возможно, возникли на славянской почве, но могут также и восходить к каким-либо греческим рукописям, к которым мы в данной работе не обращались. За неимением материала мы не рассматриваем этих разночтений и можем предложить только следующую их систематизацию: а) разный порядок слов (8 мест); б) пропуск значимого слова (7 мест); в) отсутствие или присутствие местоимения, частицы, союза или предлога (16 мест); г) лексическая замена (всего один случай: XXXVIII_{13} ѿ неѧ ЗГЕС; ѿ земле ихь Д).

[26] Наблюдения над особенно интересными местами Успенского сборника см.: Афанасьева Е. В., Шварц Е. М. Заметки к тексту Успенского сборника. — Вестник ЛГУ, № 8, история, язык, литература, вып. 2, 1977, с. 145—146.

I_7 и реч гь дийволоу (ЗЕВВ2); къ дийволȣ (ГУ); καὶ εἶπεν ὁ κύριος πρὸς τὸν διάβολον (P, PI); τῷ διαβόλῳ (A, V).

I_{13} быс ѩко и сь днь (ЗЕ); *оп.* и (ГУ); и бѣ ѣко сь днь (ВВ2); Ἐγένετο ὡς ἡ ἡμέρα αὕτη (P, PI, A); *вм.* ἐγένετο ἦν (V); καὶ ἦν (S).

Чтение Григ. соответствует греч. 217, 218, A; чтение Вит., Верб. II — S, чтение Зах. и Q. п. 1. 14, вероятно, тоже восходит к S.

I_{16} и пожъже ѡвьцѧ и пастоухы поѩсть такоже (З); пастырѧ ижьже (ЕУ); и іжеже ѡвьцѧ и пастырѩ поѣсть такожде (ГВВ2); и пож'же все ов'це и пастири (Н1Н2); καὶ κατέφαγε τα πρόβατα, καὶ τοὺς ποιμένας κατέκαυσεν ὁμοίως (P, PI, A); *вм.* κατέφαγε — κατέκαυσε, *вм.* κατέκαυσεν — κατέφαγεν (V).

Зах. и Григ. дают чтение V, а Q. п. 1. 14 — видимо, контаминацию чтений A и V.

II_3 ѩко нѣсть прѣмы емоу ѡт соущихь на земли (ЗГ); ѩко нѣсть ѡт соущихь на земли члвка подобьна іемоу (Е); ѣко нѣс прѣмо емоу ѡт соущихь на земли члвка подобна емоу (Д); ѣко нѣсть такого ѡт соущих' по земли чкь подобна емоу (ВВ2); нѣсть бо подобна емоу нь земли (Н1Н2); ὅτι οὐκ ἔστι κατ' αὐτὸν τῶν ἐπὶ τῆς γῆς ἄνθρωπος ὅμοιος αὐτῷ (PI, A); *вм.* τῶν ἐπὶ τῆς γῆς ἄνθρωπος — ἄνθρωπος ἐπὶ της γῆς (P); оп. ἄνθρωπος ὅμοιος αὐτῷ (V).

Чтения Зах. и Григ. соответствуют V, а остальных рукописей — A, греч. 218.

II_3 ѡгрѣбаѩ сѧ ѡт всѧкого зла (ЗГДВ); всего (В2); и отстоупае от зла (Н1); ѡгрѣбаѧ сѧ ѡт всѧкоѩ зълы вещи (ЕУ); ἀπεχόμενος ἀπὸ παντὸς πονηροῦ πράγματος (PI); ἀπεχόμενος ἀπὸ παντὸς κακοῦ (P, A, V, S).

Чтение Q. п. 1. 14 соответствует греч. 218, а чтения остальных рукописей — греч. 217, A, V, S.

II_6 реч же гь дийволоу (ЗГЕВВ2Н1Н2); и реч гь диѣволоу (Д); καὶ εἶπε κύριος τῷ διαβόλῳ (P, PI); *оп.* καὶ; *вм.* εἶπε — εἶπε δὲ ὁ (A, V, S).

Q. п. 1. 51 дает то же чтение, что греч. 217, 218, а остальные рукописи — A, V, S.

II_7 ѡт га (ЗГВВ2); отъ лицѧ гнѧ (УЕДН1Н2); ἀπὸ προσώπου κυρίου (P, PI); *оп.* προσώπου (A, V, S).

II_{9d} и въ храмину ѡт храмины приходѧщи (З); *оп.* приходѧщи (УГЕДВВ2); і храмины ѡт храмины (П); *оп.* (Н1Н2); καὶ οἰκίαν ἐξ οἰκίας (P, PI, A, V); *доб.* περιερχομένη (S).

Зах. дает чтение S.

XXXVIII_6 столпи (ЗЕ); кроузи (ГУЕС); οἱ στῦλοι (P, PI, A); οἱ κρίκοι (V).

XXXVIII_{19} коıє есть мѣсто (ЗС); коıє мѣсто (ЕДГУ); ποῖος ἔστι τόπος (P, PI, A); *оп.* ἔστι (V).

2. Разночтения, отразившие изменения текста на славянской почве.

а) Все славянские рукописи дают чтения, отличные от греческих.

I_1 чл҃вкъ етеръ бѣ въ странѣ Асоутидѣстѣи (ЗЕВВ2); единъ (Г); *оп.* (Н1Н2); ἄνθρωπός τις ἦν ἐν ὥρᾳ τῇ Αὐσιτιδι (P, PI, A, V, S).

I_8 помышлениемь твоимь (ЗГВВ2); мыслию твоѥю (ЕУ); мишлениемь твоимь (Н1Н2); τῇ διανοίᾳ σου.

I_{10} по земли (З); на земли (УГЕВВ2Н1Н2); ἐπὶ τῆς γῆς.

I_{15} и рабы избиша ѡрѹжиѥмь (ЗЕ); раби твое (ВВ2Н1Н2); и рабъ избишѫ ѡрѫжиемъ (Г); καὶ τούς παῖδας ἐπάταξαν ἐν στόματι μαχαίρας (P, PI, A); *вм.* ἐπάταξαν ἐν στομ. μαχ. — ἀπέκτειναν ἐν μαχαίραις (V).

Все славянские рукописи приводят чтение V, но Григ. отражает развитие категории одушевленности.

I_{15} сп҃съ же сѧ азъ ѡдиныи придохъ възвѣстить тебѣ (З); възвѣститъ (Е); сп҃съ же сѧ азъ ѡдиныи придъ възвѣсти тебѣ (Г); оубѣжав же азь единь придь взвѣстити тб҃ѣ (ВВ2); и азь един' оубѣжахь да взвѣстил' бим тебѣ господоу моемоу (Н1Н2); καὶ ἐσώθεν ἐγὼ μόνος καὶ ἦλθον τοῦ ἀπαγγεῖλαί σοι (P, PI, A); *вм.* καὶ ἐσώθεν — σωθείς; *вм.* καὶ ἦλθον — ἦλθον (V).

В Q. п. 1. 14 греческому инфинитиву соответствует супин.

I_{16} пастоухы (З); пастырѧ (УГЕВВ2Н1Н2); τοὺς ποιμένας.

I_{19} и паде сѧ храмина (ЗЕВВ2); хлѣвина (Г); и подврати се храмъ (Н1Н2); καὶ ἔπεσεν ἡ οἰκία.

I_{20} и ѡстриже власы главы своѥѩ (ЗГВВ2); и постриже власы своѩ (Г); и остриже главоу свою (Н1Н2); καὶ ἐκήρατο τὴν κόμην τῆς κεφαλῆς αὐτου (P, PI, A, S); *оп.* αὐτοῦ (V).

II_6 тъкъмо дш҃оу ѥмоу съхрани (З); ѥго (ГЕДУ); т'кмо дш҃оу его съблюди (ВВ2); нь обаче доуше его храни се (Н1Н2); μόνον τὴν ψυχὴν αὐτοῦ διατήρισον (P, PI, A); *вм.* διατήρισον — διαφύλαξον (V); *вм.* μόνον τὴν ψυχήν — τὴν δὲ ψυχήν (S).

В Зах. местоимение стоит в дат. п., тогда как во всех остальных рукописях — в род.

II_7 и оудари Иѡва гноѥмь лютымь (ЗГ); порази (ЕДУ); болезньномь (ВВ2Н1Н2); καὶ ἔπαισε τῷ Ἰὼβ ἕλκει πονήρῳ.

II_9 лѣтоу же многоу мимошьдшоу (ЗГ); врѣмени (ВВ2); лѣтомь же мнозѣмь мимошьдьшимь (Д); лѣтоу же многоу минувшу (Г); χρόνου δὲ πολλοῦ προβεβηκότος.

II_9 докоудѣ стражеши (З); доколѣ (ГЕДУ); трпиши (ВВ2Н1Н2); μέχρι τίνος καρτερήσεις.

II_9 чающи слнца (З); и жидоущи (УГДПВВ2); *оп.* и (Е); προσδεχομένη τὸν ἥλιον.

II_9 въскоую ıако едина ты (З), почто, *оп.* ты (П); ѡ жено почто ıако едина (Г); что ıако едина (ДВВ2); *вм.* что — се (Г); нели (Н1Н2); ἵνα τί ὥσπερ μία (Р, PI, А); *оп.* ἵνα τί (V).

II_{10} аще блгаıа приıахомъ (ЗГВВ2Н1Н2); приıаховѣ (ЕД); εἰ τὰ ἀγαθὰ ἐδεξάμεθα.

Двойственное число в славянских рукописях конкретизирует повествование, применяя содержание слов Иова к нему и его жене. Смысл греческой фразы тот же, но употреблено 1-е л. мн. ч., так как дв. ч. в древнегреческом языке рано утратилось и употреблялось нерегулярно.

XXXVIII_5 кто положи мѣры еи аще вѣси (ЗД); на неи (Е); *вм.* кто — како (П); где (Г); *оп.* (С); τίς ἔτετο τὰ μέτρα αὐτῆς εἰ οἶδας.

XXXVIII_{18} възвѣсти ми оубо колика локътъ есть (З); възвѣсти ми колика ли къто есть (ГСПУ); колико (Е); колика или (Д); ἀναγγεῖλον δέ μοι πόση τίς ἐστιν.

Чтение Зах., видимо, является другой интерпретацией.

$XLII_{17в}$ се протълковано бысть ѡт сурьскыихъ книгъ (ГДС); сказанъ бываеть ѡт асуринскых книгъ (Е); οὗτος ἑρμηνεύεται ἐκ τῆς συριακῆς βιβλου.

б) Одни славянские рукописи точно следуют какому-либо греческому списку, а другие дают варианты, отличные от него, не меняя при этом смысла.

I_3 и бѣ члвкъ тъ добра рода (З); добродьнъ (ГЕВВ2У); καὶ ἦν ὁ ἄνθρωπος ἐκεῖνος εὐγενής.

I_4 творахоу пиръ на вса днь (ЗЕ); вьсакъ (ГН1Н2У); на всѐ д'ни (ВВ2); ἐποίουν πότον καθ' ἑκάστην ἡμέραν.

I_{13} сномъ Иѡвъмъ и дъщерьмъ ıего ıадущемъ и пиющимъ вино (З); и снове Иѡвови и дъщери ıего ѣдахоу и пиıахоу вино (ЕВВ2У); *вм.* и снове — снове (Г); синове его ѣдѣѣхоу и п'ѣхоу (Н1); синове и дещери его ѣдѣѣхоу и п'ѣхоу вино (Н2); καὶ οἱ υἱοὶ Ἰὼβ καὶ αἱ θυγατέρες αὐτοῦ ἤσθιον καὶ ἔπινον οἶνον (Р, PI, А); *оп.* οἶνον (Р); *оп.* καί, ἤσθιον (V); *оп.* αὐτοῦ (S).

Чтение Q. п. 1. 14, Вит., Верб. II соответствует греч. 218 и А, остальные рукописи дают чтения, отличные от греческих. Особенно интересно чтение Зах. с дательным самостоятельным, тогда как в греческом тексте нет обычно соответствующего этому обороту Gen. abs.

I_{22} ничсо же не съгрѣши Иѡвъ (З); *оп.* не (Г); ничто же Иовъ съгрѣши (Е); ничим же не сьгрѣши Иовь (ВВ2); в в'сѣхь сихь

Иобь не сагрѣши (Н1Н2); οὐχ ἥμαρτεν 'Ιωβ (P, PI,); *вм.* οὐχ — οὐδὲν (A, V, S); *оп.*'Ιώβ (A).

Зах., Вит. и Верб. II дают конструкцию с двойным отрицанием, свойственным славянским языкам.

II_3 вънꙗт ли оубо рабоу моѥмоу Иωвоу (ЗД); *оп.* оубо (Г); вънꙗтъ ли на раба моѥго Иωва (ЕУ); помислиль ли еси оубо на раба моего Иова (ВВ2); еда что расмотрель еси в рабѣ моемь Иобѣ (Н1Н2); προσέσχες τῷ θεράποντί μου 'Ιώβ.

II_3 ты же реч погоуби ты все имениѥ ѥго тъщетою (З); *вм.* погоуби ты — погоубити, *оп.* же (Д); *оп.* тъщетою (Г); ты же рече погоуби ты всꙗ именьꙗ ѥго тъщетою (Е); имѣние его вт'ще погоуби (ВВ2); σὺ δὲ εἶπας τὰ ὑπάρχοντα αὐτοῦ ἀπολέσαι διὰ κενοῖς (P, PI, A); *вм.* ἀπολέσαι διὰ κενοῖς — διὰ κενῆς ἀπολέσαι (V).

Acc. cum. inf. в греческом тексте соответствует императиву с личным местоимением в Зах., Q. п. 1. 14, Вит. и инфинитиву в Григ. и Q. п. 1. 51.

II_{9c} въ гною и въ чрьвьхъ (ЗЕДВВ2); въ гноі чръвеи (Г); въ гноіщи и въ чрьвьхъ (П); *оп.* (Н1Н2); ἐν σαπρίᾳ σκωλήκων.

XXXVIII_{10} ωбложъ затворы и враты (ЗС); обложь и затворь враты (Д); ωбложъ е затворъ е враты (Г); ωбложъ затворы врата (Е); обложь затворихъ враты (П); и положихъ покровь и врата (Н2); περιθεὶς κλεῖθρα καὶ πύλαις (PI); *вм.* πύλαις — πύλας (P, A, V, S).

XLII_4 ты же мꙗ наоучи (ЗГЕС); ми ωтвѣщаи (Д); σὺ δέ με δίδαξον.

XLII_5 очи мои видита тꙗ (З); ωко мое видѣ тꙗ (ГУ); око мое видить тꙗ (ЕПН2); окомь видехь те (Д); око моѥ не видѣ тꙗ (С); ὁ ὀφθαλμός μου ἑώρακέ σε.

XLII_{16} и виде Иωвъ с҃ны своꙗ и с҃ны с҃нвъ своихъ четвьртыи родъ (ДС); и видѣвъ с҃ны с҃новъ своихъ ·д҃· тои родъ (Г); и видѣ Иωвъ с҃ны своꙗ и с҃ны с҃нвъ своих до четвертаго рода (Е); и видѣ чеда своѣ и чеда чедъ своих' даже до четвр'таго народа (Н2); рода (Н1); καὶ εἶδεν 'Ιὼβ τοὺς υἱοὺς αὐτοῦ καὶ τοὺς υἱους τῶν υἱῶν αὐτου τετάρτην γενεάν.

3. Разночтения в транслитерации имен собственных.

I_1 Асоутидѣстеи (З); Авсидъстꙗ (Г); Авситидьстѣи (Е); Авсид'сцѣ (ВВ2Н1Н2); Αὐσίτιδι.

XLII_{14} Касиꙗ (ГЕС); Кассиѣ (Н1Н2); Κασσίαν.

$XLII_{17в}$ сурьскыихъ (Д); асурииских (Е); асоуръскыхъ (Г); συριακῆς.

$XLII_{17в}$ Иωвавъ (ГЕУ); Иωваль (Д); Иоавъ (С); 'Ιωβάβ (P); 'Ιωβάλ (PI, A, V, S).

XLII_{17c} Енонъ (ГЕС); Иеωнь (Д); 'Ενών.

XLII$_{17c}$ Восоры (ГД); *оп.* (Е); Βοσσόρας (PI); Βοσόρας (P); Βοσόῤῥας (A, V, S).

XLII$_{17c}$ Аврам (ГС); Авраам (УЕД); Ἀβραάμ.

Чтобы прийти к каким-либо определенным выводам, мы сосчитали для каждой рукописи число совпадений с другими рукописями (для чтений на все пять дней), число единичных чтений, а также число совпадений с греческими рукописями, как с отдельными, так и с группами их. Результаты наблюдений приводим в таблицах 1—6, где будем для краткости обозначать чтения римскими цифрами: на Великий понедельник — I, вторник — II, среду — III, четверг — IV, пятницу — V.

Таблица 1

Григоровичев паримийник (чт. I—V)

Славянские рукописи	Чт. I	Чт. II	Чт. III	Чт. IV	Чт. V	Совпадения только с одной данной рукописью
Зах.	5	4	11	20	—	7
Q. п. 1.14	12	6	7	16	5	2
Q. п. 1.51	—	—	9	10	4	3
Соф. 53	—	—	—	17	7	1
Вит., Верб. II	14	5	11	—	—	3
Нов. I, II	8	1	4	1	0	2
УС	12	7	13	17	5	6
Единичные чтения	16	13	11	18	13	—

Совпадения с каждой греческой рукописью в отдельности		Совпадения с группами рукописей		Единичные совпадения с какой-либо рукописью	
A	12	Греч. 217, 218, A	5	A	0
V	44	Греч. 217, 218	9	V	31
S	9	A, V, S	6	S	2
Греч. 217	13	A, V	10	Греч. 217	0
Греч. 218	10			Греч. 218	0

При сравнении кириллических текстов с глаголическими выявился целый ряд чтений, в которых какая-либо кириллическая рукопись совпадает с глаголическими, отличаясь при этом от остальных кириллических (26 случаев). Количество совпадений для каждой рукописи мы сосчитали и приводим в табл. 7.

В составе Геннадиевской библии 1499 г. на Руси впервые появился полный четий текст Книги Иова. Нами было проведено предварительное сравнение паримийного текста с соответствую-

Таблица 2

Захарьинский паримийник (чт. I—IV)

Славянские рукописи	Чт. I	Чт. II	Чт. III	Чт. IV	Совпадения только с одной данной рукописью
Григ.	5	4	11	20	7
Q. п. 1.14	10	6	8	18	2
Нов. I, II	5	3	4	2	1
Вит., Верб. II	14	6	11	—	5
Q. п. 1.51	—	—	5	13	3
Соф. 53	—	—	—	22	4
УС	6	6	11	18	3
Единичные чтения	18	12	13	12	

Совпадения с каждой греческой рукописью в отдельности		Совпадения с группами рукописей		Единичные совпадения с какой-либо рукописью	
A	24	Греч. 217, 218, A	11	A	1
V	25	Греч. 217, 218	13	V	17
S	12	A, V, S	6	S	5
Греч. 217	15	A, V	8		
Греч. 218	18				

Таблица 3

Q. п. 1.14 (чт. I—V)

Славянские рукописи	Чт. I	Чт. II	Чт. III	Чт. IV	Чт. V	Совпадения только с одной данной рукописью
Зах.	10	6	8	18	—	2
Григ.	12	6	7	16	5	2
Q. п. 1.51	—	—	11	11	6	3
Соф. 53	—	—	—	20	5	2
Вит., Верб. II	15	4	7	—	—	2
Нов. I, II	7	1	2	2	1	2
УС	17	9	16	14	5	6
Единичные чтения	10	12	14	21	11	

Совпадения с каждой греческой рукописью в отдельности		Совпадения с группами рукописей		Единичные совпадения с какой-либо рукописью	
A	31	Греч. 217, 218, A	19	A	2
V	18	Греч. 217, 218	24	V	8
S	10	A, V, S	6	S	3
Греч. 217	27	A, V	8	Греч. 217	0
Греч. 218	29			Греч. 218	1

Таблица 4

Q. п. 1.51 (чт. III—V)

Славянские рукописи	Чт. III	Чт. IV	Чт. V	Совпадения только с одной данной рукописью
Зах.	5	13	—	3
Григ.	9	10	4	3
Q. п. 1.14	11	11	6	3
Соф. 53	—	16	7	2
Вит., Верб. II	10	—	—	1
Нов. I, II	1	0	2	1
УС	14	12	19	7
Единичные чтения	11	25	8	—

Совпадения с каждой греческой рукописью в отдельности		Совпадения с группами рукописей		Единичные совпадения с какой-либо рукописью	
A	12	Греч. 217, 218, A	8	A	0
V	14	Греч. 217, 218	15	V	10
S	3	A, V, S	2	S	0
Греч. 217	16	A, V	4	Греч. 217	0
Греч. 218	19			Греч. 218	1

Таблица 5

Соф. 53 (чт. IV—V)

Славянские рукописи	Чт. IV	Чт. V	Совпадения только с одной данной рукописью
Зах.	22	—	4
Григ.	17	7	1
Q. п. 1.14	20	5	2
Q. п. 1.51	16	7	2
Нов. I, II	1	0	0
УС	18	9	3
Единичные чтения	15	7	—

Совпадения с каждой греческой рукописью в отдельности		Совпадения с группами рукописей		Единичные совпадения с какой-либо рукописью	
A	11	Греч. 217, 218, A	8	A	1
V	4	Греч. 217, 218	9	V	2
S	1	A, V, S	1	S	0
Греч. 217	9	A, V	2	Греч. 217	0
Греч. 218	11			Греч. 218	0

Таблица 6

Пог. 57 (чт. III, конец, — чт. IV)

Славянские рукописи	Чт. III	Чт. IV
Зах.	0	6
Григ.	2	7
Q. п. 1.14	5	12
Q. п. 1.51	6	10
Соф. 53	—	14
Вит., Верб. II	3	—
Нов. I, II	0	3
УС	7	15
Единичные чтения	2	5

Совпадения с каждой греческой рукописью в отдельности		Совпадения с группами рукописей		Единичные совпадения с какой-либо рукописью	
A	4	Греч. 217, 218, A	3	V	1
V	1	Греч. 217, 218	3	Греч. 217	1
S	0	A, V, S	0		
Греч. 217	4	Λ, V	0		
Греч. 218	4				

Таблица 7

Совпадения кириллических рукописей с глаголическими

Кирилличе-ские	Глаголические				Все глаголические рукописи
	Вит., Верб. II	Нов. I, II	Вит.	Нов. II	
Зах.	9	4	1	0	3
Григ.	5	3	1	0	1
Q. п. 1.14	2	2	0	1	0
Q. п. 1.51	2	1	1	0	0

щими главами и стихами этого далеко еще не полностью исследованного памятника. Сравнение показало, что паримийная редакция вошла в текст Геннадиевской библии. Четко определить, к какой редакции — восточно- или южнославянской — тяготеет текст Книги Иова в Геннадиевской библии, пока невозможно. Однако можно отметить чтения, отличающие Геннадиевскую библию от всех паримийников, а также совпадения с отдельными группами их.[27] Приведем примеры:

[27] К аналогичному мнению о паримийной редакции Книги Иова в Супрасльском сборнике пришли его исследователи (см.: Алексеев А. А., Лихачева О. П. Супрасльский сборник 1507 г. — В кн.: Материалы и сообщения по фондам отдела рукописной и редкой книги. Л., 1978, с. 68).

а) Лексические отличия Геннадиевской библии от паримийников.[28]

I_1 М8жь бѣ в земли Х8съ (Ген. б.); Чл҃вкъ етеръ (единъ) бѣ въ странѣ Авьситиистѣ (Асоутидѣстѣ, Авсидъстꙑ, Авситидъстѣи); Ἄνθρωπός τις ἦν ἐν χώρᾳ τῇ Αὐσίτιτιδι.

I_{13} ꙗдѧх8 и піах8 вино в дом8 брата своего старѣишаго (Ген. б.); въ храминѣ; ἐν τῇ οἰκίᾳ.

II_8 и взѧ Іѡвъ бръсель (Ген. б.); чрѣпъ; καὶ ἔλαβεν Ἰὼβ ὄστρακον.

XXXVIII_2, XLII_3 мене (тебе) мнитсѧ таити (Ген. б.); непьщюеть; ἐμὲ οἴεται κρύπτειν.

б) Совпадение чтений Геннадиевской библии с паримийниками.

I_1 истиненъ, непороченъ, праведенъ бг҃очьстивъ — порядок слов в Ген. б. совпадает с ГУЕВВ2; ἀληθινός, ἄμεμπτος, δίκαιος, θεοσεβής (V); ἄμεμπτος, δίκαιος, ἀληθινός, θεοσεβής (A, S, P, PI).

I_{19} вѣтръ... косн8сѧ в четыри 8глы хлѣвины и паде хлѣвина — совпадает с Г, в других паримийниках — храмина; πνεῦμα... ἥψατο τῶν τεσσάρων γονιῶν τῆς οἰκίας · καὶ ἔπεσεν ἡ οἰκία.

II_3 ꙗко нѣс такова ѡт с8щих по земли чл҃ка подобна ему — совпадает с ВВ2, остальные рукописи «подобна ему» опускают; ὅτι οὐκ ἔστι κατ' αὐτὸν τῶν ἐπὶ τῆς γῆς ἄνθρωπος (ἄνθρωπος ἐπὶ τῆς γῆς (P); ὅμοιος αὐτῷ (оп. ὅμοιος αὐτῷ — V).

XLII_5 н҃нѣ и око мое видѣ тѧ — совпадает с ГУЕСПН2; νυνὶ δὲ ὁ ὀφθαλμός μου ἑώρακέ σε.

Выводы

1. Все рассматриваемые в данной работе тексты относятся к I редакции (по определению Библейской комиссии), т. е. неполной, содержащей перевод Кирилла.

2. Особенности рассмотренных нами славянских списков позволяют разделить их на две группы: 1) Григ., УС, Q. п. 1.14, Q. п. 1.51, Пог. 57 и 2) Зах., Соф. 53. Поскольку наиболее характерным списком первой группы является южнославянская рукопись — Григоровичев паримийник, а вторую группу составляют написанный на псковской земле Захарьинский паримийник и близкая к нему по языку и структуре чтений-синтагм рукопись из библиотеки Софийского собора в Новгороде — Соф. 53, то эти группы можно отнести к южнославянскому и восточнославянскому изводам первой редакции.

[28] Чтобы дать некоторое представление о тексте Геннадиевской библии, отметим, что из 28 разночтений, приходящихся на I чтение, 13 относятся к группе «а».

3. Захарьинский паримийник, достоинства которого уже были отмечены его исследователями, нам представляется особо интересным вследствие того, что дает много случаев совпадений с глаголическими рукописями в тех чтениях, в которых расходится с остальными кириллическими рукописями, а также он больше всех других паримийников имеет соответствий с Синайским кодексом Септуагинты.

4. Число совпадений чтений рукописей южнославянского извода с глаголическими бревиариями свидетельствует, по нашему мнению, о глаголическом происхождении их протографа.

Авторы выражают глубокую благодарность А. А. Алексееву за внимание и помощь нашей работе, а также Е. Б. Новикову за помощь в подготовке к изданию греческого текста.

Паримийное чтение кн. Иова по Зах. паримийнику и греч. 218

Чт. I

(*175б*) Чл҃вкъ ете / ръ[1] бѣ въ стра/нѣ асоути / дѣстѣи[2] [3]ѥ/моу же и/мѧ[4] Иѡвъ и / бѣ чл҃вкъ то[5] / [6]не порочънъ пра/вьдьнъ исти (*175в*)/ньнъ б҃ъ чьть / ць[7] ѡгрѣбаꙗ / и сѧ ѿ всѧко / ꙗ зълы вещи / быс же ѥмоу / [8] седмь сн҃въ / и·г҃· дъщери[9] / и бѧхоу[10] ско / ти ѥго ѡвь/ць седме ты/сѧщъ ве- леб / лоудъ[11] ·г҃· ты/сѧща соупро/гъ въловны / хъ[12] пѧть сътъ / [13]ѡслѧтъ пасо/мыхъ[14] пѧть/сътъ и слоу/жба многа / (*175г*) зѣло и дѣла / велиꙗ бѧ- хоу[15] / ѥго[16] [17]по земли[18] / и бѣ чл҃вкъ тъ / [19]добра рода[20] ѿ / въстокъ сл / нчныхъ[21] съ/ходѧще же сѧ / сн҃ве ѥго [22]къ / себѣ[23] творѧхꙋ / пиръ[24] на вса / д҃нь[25] поѥмлю/ще съ собою / и три сестры / своꙗ и[26] ꙗсти / и пити съ ни /

(I, 1) [79 Г] Ἄνθρωπός τις ἦν ἐν χώρᾳ τῇ Αὐσίτίδι[1] ᾧ ὄνομα Ἰώβ· καὶ ἦν ὁ ἄνθρωπος ἐκεῖνος[2] ἄμεμπτος δίκαιος ἀληθινός θεοσεβὴς[3] ἀπεχόμενος ἀπὸ παντὸς πονηροῦ πράγματος (2) ἐγένοντο δὲ αὐτῷ υἱοί ἑπτὰ καὶ θυγατέρες τρεῖς (3) καὶ[4] τὰ κτήνη αὐτοῦ πρὸβατα ἑπτακισχίλια κάμηλοι τρισχίλιοι[5] ζεύγη βοῶν πεντακόσιαι,[6] ὄνοι θηλίαι[7] [80А] νομάδες πεντακόσιαι καὶ ὑπηρεσία πολλῆ σφόδρα καὶ ἔργα μεγάλα ἦν αὐτῷ ἐπί τῆς γῆς καὶ ἦν ὁ ἄνθρωπος ἐκεῖνος εὐγενής τῶν ἀφ᾽ ἡλίου ἀνατολῶν (4) συμπορευόμενοι δὲ οἱ υἱοὶ αὐτοῦ πρὸς

---

[1] единъ Г [2] Авсидъстꙗ (1. Г, Авьсидиистѣ У, Авситидьстѣи Е [3–4] имѧ емоу Е [5] *оп.* Г [6–7] истиньнъ непорочьнъ правьдънъ бо҃чьтьць ГУЕВВ2 [8–9] сн҃овъ ·з҃· и дъщери ·Г· ГУЕВВ2 [10] бѣша ГУЕ [11] велъбѫды Г [12] воловъ УН1Н2 [13–14] ослиць стадьныих УЕВ2 *оп.* ГВ [15] бѣша УВВ2 [16] емоу Г [17–18] на земли ГУЕВВ2 [19–20] добροродьнъ ГУЕВВ2 [21] слнцѧ ГУЕН1ВВ2 [22–23] дроугъ к дроугоу ГУЕН1Н2 [24–25] на всѧкъ д҃нь ГУ [26] *оп.* ГУЕВВ2

[1] Αὐσείτιδι (S) [2–3] ἀληθινός, ἄμεμπτος, δίκαιος, θεοσεβής (V) [4] доб. ἦν (P, A, V, S) [5] τρισχίλιαι (P, V) [6–7] Θηλίαι ὄνοι (V)

ми [27] и ѥгда [28] / съкончава / ахоу сѧ
[29] дьнь / (*176а*) е пирьнии [30] / посылаше
же [31] / Иωвъ и ωчи/щаше ꙗ [32] въста /
ꙗ заоутра [33] / [34] и приноша/ше жрът-
вы / за нѧ [35] по чи/слоу ихь и/ тельць
ωди/нъ о грѣсѣхъ [36] / [37] за дша ихъ [38] /
глше [39] бо [40] Иω/въ еда како [41] / снве
мои [42] въ / срдцихъ сво/ихъ [43] зълѣ по /
мыслиша [44] / ω бзѣ тако / (*176б*) оубо
творѧше / Иωвъ [45] на всѧ / дни [46] и
[47] быс ꙗ / ко и сь днь [48] и [49] /се придо-
ша [50] а/нгли бжи прѣ/дъстати [51]
прѣ / дъ гмь [52] и ди / ꙗволъ приде [53] /
съ ними и реч / гь [54] диꙗволоу / ωткоу-
доу [55] при/де и [56] ωтвѣща / диꙗволъ
гви [57] / реч [58] ωбишъдъ / землю и про /
шъдъ всю по/днебсноу/ю придохъ [59] /
(*176в*) и реч ѥмоу бъ [60] / вънѧтъ ли [61]
по/мышление/мь твоимь [62] / на раба
моѥ/го Иωва ꙗко / нѣс чловка [63] по/
добна [64] ѥмоу [65] / на земли ч/ловкъ
[66] непоро/чьнъ праве/дьнъ исти/ньнъ
бочьть / ць [67] ωгрѣбаꙗ / сѧ ωт всѧкоꙗ /
зълы вещи / ωтвѣщавъ [68] же / диꙗволъ [69]
реч / прѣдъ гмь е / (*176г*) да тоунѥ [70]
Иевъ / чтеть ба [71] не / ты [72] [73] ѥси
ѥмоу [75] / ωградилъ / вънѣшнѧ / ꙗ ѥго [74]

ἀλλήλους [8] ἐποίουν πότον καθ'
ἑκάστην ἡμέραν συμπαραλαμβά-
νοντες ἅμα καὶ τὰς τρεῖς ἀδε-
λφὰς αὐτῶν ἐσθίειν καὶ πίνειν
μεθ' αὐτῶν (5) καὶ ὡς ἂν συ-
νετελέσθησαν αἱ ἡμέραι τοῦ
πότου ἀπέστελλεν Ἰὼβ καὶ
ἐκαθαίριζεν αὐτοὺς ἀνιστάμενος
τὸ πρωΐ [9] προσέφερεν [10] τε θυ-
σίας [12] περὶ αὐτῶν [11] κατὰ τὸν
ἀριθμὸν [13] αὐτῶν καὶ μόσχον
ἕνα περὶ [14] ἁμαρτίας περὶ τῶν
ψυχῶν αὐτῶν· ἔλεγε γὰρ [80Б]
Ἰὼβ Μή ποτε οἱ υἱοί μου ἐν
τῇ καρδίᾳ [15] αὐτῶν κακὰ ἐνε-
νόησαν πρὸς τὸν [16] θεόν. οὕτως [17]
ἐποίει Ἰὼβ [18] πάσας τὰς ἡμέ-
ρας αὐτοῦ (6) καὶ ἐγένετο ὡς
ἡ ἡμέρα αὕτη καὶ [19] ἦλθον οἱ
ἄγγελοι τοῦ θεοῦ παραστῆναι
ἔναντι [20] κυρίου, καὶ ὁ διάβολος
ἦλθε μεθ' αὐτῶν· (7) καὶ εἶ-
πεν ὁ κύριος [21] πρὸς τὸν διά-
βολον· [22] Πόθεν παραγέγονας;
καὶ ἀποκριθεὶς ὁ διάβολος τῷ
κυρίῳ εἶπε· περιελθὼν τὴν γῆν
καὶ ἐμπεριπατήσας τὴν ὑπ'

27–28 ꙗко УЕ, и ꙗко Н1Н2 29–30 днию пира УН1Н2, днию пироу Г 31 *оп.* ГУЕВВ2Н1Н2 32–33 въставь Г, въстаꙗ оутро УЕ 34–35 и приношаше ω нихъ жертвоу Г, ω нихъ приношаше ω них жрътвѫ Г, и приносѧ о них жьрътвоу УВВ2 36 грѣсѣ ГУВВВ2 37–38 дъшь ихъ Е, и ω дшахъ ихъ Г, ω доушахъ ихъ У 39 доб. же ГЕ, гла Е 40 *оп.* Е 41 коли ГУ 42–43 въ помышленьи своюмь ГУЕВВ2 44 помыслѧ Г 45–46 на въсѣкъ днь ГН1Н2, на всѧки дни Е, *оп.* У 47–48 и быс ꙗко сь днь Е, ѣко быс съ днъ Г, и бысть въ юинъ днь У 49 *оп.* ГН1Н2 50 придоу УЕВВ2Н1Н2 51 прѣдъстоꙗти УЕВВ2 52 бмь УЕ 53 *оп.* У 54 *доб.* къ ГУ 55 *доб.* ты У 56 *оп.* Г 57 *доб.* и ГУ 58–59 прошедъ земѧ и похождъ небеснꙑѧ придъ Г, прошед подънбсноую придъ Е, прошьдъ. . . похожь. . . У 60 гь ГУЕВВ2Н1Н2 61–62 мыслию твоюю УЕ 63 *оп.* ГН1Н2 64 приꙗмы Г 65 *доб.* ωт соущихъ ГУЕН2 66–67 непорочьнъ истиньнъ правьдьнъ бочьтьць ГУВВ2, непорочьнъ и бочьтьць Е 68 ωтвѣща УЕВВ2 69 *доб.* и ГЕВВ2Н1Н2 70–71 чьтеть Иωвъ га ГУЕВВ2 72 *доб.* ли ГУЕВВ2Н1Н2 73–74 ωградилъ его еси вънѣшнꙗꙗ Е 75 *оп.* ГУЕВВ2Н1Н2

8 ἑαυτούς (S). 9 *доб.* καί (V) 10–11 περὶ αὐτῶν θυσίας (V) 12 θυσίαν (S) 13 καθάρισμον (S) 14 ὑπέρ (P); 15 διανοίᾳ (P, V) 16 *оп.* (V) 17 *доб.* οὖν (V) 18 *оп.* (A) 19 *доб.* ἰδοῦ (V) 20 ἐνώπιον (P, A, V, S) 21–22 τῷ διαβόλω (A, V, S)

и въ/ноутрьнаꙗ / домоу ѥго / и вьсѧ соуша/ꙗ ѥго[76] ѡкрстъ / дѣла роукоу / ѥго блгосло / вествилъ ѥ/си и скоты / ѥго многы / сътворилъ / ѥси по[77] земли / нъ посли роу/коу твою[78] / (*177а*) и косни сѧ[79] / всѣхъ[80] ꙗже и / мат аще[81] не въ/лице твоѥ[82] / блгословест / витѣ тебе / тъгда[83] реч гь / диꙗволоу / се вьсѧ[84] елико соу / ть[85] ѥго[86] [87]въ роу/коу твою въ / даю[88] нъ самъ / мь[89] не кости / сѧ и изиде / дыꙗволъ ѡт /[90] лица гнѧ[91]

οὐρανὸν πάρειμι (8) καὶ εἶπεν αὐτῷ ὁ κύριος[23] προσέσχες τῇ διάνοίᾳ σου κατὰ τοῦ θεράποντός[24] μου Ἰώβ, ὅτι οὐκ ἔστιν[25] ἄνθρωπος[27] ὅμοιος αὐτῷ[26] τῶν ἐπὶ τῆς[28] γῆς, ἄνθρωπος ἄ[80В]μεμπτος, δίκαιος[29] ἀληθινός, θεοσεβής, ἀπεχόμενος ἀπὸ παντὸς πονηροῦ πράγματος (9) ἀπεκρίθη δὲ ὁ διάβολος καὶ εἶπεν ἐναντίον[30] κυρίου· Μὴ δωρεὰν Ἰὼβ σέβεται τὸν θεόν;[31] (10) οὐ σὺ περιέφραξας[32] αὐτοῦ τὰ ἔσωθεν[33] [34]καὶ ἔξωθεν[35] τῆς οἰκίας αὐτοῦ καὶ τὰ ἔξωθεν πάντων τῶν ὄντων[36] αὐτῷ κυκλῶθεν[37] τὰ δὲ ἔργα τῶν χειρῶν αὐτοῦ εὐλόγησας καὶ τὰ κτήνη αὐτοῦ πολλὰ ἐποίησας ἐπὶ τῆς γῆς; (11) ἀλλὰ ἀπόστειλον τὴν χεῖρά σου, καὶ ἅψαι πάντων ὧν ἔχει· ἦ μὴν εἰς πρόσωπόν σε[38] εὐλογήσει. (12) καὶ[39] εἶπεν ὁ κύριος τῷ διαβόλῳ· Ἰδοὺ πάντα ὅσα[40] ἦν ἐν[41] αὐ[80Г]τῷ[42] δίδωμι[43] ἐν τῇ χειρί σου[44] ἀλλὰ[45] αὐτοῦ μὴ ἅψῃ[46] ἐξέλθῃ δὲ ὁ διάβολος[47] ἀπὸ προσώπου κυρίου.[48]

Чт. II

(*179в*) Быс ꙗко и[1] / сь днь сно / мъ[2] иѡвъмъ[3] / [4]и дъщерь / мъ ѥго[5] / ꙗдоущемъ[6] / и пиющи / мъ[7] вино въ / хра-

[82А] (13) Ἐγένετο[1] ὡς ἡ[2] ἡμέρα αὕτη. Καὶ[3] οἱ υἱοὶ Ἰὼβ καὶ αἱ θυγατέρες αὐτοῦ[4] [5]ἦσ-

---

[76] *оп* Г. [77] на ГУЕВВ2Н1Н2 [78] свою ГУЕН1Н2 [79] *оп.* ГУЕВВ2Н1Н2 [80] вьсѧ ГУЕН1 Н2 [81] *доб.* и У [82] *оп.* Г [83] и УЕ [84] все УЕВ2 [85] есть ЕВВ2, *оп.* V [86] *доб.* ѥсть У [87–88] даю въ роукꙋ твою УЕВВ2 [89] самого Г [90–91] гда ГВВ2, лица божиꙗ У [1] *оп.* ГУВВ2 [2] снове ГН1Н2, и снове УЕВВ2 [3] иѡвови ГУЕВВ2 [4–5] и дъщери ѥго ГУЕН1 [6] ꙗдѧхоу ГУЕВВ2Н1Н2 [7] пиꙗхоу ГУЕВВ2Н1Н2

[23] θεός (A) [24] παιδός (V) [25–26] κατ'αὐτόν (V) [27] *оп.* (P) [28] *оп.* (S) [29] *оп.* (V) [30] *доб.* τοῦ (V) [31] κύριον (V) [32–33] τὰ ἔξω αὐτοῦ (V); αὐτοῦ τὰ ἔξω (A) [34–35] *оп.* (P) καὶ τὰ ἔσω (A, V, S) [36–37] αὐτοῦ κύκλου (V, S) [38] σου (S) [39] τότε (V) [40–41] ἐστίν (P, A, V, S) [42] αὐτοῦ (S) [43] *оп.* (P) [44] *доб.* δέδωκα (P, A) [45] ἀλλ' (S) [46] *доб.* καί (P, A, V, S) [47–48] παρὰ τοῦ κυρίου (V) Чт. II [1] ἦν (V) και ἦν (S); [2] *оп.* (S) [3] *оп.* (V) [4] *оп.* (S)

минѣ бра/та ихъ ста/рѣишаго / (*179г*) и се вѣстьни/къ приде къ / Иωвоу и реч ѥ/моу соупроу / зи воловни / и ωрахоу и ω/слѧта [8] [9] пасѧ / хоусѧ близъ / ихъ [10] и [11] пришъ / дше пленѧю / ще [12] и [13] плени/ша [14] ꙗ [15] и рабы [16] / избиша ωрꙋ / жиѥмь спсъ / же сѧ [17] азъ ωди/ныи [18] придо/хъ [19] възвѣсти/ть [20] тебѣ и е/ще же [21] семоу / глющю при / (*180а*) де дроугыи / вѣстьникъ/и [22] [23] реч ко Иωвоу [24] / ωгнь съпаде [25] / съ нбсе на зе/млю и пожъ/же [26] ωвьцѧ и / пастоухы [27] по/ꙗсть [28] тако / же и [29] спсъ [30] сѧ [31] / азъ [32] ωдинъ [33] / придохъ [34] въ/звѣстить [35] / тебѣ [36] ωще же [37] / семоу глщю / приде дроу/гыи вѣсть/никъ и реч къ [38] Иωвоу сноу / (*180б*) зници сътво/риша [39] на ны [40] / ·г· плъкы и / ωбидоша [41] ве/льблоуды / и плѣниша ѧ / и рабы изби/ша ωроужие/мь [42] спсъ же сѧ [43] / азъ ωдинъ / придохъ [44] въ/звѣстить [45] те/бѣ [46] [47] ωще же [48] се / моу глщю [49] и / нъ вѣстьни/къ приде [50] глѧ [51] / Иωвоу сномъ / твоимъ [52] и дъ/щерьмъ тво/ (*180в*) имъ [53] [54] ꙗдоуще/мь и пиющи/мъ оу брата / ихъ [57] старѣи/шаго [55] [56] вънеза/поу дхъ вели / и наиде [58] ωт поу/стынѧ и ко / сноу сѧ четы/рьхъ

θιον καὶ [6] ἔπινον οἶνον [7] ἐν τῇ οἰκίᾳ τοῦ ἀδελφοῦ αὐτῶν τοῦ πρεσβυτέρου. (14) Καὶ ἰδοὺ ἄγγελος ἦλθε πρὸς Ἰὼβ καὶ εἶπε αὐτῷ. Τὰ ζεύγη τῶν βοῶν ἠροτρία καὶ αἱ θήλυαι ὄνοι ἐβόσκοντο ἐχόμεναι αὐτῶν (15) καὶ ἐλθόντες οἱ αἰχμαλωτεύσαντες ᾐχμαλώτευσαν αὐτὰς καὶ τοὺς παῖδας [8] ἐπάταξαν ἐν στόματι μαχαίρας [9] καὶ ἐσώθην [10] ἐγὼ μόνος καὶ [11] ἦλθον τοῦ ἀπαγγεῖλαί [12] [82Б] σοι (16) ἔτι αὐτοῦ [13] λαλοῦντος ἦλθεν ἕτερος ἄγγελος [14] πρὸς Ἰώβ. καὶ εἶπεν αὐτῷ [15] πῦρ ἔπεσεν ἀπὸ [16] τοῦ οὐρανοῦ [17] ἐπὶ τὴν γῆν [18] καὶ κατέφαγε [19] τὰ πρόβατα καὶ τοὺς ποιμαίνας κατέκαυσεν [20] ὁμοίως [21] καὶ ἐσώθην [22] ἐγὼ μόνος καὶ [23] ἦλθον τοῦ ἀπαγγεῖλαί σοι· (17) ἔτι τούτου λαλοῦντος [24] ἕτερος ἄγγελος ἔρχεται [25] [26] πρὸς Ἰὼβ [27] καὶ [28] λέγει αὐτῷ [29] οἱ ἱππεῖς ἐποίησαν ἡμῖν ἀρχάς [30] τρεῖς καὶ ἐκύκλωσαν τὰς καμήλους καὶ ᾐχμαλώτευσαν αὐτάς· καὶ τοὺς παῖδας ἀπέκτειναν [31] [32] μαχαί-

---

[8] осьлицѧ ГУЕВ2Н1Н2 [9–10] пасѧхоу сѧ и ѣдѧхоу УЕ, пасѧхоу сѧ ѧдѣ ихъ Г [11] *оп.* Г [12] плѣници Г ратнии Е [13] *оп.* ГЕВ2Н1Н2 [14] плѣнихѫ Г [15] ихъ Г, е Е [16] рабъ Г [17–18] ѥдинъ У [19] придъ ГВВ2 [20] възвѣститьУЕ, възвѣсти Г [21] *оп.* ГЕВВ2 [22] *оп.* ГУ [23–24] къ Иωвоу и реч ѥмоу УЕ [25] паде ГУЕ [26] Ісжеже ГВВ2, поꙗсть У [27] пастырѧ ГУЕВВ2 [28] ижьже УЕ [29] *оп.* Г, но токмо Е [30] *доб.* же Г, *оп.* Е [31] *оп.* У [32] единъ Е [33] азъ избыхъ и Е [34] придъ ГВВ2 [35] възвѣстить УЕ [36–37] и еще Г, и еще же и Е, *оп.* же У [38] *оп.* ГУЕ [39–40] *оп.* УВВ2Н1Н2 [41] ωбидѫ ГВВ2 [42–43] и избыхъ Е [44] придъ ГВВ2Н1Н2, и придохъ Е [45] възвѣститъ УЕ [46] *оп.* ГЕ [47–48] и еще ГУЕ [49–50] приде дроугыи вѣстънікъ Г [51] *доб.* къ Г [52–53] дъщерьмъ ЕВ2, *оп.* ГУ [54–55] оу брата ихъ старѣишаго ѣдоущемъ и пиющемъ У [56] *доб.* и Е [57] *оп.* Г [58] нападе на нѧ Е, сниде Г

[5–6] *оп.* (V) [7] *оп.* (P) [8–9] ἀπέκτειναν ἐν μαχαίραις (V) [10] σωθείς (V) [11] *оп.* (V) [12] ἀναγγεῖλαι (P) [13] τούτου (A, V, S) [14–15] καὶ εἶπε πρὸς Ἰώβ (V) [16] ἐκ (P, A, V, S) [17–18] *оп.* (V) [19] κατέκαυσε (V) [20] κατέφαγεν (V) κατέφλεξεν (S) [21–22] καὶ σωθεὶς (S); σωθεὶς δε (V) [23] *оп.* (V) [24–25] ἦλθεν ἕτερος ἄγγελος (V) [26–27] *оп.* (S, V) [28–29] εἶπεν πρὸς Ἰὼβ (V) [30] κεφαλάς (V) [31] ἀπώλεσαν (S) [32] *доб.* ἐν (A)

оуглѣ / хъ храмины[59] / и паде сѧ хра / мина[60] на дѣ / ти твоꙗ и ꙋ / мроша спсъ / же сѧ азъ ѡди / нъ[62] и[63] придо/хъ[64] възвѣсти / ть[65] тебѣ тъ / (*180г*) гда[66] оуслыша / въ Иѡвъ[67] въ / ставъ расть / рзавъ[68] ризы / своꙗ и[69] ѡстри / же власы гла/вы своѥꙗ[70] и / посыпа пьрь/стию главоу / свою и падъ / на земли / поклони сѧ / гви иреч самъ[71] / азъ[72] влдко[73] [74]нагъ изидохъ[75] / ищрѣва[76] мтре / моѥꙗ и[77] на / гъ идоу тамо / гъ дасть гъ / (*181а*) ѡтатъ ꙗко / гви годѣ быс / тако же[78] быс / боуди имѧ / гне блгсно въ / вѣкы ѡ си / всѣхъ прик/лючъшихъ / сѧ ѥмоу[79] ни/чсо же не съ / грѣши Иѡ / въ[80] прѣдъ гмь / [81] ни въ оусть / нахъ своихъ[82] / не[83] дасть без / умиꙗ[84] бви[85] /

ραις· καὶ[33] ἐσώθην ἐγὼ μόνος καὶ ἦλθον τοῦ ἀπαγγεῖλαί σοι· (18) ἔτι τούτου λαλοῦντος[34] ἄλλος ἄγγελος ἔρχεται[35] [82B][36] πρὸς Ἰὼβ λέγων[37] τῶν υἱῶν σου καὶ τῶν θυγατέρων σοῦ ἐσθιόντων καὶ πινόντων[38] παρὰ τῷ υἱῷ σου[39] τῷ ἀδελφῷ αὐτῶν τῷ πρεσβυτέρῳ· (19) ἐξαίφνης πνεῦμα μέγα[40] ἦλθεν [42]ἀπὸ τῆς ἐρήμου[41] καὶ ἥψατο τῶν τεσσάρων γονιῶν τῆς οἰκίας· καὶ ἔπεσεν ἡ οἰκία ἐπὶ τὰ παιδία σου καὶ ἐτελεύτεσαν· καὶ[43] ἐσώθην[44] ἐγὼ μόνος καὶ ἦλθον τοῦ ἀπαγγεῖλαί σοι (20) [45]οὗτος ἀκούσας Ἰὼβ ἀναστὰς διέρρηξε[46] τὰ ἱμάτια αὐτοῦ[47] καὶ ἐκήρατο τὴν κόμην τῆς κεφαλῆς αὐτοῦ[48] καὶ[49] κατεπάσατο γῆν ἐπὶ τὴν κεφαλὴν αὐτοῦ[50] καὶ πεσὼν χαμαὶ προσεκύνησε[51] τῷ κυρίῳ[52] (21) καὶ εἶπεν· αὐτὸς γυμνὸς [82Г] ἐξῆλθον ἐκ κοιλίας μητρός μου, γυμνὸς καὶ ἀπελεύσομαι ἐκεῖ[53] ὁ κύριος ἔδωκεν ὁ κύριος ἀφείλατο· ὡς τῷ κυρίῳ ἔδοξε οὕτως καὶ[54] ἐγένετο· εἴη το ὄνομα κυρίου εὐλογημένον[55] (22) εἰς τοὺς αἰῶνας[56] ἐν τούτοις πᾶσι τοῖς συμβεβηκόσιν αὐτῷ[57] ἥμαρτεν Ἰὼβ[58] ἐναντίον[59] κυρίου· [60]οὐδὲ ἐν τοῖς χίλεσιν αὐτοῦ[61] καὶ οὐκ ἔδωκεν ἀφροσύνην τῷ θεῷ.

[59] хлѣвины Г [60] хлѣвина Г [61–62] *оп.* Е [63] *оп.* ГУ [64] придъ ГВВ2Н1Н2 [65] възвѣститъ УЕ [66] та ГВ, и тако Е, тако У [67] *доб.* и Е [68] растръга ГВ, растерза ЕВВ2, раздьра У [69–70] постриже власы своꙗ Е, *оп.* У [71] *оп.* УН1Н2 [72] *оп.* ГУВВ2Н1Н2 [73] *оп.* ГУЕВВ2Н1Н2 [74–75] нагъ изидъ ГВВ2, изидохъ нагъ Е, нагъ азъ изидохъ У [76] ѡт чрѣва ГУЕВВ2Н1Н2 [77] *оп.* УВВ2Н1Н2 [78] и УЕ, *оп.* ГВВ2 [79–80] ничсо же съгрѣши Иѡвъ ГУ, ничто же Иовъ съгрѣши Е [81–82] оустнама своима Е, *оп.* ГВВ2 [83] и ни Е, и не ГВ [84] безумие ГВВ2 [85] гви УЕ

[33] *оп.* (V) [34–35] ἔρχεται ἕτερος ἄγγελος (S) [36–37] λέγων τῷ Ἰὼβ (V) [38–39] *оп.* (V) [40–41] ἐπῆλθεν ἐκ τῆς ἐρήμου (V) [42] *оп.* (S) [43] *оп.* (V) [44] *доб.* δέ (V) [45–46] οὗτος ἀναστὰς Ἰὼβ ἔρρηξε (V) [47] ἑαυτοῦ (V) [48] *оп.* (V) [49–50] *оп.* (V) [51–52] *оп.* (V) [53] *оп.* (S) [54] *оп.* (V) [55–56] *оп.* (V) [57] οὐδὲ (V) [58] *оп.* Ἰὼβ (A) [59] ἔναντι (S) [60–61] *оп.* (V)

Чт. III

(*185а*) Быс же ıa / ко и[1] сь днь / и[2] придо / ша[3] англи / (*185б*) бжии прѣдъ / стати[4] прѣдъ / гмь[5] и диıа / волъ приде / посредѣ ихъ / [6]предъстати / прѣдъ гмь[7] и / реч гь[8] диıаво / лоу ѡт- коудоу / ты градеши[9] / тъгда[10] реч ди / ıаволъ [11]прѣдъ / гмь[12] прошьдъ / подъ нбсьнꙋ / ю и[13] прохожъ[14] / всѧчскоую[15] / придохъ[16] реч / же гь диıаво / лоу вънѧт ли / (*185в*) оубо[17] [18]рабоу мо / ıемоу Иѡвоу[19] ıако нѣсть[20] / [21]прѣмы емоу[22] ѡт соущихъ / на земли[23] чл / вкъ[24] незло / бивъ[25] исти / ньнъ непо / рочьнъ бочъ / тыць ѡгрѣба / ıа сѧ ѡт [26]всѧко / го зла[27] [28]ıеще[29] / дьржит сѧ / незлобы[30] ты / же[31] реч [32]погоу / би ты[33] [34]все и / мениıе[35] ıего / тъще- тою[36] (*185г*) ѡтвѣщав же[37] диıаволъ гви[38] / реч[39] кожоу за / кожю[40] и все[41] / ıелико[42] ıесть / члвкоу[43 44] за[45] / дшоу свою[46] да / сть[47] не до се / го же нъ[48] по / славъ[49] роу сво / ю[50] косни сѧ / въ[51] кости[52] ıе / го и[53] плъти[54] / ıего аще не / въ лице тѧ[55] / блгсвестви / ть[56] реч же[57] гь / диıаволоу / се[58] прѣдаю /

(II, 1) [84Γ] Ἐγένετο[1] ὡς ἡ ἡμέρα αὕτη· καὶ ἦλθον οἱ ἄγγελοι τοῦ θεοῦ παραστῆναι[2] ἔναντι[3] κυρίου. καὶ ὁ διάβολος[4] ἐν μέσῳ αὐτῶν.[5] (2) καὶ εἶπεν ὁ κύριος τῷ διαβόλῳ. πόθεν σὺ ἔρχῃ [6]εἶπε δὲ ὁ διάβολος ἔναντι[7] κυρίου· διαπορευθεὶς[8] ὑπ' οὐρανὸν καὶ ἐμπεριπατήσας τὴν γῆν[9] πάρειμι (3) καὶ[10] εἶπεν ὁ κύριος[11] τῷ διαβόλῳ.[12] προσέσχες τῷ θεράποντί μου Ἰώβ, ὅτι οὐκ ἔστι κατ' αὐτὸν [13]τῶν ἐπὶ τῆς γῆς. ἄνθρωπος[14] [15]ὅμοιος αὐτῷ[16] [17]ἄμεμπτος δίκαιος ἀλητινὸς θεοσεβὴς[18] ἀπεχόμενος ἀπὸ πάντος[19] πονηροῦ πράγματος[20] ἔτι δὲ ἔχεται ἀκακίας· σὺ δὲ εἶπας τὰ ὑπάρχοντα αὐτοῦ[21] ἀπολέ [85A] σαι διὰ κενοῖς[22] (4) ὑπολαβὼν δὲ ὁ διάβολος [23]τῷ κυρίῳ λέγει·[24] δέρμα ὑπὲρ δέρματος[25] καὶ πάντα[26] ὅσα ὑπάρχει τῷ ἀνθρώπῳ δώσει[27] ὑπὲρ τῆς

[1] *оп.* ГД [2] *оп.* Е [3] приидоу У [4] прѣдъстоıати ГДВВ2 [5]бмь Е [6–7] *оп.* УЕДВВ2 [8] *доб.* къ Е [9] приде Д [10] и Е [11–12] къ гсꙋ Е [13] *оп.* Д [14] похожь УЕ, *оп.* Д [15] землю УЕ, *оп.* Д [16] придь *Д* [17] *оп.* ГУ [18–19] на раба моıего Иѡва УЕ [20] *доб.* такого УВВ2 [21–22] *оп.* УЕ [23] *доб.* члвка подобьна ıемоу УЕД [24] *оп.* ЕД, подобна емоу ВВ2 [25] *доб.* бо ıесть и УД [26–27] всѧкоıа зълы вещи УЕ [28] *доб.* и ГЕН1Н2 [29] *доб.* же ГУВВ2 [30] незлобно Д [31] *оп.* Д [32–33] погоубити УД [34–35] всѧ именьѧ Е [36] *оп.* Г [37] *доб.* реч Е [38] *доб.* и Г, *оп.* У [39] *оп.* Е, *доб.* гви У [40–41] *оп.* Г, и вьсѧ УЕДН1Н2 [42–48] имать члвкъ УЕДВВ2Н1Н2 [44] *доб.* дасть УЕН1Н2, *доб.* дасть ти Д [45] *доб.* свою ВВ2 [46] *оп.* ВВ2 [47] *оп.* УЕДН1Н2 [48] *доб.* и Д [49] посли ДВВ2Н1Н2 [50] *оп.* Г, *доб.* и УД [51] *оп.* ГДН1Н2 [52] костьхъ ГУЕД [53] *доб.* в' ВВ2 [54] плть ДВВ2Н1Н2 [55] *оп* Д [56] *доб.* тѧ и Д [57]*оп.* Д [58] все Д

[1] *доб.* δὲ (A, V, S) [2] *оп.* (S) [3] ἐναντίον (S) [4] *доб.* ἦλθεν (V) [5] *доб.* ἦλθεν παραστῆναι ἔναντι κυρίου (A, *оп.* ἦλθεν — V) [6] τότε εἶπεν (A, V, S) [7] ἐνόπιον τοῦ κυρίου (V) [8] *доб.* τὴν (P) [9] σύμπασαν (V) [10] *оп.* (A, V, S) [11–12] πρὸς τὸν διάβολον (P) [13-14] ἄνθρωπος ἐπὶ τῆς γῆς (P) [15–16] *оп.* (V) [17–18] ἄκακος, ἀληθινός, ἄμεμπτος, θεοσεβής (V) [19-20] κακοῦ (P, A, V, S) [21–22] διὰ κενῆς ἀπολέσαι (V) [23-24] εἶπε τῷ κυρίῳ (A, V, S) [25–26] *оп.* (V) [27] *оп.* (V)

(*186а*) ти ıего[59] тъкъ/мо дшоу ıем/оу[60] съхрани и/зиде же[61] диꙗ/волъ ѡт[62] га[63] и оу/дари[64] Иѡва г/ноıемь лютъ/мь ѡт ногоу[65]/до главы[66] и/приꙗтъ Иѡвъ черепъ/да строуже/тъ гноıе своıе и тъ сѣда/ше[67] на смѣ-ти/щи[68] вънѣ[69] гра/да[70] лѣтоу[71] же/многоу[72] ми/мошъдшоу[73]/(*186б*) реч же[74] емоу[75] же/на ıего[76] докоу/дѣ[77] стражеши/гла се жидоу/[78] ѡще мало врѣ/ма[79] чаꙗ[80] на/дѣꙗниꙗ[81] спсе-нию[82] мо/юмоу[83] се бо/погыбе тво/ꙗ памат ѡт зе/мла сынве[84]/и дъщери/моıего чрева/страсти и бо/лѣзни[85] ихъ/же[86] въ тъще/тоу[87] троуди/х са съ оуси/(*186в*) льıемь ты/же самъ въ/гною[88] и[89] въ[90]/чрьвьхъ[91] сѣди/ши[92] ѡб нощъ/прѣбываꙗ[95]/на ıас-нѣ[93 94] азъ/же[96] заблюжа/ющиꙗ раба/на мѣсто ѡт/мѣста прѣ/ходащи и/въ[97] храминѹ[98]/ѡт храмины/прихо-дащи[99]/чаıющи[100] слн/ца къгда за/идеть да по/чию ѡт троудъ[101]/(*186г*) и[102] ѡт[103] страсти/и[104] ꙗже ма ны/нѣ ѡдьржать/нъ рьци[105] глъ/ıединъ[106] къ гѹ/и оумьри/ѡнъ же възрѣ/въ на ню[107] реч въскоую[108] ꙗ/ко едина ты[109]/ѡт безоумны/ихъ женъ[110] та/ко[111] гла аще/блгаꙗ приꙗ/хомъ[112] ѡт

ψυχῆς αὐτοῦ[28] (5) οὐ μὴν δὲ ἀλλὰ ἀπόστειλον τὴν χεῖρά σου καὶ[29] ἅψαι τῶν ὀστῶν αὐτοῦ καὶ τῶν σαρκῶν αὐτοῦ· ἦ μὴν εἰς πρόσωπόν σε εὐλογήσει. (6) και[30] εἶπε[31] κύριος τῷ διαβόλῳ· ἰδοὺ παραδίδωμί σοι αὐτόν· μόνον τὴν[32] ψυχὴν αὐτοῦ διατήρισον[33] (7) ἐξῆλθε δὲ ὁ διάβολος ἀπὸ προσώπου[34] κυρίου καὶ ἔπαισε τῷ Ἰὼβ ἕλκει πονήρῳ ἀπὸ ποδῶν ἕως[35] κεφαλῆς· (8) καὶ ἔλαβεν Ἰὼβ[36] ὄστρακον ἵνα[37] ἀποξέῃ τὸν ἰχῶρα αὐτοῦ· καὶ αὐτὸς[38] ἐκάθητο ἐπὶ τῆς κο [85Б] πρίας ἔξω τῆς πόλεως (9) χρόνου δὲ πολλοῦ προβεβη-κότος εἶπε[39] τῷ Ἰὼβ[40] ἡ γυνὴ αὐτοῦ μέχρι τίνος χαρτερήσεις[41] λέγων· (9А) ἰδοὺ ἀναμένω[42] χρόνον ἔτι μικρὸν προσδεχόμε-νος τὴν ἐλπίδα τῆς σωτηρίας μου[43] (9В) ἰδοὺ γὰρ ἠφάνισταί σου τὸ μνημόσυνον[44] ἀπὸ τῆς γῆς· οἱ υἱοί σου[45] καὶ θυγατέ-ρες ἐμῆς κοιλίας ὀδῦνες καὶ πόνοι· οὓς εἰς τὸ κένὸν ἐκοπίασα μετά μόχθων· (9С) σὺ δὲ αὐτὸς ἐν σαπρίᾳ σκωλήκων κάθη[46]

---

[59] *оп.* ЕД [60] юго ГУЕДВВ2 [61] *оп.* Г [62] *доб.* лица гна УЕДН1Н2 [63] *оп.* УЕДН1Н2 [64] порази УЕД [65] главы Д [66] ногоу Д [67] *доб.* вънѣ града УЕД [68] съметищих Е [69] *оп.* УЕД [70] *оп.* УЕД [71] лѣтъ У, лѣтомъ Д [72] много У, мнозѣмь Д [73] миноувъ У, минувшу Е, мимошьдьшимь Д [74] *оп.* ГУДВВ2 [75] Иωвоу ГУД [76] своꙗ Е [77] доколѣ ГУЕД [78–79] и еще мала врѣмене Г [80] чаıющи Е [81] надежа У, надежде Д (*в рукп. испорчено*: дадежде) [82]спасениꙗ ГУД [83] моıего ГУД [84] *доб.* твои УЕДПВВ2 [85] *доб.* о УЕДП [86] *оп.* У, *доб.* азъ УЕДП [87] в тоще УПВВ2 [88] гноі ГУ, гноіщи П [89] *оп.* Г [90] *оп.* ГУ [91] чръ-веи Г [92–93] *оп.* ГН1Н2 [94] *доб.* а ГУЕ [95] *оп.* УЕДП [96] *оп.* У [97] *оп.* П [98] храмины П [99] *оп.* ГУЕДВВ2, *доб.* и ГУДПВВ2 [100] жи-доуши ГУЕДПВВ2 [101] троуда ГВ [102] *оп.* Г [103] *оп.* ГУЕДПВВ2 [104] страсти ПВВ2 [105] *доб.* единъ Г, етеръ УЕДПВВ2 [106] *оп.* ГУЕДПВВ2 [107] *доб.* и ГУЕД [108] почто УЕП, что ДВВ2, се Г [109]*оп.* ГУДПВВ2Н1Н2 [110] *доб.* и Е [111] *оп.* ГДВВ2Н1Н2 [112] приꙗховѣ ЕД

[28] *доб.* ἐκτίσει (V) [29] *оп.* (A, V, S) [30] *оп.* (A, V, S) [31] *доб.* δὲ ὁ (A, V, S) *доб.* ὁ (P) [32] *доб.* δὲ (S) [33] διαφύλαξον (V) [34] *оп.* (A, V, S) [35] μέχρι (S) [36] *оп.* (V) [37–38] τὸν ἰχῶρα ξύῃ, καί (V) [39–40] αὐτῷ (P) [41] χαρτερεῖς (P) [42] *оп.* (S) [43] αὐτοῦ (S) [44] *доб.* σοῦ (A) [45] *оп.* (V) [46] κάθησαι (A, V) *оп* (S)

роу / кы гнѧ[113] зъ / лых ли не по / трьпимъ[114] ѡт[115] всѣхъ сихъ / (*187а*) приключъши / х сѧ ѥмоу[116] ни / чсоже не[117] съгрѣ / ши Иѡвъ[118] оу / стьнами[119] пре / дъ гьмь[120] и[121] не / дасть безоу / мия бви[122]

διανυκτερεύων αἴθριος· (9D) κἀγὼ πλανίτης[47] καὶ λάτρις. τόπον ἐκ τόπου περιερχομένη[48] καὶ οἰκίαν ἐξ οἰκίας[49] προσδεχομένη τὸν ἥλιον πότε δύσει· ἵνα [85B] ἀναπαύσομαι τῶν μόχθων [50]καὶ τῶν περιερχουσῶν με ὠδινῶν[51] αἱ μὲ νῦν συνέχουσιν· (9) ἀλλ' εἶπον τί ῥῆμα πρὸς [52]κύριον καὶ τελεύτα· (10) ὁ δὲ ἐμβλέψας[53] αὐτῇ εἶπεν·[54] [55]ἵνα τί[56] ὥσπερ μία τῶν ἀφρόνων γυναικῶν οὕτως[57] ἀλάλησας· εἰ τὰ ἀγατὰ ἐδεξάμεθα ἐκ χειρὸς κυρίου· τὰ κακὰ οὐχ ὑποίσομεν· ἐν[58] τούτοις πᾶσι[59] τοῖς συμβεβηκῶσιν αὐτῷ οὐχ[60] ἥμαρτεν 'Ιὼβ[61] όὐδὲ ἐν[62] τοῖς χείλεσιν[63] αὐτοῦ[64] καί οὐκ ἔδωκεν ἀφροσύνην τῷ θεῷ.

Чт. IV

(*191а*) Реч гь[1] Иѡвꙋ / сквозѣ бꙋ / рю и ѡблакъ[2] / кто ѥсть[3] / съкрыѧи[4] / мене[5] съвѣ / тъ[6] съдрьжа / и же[7] глъ[8] въ ср / дци мене же[9] не / (*191б*) пьщоують тѧ / ити прѣпо / ѩши[10] ѩко / моужъ[11] чрѣ / сла своѩ въ / прошоу же[12] тѧ / и[13] ты[14] мнѣ ѡтвѣ / щаи[15] кдѣ бѣ / ѥгда[16] ѡснова / хъ[17] землю[18] по / вѣжъ[19] же[20] ми[21] / аще ꙋмѣѥши[22] / разоумъ[23] [24]кто[26] / положи мѣры[27] / еи аще вѣси[25] / или[28] [29]кто поло / жи

(XXXVIII, 1) [87B] Εἶπε κύριος τῷ 'Ιὼβ διὰ λαίλαπος καὶ νέφους[1] (2) τίς οὗτος ὁ κρύπτων με[2] βουλήν· συνέχων δὲ ῥήματα· ἐν καρδίᾳ [3]καὶ ἐμὲ[4] οἴεται κρύπτειν (3) ζῶσε ὥσπερ ἀνὴρ τὴν ὀσφύν σου· ἐρωτήσω δὲ σε· σὺ δὲ μοι ἀποκρίθητι (4) ποῦ [5]ἦσθα ὅτε ἐθεμελίωσα[6] τὴν γῆν ἀνάγγειλον δέ μοι εἰ ἐπίστασαι σύ-

---

[113] *доб.* то ЕД [114] терпивѣ ЕД, стерпимъ П, *доб.* и Е [115] о ГУДПВВ2 [116] мнѣ Д [117] *оп.* П [118] *доб.* и Д, *доб.* ни УЕД [119] оустнама ГВ2, оустнама своима УЕПВН1Н2 [120] бмь ГДВВ2, *оп.* УЕП [121] *оп.* ГУ [122] гсви ГУЕ [1] *доб.* къ ГЕДС [2] облакы УС [3] *оп.* ГУЕДПС [4] съкрываѩи ЕПС [5] *оп.* УП [6]свѣты УС, свѣсть Д, себѣ ЕП [7] *оп.* У [8] глы УПС [9] *доб.* ли УП, лише Д (*вероятно, испорченное* «ли же») [10] *оп.* Д [11] *доб.* прѣпоѣши Д [12] *оп.* Д [13] *оп.* УЕДПС [14] *доб.* же УЕДПС [15] ѡтвѣщаѥши Г [16] вънегда ГУП [17] основати ми Г [18] землѧ Г [19] *оп.* У [20] *оп.* УЕП [21] *оп.* У [22] рароумѣѥші, Г, имѣѥши У, имаши Н1Н2 [23] *доб.* или ЕД [24–25] *оп.* С [26]како П, где Г [27] *доб.* на Е [28] ли ГУ [29–30] *оп.* Е

[47] πλανομένη (V) [48] *оп.* (V) [49] *доб.* περιερχομένη (S) [50–51] μου καὶ τῶν ὀδυνῶν (V) [52] εἰς (V) [53–54] εἶπεν αὐτῇ (V) [55–56] *оп.* (V) [57] *оп.* (V) [58–59] πᾶσι τούτοις (V) [60] οὐδέν (V) [61–62] *оп.* (V) [63] *доб.* ἐναντίον τοῦ θεοῦ (V) [64] *оп.* (V) [1] νεφῶν (V) [2] *оп.* (S) [3–4] ἐμὲ δέ (A, V, S), με (P) [5–6] ἐν τῷ θεμελιοῦν με (P, V)

връвь на / неи[30] на чемь / же[31] ли[32] столпи[33] / (*191в*) ѥꙗ[34] оудроужи / ша[35] сѧ[36] кто же / ѥсть положи / и камень оу / гълныи на / неи ѥгда бы / ша звѣзды / въспѣша мѧ / гласмь велие / мь вси анге / ли мои въспѣ / ша[37] загради / хъ[38] же[39] море враты[40] / ѥгда[41] ражаа / ше сѧ[42] ишрѣ / ва м͠тре своѥ / ꙗ[43] исхожаа / ше[44] положи / хъ же ѥмоу[45] / (*191г*) ѡблакъ[46] ѡдѣ / ниѥ мьгло / ю же ѥго[47] пови / хъ[48] положи / х же ѥмоу пре / дѣлы ѡбло / жъ[49] затворы[50] / и[51] враты[52] рѣ / х же ѥмоу до / сего придеши / и не прѣиде / ши нъ в себѣ[53] / съкроушать[54] / сѧ твоꙗ[55] влъ / ны или[56] при / тебѣ оучини / хъ свѣтъ оу / трении дьни / цѧ жь вѣсть[57] / (*192а*) [58]чинъ своѥ при / ꙗти[60] сѧ кри / лома земли / и[61] истрѧсти / нечъстивы / ꙗ *ѡт* неꙗ[62] или[63] / ты приимъ[64] / *ѡт* землѧ брь / ниѥ[65] създа / животно[66] и[67] г͠ливо[68] поло / жи[69] ѥ[70] на зем / ли[71] [72]*ѡт*ꙗтъ же / ли *ѡт* нечъсти / выхъ свѣтъ /[74] мышцѧ ли[75] / грьдыхъ съ / кроуши при / де же ли на / (*192б*) источникы / морьскыꙗ / стопами[73] же[76] / по бездьнѣ / ходилъ ѥси / *ѡт*врьзають / же[77] ли[78] сѧ[79] тебѣ[80] / страхы[81] вра / та съмрьтна / ꙗ вратници / же ли[82] адовы[83] / видѣвше[84] тѧ / и[85] оужасоша[86] / сѧ[87] на-

νεσιν· (5) τίς ἔθετο τὰ μέτρα αὐτῆς εἰ οἶδας· τίς ὁ ἐπαγαγὼν σπαρτίον ἐπ' αὐτὴν (6) [7]ἐπὶ τίνος δὲ [8]οἱ στύλοι[9] αὐτῆς πεπήγασι· τίς δέ ἐστιν ὁ βαλὼν λίθον ἀκρογωνιαῖον[10] ἐπ' αὐτήν[11] (7) ὅτε ἐγενήθη ἄστρα ᾔνεσάν με φωνῇ μεγάλῃ[12] ἄγγελοί μου[13] [14]καὶ ὕμνησαν[15] (8) ἔ[87Γ]φραξα δὲ θάλασσαν πύλαις ὅτε ἐμαιοῦτο καὶ[16] ἐκ κοιλίας μητρὸς αὐτῆς ἐξεπορεύετο[17] (9) ἐθέμην δὲ αὐτῇ νέφος ἀμφίασιν· ὁμίχλῃ δὲ αὐτὴν ἐσπαργάνωσα· (10) ἐθέμην δὲ αὐτῇ ὅρια περιθεὶς κλεῖθρα καὶ πύλαις[18] (11) εἶπον δὲ αὐτῇ· μέχρι τούτου ἐλεύσει καὶ οὐχ ὑπερβήσῃ ἀλλ' ἐν σεαυτῇ συντριβήσονταί σου τὰ κύματα· (12) ἢ ἐπὶ σοῦ συντέταχα φέγγος πρωινόν· ἑωσφόρος δὲ ἐπεῖδε[19] τὴν ἑαυτοῦ τάξιν· (13) ἐπιλαβέσθαι πτερύγων γῆς· καὶ[20] ἐκτινάξαι ἀσεβεῖς ἐξ αὐτῆς (14) ἢ σὺ λαβὼν[23] πηλὸν ἔπλασας ζῷον καὶ [22] λαλητὸν ἔθου[23] αὐτὸ[24] ἐπὶ τῆς γῆς (15) ἀφείλω δὲ ἀπὸ ἀσεβῶν τὸ φῶς· [88A] καὶ[25] βραχίονα ὑπερη-

---

[31] *доб.* оубо У [32] *оп.* ГУЕДС [33] кроузи ГУЕС [34] *оп.* ГС, ѥи У [35] оутвердиша Е, оутвердиша сѧ С [36] *оп* Е [37] *оп.* ГУЕДСП [38] възградихъ У [39] *оп.* Д [40] *доб.* и Е *доб.* рекше Д [41] *оп.* Д [42] *доб.* ѥда Д, смущаше сѧ П, възмоущаше се УД [43] моѥꙗ С [44] исходѧ ГУ, вьсходе Д [45] *оп.* Д [46] прѣдѣлы и Д [47] *оп.* ГЕ [48] *доб.* е Е [49] *доб.* и УД, *доб.* е Г [50] затворъ ГУ, затворихъ П [51] е ГУ [52] врата ЕН2 [53] тебѣ самомь УДСП [54] *доб.* ті Е [55] *оп.* Е [56] ли ГУ [57] вь Д [58–59] свои чинъ Е [60] *доб.* же Е [61] *оп.* ГУЕ [62] земле ихь Д [63] ли ГУ [64] *доб.* бернье Е [65] *оп.* Е [66] животное П [67] *оп.* П [68] г͠ла живо Д, поглавъ У [69] положение П [70] *оп.* П [71] *доб.* и ДС [72–73] *оп.* Г [74] *доб.* и УЕДСП [75] *оп.* У [76] *доб.* ли ГУЕДСП [77] *оп.* ГУЕ [78] *доб.* же У, *доб.* ти ЕД [79] *оп.* ЕД [80] *оп.* У [81] со страхомь Г, страхомъ Д, *оп.* П [82] *оп.* Г [83] адовнии У [84] *доб.* же Г, *доб.* ли ЕП [85] *оп.* ГЕСП [86] Ужасуть Д, іждасѫ Г, ищезнуша ЕП, иждасоша У [87] *оп.* ЕП

[7] *доб.* ἤ (S) [8–9] οἱ κρίκοι (V) [10] γωνιαίον (A, V, S) [11] ἐπ' αὐτῆς (P) [12] *доб.* πάντες (P, V) [13] αὐτοῦ (S) [14-15] *оп.* (V) καὶ προσεκύνησαν (P) [16] *оп.* (V) [17] ἐκπορευομένη (V) [18] πύλας (P, A, V, S) [19] εἶδε (V) [20] *оп.* (V) [21] *доб.* γῆν (A, V, S) [22–23] αὐτό (αὐτόν) ἔθου (P, A, V, S) [24] *оп.* (A, V, S) [25] *оп.* (V)

выче [88] / же [89]ли широ / тоу [90] подънбс / ноую [91] възвѣ / сти ми оубо [92] / колика [93] локъ / (*192в*) тъ [94] есть въ ко / ѥи же [95] земли / въдварѧють [96] / свѣтъ тьмѣ [97] / же коѥ есть [98]/мѣсто аще [99] / ведеши мѧ / въ прѣдѣлы / ихъ аще [100] ли / же [101] вѣси [102] сть / зѧ ихъ вѣси / оубо ꙗко [103] тъ / гда [104] сѧ ѥси ро / дилъ число / же лѣт твои / хъ много при / де же ли въ ск / ровища снѣ / жнаꙗ [105] [106]съкро / (*192г*) вища же [108] ли [109] градънаꙗ ви / дѣлъ ѥси [107] [110]ща / дить же ли / ти [112] сѧ въ годи / ноу врагомъ / въ днь [113] брани / и [114] тѧжи [111] [115]ѡтвѣ / щав же Иѡвъ [116] гви гла [117] гѣ / мъ ꙗко вьсѧ / чкаꙗ може / ши не изне / магаѥть же / тебѣ ничсо / же кто бо [118] ѥ / сть таꙗи те / бѣ съвѣтъ / щадѧи же / (*193а*) глъ [119] тебе [120] не пь / щоуѥть таи / ти кто [121] възвѣ / стить [122] мнѣ / [123]ихъ же не ви / дѣ [125] велика и [124] / чоудна ихъ / же не оумѣꙗ / хъ послоуша / и же [126] мене ги / да изъглю [127] / въпрошоу / же тѧ ты же / мѧ [128] наоучи [129] / слоухъмь [130] бо / [131] оуха [132] оуслы / шахъ [133] тѧ [134] прѣ / же нынѣ же [135] очи [136] мои [137] ви / (*193б*) дита [138] тѧ /

φάνων συνέτριψας· (16) ἦλθες [26] δὲ ἐπὶ πηγὴν θαλάσσης· ἐν δὲ ἴχνεσιν ἀβύσσου περιεπάτησας (17) ἀνοίγονται δέ σοι φόβῳ πύλαι θανάτου· πυλωροὶ δὲ ᾅδου ἰδόντες σε ἔπτηξαν· (18) νενουθέτησε δὲ τὸ εὖρος τῆς ὑπ' οὐρανόν· ἀνάγγειλον δή μοι πόση τίς ἐστιν (19) ἐν [27] ποίᾳ δὲ γῇ αὐλίζεται τὸ φῶς· σκότους δὲ ποῖος ἐστι [28] τόπος· (20) εἰ ἄρα [29] ἀγάγοις με εἰς ὅρια αὐτῶν εἰ δὲ καὶ ἐπίστασαι τρίβους αὐτῶν (21) οἶδα ἄρα ὅτι τότε γεγέννησαι ἀριθμὸς [30] δὲ αὐτῶν σου πολύς (XLII, 1) ὑπολαβὼν δὲ Ἰὼβ τῷ κυρίῳ λέγει· (2) οἶδα ὅτι πάντα δύνασαι· ἀδυνατεῖ [31] δέ σοι [32] οὐδέν [33] (3) τίς γάρ ἐστιν [88Б] ὁ κρύπτων σε βουλήν· [34] φειδόμενος δὲ ῥημάτων καὶ σὲ οἴεται κρύπτειν· [35] ἀναγγέλλει δέ [36] μοι ἃ οὐκ ᾔδην· μεγάλα καὶ θαυμαστὰ ἃ οὐκ ἐπιστάμην. (4) ἄκουσον δέ μου κύριε ἵνα κἀγὼ λαλήσω· ἐρωτήσω δέ σε σὺ δέ με δίδαξον· (5) ἀκοῇ μὲν ὠτὸς ἤκουόν σου τὸ πρότερον· νυνὶ δὲ ὁ ὀφθαλμός μου ἑώρακέ σε·

---

[88] навычеши С [89] *оп.* ГУДСП [90] широты ГДП, ти ходити Е [91] подънбськыꙗ С, подънебесныѧ ГЕДП [92] *оп.* ГУЕДСП [93] колико Е [94] ли къто ГУЕСП, или къто Д [95] *доб.* ли Е, *оп.* Г [96] *доб.* сѧ УДСП [97] тѣмь ЕС, тьма Д [98]*оп.* ГУЕД [99] *доб.* оубо УЕДС [100] *доб.* же У [101] *оп.* УЕ [102] извѣси УДС [103] *оп.* Г [104] когда СП [105] *доб.* и Д [106–107] *оп.* С [108] *оп.* Д [109] *оп.* Д [110–111] *оп.* С, тѧли У [112] *оп.* У [113] *оп.* Д [114] *оп.* ЕП [115] *доб.* и С [116–117] и реч Е, кь гви реч Д [118] *оп.* Д [119] глы УДП [120] *доб.* же ли Е [121] *доб.* же УЕГДСП [122] възвѣсти У [123–124] *оп.* Г [125] видѣхъ УЕСП, вѣдѣхъ Д [126] *оп.* ГУЕС [127] азъ глю УД, и азъ глю ГЕП, възглю С, и азъ взглаголю НН2 [128] ми Д [129] ѡтвѣщаи Д [130] въ слоухъ УП [131] же Д, оубо Г [132] *оп.* Е [133] слышахъ ГУЕПН1Н2 [134] сѧ Г [135] *доб.* тѧ У [136] око ГУЕСПН2, окомь Л [137] мое ГУЕПН2, *оп.* Д [138] видѣ ГУ, видить ЕПН2, видехь Д, не видѣ С

[26] ἦλθας (S) [27] *оп.* (V) [28] *оп.* (V) [29] *оп.* (V) [30] ἀριθμῶν (P) [31–32] σοι δέ (S) [33–34] *оп.* (S) [35–36] τίς δὲ ἀναγγελλεῖ (V)

Соф. 53. (*4г*) Блгсви гь[1] послѣдниꙗ / ѥ Иовова паче[2] неже / предьнꙗѩ. бꙗхоу же[3] / скоти ѥго овьць тъ / ма и четыри ты / сꙗща. вельблоудъ[4] / [5] ·Г҃· тысꙗщъ,[6] соупрꙋ / говъ вольвныхъ[7] ты / сꙗща.[8] [9] роди же сꙗ ѥмоу[10] / [11] сновъ ·ꙁ҃·[12] и дъщери ·г҃· / и[13] нареч [14] пьрвѣи имꙗ[15] Днь / вторѣи же[16] Касиѩ[17].[18] тре / тиѥи же[19] [20] Малфинъ Го / ръ[21]. и[22] не обретошасꙗ[23] / по дъщерьмъ[24] Иовова / мъ[25] сномъ[26] добрѣиша[27] / ихъ[28] на[29] подънбснѣі[30]. / дасть же[31] Иовъ[32] наслѣдиѥ[33] / дъщерьмъ своимъ[34] / въ брати[35] ихъ[36]. Житъ / же Иовъ по ѩвзѣ. лѣ*т* / сто и семьдесꙗтъ[37]. лѣ*т*. / всѣхъ же лѣтъ житъ[38]. / двѣстѣ и четыри де / (*5а*) сꙗте и осмь[39]. и видѣ[40] [41] И / овъ сны своѩ и[42] сны / сновъ своихъ [43] четвьрты / и родъ[44]. и[45] оумретъ[46] Иовъ / старъ. испълнии[47] дни. / пишеть[48] сꙗ[49] пакы [50] ѥмꙋ / въстати[51] съ ними[52] же / и[53] гь[54] въскрѣсить и[55]. [56] се / протълковано быс[57] ѡ*т* / соурьскы*х*[58] книгъ. въ / земли оубо[59]

[90Б] (12) [1]Εὐλόγησε κύριος[2] [3]τὰ ἔσχατα τοῦ Ἰὼβ[4] μᾶλλον[5] ἢ τὰ ἔμπροσθεν ἦν δὲ τὰ κτήνη αὐτοῦ πρόβατα μύρια τετρακισχίλια. κάμηλοι ἑξακισχίλιαι ζεύγη βοῶν χίλια· ὄνοι θήλιαι νομάδες χίλιαι (13) γεννῶνται δὲ αὐτῷ υἱοὶ ἑπτὰ καὶ θυγατέρες τρεῖς. (14) καὶ ἐκάλεσε τὴν μὲν πρώτην Ἡμέραν·[6] καὶ τὴν[7] δευτέραν Κασσίαν· τὴν δε τρίτην Ἀμαλθίας Κέρας. (15) καὶ οὐχ εὑρέθησαν κατὰ τὰς[8] Ἰὼβ θυγατέρας[9] καὶ τοὺς υἱοὺς[10] βελτίους αὐτῶν[11] ἐν τῇ[12] ὑπ' οὐρανόν ἔδωκε δὲ[13] Ἰὼβ ταῖς θυγατράσιν αὐτοῦ[14] κληρονομίαν [90В] ἐν τοῖς ἀδελφοῖς αὐτῶν[15] (16) ἔζεσε δὲ Ἰὼβ μετὰ τὴν πληγὴν ἔτη ἑκατὸν ἑβδομήκοντα τὰ δὲ πάντα[16] ζῇ ἔτη[17] διακόσια τεσσαράκοντα ὀκτώ.[18] καὶ εἶδεν Ἰὼβ τοὺς υἱοὺς αὐτοῦ, καὶ τοὺς υἱοὺς τῶν υἱῶν αὐτοῦ τετάρτην γενεάν· (17)

---

[1] бъ ГДЕ [2] *оп.* У [3] *оп.* У [4] *доб.* и У [5–6] *оп.* У [7] воловъ ГУ [8] ·҂ѕ҃· Д, *доб.* ѡслиць стадных ·а҃·і҃·с҃· Е ѡселъ пасомыхъ ·а҃· Г, ѡслиць пасомыхъ ·ѕ҃· Д [9–10] раждаетъ моу сꙗ Г [11–12] ·ꙁ҃· сновъ УЕ [13] *оп.* Г [14–15] имꙗ пьрвѣи ЕН1Н2, *оп.* имꙗ Г [16] *оп.* УД [17] Кассиѣ Н1Н2 [18] *доб.* а ЕД [19] *оп.* УЕД [20–21] Амалфинъ (Амалтинъ) Рогъ УГЕД [22] *оп.* Г [23] не обрѣтоу УЕД, ѡбрѣте сꙗ Г, *доб.* тъчьны доброты У, се подобни добротою Д, лѣпотою Н1Н2 [24] дщерехъ ГЕ [25] *доб.* и Е [26] *оп.* ГУ, вснхъ Е [27] *оп.* У [28] *оп.* УЕ [29] в Е [30] *доб.* и УЕД [31] *оп.* У [32] имъ отьць УГД [33] *оп.* Е [34] *доб.* наслѣдие Е [35] съ братиею У [36] *оп.* ГУ, своеи Е, *доб.* и Г [37] девяносто / ·ѕ҃· / Г [38] *оп.* Д [39] *доб.* лѣт Е, *доб.* иже житъ Г [40] видѣвъ Г [41–42] *оп.* Г [43–44] до четвертаго рода Е [45] *оп.* Г [46] умре ДУ [47] испълнь ГУЕД [48] *доб.* же ГУД [49] *доб.* ему ГД; с ними У, *доб.* же ГУЕД [50–51] *оп.* У, ему паки вьстати Д [52] съ ним ЕД [53] *оп.* УЕД [54] *оп.* Е [55] *оп.* Г [56–57] сказанъ бываетъ Е [58] асоуръскыхъ Г, асуриискых Е [59] *оп.* ЕД

[1–2] ὁ δὲ κύριος εὐλόγησε (A, V, S) [3–4] τὰ ἔσχατα Ἰὼβ (V), τὸν Ἰὼβ τὰ ἔσχατα (A) [5] *оп.* (V) [6–7] τὴν δέ (A, V, S) [8–9] θυγατέρας Ἰὼβ (V) [10] *доб.* αὐτοῦ (A) [11–12] ὑπὸ τὴν (A) [13–14] αὐταῖς ὁ πατὴρ (V) [15] *оп.* (V) [16–17] ἔζησε (V) [18] *оп.* (V)

живыи[60] На / всидьстѧи[61]. на прѣдѣ / лѣхъ Идѹмѣистѣхъ[62] / бѣ[63] же[64] преже[65] имѧ[66] ѥмоу[67] / Иоавъ[68]. поимъ[69] женоу / аравлѧныню[70]. роди / с҃на[71] ѥмоу же имѧ Ѥ / нонъ[72]. бѣ[73] же[74] тъ[75] о҃ца[76] За / рефа[77] [78]м҃тре же Восоры[79]. / ѡт Исавовъ[80] сновъ[81] ꙗко / быти ѥмоу[82] ѡт Аврама[83]. /

καὶ ἐτελεύτεσεν Ἰὼβ πρεσβύτερος[19] καὶ πλήρης ἡμερῶν (17A) γέγραπται δὲ[20] πάλιν.[21] ἀναστήσεσθαι τὸν[22] μεθ' ὧν ὁ κύριος ἀνίστησιν (17B) οὗτος ἑρμηνεύεται ἐκ τῆς συριακῆς βίβλου ἐν μὲν γῇ[23] κατοικῶν τῇ Αὐσίτιδι[24] ἐπὶ τῶν ὁρίων τῆς ἰδουμαίας καὶ ἀραβίας· προϋπῆρχε δὲ αὐτῷ ὄνομα Ἰωβάλ·[25] (17C) λαβὼν δὲ γυναῖκα [90Г] ἀράβισσαν γεννᾷ υἱόν· ᾧ ὄνομα Ἐνὼν ἦν δὲ αὐτὸς πατρὸς μὲν Ζαρέθ.[26] [27]τῶν Ἠσαῦ υἱῶν υἱός μητρὸς δὲ Βοσσόρας·[28] ὥστε εἶναι αὐτὸν πέμπτων ἀπὸ Ἀβραάμ.

---

[60] живъ УГ [61] Авьситьстѣи ГУЕД [62] авсидъсцѣхъ Г, *доб.* и аравьстѣхъ УД [63] бѣше ГД [64] *оп.* Г [65] *оп.* У [66] *оп.* ГУЕД [67] *доб.* прѣжде имѧ ГУЕД [68] Иѡвавъ ГУЕ, Иѡвалъ Д [69] *доб.* же ГУЕД [70] *доб.* и Д [71] с҃нъ Е [72] Иеѡнъ Д [73] бѣше ГД [74] *оп.* Г [75] ѡт ГУД [76] *доб.* оубо ГУЕ [77] Зар(ета) У, Зара Д, Фариса Г [78–79] *оп.* ГУЕД [80] *оп.* ГУЕД [81] *доп.* Исавовъ с҃нъ УЕД, Исавовъ и Иѡвовъ с҃нъ Г, *доб.* ѡт м҃тре же УД, Восоры ГУД [82] *доп.* ·є҃· моу ГУЕД [83] Авраама УЕД

[19] πρεσβύτης (S) [20] *доб.* αὐτόν (V) [21] *доб.* αὐτόν (S) [22] αὐτόν (P) [23–24] τῇ Αὐσείτιδι κατοικῶν (S) [25] Ἰωβάβ (P) [26] Ζαρέ (V) [27] *доб.* ἐκ (A, V, S) [28] Βοσόρας (P); Βοσόρρας (A, V, S).

В. С. ЗИЛИТИНКЕВИЧ

ПЕРЕВОДЫ ИЗ ФЕОГНИДА В ДРЕВНЕРУССКОЙ «ПЧЕЛЕ»

Одним из самых популярных сборников в византийской и славянских литературах является «Пчела» — подборка изречений античных авторов, цитат из священного писания и произведений христианских богословов.

Греческие рукописи «Пчелы» появляются с X в., а славянские— с XIV в. Но есть основания предполагать, что перевод этого памятника на славянской почве был сделан значительно раньше: приблизительно в XII—XIII вв., как считал М. Н. Сперанский,[1] или даже в XI в., по мнению В. П. Адриановой-Перетц.[2] А. И. Соболевский считал первый перевод южнославянским.[3] М. Н. Сперанским было установлено русское происхождение этого перевода, с чем А. И. Соболевский впоследствии согласился.[4] Далее история памятника на славянской почве представлена М. Н. Сперанским так: полный русский перевод (XII—XIII вв., сделанный на юге Киевской Руси, может быть в Галицкой области) попал в Болгарию, где не получил широкого распространения, а затем из Болгарии в Сербию. (На это указывает значительное количество болгаризмов в сербских списках). Точное время перехода «Пчелы» на юг славянства пока не определено, так как существуют лишь поздние рукописи XVI—XVII вв. и одна небольшая выборка из полного текста в сербской рукописи второй половины XIV в.

Кроме того, есть еще один русский перевод этого памятника 1599 г. Происхождение его вполне ясно, так как сам текст дает определенное указание на место и время перевода («В обители св. Троицы Дерманской от Еллинска в Славянский диалект пере-

---

[1] Сперанский М. Н. Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности. — М., 1904, с. 305—306.

[2] Адрианова-Перетц В. П. История русской литературы, т. I. М.—Л., 1941, с. 173.

[3] Соболевский А. И. Особенности русских переводов домонгольского периода. — Труды IX Арх. съезда, II. М., 1897, с. 53—61.

[4] Сперанский М. Н. Переводные сборники изречений. . ., с. 329; Соболевский А. И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. — СОРЯС, т. 88, № 8, с. 170.

ведена лета Христова 1599 марта 24»). Место и время определяют довольно точно условия и историю этого перевода: он должен быть поставлен в связь с просветительской деятельностью кн. Константина Острожского.[5]

Такова вкратце история «Пчелы» на славянской почве.

Мы видим, что в «Пчеле» представлены цитаты из произведений античных авторов, писавших в разных литературных жанрах. Здесь собраны отрывки из трагедий Еврипида, выдержки из комедий Аристофана, произведений греческих историков (Геродота, Плутарха и т. д.) и философских трактатов Аристотеля, Эпиктета и некоторых других. Мы же хотим показать, какие представления об античных лирических поэтах получал русский читатель «Пчелы». Сразу скажу, что в этом памятнике поэтам отведено очень незначительное место. Полнее всех представлен Феогнид (VI в. до н. э.).

Рассмотрим перевод стихотворений этого поэта в первой древнерусской редакции (самая ранняя рукопись, изданная В. Семеновым,[6] относится к XIV—XV вв.) и в переводе 1599 г.[7] Южнославянские редакции не войдут в наш обзор. В обоих переводах «Пчелы» имеются две цитаты из стихотворений нашего поэта. Первая цитата — небольшое стихотворение, приведенное целиком в обеих редакциях.

Прежде чем перейти к анализу древнерусского перевода, следует сказать несколько слов об особенностях феогнидовского сборника. В классической филологии существует мнение, что сборник содержит стихотворения, принадлежащие различным поэтам.[8] Есть и иная точка зрения, согласно которой сборник написан одним поэтом. Последняя, однако, требует объяснения того факта, что в сборнике встречаются стихотворения, принадлежащие Солону, Мимнерму и др.

Эту проблему остроумно разрешил D. Young. По его мнению, Феогнид включал в свой сборник понравившиеся ему стихотворения других поэтов как пример и подтверждение его собственных мыслей. Иногда он менял в небольшом отрывке два-три слова так, что получался иной, более правильный на его взгляд, смысл.[9]

Наше стихотворение принадлежит Солону (Diehl, № 4, 9—12). В сборнике Феогнида оно имеет два изменения: в первом стихе γάρ изменено на τοι и во втором стихе αὐτοῖσι — на τούτοισι. D. Young

---

[5] Сперанский М. Н. Переводные сборники изречений. . ., с. 382.

[6] Семенов В. Древняя русская Пчела по пергаменному списку. СПб., 1893.

[7] Перевод 1599 г. издан в кн.: Сперанский М. Н. Переводные сборники изречений. . ., Приложение, с. 155—194.

[8] В качестве примера сошлемся на работу: Bowra C. M. Early Greek Elegists. Cambridge, Massaschusetts, 1938, p. 139.

[9] Young D. Borrowing and Self-adaptation in Theognis, with Reference to the Constitution of the Extant Sylloge and to the Suda Notice of the Poet's Work. Leipzig, 1964.

объясняет это изменение тем, что Феогнид имеет в виду вполне определенных лиц, а Солон говорит об общей закономерности.

Это стихотворение Солона с поправками Феогнида следующее:

Πολλοί τοι πλουτοῦσι κακοί, ἀγαθοὶ δὲ πένονται
ἀλλ' ἡμεῖς τούτοισ' οὐ διαμειψόμεθα
Τῆς ἀρετῆς τὸν πλοῦτον, ἐπεὶ τὸ μὲν ἔμπεδον αἰεί,
χρήματα δ' ἀνθρώπων ἄλλοτε ἄλλος ἔχει.(Young, 315—318)

В славянском тексте читаем: «Мнози злии богати соуть, блазии же оубози, но мы тѣмъ не измѣнимсѧ зане благостыню твердоу имать, стѧжаныꙗ же человечьскаꙗ разньствиꙗ имать».[10]

Первая строфа стихотворения переведена дословно.

Слова ἀλλ' ἡμεῖς τούτοισ' οὐ διαμειψόμεθα τῆς ἀρετῆς τὸν πλοῦτον (но мы с ними (с другими) не поменяемся доблестью на богатство) переданы приблизительно: но мы тѣмъ не измѣнимсѧ. Т. е. в первой части дословно повторена греческая конструкция, но не сказано, что именно должно обмениваться. Видимо, русский переводчик понял глагол διαμείβομαι как «измениться в нравственном отношении», а мужского рода местоимение τούτοισι принял за средний род.

Далее перевод представляет уже значительно больший интерес: ἐπεὶ τὸ μὲν ἔμπεδον αἰεί
χρήματα δ' ἀνθρώπων ἄλλοτε ἄλλος ἔχει (так как первое (ἀρετή) прочно, деньги же то один из людей, то другой имеет).

В древнерусском переводе: зане благостыню твердоу имать, стѧжаныꙗ же чловечьскаꙗ разьнствиꙗ имать.

Таким образом, два однородных придаточных имеют одинаковую синтаксическую конструкцию: безличные предложения с глаголом «имать», от которого зависит двойной винительный падеж.[11] Подобное отступление от оригинала, вероятно, было сделано не случайно. Оно должно было иметь определенное смысловое значение. Одинаковые синтаксические конструкции здесь усиливают смысловое противопоставление. Но понимание этого противопоставления зависит от значения, в котором употреблено слово «разньствиѥ» в данном случае. В материалах для словаря древнерусского языка И. И. Срезневского со ссылкой именно на это место из «Пчелы» предлагается в качестве значения слова «разньствиѥ» — «разнообразие».[12] Смысл древнерусского перевода получается следующий: «Мы из-за того не изменимся, что благородство непоколебимо, а способы накопления денег разнообразны». Таким образом, имеется значительное отступление от греческого текста; кроме того, противопоставление оказывается

[10] Семенов В. Древняя русская Пчела. . ., с. 13.
[11] Подробнее об этой конструкции см. Вондрак В. Древнецерковнославянский синтаксис. Перевод Н. Петровского. Казань, 1915, с. 2.
[12] Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. III. СПб., 1912, с. 61.

бессмысленным. Параллелизм конструкций объяснить невозможно. Но надо сказать, что гораздо более распространенным значением слова «разньствиѥ» является «раздор», «несогласие». (Никон. л. 6856 г. (т. III. 189); Дело патр. Никона 84; Смол. 109). Глагол «разнитисѧ» может употребляться в значении «сгнить», «разложиться» [13] (Жит. Нифонт. XIII в. 107). Исходя из этого, на наш взгляд, конец перевода данного стихотворения Феогнида надо понимать так:

благородство есть нечто непоколебимое,
стяжание же — раздор (несогласие).

Русский переводчик вольно обойдясь с греческим текстом Феогнида, верно понимая при этом оригинал, сделал это небольшое стихотворение очень сходным с христианскими рассуждениями о бренности богатства. Ср.: «Послушайте, богатые: богатство ваше *сгнило*» (Иак. 5, 1—2).

Если мы обратимся к «Пчеле» XVI в., то увидим, что дерманский переводчик сделал хороший подстрочник, не отступая от норм русского синтаксиса: «Мнози оубо богатѣют злы соутъ: добріи же нищетствоуютъ, но мы симъ не измѣнѧемъ добродѣтели на богатство: понеже сіе оубо всегда ноужно естъ, стежаніѧ же чловечьскаѧ иногда ин имать».[14]

Греческие гекзаметры в обоих случаях, конечно, переведены прозой. Античные размеры не понимали и очень многие византийцы. Так, например, в одной из греческих рукописей «Пчелы» в другой цитате из Феогнида, к анализу которой мы сейчас приступим, — οὐ δύναμαί σοι, θυμέ, παράσχειν ἄρμενα πάντα (Young, 695) — вместо παράσχειν читается παρέχειν. При таком чтении строфа сохраняет смысл, однако гекзаметр нарушается.

Принято понимать в строке Феогнида (695) слово θυμός как «душа».[15] В соответствии с этим строка приобретает следующий смысл: Не могу тебе, душа, доставить все готовым (или, возможно, все (только) желаемое).

Русский переводчик перевел θυμός словом «гнев». Это вполне понятно, так как именно так понял это слово и византиец — составитель «Пчелы», поместив данный отрывок в раздел о гневе.

Следует признать перевод, который мы читаем в рукописи XIV в., непонятным (О гнѣве, не могоу ти всѣхъ перьвъспинати).[16]

Глагол «перьвъспинати» и чтение с разделением на «перьвъ» (наречие со значением «сначала», «прежде») и инфинитив «спинати» (мешать, препятствовать) дают смысл, не соответствующий греческому оригиналу.

---

[13] Срезневский И. И. Материалы для словаря. . ., т. III, с. 49.

[14] Сперанский М. Н. Переводные сборники изречений. . ., Приложение, с. 168.

[15] Интерпретацию этого стихотворения на основе такого понимания см.: Лурье С. Я. «Разговор тела с духом» в греческой литературе. — В кн.: Древний мир. М., 1962, с. 591.

[16] Семенов В. Древняя русская Пчела. . ., с. 190.

Поскольку из общего анализа древнерусского перевода «Пчелы» видно, что переводчик хорошо знал греческий язык и даже «творчески» относился к переводу, в данном месте можно предполагать описку, особенно если принять чтение «перьвъспинати» в одно слово с соединением двух редко совмещаемых приставок.[17]

Для дополнения и вариантов к тексту Пергаменного списка «Пчелы» Семенов приводит (в виде разночтений) две другие рукописи. В одной из них, приблизительно того же времени, что и основная рукопись, читается: «не перемогу всѣхъ воспоминати».

Этот перевод тоже не соответствует греческому тексту. Не зная, в каких отношениях находятся между собой рукописи, невозможно сказать, является ли вариант Пергаменного списка искажением переписчика чтения второго списка, или во втором списке мы имеем дело с осмыслением непонятного «перьвспинати» вне связи с греческим оригиналом.

В Дерманской «Пчеле» мы снова сталкиваемся с ошибкой переводчика. Перевод таков: «не моугу ти ꙗрости подати вѣтрила всѧ».[18] Слово «вѣтрило» употреблено здесь в нормальном для древнерусского языка значении «парус». Но откуда же в древнерусском переводе он появился? Дело в том, что субстантивированное причастие от глагола ἀραρίσκω (ἄρμενος) — τὰ ἄρμενα [19] может иметь значение «парус». Это спутало нашего переводчика.

Возможно, он усмотрел в греческом тексте метафору, понимая выражение «подати вѣтрила всѧ ꙗрости» как «потворствовать ярости, не смирять ее».

Анализ цитат из Феогнида может служить подтверждением мысли М. Н. Сперанского о том, что автор Дерманского перевода «Пчелы» не был знаком с первым древнерусским переводом или сознательно ему не следовал.[20]

Стихотворения Феогнида воспринимались византийцами как простые наставления и сентенции, никак не противоречащие христианской морали, именно потому этот поэт полнее всех представлен в сборнике изречений в «Пчеле».

---

[17] В «Материалах для словаря. . .» И. И. Срезневского глагол «перьвъспинати» отсутствует. Слов, где бы соединялись приставки *перь* - и *въ*-, также нет.

[18] Сперанский М. Н. Переводные сборники изречений. . ., Приложение, с. 186.

[19] Liddell H. G., Scott R., Jones H. S. Greek-English Lexicon. Oxford, 1968, p. 243.

[20] Сперанский М. Н. Переводные сборники изречений. . ., с. 371.

А. М. МОЛДОВАН

ЛИНГВОТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СПИСКОВ «СЛОВА О ЗАКОНЕ И БЛАГОДАТИ» МИТРОПОЛИТА ИЛАРИОНА

Имя киевского митрополита Илариона хорошо известно в древнерусской истории и литературе, хотя летописных сведений о самом Иларионе до нас дошло очень мало. Известно только, что он был родом «русин», священствовал в с. Берестове — родовой вотчине великих князей под Киевом, был «мужь благъ, и книженъ, и постникъ»; для молитвы ходил из Берестова к Днепру на холм, покрытый лесом, где ископал для себя «печерку малу» (в ней впоследствии поселился Антоний — так было положено начало Печерскому монастырю). В 1051 г. Ярослав Мудрый, «собравъ епископы», возвел его в Софии Киевской на митрополичий стол. Из текста Ярославова Устава-судебника известно, что митрополит Иларион был ближайшим советчиком великого князя.[1] Интерпретация этих сведений содержится в многочисленных исследованиях историков и литературоведов.[2]

Расширить этот скудный объем сведений об Иларионе можно за счет косвенных данных, прежде всего исходя из содержания его знаменитого «Слова о законе и благодати». Благодаря этой возможности определено, что такой смелый политический шаг, как самовольное настолование митрополита (без санкции Константинопольского патриарха), был, вероятней всего, подсказан Ярославу самим Иларионом, убедительной логикой его «Слова о законе и благодати», а проводимая в этом произведении патриотическая идея права Руси на идеологическую и политическую самостоятельность должна была явиться сильным стимулом для стремительного культурного развития древней Руси.

---

[1] Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976, с. 85—139.

[2] Обзор литературы, посвященной Илариону и его «Слову о законе и благодати», дан в книге: Никольский Н. К. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). СПб., 1906, с. 75—90. — Сведения о позднейших исследованиях содержатся в статьях: Никольская А. Б. Слово митрополита киевского Илариона в позднейшей литературной традиции. — Slavia, roč. VII. 1928, seš 3, s. 549—563; 1928, seš 4, s. 853—870; Розов Н. Н. Синодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI в. — Slavia, roč XXXII. 1963, seš 2, s. 141—152.

На основе сопоставления «Слова» с Начальной летописью установлено, что Иларион принимал активное участие в древнерусском летописании,[3] хотя характер и объем этого участия еще не выяснены.

Исходя из того, что после ухода с митрополии Иларион мог постричься в Печерском монастыре, отождествляют его с «Великим» Никоном,[4] с Иоанном — одним из писцов Изборника 1076 г.,[5] видя его в иноке Иларионе, который «бѧше книгамъ хитръ писати».[6] Для доказательства или опровержения подобных гипотез необходимы дополнительные факты, которые рано или поздно, видимо, будут почерпнуты из литературного наследия Илариона, потому что объем этого наследия, если судить по одним только литературным достоинствам «Слова о законе и благодати», должен быть немалым.

Сведения о произведениях, принадлежащих Илариону или приписываемых ему, собрал и систематизировал Н. К. Никольский.[7] Произведений, бесспорно принадлежащих Илариону, он называет всего четыре: «Слово о законе и благодати» (оно было известно Никольскому в 30 списках),[8] «Молитва» (17 списков), «Исповедание веры» (1 список) и небольшой отрывок из поучения священникам (в составе августовского тома Великих Четиих Миней). Произведений, для которых авторство Илариона вероятно, но не доказано, Никольский насчитывает одиннадцать.[9]

Н. К. Никольский распределил известные ему списки «Слова» по четырем редакциям. Главные особенности первых трех редакций определены им на основе состава и полноты текста. Первая редакция сохранила наиболее полный текст «Слова». Она пред-

---

[3] См.: Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, с. 147 и сл.; Адрианова-Перетц В. П. История русской литературы, т. I, ч. 1. М.—Л., 1941, гл. II, с. 40. — В наиболее полном объеме текстуальное сопоставление сходных мест из «Слова» и так называемого «Сказания о первоначальном распространении христианства» осуществлено Д. С. Лихачевым в его докторской диссертации. Результаты этого сопоставления опубликованы в сокращенном издании диссертации: Лихачев Д. С. Русские летописные своды и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, с. 66—70. См. также: Розов Н. Н. К вопросу об участии Илариона в начальном летописании. — Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974, с. 31—36.

[4] См.: Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории киевской Руси X—XI вв. СПб., 1913, с. 165—237.

[5] См.: Popov N. P. Les auteurs de L'izbornik de Svjatoslav de 1076. — Revue des études slaves, т. XV, № 3—4, 1935, с. 210—223; Щепкина М. В. Изборник 1076 года. — Русская речь, 1976, № 6, с. 103—104.

[6] См.: Розов Н. Н. 1) К вопросу об участии. . ., с. 31; 2) Книга древней Руси. М., 1977, с. 45.

[7] Никольский Н. К. Материалы. . ., с. 75—122.

[8] Такое количество остается, если исключить из перечня Никольского список ГБЛ, Иосифо-Волок., № 659, представляющий собой, как и предполагал сам Никольский, переработку «Слова», а также один из названных в перечне по ошибке дважды — список ГПБ, Соф., № 1424.

[9] Никольский Н. К. Материалы. . ., с. 91—106.

ставлена в единственном списке середины XV в., содержащемся в рукописи ГИМ, Синод. № 591 (далее: С-591). Вторая редакция — «усеченная» — отличается от первой главным образом отсутствием в ней заключительной Похвалы Ярославу Мудрому (утратившей свою актуальность после его смерти в 1054 г.). Сейчас известно 39 списков этой редакции, в их числе наиболее ранний из сохранившихся списков «Слова» — его фрагмент в составе так называемых Финляндских отрывков (БАН, Финл. № 37), датируемых концом XIII в. В третьей — «интерполированной» — редакции тоже отсутствует заключительная Похвала Ярославу, но зато имеются две вставки: «Слово о Христе и об Адаме» и «Пророчества» (такие названия они содержат в большинстве списков). Происхождение первой Никольский не выясняет, вторая же, по его наблюдению, представляет собой заимствование составителя 3-й редакции из летописной Речи Философа под 986 г. В настоящее время третья редакция «Слова» известна в 9 полных списках и 3 больших отрывках.

Уже в первой публикации «Слова», осуществленной в 1844 г. А. В. Горским по списку 1-й редакции С-591,[10] издателем были приведены отдельные варианты из трех других известных в то время списков. Этим фактически полагалось начало сопоставительному анализу списков «Слова». В 1848 г. О. М. Бодянский издал «Слово» по древнейшему полному списку 2-й редакции из пергаменного сборника И. Н. Царского (в настоящее время — ГИМ, Увар. № 509),[11] также с разночтениями из других списков и публикации Горского. Аналогичным образом в 1888 г. А. И. Соболевским была осуществлена публикация списка из собрания Ундольского № 560.[12] Однако, выписывая для своих списков отдельные разночтения из других списков, издатели не пытались выяснить отношения между этими списками, определить их текстологию.

Это попытался сделать в наше время немецкий ученый-славист Лудольф Мюллер. В 1962 г. вышла его книга об Иларионе,[13] в которой воспроизведена публикация А. В. Горского, оснащенная Л. Мюллером текстологическим и «реальным» комментарием. Подстрочный аппарат издания Л. Мюллера, а также его выборочный словоуказатель весьма ценны для исследователей «Слова». К сожалению, этим материалом трудно пользоваться

[10] Памятники духовной литературы времен великого князя Ярослава I. М., 1844 — отдельный оттиск из Прибавлений к творениям святых отцов в русском переводе. Ч. II. М., 1844.

[11] ЧОИДР, 1848, т. III, вып. 7, с. 21—41. Публикацию О. М. Бодянского перепечатал Ф. Г. Калугин (Памятники древнерусской церковноучительной литературы, вып. I. СПб., 1894, с. 59—76), который, в свою очередь, тоже привел к ней варианты из других списков.

[12] Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца, кн. 2. Киев, 1888. Отдел II, с. 45—58.

[13] Des Metropoliten Ilarion Lobrede auf Vladimir den Heiligen und Glaubensbekenntnis nach der Erstausgabe von 1844 neu herausgegeben, eingeleitet und erläutert von Ludolf Müller. Wiesbaden, 1962.

в полной мере, так как публикация Горского, как установил Н. Н. Розов, далеко не соответствует списку.[14] Что касается изложенных в книге Л. Мюллера текстологических заключений о списках «Слова», наглядно обобщенных в стемме на с. 44, то они не вполне корректны, поскольку основываются на данных только опубликованных списков, составляющих всего одну восьмую часть сохранившихся списков «Слова».[15]

Задача научной публикации С-591 была осуществлена Н. Н. Розовым,[16] указавшим в предисловии к опубликованному тексту на необходимость исследования произведения Илариона в его списках.[17] Н. Н. Розов пополнил сведения Никольского новыми списками, исследовал текстологические особенности редакций «Слова» (в частности, установил, что 4-я, так называемая «толковая» редакция, известная в единственном списке — ЦГАДА, МГАМИД, № 478/958, на самом деле является переработкой «Слова») [18] и прояснил целый ряд вопросов, связанных с рукописной традицией «Слова».[19]

Достоверность историко-литературных исследований «Слова» Илариона в ряде случаев зависит от данных лингвистического изучения его списков. Между тем с этой точки зрения «Слово» почти не изучено. «Немногочисленные отдельные замечания по поводу языка «Слова» в популярных трудах и пособиях носят общий и поверхностный характер», — заключает Н. А. Мещерский из результатов своего обзора лингвистических работ, касающихся «Слова» Илариона.[20] В значительной степени это положение объясняется отсутствием в течение долгого времени доброкачественной публикации «Слова» и поздней датой С-591 (перво-

[14] См.: Розов Н. Н. Из истории лингвистических публикаций литературных памятников XI в. (Издание А. В. Горским «Слова о законе и благодати»). — В кн.: Вопросы теории и истории языка. Л., 1969, с. 270—278. См. также: Розов Н. Н. Древнейший памятник русской литературы в издании и интерпретации современного немецкого ученого. — ИОЛЯ, т. XXII, вып. 5. М., 1963, с. 449—451.

[15] По этой же причине не свободна от недостатков и новая, исправленная стемма Л. Мюллера, в которой отражены результаты исследования публикации Н. Н. Розова (см.: Russia Mediaevalis, т. II. München, 1975, с. 14). Комментарий к этой стемме содержится в статье: Мюллер Л. Взаимоотношения между опубликованными списками «Слова о законе и благодати» и «Похвалы Владимиру» митрополита Илариона. — В кн.: Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М., 1976, с. 372—379. — В новой стемме Л. Мюллер в целом верно изобразил взаимоотношения между опубликованными списками, однако в его текстологических заключениях все же есть существенные неточности.

[16] Slavia, roč. XXXII. 1963, seš. 2, s. 152—175.

[17] Там же, с. 143.

[18] См.: Розов Н. Н. Рукописная традиция «Слова о законе и благодати». — ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961, с. 44.

[19] Кроме названных статей см. также: Розов Н. Н. Из наблюдений над историей текста «Слова о законе и благодати». — Slavia, roč. XXXV. 1966, seš. 3, s. 365—372.

[20] Мещерский Н. А. К изучению языка «Слова о законе и благодати». — ТОДРЛ, т. XXX. Л., 1976, с. 231.

начально ошибочно датируемого даже XVI в.), которая не привлекала к нему внимания исследователей древнерусского языка раннего периода.

С появлением новой публикации С-591, отличающейся, по нашим наблюдениям, большой степенью точности, стало возможным лингвистическое изучение этого наиболее полного по тексту списка «Слова». Но было бы поспешным анализировать язык этого списка без определения его места в текстологической истории списков «Слова» и без выяснения структуры протографа XI в. Окончательное решение этих вопросов возможно только на основе лингвистических данных списков. Кроме того, даже убедившись, что С-591 сохранил первичную структуру «Слова», невозможно на основании только одного списка определить, какие языковые факты (прежде всего лексика) восходят в нем к XI в., а какие являются позднейшими. Например, слово «каганъ» можно без колебаний считать аутентичным для протографа XI в., так как замена титула «князь» на архаическое «каганъ» в поздних списках просто немыслима. Но трудно столь же определенно возводить к протографу слово «гоститва» из С-591 на фоне разночтений в других списках — «гостивьства», «гостиства», «гостивьство», «гостиньства» и «гощение». Для каких бы то ни было заключений здесь, как и во многих других случаях, необходимы данные текстологии списков «Слова».

Таким образом, цель и методы лингвистического исследования «Слова» взаимосвязаны. Необходимо не только выяснить первичную структуру памятника, но и восстановить его словарный состав, точнее говоря — установить лексическую систему его протографа XI в. Такая цель обусловлена спецификой требований, предъявляемых к описанию лексики как определяющего элемента языковой структуры, описанию, основанному, в частности, на понимании ее семантики, сферы употребления и стилистических функций. Выяснение этих особенностей лексики «Слова» даст возможность в какой-то степени представить тип литературно-языкового мышления людей круга Илариона, что в свою очередь позволит приблизиться к решению вопроса о древнерусском литературном языке. Этот вопрос, как известно, дискутируется до последнего времени без обращения к живым источникам (точнее, при отсутствии таких источников).

Путь к установлению языкового облика протографа «Слова» лежит через текстологическое исследование его списков.

Нами пересмотрено взаимоотношение трех редакций «Слова», особенно 1-й и 3-й. Необходимо было установить, действительно ли интерполированные тексты 3-й редакции являются вставками или их отсутствие в С-591 следует рассматривать как пропуск. От этого зависит, какой текст считать первичным: в 1-й редакции или в 3-й.

С точки зрения композиции произведения вставка «Пророчества» кажется чужеродной из-за неумеренного нагромождения

в ней библейских цитат, не связанных авторскими словами. Само по себе такое наблюдение могло бы остаться дискуссионным, если бы «Пророчества» не включали в себя ряд таких библейских цитат, которые уже имеются в тексте «Слова», общем для всех трех редакций, причем эти дублирующиеся цитаты заметно отличаются по языку. Это тем более очевидно, если учесть, что данные цитаты в основном тексте совершенно не изменяются в списках трех редакций.

Ниже приведены все дублирующиеся в списках 3-й редакции библейские цитаты, в орфографии списка ГБЛ, Овч.-539 (одного из наиболее типичных представителей этой редакции).

Вставка «Пророчества»	Основной текст
л. 316 об., 8—13 Малахѣи же реч. тако глть гь. оуж нѣс ми хотѣниꙗ оу вас. понеж ѡт восток и до запада. имꙗ мое прославитсꙗ во ꙗзыцѣх. и на всꙗком мѣстѣ. принесетсꙗ кадило имени моемꙋ. и жртва чста. зане велие имꙗ мое во ꙗзыцѣх (Малах. 1.10)	*л. 320 об., 22—321, 3* пррокъ Малахѣꙗ рече. нес ми хотѣниꙗ въ сынѣх изрлвѣхь и жеръвты ѡт руки их не приму. понеже ѡт востокъ же и запад. имꙗ мое славимо есть во странах. и на всꙗком мѣстѣ темꙗнъ имꙗни моемꙋ приноситсꙗ. ꙗко имꙗ мое славимо есть въ странах
л. 317, 18—21 Исаиꙗ же рече. ветхаꙗ мимоидоша. и новаꙗ возвещеваю. преже возвѣщениꙗ ꙗвлено бысть намъ. поите бгу ∾ [21] нову (Ис. 42.9—10)	*л. 314, 5—9* по пррочествꙋ Исаинꙋ. ветхаꙗ мимѡидоша. и новаꙗ вам возвѣщаю. ∾ [22] поите бгꙋ пѣс новꙋ. и славимо есть имꙗ его ѡт конець землꙗ. исходꙗщеи в море и плавающеи по немъ. и острови вси
л. 317, 21—23 рабѡтающим ми. прозоветсꙗ имꙗ новѡ. еже блсвисꙗ по всеи земли (Ис. 65.15—16)	*л. 314, 10—11* работающим ми наречетсꙗ имꙗ ново. еже блгсвꙗтсꙗ на земли
л. 317, 24—317 об., 3 ѡткрыеть гь мышцю свою стую. пред всѣми ꙗзыки. и оузрꙗть вси конци землꙗ спсение же ѡт бга нашего (Ис. 52.10)	*л. 322 об., 1—4* ѡткрыеть мышцꙋ свою стꙋю. прѣд всѣми ꙗзыкы и оузрꙗть вси конци землꙗ спсение еже ѡт бга нашего
л. 317 об., 3—4 хвалите га вси ꙗзыци. похвалите его вси людие (Пс. 116.1)	*л. 322 об., 24—25* хвалите га вси ꙗзыци и похвалите его вси людие
л. 317 об., 13—14 [не съль] [23] ни вѣстникъ. но сам пришед спсет'ны (Ис. 63.9)	*л. 309, 10—11* не ходатаи ни вѣстникъ. но сам пришед спсе ны

Как видим, бо́льшая часть цитат из вставки, дублирующих цитаты, имеющиеся в тексте Илариона, отличается от последних по языку и по местоположению пропусков (разночтений не содер-

[21] «Пѣснь» пропущено во всех списках 3-й редакции.

[22] Здесь пропуск во всех списках трех редакций, вероятно восходящий к протографу «Слова».

[23] «Не съль» в Овч-539 пропущено, но оно есть во всех остальных списках 3-й редакции.

жат только две предпоследние цитаты (из Ис. 52.10 и Пс. 116.1)), а высказывание из Малахии, по-видимому, даже представлено в двух разных переводах. Из этого следует, что данной вставки не могло быть в протографе XI в. Другими словами — это именно вставка, а не отрывок «Слова», утраченный в списках 1-й и 2-й редакций.

Цитаты из вставки, как нами установлено, идентичны соответствующим цитатам в составе Речи Философа,[24] что окончательно указывает на летописное происхождение данной вставки.

Чужеродность вставки в тексте «Слова» доказывается и тем, что на ее месте в списках 1-й и 2-й редакций нет нарушения последовательности изложения. «Пророчествам» предшествует рассуждение о богочеловеческой природе Христа, а после них следует резюмирующее это рассуждение риторическое восклицание: «Поистинѣ, кто бъ велии, ꙗко бъ нашь!..» (*л. 177б, 9—10*).[25]

Наконец, последнее. Во всех списках 3-й редакции перед началом вставки имеется заглавие: в 6 списках — «Прорчниа о разорении Июдѣи», в 3 — «Пророчество», в одном — «О пророчествѣ». В большинстве списков (Овч-539, Арх-41, Син-182, Син-996, Соф-1323, Соф-1424) «Пророчества» включают в себя и подзаголовки — «О воплощении бжии», «О стрсти его», «О въскрснии», — после которых, как правило, текст начинается с малого киноварного инициала. Между тем в основном тексте «Слова», общем для трех редакций, заголовки и подзаголовки вообще отсутствуют.[26]

Озаглавлена во всех списках 3-й редакции и первая вставка: в МПк, Сол-518, Акд-198 — «Слово о Хѣ и о Адамѣ»; в Муз-9091 — «Слово о Адамѣ и о Хсѣ воплощении»; в остальных — «О Хрстѣ и о Адамѣ». Внутри этой вставки, как и в «Пророчествах», имеется подзаголовок: «О бцѣ» (Овч-539, Соф-1323, Син-182, Син-996. Варианты: «О стѣи бци» (Арх-41, Соф-1424) и «О прстѣ бцѣ» (Муз-9091)). В списке Муз-9091, кроме того, есть подзаголовок «О крстѣ Хсвѣ».

Вопрос о происхождении «Слова о Христе и об Адаме» исследователями не выяснялся. Н. Н. Розов характеризует его как плод

---

[24] См.: ПСРЛ, т. I. М., 1962, стб. 98; ПСРЛ, т. II. М., 1962, стб. 85. Отличие библейских цитат, употребляемых Иларионом, от летописных нужно учесть при выяснении принадлежности Илариону «Сказания о первоначальном происхождении христианства» (см. прим. 3).

[25] Здесь и далее цитаты из «Слова» приводятся по С-591.

[26] Исключением является только заглавие Похвалы Владимиру, имеющееся во всех списках 3-й редакции. Очевидно, здесь его стали надписывать по аналогии с заголовками вставок. Любопытно, что местоположение для этого заголовка («Похвала Владимеру», «Похвала кагану нашему Володимеру») неизвестный «соавтор» Илариона (автор архетипа 3-й редакции) выбрал неверно: Похвала начинается со слов «Хвалить же похвальными гласы римьская страна Петра и Паула. . .», а заголовок стоит спустя целый «абзац» — перед словами «Похвалим же и мы. . .».

богословских упражнений одного из переписчиков «Слова о законе и благодати».[27] В самом деле, древнерусским книжникам, «прѣизлиха насыштьшимсѧ сладости книжныа», должно было казаться соблазнительным занятием сопоставление Христа с Адамом, распознавание в их судьбах божественного предопределения, как и вообще — объяснение новозаветных моментов из ветхозаветных. В частности, это сопоставление содержится в ответе Философа князю Владимиру,[28] текст которого, без сомнения, родствен «Слову о Христе и об Адаме», хотя дословных совпадений между ними нет.

Идея сопоставления Христа с Адамом заимствована у византийских писателей. Так, у Иоанна Златоуста в начале его «Слова о праотце нашем об Адаме» аналогичные рассуждения излагаются в той же последовательности, что и в «Слове о Христе и об Адаме».

Сло*в* Иоана Златоѹстаго о праѿци пашемъ о Адамѣ (список XVI в. из ркп. ГБЛ, Муз.-9091, *л. 208а*)	Вставка «Слово о Христе и об Адаме» (список из ркп. ГБЛ, Овч.-539, *лл. 309 и 310*)
ѡт двыѧ землѧ сътвори бъ Адама тѣмъ же ѡбразом ѡ*т* двы ро*ди*сѧ Хс, на поновълепие ѡбетшавъшемоу члкоу.	Того ради Хсъ ѡт чстыа двы родисѧ. понеже Адамъ ѡ*т* чстыа землѧ созданъ бы*с* (*л. 309*)
Ѧко*ж* ѡ*т* Адама ребро иземъ сътвори женѹ. и не ѡхоуди Адама, такоже и двца моу*ж*а породи, и не исказп двъства, ꙗкоже Адамъ без жены женѹ р*ѡди* тако*ж* и два ѧ без мѹжа моужь роди.	ꙗко же Адам безь ꙗзвы бы*с*. вынꙗтѹ ребрѹ ѡт него. тако и бца рожьши Х*с*а. двою бы*с* ꙗко не рож*д*ьши. ꙗко же Адам ребром своим не поболѣ вынѧтомъ. тако и дѣва ѧ не поболе родивши Ха. . . пѣрвѣе бо взѧта бы*с* жена ѡ*т* мѹжа и бысть изгнание из раѧ. зато нпѣ жена мѹжь роди и вьведе члкы в раи (*л. 310*).

Древнерусский вариант «Слова о Христе и об Адаме» мог быть создан и самим Иларионом, хотя, по нашим наблюдениям, язык этого Слова несколько отличается от языка Илариона. В частности, в произведениях Илариона Богородица характеризуется как «дѣвица» («въплотисѧ отъ дѣвицѣ» — в «Слове о законе и благодати», «въселисѧ въ оутробоу двцѣ М*р*ии», «родисѧ. . . матерь двцею съхрань» — в «Исповедании веры»), во вставке же — только «дѣва» («Х*с*ъ от чстыа двы родисѧ», «бца рожьши Хса двою бы*с*»). Иларион называет библейских евреев всегда только по вере — иудеями, отождествляя, очевидно, это наименование

---

[27] Розов Н. Н. Рукописная традиция «Слова о законе и благодати», с. 47.

[28] См.: ПСРЛ, т. I, стб. 104—106.

с этническим: «ꙗко ҷлка тщаахѫсѧ иудеи оутаити въскрсение, мьздѧще стражи» (*л. 177б, 4—6*); «расѣꙗни быша иудеи по странамъ» (*л. 179а, 20—21*); «иудеи оубити его искаахѫ» (*л. 179б, 9—10*) и т. д. Во вставке же в единственном случае употреблено этнонимическое прилагательное (как в большинстве древнерусских текстов — в Толк. Палее и др.): «Хсъ возненавидѣнъ быс жидовьскими книжники» (*Овч-539, л. 309 об.*). Во всяком случае Илариону были известны подобные рассуждения, о чем свидетельствует его фраза в «Слове о законе и благодати»: «Поистинѣ кто бъ велии ꙗко бъ нашь. тъ есть бъ творѧи чюдеса съдѣла спсение посредѣ землѧ. крстом и мѫкою. на мѣстѣ лобнѣмь. вькѫсивъ оцта и зълчи. да сластнаго вькѫшениа Адамова еже от дрѣва прѣстѫпление и грѣх. вькѫшениемь горести проженеть» (*л. 177б, 9—18*).

Однако даже если Иларион и является автором «Слова о Христе и об Адаме», оно все же не могло содержаться в протографе «Слова о законе и благодати». Во-первых, это самостоятельное произведение, озаглавленное с указанием на его жанр («слово»). Во-вторых, оно не «вписывается» в контекст «Слова о законе и благодати», разрывает в нем единое по смыслу, достаточно пространное высказывание. В предшествующей фразе сказано об искупительной деятельности Христа: «. . . Не соль. ни вѣстникъ. нъ самъ спсе ны. не привидѣниемь пришедъ на землю. но истинно. пострадавы за ны плотию и до гроба. и съ собою въскрѣсив ны» (*л. 168б, 13—18*); а после вставки следует развитие этого тезиса: «Къ живоущиимъ *бо* на земли человѣкомъ. въ плоть одѣвьсѧ приде. къ соущиимъ же въ адѣ. распѧтиемь и въ гробѣ полежаниемь съниде. да обои и живии и мертвии познають посѣщение свое. и божие прихождение. . .» (*л. 168б, 19—169а, 4*).

Все это вместе взятое показывает, что структурные элементы, составляющие главную особенность 3-й редакции «Слова», являются вставками. Это подтверждает выводы Н. К. Никольского и Н. Н. Розова о рукописной традиции «Слова».

Специфика данного источника состоит в том, что его текст сохранялся переписчиками с высокой степенью точности. Мелкие текстологические отличия имеют, как правило, случайный характер (выпадение слова или словосочетания, описки и т. п.). Ни в одном списке нет перестановок или перефразирования предложений; даже в списках XVII в. нет сколько-нибудь последовательной замены древней лексики на новую. Языковые отличия связаны не столько с активностью последнего писца, сколько с особенностями текстологической группы (ветви), к которой относится данный список. Так, например, замена уже упоминавшегося древнерусского титула великого князя «каган» (слово, заимствованное Русью у хозар) на «князь» в заглавии «Слова» наблюдается во всех списках сравнительно ранней Егоровской ветви, а также

в нескольких родственных между собой, сравнительно архаичных по своему тексту списках; между тем в большинстве списков, включая списки начала XVII в., это древнее слово сохранено, там читаем «каган». Следовательно, замена «каган» — «князь» является текстологической.[29]

Текстология «Слова» сводится в значительной степени лишь к языковым отличиям его списков. Поэтому для исследования избран лингвотекстологический метод, предложенный Л. П. Жуковской и апробированный в ее работах,[30] а также работах ее учеников Т. А. Алексеевой,[31] Г. С. Баранковой [32] и Д. С. Ищенко.

За основу для сопоставления списков нами был принят список первой редакции С-591, по отношению к которому все текстологические особенности списков других редакций условно квалифицировались как пропуски, вставки, инверсии, лексические и фразовые замены и т. п. Выбор главного списка был продиктован рядом причин. 1) Он отражает текст наиболее ранней редакции. 2) Как видно даже при поверхностном сопоставлении, он уникален по полноте текстовой структуры, исконность которой в ряде случаев может быть доказана лингвистически. Например, во всех списках 2-й и 3-й редакций, за исключением Кир-134 и Муз-9091,[33] в предложении «По сихъ же оуже старꙋ сѫщоу Авраамоу и Саррѣ, ꙗвиса б҃ъ Авраамѫ, сѣдащѫ емѫ прѣд дверьми кѫщкѣ его. . .» (по тексту 1-й редакции, *л. 171а, 3—6*) наблюдается инверсия — «По сихъ же старꙋ сꙋщоу Аврааму и Саррѣ, сѣдащу емоу пред дверьми куща своеа. . ., ꙗвиса богъ Авраамоу», — при которой дательный самостоятельный оборот «сѣдащѫ емоу пред дверьми. . .» уже не согласуется с предшествующим словом («Сарре» или «Аврааму и Сарре»). Это указывает на первичность структуры данного предложения в С-591, Кир-134 и Муз-9091. 3) Этот список сохранил ряд характерных особенностей восточнославянского языка XI в. Первым из лингвистов на это указал Н. А. Мещерский,[34] отметив, в частности, полногласие в имени «Володимер»,

---

[29] Это подтверждается и тем, что в другом месте «Слова» — в предложении «съвлѣче же сѧ оубо каганъ нашь» (л. *186*, *5—6*) — ни в одном из списков слово «каганъ» не заменено.

[30] См.: Жуковская Л. П. 1) Памятники письменности традиционного содержания как лингвистический источник. (Их значение и методика исследования). — В кн.: Исследования по лингвистическому источниковедению. М., 1963, с. 20—35; 2) Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976; и др.

[31] Алексеева Т. А. Лексика «Слов» Кирилла Туровского. Автореф. канд. дис. М., 1975.

[32] Баранкова Г. С. Лексика русских списков «Шестоднева» Иоанна экзарха Болгарского. Автореф. канд. дис. М., 1977.

[33] Списки из рукописей ГПБ, Кир-134, ГБЛ, Муз., 9091.

[34] Мнение о том, что язык Илариона отражает восточнославянскую речевую основу, высказывалось и ранее, но без специальных обоснований (см.: Бродская В. В., Цаленчук С. О. История русского литературного языка. Ч. I. X—XVIII вв. Львов, 1957, с. 39—42).

систематическое использование восточнославянской флексии -ѣ в род. пад. ед. ч., в именит.-винит. пад. мн. ч. склонения на *-ja* и винит. пад. мн. ч. склонения на -jo («от дѣвицѣ» *л. 176а, 15*; «от троицѣ» *л. 176а, 19*; «птеньцѣ» *л. 179а, 12*; «за овцѣ» *л. 195б, 11*; «жены и младенцѣ спси» *л. 199а, 6* и др.), флексии местоимения ж. р. в род. пад. («от неѣ» *л. 170б, 10*; «къ рабѣ еѣ» *л. 170б, 16*), отсутствие второй палатализации *к* перед ѣ в дат.-местн. пад. ед. ч. ж. р. существительных и прилагательных («въ рѫськѣ» *л. 185а, 5*; «гречьскѣ» *л. 185б, 11*; «кѫшкѣ» *л. 171а, 6*) и др.[35] Сохранение подобных особенностей в позднем списке вопреки воздействию второго южнославянского влияния свидетельствует о том, что С-591 отдален от протографа «Слова» небольшим числом промежуточных списков.

В процессе сопоставления списков нами учитывались все разночтения, которые в принципе могли бы оказаться текстологическими. Фиксировались все вставки, инверсии и ошибки, искажающие форму и смысл слов и словосочетаний. Что касается отдельных лексем, то здесь были приняты следующие, не строго соблюдаемые ограничения. Фонетические особенности, как правило, могут быть не связаны непосредственно с текстологией памятника, поэтому в нашем случае их полностью учитывать не следует. Это не значит, что фонетическими особенностями списков можно вообще пренебречь в текстологическом исследовании. В ряде случаев только они позволяют пролить свет на происхождение списка, историю сложения текста и т. п. Так, например, время и место написания «Повести о перенесении Давыдом Ростиславичем ветхих гробниц Бориса и Глеба из Вышгорода в Борисоглебский монастырь на Смядыне» были определены недавно именно на основе фонетических особенностей ее единственного списка[36] из сборника ГБЛ, ф. 303, Тр.-Серг. № 793. На основании палеографического и кодикологического анализа было установлено, что писцом этой повести в данном сборнике-конволюте написана еще одна повесть — Повесть о Темир Аксаке. Сопоставление фонетических особенностей двух текстов, написанных одним писцом, показало, что характерная для списка «Повести о перенесении. . .» смоленская диалектная черта — написание е на месте ѣ и наоборот («при Двде» вм. «при Двдѣ», «в Вышегороде» вм. «в Вышегородѣ», «погребѣна» вм. «погребена» и т. п.) — совершенно не свойственна списку Повести о Темир Аксаке. Следовательно, она не появилась под пером писца XVI в., а является особенностью прототипа данного списка. Как выяснилось, в исследуемом списке «Повести

---

[35] Мещерский Н. А. К изучению языка «Слова о законе и благодати», с. 235—236.

[36] См.: Воронин Н. Н., Жуковская Л. П. К истории смоленской литературы XII в. — В кн.: Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М., 1976, с. 69—75.

о перенесении. . .» отражено также очень древнее состояние редуцированных Ъ и Ь, что, в совокупности с древними морфологическими чертами, позволило датировать протограф этого сохранившегося списка концом XII в. Совмещение полученных данных привело к заключению, что «Повесть о перенесении. . .» является памятником смоленской литературы конца XII в.

Столь же надежным показателем происхождения какого-либо списка является, как известно, и новгородско-псковская диалектная фонетическая особенность — цоканье.

Дата большинства списков «Слова» приходится на период второго южнославянского влияния, отразившегося прежде всего на орфографии и тем самым исказившего фонетический облик древнерусских текстов. Однако не следует думать, что орфография списков легко изменялась в соответствии с орфографическими принципами последнего писца. Как выяснилось, в большинстве списков «Слова» наблюдается закономерность в употреблении древнерусского **ж** из ***dj**, а именно: в ряде списков в одних случаях пишется **ж** («пре**ж**е», «ра**ж**ати», «ро**ж**енъ», «заблоу**ж**ение» и т. п.), а в других — **жд**, причем оба написания могут употребляться в одной и той же лексеме в пределах одного предложения («прѣ**жд**е законъ. ти потомь бл҃гдть. прѣ**ж**е стѣнь. ти потомь истина»). Однако это не значит, что текстология списков «Слова» может быть определена на основании этих данных.

Таким образом, в отношении фонетических особенностей списков было решено, что при генеральном распределении списков по редакциям и текстологическим ветвям, а также при выяснении наиболее древнего текста эти особенности не следует принимать во внимание, но нужно прибегнуть к ним, когда будет определен круг наиболее архаичных по тексту списков «Слова».

Нельзя опираться в текстологии памятника также и на разрозненные морфологические данные, поскольку в ряде случаев они связаны не с историей текста в его списках, а с общим развитием языка, в результате которого, например, старое окончание **-омъ** дат. пад. мн. ч. прилагательных (*глꙋх***омъ**) закономерно заменяется **-имъ** (*глꙋх***имъ**), древнерусская форма дат. пад. указательного местоимения *тобѣ* заменяется, по аналогии с формой родит.-винит. пад., *тебе*, совпадая со старославянской формой дат. пад., и т. п.

По мере завершения сверки списков и в особенности на стадии обработки полученных данных из числа **потенциально** текстологически значимых разночтений отбирались те, которые **действительно** оказались значимыми, т. е. те, которые повторялись хотя бы в нескольких списках. Так, были исключены из рассмотрения лексемы-варианты, отмеченные только в единичных случаях, *славим* (вм. *прославлѧемь*), *съвоскресивъ* (вм. *въскресивъ*), *ст҃ыѧ* (вм. *ч҃стыѧ*), *проуготованное* (вм. *проуготование*), *обыкнемь* (вм. *обыкнеть*) и мн. др.

Не использовались для первичной текстологической группировки списков и такие лексические разночтения, которые, по тем или иным причинам, могли бы иметь нетекстологический характер. Например, не рассматривалось наличие в двух списках 2-й редакции и во всех списках 3-й редакции (за исключением одного) варианта причастной формы *сохранивъ* вместо *съхрань* — как во всех остальных списках 2-й редакции («пѣчати цѣлы съхрань» *л. 177б, 3—4*). Такой факт еще не значит, что между этими списками есть какая-то связь, так как *съхрань* — это древняя форма причастия, а *сохранивъ* — новая, которая могла появиться в разных списках независимо друг от друга. Подобным образом не учитывалось на этом этапе и наличие в одном списке 3-й редакции разночтения, свойственного группе списков 2-й редакции, — *проповѣдаахоу* (вм. *повѣдаахѫ*, в предложении «Моисеи бо и пророци ѡ Христовѣ пришествии повѣдаахѫ» *169б, 5—6*), — которое не обязательно свидетельствует об их общности, так как слово *повѣдаахѫ* в данном контексте таит в себе явную возможность прочтения его как *проповѣдаахѫ* — разными писцами совершенно независимо друг от друга.

Такого рода разночтения будут впоследствии соотнесены с выводами о текстологических особенностях отдельных ветвей списков, и тогда выяснится степень их значимости.

Для удобства «фронтального» сопоставления списков трех редакций было принято условное понятие **архетипа сохранившихся списков данной редакции**, который может не совпадать с **архетипом данной редакции**, т. е. с текстом составителя данной редакции.[37]

Сопоставление показало, что структурным особенностям редакций «Слова», их архитектонике, соответствуют и лингвотекстологические особенности списков этих редакций в общем для них тексте. Это доказывает, что редакции «Слова» были определены правильно.

Вместе с тем обращает на себя внимание, что пропуски, вставки, инверсии, лексические и фразовые замены архетипов сохранившихся списков 2-й и 3-й редакций («архетипа-2» и «архетипа-3») во многом совпадают. В частности, лексемам С-591 *великъ*, *положи*, *обѧтъ*, *времена*, *прозвахомсѧ* и т. д. во всех списках 2-й и 3-й редакций соответствуют: *велии*, *положивыи*, *исполни*, *времѧ*, *нарекохомьсѧ* и т. д. Это позволяет заключить, что списки 2-й и 3-й редакций восходят к одному общему архетипу 2-й редакции; точнее говоря, архетип 3-й редакции был создан на основе одного из ранних списков именно 2-й, а не 1-й редакции. Догадка о существовании такого списка (у нас — «список Б») нашла отражение

[37] На необходимость различения этих понятий указал Д. С. Лихачев (см.: Лихачев Д. С. Текстология. М.—Л., 1962, с. 129).

в стеммах Л. Мюллера («список β²»)[38] и была аргументирована текстологическими наблюдениями Н. Н. Розова.[39]

Список Б имеет решающее значение для определения аутентичного текста 1-й редакции, поэтому было важно с максимальной полнотой восстановить особенности его текста. Кроме особенностей, сохранившихся во всех списках 2-й и 3-й редакций и выявленных при их сопоставлении, список Б содержал и такие особенности, которые сохранились только в какой-то группе списков или даже в одном списке.

Учитывая, что архетип 3-й редакции был создан на основе списка Б 2-й редакции, можно с уверенностью считать, что всякое текстологически значимое совпадение любого из списков 3-й редакции с С-591 или с каким-либо списком (или списками) 2-й редакции является особенностью списка Б. Весьма ценными являются показания наиболее архаической ветви 3-й редакции, представленной списками Кир-134 и Муз-9091. К сожалению, оба эти списка являются только отрывками «Слова», хотя и большими. (Кир-134 состоит из двух вставок и текста «Слова» между ними, Муз-9091 представляет собой вставку «Слово о Христе и об Адаме» с примыкающим к ней отрывком «Слова» вплоть до того места, где в 3-й редакции начинаются пророчества). Судя по кодикологическим данным, исключающим возможность утраты листов в этих рукописях, и принимая во внимание необычность заголовка Муз-9091 («Слово о Адамѣ и о Хсѣ воплощении»), можно полагать, что такие отрывки имели самостоятельное «хождение». Это значительно увеличивает ценность содержащихся в них сведений, позволяющих восстановить соответствующий отрывок списка Б. Выяснилось, что из десяти пропущенных на протяжении этого отрывка в списках 2-й и 3-й редакций слов и словосочетаний в Муз-9091 пропущено только пять, а в Кир-134 — три. Из 15 вставленных слов и словосочетаний в Муз-9091 есть только три, в Кир-134 — четыре. Из 10 инверсий в Муз-9091 имеется пять, в Кир-134 — только одна. Бóльшая часть лексики С-591, варьирующаяся в этом отрывке по спискам 2-й и 3-й редакций (*прѣмѹдрости—мудрости*, *таинаа—оутаеная*, *вълѣзи—вънииди*, *състолен—съпрестоленъ*, *пастѫхы—пастыри*, *поклонение—поклонъ*, *съпропѧтаасо—сърaспѧтаго* и *распѧтаго* и др.), в этих двух списках сохранена без изменений.

Малочисленность выявленных разночтений отрывка списка Б с С-591 показывает, что список Б существенно не отличался от своего прототипа 1-й редакции.

Остальная часть списка Б восстанавливалась нами по спорадическим совпадениям списков 3-й редакции с С-591 и с отдельными

---

[38] См.: Des Metropoliten Ilarion Lobrede. . ., с. 44, 145; Мюллер Л. Взаимоотношения между опубликованными списками. . ., с. 372—379.

[39] Розов Н. Н. Из наблюдений над историей текста «Слова о законе и благодати», с. 369.

списками 2-й редакции (на фоне более или менее единообразных разночтений в остальных списках). Так, в частности, была установлена аутентичность слов из С-591: *покланаютсѧ* (при варианте *кланаютсѧ*), *солъ* (вар. *посолъ*, *ходатаи*), *и обое* (*новое*,) *зълчи* (*жолчи*, *желчи*), *чадомъ* (*отъ чадъ*), *събирати* (*събрати*), *простр҄ѣсѧ* (*распространетсѧ*), *велико* (*славимо есть*) и др. Наибольшее число сохранившихся в этой части древних слов отмечено в списках из рукописей ГИМ, Музейск. № 207 и БАН Лит. ССР, Вилен. № 105.

Одновременно в результате проведенных сопоставлений были определены древнейшие разночтения с С-591, восходящие к списку Б или предшествующим ему спискам. Эти сведения позволяет откорректировать сопоставление С-591 с древнейшими текстами (XII—XIII вв.), в которых содержатся цитаты из «Слова» («Обычное» житие князя Владимира, Житие Леонтия Ростовского, Житие Симеона (Стефана I) Немани и др.).

Таким образом, лингвотекстологическое сопоставление всех сохранившихся списков «Слова» со списком его 1-й редакции — С-591 — позволило выявить в последнем все его особенности на фоне древнейшего состава остальных списков и одновременно определить в С-591, с необходимой аргументацией, текст протографа XI в. Этот текст представляет большую ценность как для историков языка, изучающих языковую ситуацию Древней Руси XI в., так и для литературоведов, изучающих стиль наиболее раннего из известных нам древнерусских литературных произведений.

Е. А. ФЕТ

НОВЫЕ ФАКТЫ К ИСТОРИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ПРОЛОГА

1

Пролог, появление которого восходит к первым векам русской письменности, был любимым чтением наших предков. Его переписывали сотни раз, и редкий нравоучительный сборник обходился без проложных выписок. Моралисты самых разных толков — от Кирилла Туровского до Льва Толстого — находили в Прологе свои аргументы. Ибо содержание Пролога было поучительно и разнообразно: расположенные день за днем, в календарном порядке, здесь читались многочисленные жития святых греческой и русской церкви — краткие, но живописные. Кроме того, в конце каждого дня читатель встречал небольшое литературное добавление в виде патеричного рассказа, поучения или притчи. Иногда это был занимательный отрывок из обширного жития Андрея Юродивого или из романа о Варлааме и Иоасафе. В других случаях — это объяснение праздника, явившееся из-под пера русского книжника. Происхождение некоторых рассказов, скорее настоящих восточных сказок, остается загадкой. Неясным, собственно, является многое в истории Пролога: если обстоятельства его перевода на славянский язык до сих пор вызывают противоречивые суждения, то еще менее изучено его дальнейшее развитие на русской почве.

Путеводной нитью при изучении этого памятника, значительного по объему и дошедшего до нас почти в тысяче списков, должен стать взгляд на состав Пролога в целом. Ни в коем случае нельзя рассматривать Пролог как сборник, части которого были произвольно заменяемы. Напротив, это необыкновенно цельное и устойчивое произведение, интерполяции в тексте которого появлялись крайне редко.[1] Подобная консервативность переписчиков объяснялась, по-видимому, исходной замкнутостью структуры Пролога: монотонный календарный порядок следования житий, неизменно одна (в первоначальном виде Пролога) литературная статья после них. Несомненно также, что авторитетность Пролога, книги некогда богослужебной, создала вокруг него эту броню

[1] Серебрянский называет их «невольными нарушениями переписчиков» (С е р е б р я н с к и й Н. Древнерусские княжеские жития. М., 1915, с. 110).

канона. Известно, что его текст на Руси только один раз подвергался переделке, и эта 2-я редакция Пролога, так же как и 1-я, переписывалась с исключительным постоянством.[2]

Общую картину истории Пролога можно представить следующим образом. Годовой сборник кратких житий (и только житий!) — греческий Синаксарь — был в конце XI либо в начале XII в. переведен на славянский язык. Скорее всего, это произошло на Руси.[3] Вскоре он попал оттуда к южным славянам, где имел независимую, хотя и недолгую историю. На Руси тем временем Синаксарь получил название Пролога и около середины XII в. включил в себя названные выше дополнительные статьи.

Внесение литературных статей было единовременным, причем «слова» и поучения подбирались специально для Пролога, а для некоторых дней даже сочинялись. Эта замечательная выборка — нравоучительный отдел Пролога — в значительной мере способствовала его популярности и широкому распространению. Более того, для нас она имеет особенное значение благодаря тому, что здесь, в содержании этого отдела, отразились вкусы и намерения русских книжников, составлявших 1-ю редакцию Пролога. Заметим, что первоначальный Синаксарь вследствие этого распространения увеличился в объеме и был разделен на две части — сентябрьскую и мартовскую половины года, — которые стали переписываться в дальнейшем уже независимо друг от друга.

В XIII в. Пролог редактируется второй раз. При этом в житийном отделе было сделано около 60 изменений, главным образом дополнения из Четьих Миней. Нравоучительная часть была увеличена почти вдвое, т. е. под каждым числом было добавлено еще по одному поучению. При взгляде на Пролог как на единое произведение нельзя усомниться в том, что изменения нравоучительного отдела имели такой же редакционный характер, как и изменения житийного отдела.[4]

Однако, несмотря на популярность Пролога, не было отмечено случая, чтобы текст его еще раз пополнялся или переделывался

---

[2] Честь различения двух редакций древнерусского Пролога принадлежит крупнейшему исследователю его — архим. Сергию (С е р г и й. Полный месяцеслов Востока. Т. I. Восточная агиология. М., 1875, с. 242—263).

[3] Точка зрения А. И. Соболевского (С о б о л е в с к и й А. И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. VIII. Особенности русских переводов домонгольского периода. СПб., 1910, с. 176), поддержанная В. Мошиным (M o š i n V. Slavenska redakcija prologa Konstantina Mokisijskog u svetlosti visantijsko-slavenskih odnosa XII—XIII vijeka. Zbornik Historijskog instituta jugoslavenske akademije. Vol. 2. Zagreb, 1959, p. 1—48). По другой версии, перевод был сделан русскими совместно с южными славянами в Константинополе (С п е р а н с к и й М. Н. К истории взаимоотношений русской и югославянской литератур. — ИОРЯС, т. XXVI, 1923, с. 143—206).

[4] Это замечание необходимо, так как никто из исследователей Пролога, делая свои выводы на основании изучения его агиографической части, не обращался за подтверждением их к нравоучительным прибавлениям.

в соответствии с современными требованиями или чьими-то пристрастиями.

1-я редакция, преобладавшая в пергаменных списках, к середине XVI в. постепенно уходит со сцены. В это время торжествует 2-я редакция, давшая в XVI в. огромное количество стандартных списков. Наконец, в XVII в. рукописная традиция прерывается, так как начинают появляться одно за другим печатные издания Пролога.[5]

Из всего сказанного понятно, что указание на любые — особенно крупные — изменения, производившиеся в тексте Пролога, было бы важно для восстановления его истории. Действительно, при изучении бумажных Прологов XV—XVII вв. обнаружилась группа списков, содержащих значительные отличия от известных текстов Пролога. Рассмотрение этих списков позволило установить, что в XV в. в Пскове была осуществлена еще одна, третья по счету, переделка текста Пролога, которую мы предлагаем предварительно назвать 3-й редакцией Пролога.

2

Этот новый вид проложного текста известен по тринадцати спискам конца XV—начала XVII в. (см. Приложение I). Все они — за сентябрьскую половину года. Параллельный текст за вторую половину года пока не известен, но будет, по-видимому, обнаружен по мере приведения в известность бумажных Прологов мартовской половины. Право на отдельное исследование Прологов сентябрьской и мартовской половины вполне обосновано ввиду того обстоятельства, что они переписывались независимо. Между тем значительность произведенных изменений позволяет предполагать редактирование, предпринятое по отношению к полному тексту Пролога.

Насколько известно, этот вид Пролога как новая редакция его, как переработка в целом его состава не был описан. Только Д. Богданович мимоходом отмечает особенность одного из списков (ГБЛ, собр. Долгова, № 39).[6]

---

[5] Наряду с описываемым здесь обыкновенным, т. е. «нестишным», Прологом на Руси обращался стишной Пролог, имевший независимое происхождение (история его до сих пор не исследована). Он был принесен в конце XIV в. из Сербии, переписывался на Руси в нескольких редакциях и был использован при составлении первого печатного Пролога 1641 г. Однако на развитие «нестишного» рукописного Пролога он не оказал влияния.

[6] Он называет его «интересной комбинацией, в которой проложные тексты старого типа объединены с патеричными статьями» (Богданови ћ Д. Пролошко житиjе светог Саве у руском рукопису XVI века. — Зборник Матице Српске за кньижевност и jезик. Кньига XXIII/2 за 1975 г. Београд, 1976, с. 256). Приношу благодарность А. А. Турилову, любезно сообщившему мне этот факт.

В списках нового вида бросается в глаза необычность нравоучительного отдела. Он расширен по сравнению с текстом 1-й редакции, но это совсем не те слова и поучения, которые были добавлены при составлении 2-й редакции. Здесь мы находим 126 новых нравоучительных статей, дотоле неизвестных в Прологе. Этот комплекс стабильно повторяется во всех списках, так как новая редакция традиционно переписывается без изменений (за одним исключением, о котором ниже). Поэтому при сопоставлении списков легко восстанавливается их архетип, исходный вид 3-й редакции. В довершение всего в Псковском музее был найден список, прямо восходящий к этому исходному виду, — протограф новой редакции.

Составители (или составитель) ее воспользовались 1-й редакцией Пролога. При этом достоверно устанавливается, что 2-я редакция не получила в их труде никакого отражения. Было сделано следующее. Заглавие, бывшее кратким в 1-й редакции («Пролог с богом починаем» или «Книги рекомыи Пролог»), распространяется и выглядит так: «Прилог о бозе починаем, сиречь жития и деяния святых апостол, и святитель, и преподобных отец, и преподобных жен, и святых мученик и мучениц, где которой родился или жил, в котором граде, или веси, или в пустыни, или где преставился, в коемь царствии, или при коемь цари, или при коемь мучители замучен бысть. И събрано бысть трудолюбезным отцем Ильею» (Илья — составитель Синаксаря, упоминаемый в предисловии к Прологу).

Переписывая жития и поучения 1-й редакции, составитель делает в древнем тексте некоторые поновления и разъяснения для большей вразумительности. Приведем примеры.

	1-я редакция	3-я редакция
1)	древо же, еже от двою мышью погрызаемо есть беспрестани, — путь есть, яко жившю комуждо, яко дым погибнут.	древо же, еже от двою мышью подгрызаемо непрестанно, — черная убо нощь, а белая день, — путь есть, яко жившю комуждо, яко дым погибнут.
2)	Ни дерзающим же им пред лицем его обличити, брату цареву глаголаша, да глаголеть цареви — не достоить бо досажати на славу царьского венца.	Ни дерзающим им пред лицем его, и глаголаша в себе: Да обличить брата своего царя брат его по плоти, да глаголеть цареви — не достоить бо досажати на славу царского венца.

Почти всюду в конце каждого дня, вслед за поучением из 1-й редакции, редактор добавляет одно или два новых «слова», выписанные им из Скитского патерика, Златоуста или «Притч Иисуса, сына Сирахова». В житийную часть он, однако, вводит очень мало нового. Под 28 сентября вставляется память чешского мученика Вячеслава (без сказания). Бывшую под 5 сентября память «Убиение Глеба в Смоленске» составитель небрежно записывает как «Убиение Глеба Смоленскаго» (и ни один список 3-й редакции не

исправляет этой ошибки). Но под 24 сентября во всех списках находится память, крайне необычная для Пролога, — память чуда от псковской Черской иконы. В исходном тексте 3-й редакции она читалась так: «Знамение пресвятеи владычице нашеи

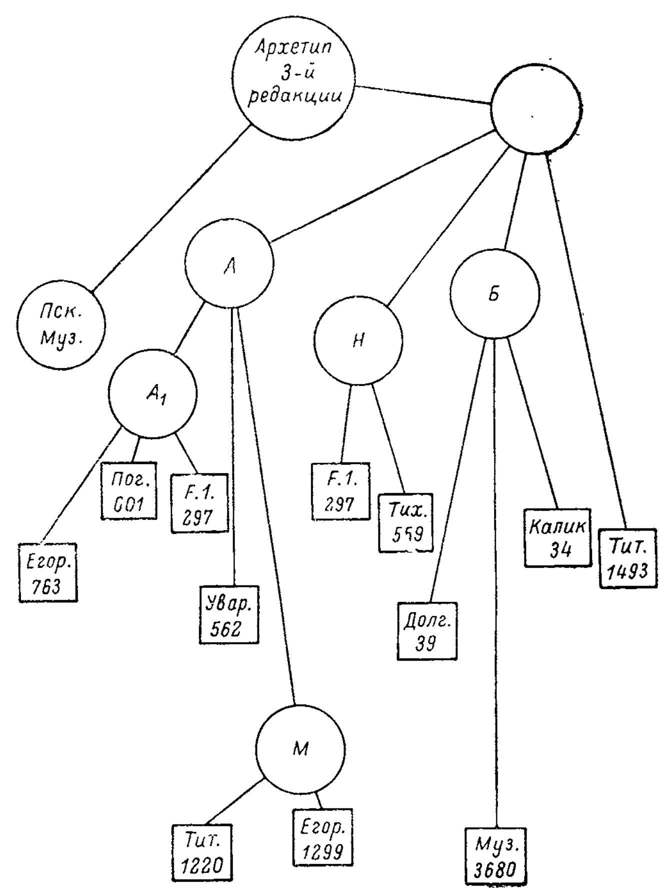

Схема истории текста псковской переделки Пролога, предположительно названной 3-й редакцией Пролога.

А, *Б* — виды; *Н* — Новгородский вид; *М* — Макарьевский вид.

богородице, иже от образа еа на иконе в Псковьской области, иже есть в Черъсках».

Однако еще более неожиданным было дальнейшее поведение 3-й редакции в отношении русских житий. Она оказывается открытой для проникновения нового современного материала — в этом ее отличие от двух первых редакций Пролога, которые веками переписывались без изменений. Это — единственная «актуальная» редакция Пролога. За одно столетие существования

3-й редакции — столетие новых святых, канонизаций и житий — можно насчитать 6 случаев, когда в ее текст вносились новые русские статьи. Различия в составе русских житий послужили, в частности, основанием для группировки списков и установления их текстуальной зависимости (см. Схему истории текста). Далее будет дано описание этих инноваций в тексте 3-й редакции.

Местом составления 3-й редакции можно с уверенностью назвать Псков. На это прямо указывает помещение местной памяти Чуда от Черской иконы. Палеографические и внутренние особенности ранних списков свидетельствуют о том, что 3-я редакция первоначально распространялась в пределах Пскова и Новгорода. Именно в собрании Псковской духовной семинарии сохранился список, воспроизводящий первоначальный текст 3-й редакции (ныне в Псковском музее, шк. 22, 118/49). Самый ранний, по-видимому, список этой редакции — ГПБ, собр. Погодина, № 601, конца XV в. — несомненно происходит из Пскова. На его полях, в частности, находятся следующие приписки:

л. 123 об. В лето 6935, месяца октября в 11 день, на память святаго апостола Филипа, иже в деяниих апостолскых, преставися Василеи игумен доброй старец святеи Богородицы Снетныя горы.

л 422. В лето 6645, месяца февраля в 13 день преставися благоверный князь Всеволод Мстиславич в Плескове и положен бысть в Святеи Троицы.

л. 426. Месяца февраля в 14 день преставление Андрея, епископа Тферскаго, а по нем братия годину правять на всяк год.[7]

Известно, что в XIII—XV вв. Прологи часто переписывались в Пскове.[8] Вариант 1-й редакции, близкий к тому, который послужил основой при составлении 3-й редакции, читается в двух пергаменных псковских Прологах Синодального собрания (ГИМ): в № 239, XIV в., и в № 839, списанном в 1425 г. для Сереткина монастыря. Итак, в Пскове в XV в. были все возможности для работы над Прологом.

Время составления новой редакции определяется, с одной стороны, 1420 г. — в этот год произошло чудо от Черской иконы. Рассмотрим те русские жития, которые следующими вошли в текст 3-й редакции.

Все ее списки, кроме списка Псковского музея, имеют под 6 ноября «Преставление Варлаама Хутынского» и его же «Чудо о слепом». Они взяты из 2-й редакции жития Варлаама [9] и внесены

---

[7] Любопытно отметить, что две последние приписки есть в пергаменном Прологе, принадлежавшем церкви Петра и Павла с Буя (ЦГАДА, Типографское собрание, № 157, XV в.). Они перенесены в Погодинский список именно оттуда — память Всеволода приведена буквально, с той же ошибкой в дате (по летописи следовало — «в 11 день»), а об Андрее в Типографском Прологе значилось: «И преставление Андрея епископа Тферскаго, а по нем, братья, годину правьте». Таким образом, эти две рукописи встретились в Пскове в конце XV или в начале XVI в.

[8] Покровский А. А. Древнее псково-новгородское письменное наследие. М., 1916, с. 79—85, 150—152.

[9] См.: Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973, с. 19—25.

в 3-ю редакцию, очевидно, вскоре после ее появления. Эта стадия зафиксирована в списке ГБЛ, собрания Титова, № 1493. Во всех остальных списках уже отмечается память Сергия Радонежского под 25 сентября — здесь помещена «проложная» переделка пахомиевского жития Сергия.[10] Однако она находится на различных местах среди житий данного дня и в каждом случае сочетается с определенным (также несовпадающим) набором других, новых русских житий. Внесение ее, таким образом, вторично по отношению к памятям Черской иконы и Варлаама Хутынского. Это может косвенно свидетельствовать о том, что Сергий не был повсеместно прославлен — или по крайней мере пахомиевское житие не было еще известно, — когда составлялась 3-я редакция. В таком случае это предприятие надо отнести скорее к середине, нежели к концу XV в.

Во второй половине или в последней трети XV в. мы имеем, таким образом, уже несколько разновидностей 3-й редакции. Самая ранняя из них (названная видом *А*) включила, в дополнение к двум прежним русским памятям, следующие жития: Федора Смоленского под 19 сентября (в его проложной редакции),[11] Михаила Черниговского под 20 сентября (в распространенной редакции о. Андрея) [12] и Сергия Радонежского — на последнем месте среди статей 25 сентября. Этот вид сохранился в списке ГИМ, собр. Уварова, № 562.

Довольно скоро к тексту вида *А* были приложены в конце три новые статьи: «Воспоминание знамения Новгородской иконы богородицы»,[13] житие Дмитрия Прилуцкого [14] и митрополита Алексия. Так как читающееся здесь житие Алексия написано Пахомием Логофетом в 1459 г. и церковное празднование Дмитрия и Алексия началось вскоре после 1450 г., то есть основания полагать, что эта разновидность (названная A_1) появилась в 60—70-х гг. XV в. В конце XV в. уже есть ее список — Пролог ГПБ, Погодинского собр., № 601. Эта же разновидность переписывается во второй части (с ноября) Пролога ГПБ F.1.297, где приложение было впоследствии оторвано и вставлено между листами с текстом на 27 ноября (день празднования Знамения Новгородской иконы). К виду A_1 восходит также список ГБЛ, собр. Егорова, № 763. Здесь, однако, проделано некоторое упорядочение: статьи при-

---

[10] Житие Пахомия написано в 1449—1459 гг., и уже к 1459 г. относится первый известный список его сокращенной переделки (см.: Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, с. 115—120).

[11] См.: Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития, с. 222—225.

[12] См. там же, с. 118.

[13] Полный вариант, вид A_1 (Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера. . ., с. 115—119).

[14] Вернее, только отрывок жития Дмитрия, написанного Макарием Прилуцким в начале 2-й половины XV в. (см.: Ключевский В. О. Древнерусские жития святых. . ., с. 188—189).

ложения разнесены по соответствующим числам, отрывочное «Преставление» Варлаама Хутынского заменено 1-ой редакцией его жития, добавлены житие митрополита Петра (21 декабря) и память Саввы Сербского (14 января).

Другой вид 3-й редакции — вид *Б* — менее отошел от ее первоначального текста. Здесь житие Сергия Радонежского было помещено на втором месте среди житий 25 сентября, и под 20 сентября читается начало жития Михаила Черниговского по пахомиевской редакции. Пахомиевское житие Михаила датируется приблизительно 70-ми гг. XV в., а в начале XVI в. мы имеем уже список (довольно небрежный) вида *Б* — БАН, собр. Каликина, № 34. Соответственно формирование вида *Б* можно отнести к последней трети XV в. Этот вид превосходно сохранился в списке ГБЛ, собр. Долгова, № 39 (в его основном тексте, к которому сделаны новейшие приложения). К виду *Б* восходит также поздний и крайне сокращенный список ГБЛ, Музейное собр., № 3680.

Около конца XV в. 3-я редакция претерпела еще одну переработку. Два Пролога — ГПБ, F.1.297 (в первой части) и ГПНТБ, собр. Тихомирова, № 559/561 — свидетельствуют о достаточно вольном вмешательстве в ее текст. При этом сделан ряд перестановок и сокращений как в житийном, так и в нравоучительном отделе; некоторые статьи добавлены сюда из 2-й редакции Пролога. Славянские жития в этом виде уже многочисленны: житие Сергия Радонежского и его Чудо о Стефане Пермском, жития Федора Смоленского, Михаила Черниговского (в ростовской редакции), Людмилы Чешской, Иоанна Рыльского, Авраамия Ростовского, Дмитрия Прилуцкого, митрополитов Петра и Алексия. Жития приводятся обычно в очень сокращенном виде. Здесь же, впервые в Прологе, помещается Житие и «Слово о проявлении мощей» Иоанна Новгородского — соответственно под 7 ноября и 4 октября. Этот текст представляет собой Сокращенную редакцию жития Иоанна (к тому же без путешествия на бесе в Иерусалим).[15] По-видимому, данная переделка имеет новгородское происхождение. За это говорят и следующие факты: под 3, 4 и 5 ноября внесены еще три прижизненных чуда Варлаама Хутынского (из 2-й редакции жития), а под 17 января — память Антония Римлянина, праздновавшаяся в этот день только в Новгороде.[16] Таким образом, естественно будет присвоить этому виду 3-й редакции название Новгородского.

В XVI в. 3-я редакция ни в коей мере не теряет своей «актуальности». В ней появляются жития святых, празднование памяти которых в это время из местного становится всеобщим и узаконивается макарьевскими соборами. Она, так сказать, вовлекается

[15] См.: Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера..., с. 177—178.

[16] Антоний был официально канонизирован только в 1597 г., когда днем его празднования было положено 3 августа.

в централизующее течение, не затронувшее ни 1-ю, ни 2-ю редакции Пролога.

Новые жития имеют вид кратких некрологов, как бы специально «проложного» характера. Тем не менее было нелегко решиться ввести в Пролог сразу большое количество никогда не бывших там прежде житий. Писец Долговского списка [17] делает следующее: в тексте Пролога в нужных местах вписывает памяти новых святых, а соответствующие тексты житий прикладывает в конце. В этом приложении он поместил жития не только Иоанна Новгородского, Иоанна Рыльского, Авраамия Ростовского, Саввы Сербского, Дмитрия Прилуцкого, митрополитов Петра и Алексия, но также Саввы Вишерского и Павла Обнорского (это едва ли не самый ранний список кратких житий этих двух святых).

Наконец, два списка 3-й редакции — ГБЛ, собр. Егорова, № 1299 и ГПБ, собр. Титова, № 1220, изобилующие русскими житиями, позволяют наблюдать вершину описанного процесса. Список внесенных сюда житий внушителен: кроме Саввы Вишерского (1 октября), Павла Обнорского (10 января) и других, бывших в Долговском списке святых, мы видим здесь имена Киприана (16 сентября), Савватия Соловецкого (27 сентября), Ионы Новгородского (5 ноября), Стефана Дечанского (11 ноября), Александра Невского (23 ноября), Никона Радонежского (17 ноября), Саввы Сторожевского (3 декабря), Сидора Юрьевского (8 января), Михаила Клопского (11 января), Максима Юродивого московского (21 января), Иоанна Казанского (24 января), Всеволода Псковского (27 ноября и 11 февраля). Восемь из упомянутых святых были канонизированы на Соборе 1547 г., трое — в 1549 г. В большинстве случаев жития эти пишутся и собираются специально для Великих Четьих Миней и канонизаций на соборах Макария. Именно в эту эпоху — скорее всего в 40-х гг. — появляется данная переделка 3-й редакции в духе официального направления, которая может по справедливости носить название «Макарьевского» вида.

Интересно отметить, что в списках XVI в. (ГБЛ, собр. Долгова, № 39; ГПБ, собр. Титова, № 1493; ГИМ, собр. Уварова, № 562) под 24 сентября, в памяти Чуда от иконы, зачеркнуто «в Черсках» и приписано «иже есть в обители святаго Спаса под Мирожею рекою». В списках Макарьевского вида икона прямо названа Спасо-Мирожской — замена не совсем понятная, так как чудо в Спасо-Мирожском монастыре имело место только в 1567 г.[18]

---

[17] ГБЛ, собр. Долгова, № 39, конец 30-х—1-я половина 40-х гг. XVI в.

[18] Черская икона в XVI в. праздновалась 16 июля, и агиографы знают ее только под этим числом (см.: С е р г и й. Полный месяцеслов Востока. Т. 2, с. 187, 256).

3

Если в отделе житий 3-я редакция демонстрирует свое развитие, то в поисках ее первоначального содержания мы должны обратиться к тем литературным статьям, которые около середины XV в. были внесены в нее при ее составлении. Выбор поучений должен был отразить некоторую тенденцию составителя. Источниками ему служили главным образом «слова» Иоанна Златоуста, «Притчи Иисуса, сына Сирахова», патерики и «старчества». Особенный интерес представляют те новые поучения, которые, не имея указания на источник, выделяются живым и энергичным стилем и где можно предположить руку самого редактора.[19]

Так как целью составителя является улучшение нравов, он отдает предпочтение житейским наставлениям и примерам угодных богу поступков. Поэтому столь значительное место занимают у него рассказы из жизни старцев, в простой и увлекательной форме раскрывающие идеал милосердия и добра. В других «словах» делаются предостережения против распространенных пороков [20] и даются практические наставления людям самого разного положения. Здесь равным образом призываются к достойному поведению попы,[21] монахи,[22] богатые [23] и бедные.[24] К властителям мира сего обращено пламенное «слово», может быть вдохновленное непосредственно действительностью.[25]

Некоторые поучения в 3-й редакции посвящены современным обычаям: осуждается продолжительное оплакивание умерших,[26] погребение в церквах,[27] взгляд на умерших не своей смертью как на тяжких грешников.[28] Этот круг тем мы встречаем во 2-й редакции Измарагда.[29] Два «Слова» трактуют о возможности спасения в миру — по-видимому, это реакция на распространившееся бегство от мира, стремление к уходу в монастыри.[30]

---

[19] Некоторые из них приведены в Приложении II.

[20] Например: «Слово Исуса, сына Сирахова, о пьянстве» под 28 октября.

[21] «Слово Иоанна Златоустого учительно к попам» под 22 октября.

[22] «Слово от старчества о церковном пении и о усобном в келии» (16 декабря).

[23] «Слово великого Василия о лихоимании злом» (23 ноября).

[24] «Поучение от премудрости Исуса, сына Сирахова, в нем же и о женах лукавых» (1 ноября).

[25] См. Приложение II, № 2.

[26] «Слово Исуса, сына Сирахова о мерьтвецех» (3 ноября).

[27] «Слово Григорьево, стараго Рима епископа, о кладущихся мертвых в церквах святых» (15 сентября); «Повесть Григорья, стараго Рима епископа, о некоеи черноризице», «Того же слово о некоем патрикии Валерьяне» (16 сентября).

[28] «Слово блаженнаго Алексия к великому Евсевию» (15 декабря), «Слово святаго Евсевия о напрасной смерти» (24 января).

[29] Которую В. А. Яковлев относит ко 2-й половине XV в. (см.: Яковлев В. А. К литературной истории древнерусских сборников. Одесса, 1893, с. 202—279).

[30] «Слово Иоанна Лествичника» (21 октября), «Слово Иоанна Златаустаго о глаголющих, яко несть мощи спастися в мире живущим» (5 ноября).

Общий тон нравоучительных статей в 1-й редакции Пролога был оптимистичен, полон милосердия и всепрощения. Преобладающее настроение в *новых* прибавлениях — печаль и страх божий. Одно из них напоминает о геенне тем, кто возомнил, что бог-человеколюбец прощает грехи.[31] «Велик есть, иже обрете мудрость, но несть более боящагося господа»,[32] «Страх божий да пребудет в сердце твоем»,[33] — повторяется здесь. У составителя 3-й редакции мог быть еще один конкретный повод для проповеди страха божьего. Ибо среди тех, к кому он обращался, были стригольники, «в руском граде Пьскове и в приделех его обретающеися». В самом начале, под 5 сентября, мы читаем «Слово Иоанна Златаустаго на лживыя пророкы и лживыя учители», заклинающее не сходиться с еретиками «ни в коеи же вещи».[34] «Слово» под 18 октября[35] звучит как прямой ответ стригольникам на их обвинения в адрес духовенства. «Не подобает овцам пастыря хулити. . . Сквернен есть, то что есть тобе, не добре ли за тя бога молить?. . Аще ли *закон имает неправ*, то не послушаи его, аще ти и ангел есть. Аще ли право учит, то житиа ему не смотри, но словес слушаи, — ангел бо тя не поучит». Выражения и аргументы кажутся заимствованными из грамот митрополита Фотия.[36]

В нескольких «словах» объясняются и проповедуются именно те таинства, которые подвергались нападкам еретиков: церковная исповедь[37] и причастие.[38] «Слово» в защиту поста,[39] с характерным началом: «Суть мнози глаголюще — что есть алчба чисто живущим?» — вероятно, также обличает некий неортодоксальный взгляд.

О «заблуждениях», еще более глубоких, говорят «Слово о неверующих воскресению»[40] и «Слово от речений пророческих

Появление этого мотива, более характерного для конца XV века, заставляет думать, что 3-я редакция составлена позднее, чем предполагалось (об этом говорят и другие моменты, указанные ниже). Собственно, датировка ее возникновения приблизительна, и вся история этой редакции требует дальнейшего изучения.

[31] «Слово Иоанна Златоустаго» (15 декабря).

[32] «Похвала премудрым Исуса, сына Сирахова» (10 ноября).

[33] «Слово великаго Василия Кесарии Кападокииския» (27 октября).

[34] См. Приложение II, № 1.

[35] См. там же, № 4.

[36] См.: Казакова Н. А. и Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века. М.—Л., 1955, Приложение, с. 254.

[37] «Слово Иоанна Златаустаго о исповедании грехов» (26 сентября) и «Поучение от евангельских указаний» (5 декабря). Последнее дано в Приложении II, № 7.

[38] «Слово Иоанна Златаустаго о исходящих из церкви на пении» (24 октября), «Слово Анастасиа горы Синаискыя игумена о причащении святых и животворящих таин, аще добро есть всегда причащатися» (30 ноября), «Слово святаго Василия о святеи службе» (1 января).

[39] «Слово Ивана Златаустаго о посте» (дважды — под 9 и 25 октября).

[40] См. Приложение II, № 3.

о богородицы».[41] Последнее «слово» сочинено, по-видимому, самим составителем 3-й редакции. В нем он превозносит богородицу — и делает это с умыслом, что явствует из одного места, где у него прорывается недоуменно-негодующее восклицание: «Да аще господь с нею, якож иже есть всегда без конца, что вы, еретицы, чаете доити?» В конце «слова» можно усмотреть намек на похуление «телесного образа», т. е. икон. Это напоминает о новгородской ереси конца XV в. Здесь нет противоречия с отмеченными выше чертами 3-й редакции, так как ересь новгородская в основе своей была стригольнической, а 3-я редакция по времени стоит к ней ближе, чем грамоты Фотия на стригольников.

И наконец, «Слово о учителех»,[42] прямо возвещающее: «страшен суд учителю, от себе учащу, а не от закона». Автор его (очевидно, опять сам редактор) хорошо понял соблазн свободного толкования евангелия: «Иереи бо раб. . . Ходити ж ему и исходити дверми евангелия божиа, по взаконению апостольску и отечьску, . . . а ину да не пролазити, ни проскакати, ни полагати закона усты своими по грубости и по человекоугодию». Весьма замечательно здесь упоминание о том, что эти соблазнители «некымь имущим силу слова спасеннаго . . . умолчати створяють и велять силою властельскою». Известно, например, что еретик Захар был влиятельной фигурой в псковском Немчинове монастыре.[43]

Таким образом, главную опасность в глазах охранительно настроенного книжника представляют те, кто «сам в собе мысли своя ведает», и главной добродетелью почитает он поэтому «смиренномудрие».

Итак, около середины XV в. в Пскове составляется новая переработка Пролога, достаточно ортодоксальная по своему направлению и обнаруживающая черты полемики со стригольниками.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

СПИСКИ 3-й РЕДАКЦИИ

(Краткий обзор) *

1. ГПБ, собр. Погодина, № 601. Пролог за сентябрь—февраль, кон. XV в. (Пог. 601).
2. ГПБ, F.I.297. Пролог за сентябрь—20 февраля, кон. XV в. (F.I.297).

---

[41] Там же, № 5.

[42] Там же, № 6.

[43] См.: Казакова Н. А. и Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения. . ., с. 115.

* В скобках даны их сокращенные обозначения, употребленные в Схеме истории текста.

3. ГБЛ, собр. Егорова, № 763. Пролог за сентябрь—февраль, кон. XV—нач. XVI в. (Егор. 763).
4. Псковский музей, шк. 22, 118/49 (ранее собр. Псковской Духовной семинарии, Ж 8/650. Пролог за сентябрь—февраль, 1500—1510 гг. (Пск. муз.).
5. БАН, собр. Каликина, № 34. Пролог за сентябрь—февраль, нач. XVI в. (Калик. 34).
6. ГПНТБ, г. Новосибирск, собр. Тихомирова, № 559 и 561. Пролог за сентябрь—февраль, 1-я пол. XVI в. (Тих. 559).
7. ГИМ, собр. Уварова, № 562. Пролог за сентябрь—февраль. 1525—1530 гг. (Увар. 562).
8. ГПБ, собр. Титова, № 1493. Пролог за сентябрь—февраль, 2-я пол. 30-х—нач. 40-х гг. XVI в. (Тит. 1493).
9. ГБЛ, собр. Долгова, № 39. Пролог за сентябрь—февраль, кон. 30-х—1-я пол. 40-х гг. XVI в. (Долг. 39).
10. ГБЛ, собр. Егорова, № 1299. Пролог за сентябрь—февраль, 2-я пол. 1550-х гг. (Егор. 1299).
11. ГПБ, собр. Титова, № 1220. Пролог за сентябрь—февраль, 1570—1575 гг. (Тит. 1220).
12. ГБЛ, Музейное собр., № 3680. Пролог за сентябрь—ноябрь, нач. XVII в. (Муз. 3680).

ПРИЛОЖЕНИЕ II

НЕКОТОРЫЕ НРАВОУЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИБАВЛЕНИЯ В 3-й РЕДАКЦИИ ПРОЛОГА

(По списку ГПБ, собр. Погодина, № 601, конец XV в.)

№ 1

5 сентября

СЛОВО ИОАННА ЗЛАТАУСТАГО НА ЛЖИВЫЯ ПРОРОКЫ И НА ЛЖИВЫЯ УЧИТЕЛИ *л. 15*

Сии убо и инии мнози сказавше, и Ветхаго завета глаголы силою Святаго Духа сказаша, в Новемь же великиа церкви учитель Иоанн Златаустыи, егда приспе время, на ложныя учители и безбожныя еретикы зелнеише о сих простирает слово. Глаголеть бо негде в едином от словес своих сице: Сего ради || вам многажды въспомянух о безбожных еретикох и ныне *л. 15 об.* молю вас — не сходитися с ними ни в коеи же вещи, ни в ястии, ни в питии, ни в дружбе, ни в обьщении каковом, ни в любви, ни в мире. Иже бо всех прелщаяся и ходя с ними, чюжа себе сътваряет съборьныя и апостольскыя церкви. Истинныи же и нелестныи ученик господень с дерзновениемь въпиет: Иже аще кто вам благовестить паче еже приасте, да будеть анафема. И Давид въспевает, глаголя: Господи, ненавидящаа тя възненавидех и о вразех твоих истаях, съвершеною ненавистию възненавидех их.

№ 2

6 сентября

ПОУЧЕНИЕ О ВЛАСТЕЛЕХ И КНЯЗЕХ *л. 17*

Сеи есть царь истинныи, иже въздержится от ярости, и от зависти, и от сладости, и вся водит под законом божиим, и ум свободен съблюдет, и не дасть владети над своею душею владычьству сладостному. Того бых нарекл

царем земли и морю, и градом, и людем, и воемь, иже бо ум свои уставить над страстьми душевьными, тои крепко можеть владети пад человекы божественным законом. А иже мнять власть имети над человечьския, ярости и буести и сладости работая, то первое людми посмеян будеть, занеж венець злат носит, украшен драгым камениемь, а целомудрием же не венчан — да тело его покрыто хламидою пресветлою, а душа его скверненa. Потом же
л. 17 об. не весть, || како власть свою исправить. Иже бо над собою не имееть владети, то како инех можеть вести к божественному закону.

№ 3

7 октября

л. 115

СЛОВО СВЯТАГО ИВАНА ЗЛАТАУСТАГО О НЕВЕРУЮЩИХ ВЪСКРЕСЕНИЮ

Суть мнози глаголюще: не быти въскресению. Колико бо, деють, годин минути, единаче несть ничтоже, но тысятому чюдишася. Тех бо мука ожи-
л. 115 об. дает, а верующих — спасение. Такоже и преже потопа бысть: Ноеви бо || поведающу, и не послушах его, но ругахуся ему, и прииде потом, и погрузи вся неверовавшаа спасению, верныя же спасе. И иже при Лоте сгоревшии в Содомех, то не начаахуся того гнева божиа приити на нь, дондеже прииде огнь тои гордыи и вся погуби. Ни при сих же, ни при Нои никацех не бысть ни чюдес, ни знамении первее о том, ему же быти бяше, — но пиющим и ядущим тако бысть та беда велика. Тако же будеть и в въскресение, без знамениа предняго, но смешеным суще днем, добрым и злым. Сего ради апостол вопиет, рекыи: Егда рекуть мир и безмолвъство, тогда же и внезапу нападет на нь пагуба.

Како же ты не веруеши не быти въскресению, а и беси исповедають, глаголюще: Вемь бо, рече, прииде преже времене мучити нас. Или ты, християнин, не веруеши, а и беси веруюТЬ?

№ 4

18 октября

л. 142 об.

СЛОВО ИОАННА ЗЛАТАУСТАГО, КАКО ПОДОБАЕТ ПОПА ЧТИТИ

Слышим Павла глаголюща: Покаряитеся старешиинам вашим и повинуитеся, тии бо бдять о душах ваших, яко слово въздати хотяще, и излиха чтите их. Ты бо о своемь точью гресе печешися, и аще се устроиши о себе добре то, а о ином не печешися. А поп, аще устроить свою жизнь добре,
л. 143 а о тебе ленится, и о тебе не добре || управить, то со злыми осудиться. Аще ли закон имает неправ, то не послушаи его, аще ти и ангел есть. Аще ли право учить, то житиа ему не смотри, но словес слушаи, ангел бо тя не поучит. И не глаголи то: Како мне глаголеть, а сам не творить. Но то есть его дело не ленитися, но глаголати къ всем, а не глаголавшу ему, то суд приати. То аще не послушаеши его, но ослушаешися, осужен будеши. Глаголеть бо Господь: Слушая вас, мене слушаеть, а отметаяся вас, мене отметается, иже

вы хулить, то мене хулит. Рече Господь: Не подобает овцам пастыря хулити, сеи бо за тя и за твою братию, и за вся службу творить, в церкви и вне церкви, заутра и вечер за тя бога молить и кресты нося, и та молитва за тя есть.

Да то все помысливше всяческиа добродетели его, и чти его, яко отца. Но глаголеши: скверней есть, то что есть тобе? Не добре ли за тя бога молить? И что успеет, аще ты будеши неверен сам? Но того скверна тебе не вредит, аще ты сам еси чист. Вся благодать от бога есть, и поп точью уста своя отверзает, а бог вся творить.

№ 5

21 ноября

СЛОВО ОТ РЕЧЕНИЙ ПРОРОЧЕСКЫХ О БОГОРОДИЦЫ *л. 232*

О неи же пророцы провозвестиша, ови дверь заключену парицающе ю и никомуж не проходну, развее единому богу. Ови лествицу разумну, по неи же вернии въсходят на небеса, ови гору святую, в ню же бог вселися. Ов ручку прозва ю, манну небеспую имущу. Давид же царицю и дщерь нарицает ю: царицю, понеже небеснаго || царя мати бысть, дщерь ж, понеже *л. 232 об.*
от семени его родися. Премудрыи же и великыи в царех Соломон вопиет к неи, глаголя: Многи дщери створиша силу и многы стяжаша богатство, ты же превъзнесеся и превзыде выше всех. Инии инакы имеиы прозваша ю, яко же им даяше дух святыи разум. Боговидець ж Исаиа велегласно въпиет о неи, глаголя: Се дева, а в утробе прииметь и родит сын, и нарекут имя ему — С нами бог. К неи же архангел Гаврил с страхом глаголаше: Радуися, обрадованная, Господь с тобою. Да аще Господь с нею, яко ж иже есть всегда без конца, что вы, еретицы, чаете доити? Нам же, о преблаженнаа Богородица, милостива буди, зде и на оном гордом суде на тя уповающим. Ты бо всех видимых и невидимых честнеиши явися. Блажен поистинне дом Давыдов, в нем же ты възрасте. Бог посреди тебе непоколеблешися, освяти бо тя силою вышнии. Ты всем христианом еси помощница, грешным заступница, девьствующим похвала, вере нашеи утвержение. И ныне, о преблаженная Богородице, умоли сына своего избавитися нам от всякого зла, то || бою бо *л. 233*
сына божиа познахом и сподобихомся причастницы быти святыя плоти его и крови. Его же образ телесныи видяще, якож на иконе на руку твоею носим, радуемся грешнии и припадающе пред ним, и любезно целуем, чающе твоими молитвами доити вечныя жизни.

№ 6

1 декабря

СЛОВО О УЧИТЕЛЕХ *л. 234 об.*

Яко страшен суд учителю, от себе учащу, а не от закона. Горко бо истязание ждет его, ибо наипаче от святительскаго нечредиа соблазнь и погибель миру приходить от него. Могъшаго бо, рече, не подъясте, и болящаго

не увравчевасте, сокрушенаго не обязасте, и уязвенаго не разорнсте, отбегшаго не обратисте и погибшаго не взыскасте. Не точью бо ю бо немощным не подаша достоиныа лечбы, но и здравыя вредны и недужны створиша. Еще и праведнаго лестными словесы с праваго пути съвратиша. Еще и некымь, имущим силу слова спасеннаго, завистию и злобою палими, и умолъчати створяють и велять силою властельскою. Исаиа рече: Непотребно сребро ваше, корчемницы твои месят вино с водою. Обычаи бо есть писанию сребром божия словеса нарицати. Непотребно ж глаголють сребро, сиречь учением соблажняють паче, а не пользуют. Аки корчемницы суще воду в вино примешающе, сии же примешающе своея воля учение ко закону съблаж-
л. 255 няют. По таковы творяще чрева ради, по человекоугодию глаголя||ть и творять, абы како не отпасти временныа части. И тако творяще, сводять себе ж и инех на коньчину погибель.

Рече бо господь: Раб не пребывает в дому, но сын. Аще сын вас свободит, воистинну свободь будет. Иереи бо раб, а не сын, ходатаи от человек к богу и от бога ко человеком, ходити ж ему и исходити дверми евангелия божиа, по взаконению апостольску и отечьску, яко ж тии взакониша и утвердиша властию святаго духа, а ину да не пролазити, ни проскакати, ни полагати закона усты своими по грубости и по человекоугодию, и паче по чести временной, абы себе умножити времяную честь. Но да убоится коиждо господня слова реченаго: Не входяи дверьми в двор овчии, по пролазя инуды тать есть и разбоиник. И пророк рече: Ты възненавиде наказание мое и изверже словеса моя въспять, закон бо свои, а не божии положил еси усты своими. Не приимет бо ся разрешение грубое и не паче льстиваго иерея, не по богу, не по страсти, не видениа и паче по льсти разрешающаго, но паче участие свое полагають зделатели безакониа, и паче тех осужен будет.

№ 7

5 декабря

л. 264

ПОУЧЕНИЕ ОТ ЕВАНГЕЛЬСКИХ УКАЗАНИЙ

Рече господь: Аще хощеши, помолися отцу твоему втаине, и отець твои виде тя в таине молящася, и воздасть тобе яве пред ангелы божии. Что же есть в таине? Иже кто кается душевных грех и телесных, епитемью держит и постится, не исходя ис поста до исхода душа своея. И телеснии бо грехи инаци, а душевьнии инаци. Тако ж и пост — инак душевныи, а инак телесныи. Телесныи бо пост — постившеся, таче ясти, а душевнаго николи ж престати, не лны (!) в будущем посте опочинути.

Телесни суть греси: убиство, блуд, чародеиство, потворы, волшьба, наузы, идолослужение, требы идолом по мьзде, лихоимание, сребролюбие,
л. 264 об. еже есть корень злу, пьяньство и всего || нужно писати. А се душевнии греси: хула, лихои помысл, ересь, злопомнение, зависть, клевета, ненависть, прозорство, уныние, отчаание, гнев, немилосердие, неупование к богу, иноверие иже чюжю веру хвалит и премешается ко инои вере, лгати, просоки деяти, клятися и иного клятве доводити и роте, и потвором прю деяти, учитися остроумию, веровати в метаниа, и во лживыа писаниа, и в елинъ-

скиа книгы, и в баснотворья, во стречю, и во сносудець, в птици, чарове, во громник, в колядник, и в весь мартилои проклятыи, иже творять злыи дни и часы. И нужа ми велика писати, да тех грехов не вси каются, ни за то епитемьи приемлють. Темь ж не все спасаются, но избраннии. Кои суть избраннии, послушливии, покорливии, тии бо волю божию деют, а своих воль отмещются — то суть раби божии, господь рече: Иже суть духом водими, то суть сынове божии.

Се же мало написахом о телесных гресех и о душевных. Нужа бо есть много писати, да сами размотрите.

№ 8

11 декабря

СЛОВО О НЕМИЛОСТИВЫХ И ПОХВАЛА МИЛОСТИВЫМ *л. 278*

О несмысленыи человече! Услыши просящаго у тебе нищаго, зане убогыи у тебе просит повеленнаго ти дати владыкою твоим, а ты не даси ему. А слышал еси Господа, глаголющаго ти: Понеже сътвористе единому сих малых, то мне сътвористе. Видиши ли, яко даси нищему, Христови дал еси. Аще ли не даси, то сам имаши просити в день судныи. Да не сътворит ли нам тогды ответа сицева: Яко нага видесте мя и не облекосте, и жажюща не напоисте. Что же речеши противу тому, како ли приимеши отраду, и кыи отве||т предлагаеши. Оле дивнаа дела и преславная! Иная чада суть *л. 278 об.*
яже отдают 200 златиц или 300, да измолять у царя, а ты не хощеши подати, да ти молитва написана будет у бога!

Ты же яси тетереви, и гуси, и ряби, и заяцы, и прочая брашна разноличная, а убогыи укруха не имать, да си бы чрево насытил. Ты ж облачишися и ходиши в брачине и в кунах, а убогыи руба не имать на телеси. Ты живеши в домех златоверхых, имаши у себе трои и четверы полаты, и мраморье красное, и пестро, и багряно, и главы столпом, и позлащены. А убогыи не имать, где главы подклонити. И ты умреши, и останеть дом твои присно обличаа твоя деаниа. Кождо бо от мимоходящих глаголеть: Се есть дом оного хищьника, и разбоиника, оного лихоимца, оного грабителя. Колико ж жен вдовицами сотвори, колико въсхити имении чюжих, колику нужю человеком створи. Не рцы ми, яко боярин есмь или епарха, — аз сана не хулю, но и строящих добро зле. Зриши убо и величаешися, не помышляеши, яко и тои есть человек, наточное дело божие, — человек, его ж деля || небо *л. 279*
поставлено бысть, его ж деля земля основана бысть на водах, его ж деля солнце течеть течениемь, его ж ради земля прозябает траву всяку, его же ради четвероногая и тыя птица пернатыя, его ж деля горы и холъми, и страны и поля, его ж деля начатцы и власти и господьствиа, его ж деля херувими и серафими, ангели и архангели. Что же много глаголю? Его же ради единочадыи сын божии кровь свою пролья. Человек честною кровию искуплен бысть, ты ли еси его презриши, занеж убог есть? Не убогыя ли паче избра бог? Что же много глаголю? Егда богат бе Петр апостол, не бе ли нищь, не рыбарь ли бе, но и бысть старей апостол. Також Иаков и Иоанн, не убогаа ли беста. Мимо иде Иисус и виде сшивающа мрежа. Оле велие нищета ею! Тольма

беста убога, яко не можаста купити новыа мрежа на ловление рыб, но ветхыа сшиваста и кременьству ременьство прилагаше, шевечьство к рыбарьству. Також Матфеи, не мытарь ли бе? Мимо идыи Иисус и видев и в мытници седяща, и глагола ему: Въстав и гряди по мне. И абие по немь иде, иногда волк, ныне же бысть овьца. Остави Петр мрежа и взя ключя небесныя. Остави Матфеи мытницу и взя евангелие.

И влазить нищии в дом твои, и предстоить 2 или 3 часа вопиа и моля
л. 279 об. тя ‖ другоицы же повелевает рабу своему, да ижжет его вон. Тща, не веруеши ли, ни помышляеши, яко Христу досажаеши? То пе слышиши ли его глаголюща: Милуаи нищаго, взаем дает богови? Даждь убо зде убогому, да тамо шед, яко писаниемь владыку си изличиши. Ты тамо идеши, дело твое зде остает. Влазиши в церковь помолитися о гресех, не даси убогому попе двою медьницу — да како можеть написана быти молитва твоя? Сего ради пред церковью две умывальници: едина ручьнаа, а другая, в неи же оцыщаеши душу. Виде ли молениа двою медници написание написаема? Но не율 речеши, яко нищь есмь и не имам. Аще не имаши, то въздохни и прослезися за нь, помолися богови и исповеждься, и будет смирение твое в правду.

А. ДАНТИ

О «ЗАДОНЩИНЕ» И О ФИЛОЛОГИИ

Ответ Д. С. Лихачеву

Не скрою, что я испытал большое удовлетворение, когда увидел, что исследователь древнерусской литературы, всемирно известный специалист Д. С. Лихачев занялся моей статьей о критериях и методах издания «Задонщины», вышедшей около десяти лет назад, вступив со мною в вежливую полемику.[1] Я тем более удовлетворен этим, что академик Лихачев в конечном счете принимает по существу, хотя бы отчасти, один из тезисов, выдвинутых мною против закоснелой историографической традиции, ранее принятой и защищавшейся им самим. У меня не было бы поэтому повода отвечать на полемику, если бы тем временем я не углубился дальше в исследование этого вопроса, придя к выводам, отчасти отличным от содержавшихся в моей статье 1968 г., и если бы работа Лихачева, с другой стороны, не затрагивала проблем, представляющих большой интерес для филологических исследований, далеко выходящих за рамки частного случая «Задонщины».

В самом деле, легко заметить, что помимо моих выводов об истории традиции «Задонщины» главным предметом дискуссии для Лихачева является методология «итальянской филологической школы», как он ее определяет. Он готов признать за этой методологией — по его мнению, попросту лахмановской — большой опыт и большую традицию, но в конечном счете она ему кажется приблизительной, упрощенческой и неспособной — по причинам, уже пространно изложенным в его «Текстологии», — дать глубокую интерпретацию истории текста. Чтобы обсуждение (весьма желательное) подобных проблем привело к полезным результатам, должны быть прежде всего выяснены, как мне кажется, их теоретические аспекты. Именно на них я намерен остановиться в этой ответной статье, не избегая притом рассмотрения наиболее значительных вопросов истории рукописной традиции «Задонщины».

Я не буду задерживаться здесь на весьма сложной истории изучения «Задонщины»; достаточно упомянуть тот факт, что в своей

---

[1] Лихачев Д. С. Взаимоотношение списков и редакций Задонщины. (Исследование Анджело Данти). — ТОДРЛ, т. XXXI. Л., 1976, с. 165—175 (далее ссылки на эту работу даются в тексте).

статье [2] я высказал свою точку зрения на два спорных вопроса: что список Кб по отношению к другим спискам представляет отдельную редакцию и что необходимо определить отношения между списком С и остальными списками. Для доказательства первого положения я опирался не только на значительные различия Кб, меняющие структуру его текста относительно других списков, но также на исследования Лурье и Дмитриевой о редакторской деятельности монаха Ефросина.[3] Что же касается второго положения, то, не имея в своем распоряжении достаточных данных для суждения, я не мог высказать определенного мнения, а выдвинул лишь две альтернативные гипотезы. При наличии общих ошибок в Кб и С список С, принадлежащий, как я тогда утверждал, по структуре текста к изводу Унд., должен рассматриваться как контаминированный «с одной из рукописей краткой редакции»; если же, напротив, связь между Кб и С не опирается на безусловные общие ошибки, то надо заключить, что С принадлежит к так называемой полной редакции, но представляет собой извод, отличный от Унд. Эта последняя гипотеза, прибавил я, кажется мне наиболее вероятной.[4]

---

[2] Danti A. Criteri e metodi nella edizione della Zadonščina. — Annali della Facoltà di Lettere e Filosofia della Università degli studi di Perugia. VI, 1968—1969, p. 187—220.

[3] Лурье Я. С. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. — ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961, с. 130—168; Дмитриева Р. П. Приемы редакторской правки книгописца Ефросина (к вопросу об индивидуальных чертах Кирилло-Белозерского списка «Задонщины»). — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М.—Л., 1966, с. 264—292. — По поводу работы Дмитриевой мне кажется уместным исправить высказывание Лихачева: «В своей специальной работе о „Задонщине“ А. Данти полностью игнорирует выводы этого исследования». На с. 210 моей вышеуказанной работы написано: «Замечания об ошибках и приемах Ефросина (в примечании 39 явно цитируется работа Дмитриевой) в том, что относится к Кб, несомненно очень важны и являются обязательным отправным пунктом для тех, кто хочет заниматься этими вопросами».

[4] Странно, что Лихачев совершенно неправильно истолковал мою мысль по этому поводу. Он пишет: «Говоря о предположении Л. Матейки и А. А. Зимина, что список С мог подвергнуться контаминации с одним из списков краткой редакции (редакции Ефросина), А. Данти склоняется именно к этому предположению, но с существенными оговорками» (с. 172). В доказательство этого он приводит отрывок из моей статьи, а именно абзац на с. 219—220. Однако гипотеза Матейки и Зимина в действительности не является гипотезой «контаминации». Оба исследователя согласны в том, что С представляет извод, отличный от Унд., и поэтому рассматривают чтения, общие с Кб, как инновации в Унд. Ср.: Зимин А. А. Спорные вопросы текстологии «Задонщины». — Русская литература, 1967, № 1, с. 84—104; Matejka L. Comparative analysis of syntactic constructions in the Zadonščina. — In: American contributions to Fifth International Congress of Slavists. Sofia, The Hague, 1963, p. 401. — Что же касается меня, то очевидно, что полемика Лихачева со мною по поводу контаминации С (с. 172—173) не относится к делу, поскольку я отрицал в 1968 г. и, как будет видно, еще решительнее отрицаю сейчас, что в Кб и С имеются общие ошибки и что можно говорить здесь о подлинном «текстуальном заимствовании» в собственном смысле слова.

Затем, должен сказать для полноты, мне стало ясно, что это дихотомическое разделение списков «Задонщины» не совсем объясняет историю рукописной традиции «Задонщины». В частности, после более внимательной оценки С я счел возможным утверждать, что этот поздний список, позволяющий думать, как показывает сравнение текстов, о «собирателе разночтений» (modèle d'atelier, говоря словами Дэна), лишь отчасти воспроизводит текст традиции и представляет особенности, отличающие его в отношении лингвистической формы, буквального и метафорического смысла, а также употребления стилистических средств от остальных списков, в число которых входят, естественно, и списки извода Унд. Таким образом, С представляет, как я полагаю, третью (вслед за Кб и Унд.) редакцию в истории текста «Задонщины».[5]

Всем известно, что дискуссия о двух редакциях «Задонщины» и, в частности, об отношениях С и Кб не носит чисто академического характера. Всем известно также, что ответ на этот вопрос, каков бы он ни был, неизбежно повлек бы за собою, по мнению некоторых необходимым образом, весьма щекотливую проблему генетических отношений между «Словом о полку Игореве» и «Задонщиной»; это неизбежно отразилось бы, как полагают, на самом спорном вопросе всей истории древнерусской литературы — вопросе о подлинности «Слова». В самом деле, если считать, что все списки «Задонщины» восходят только к одной редакции, то совпадения между «Словом», Кб и С против Унд. или же «Словом», Унд. (с С или без С) против Кб (с поддержкой или без поддержки С) легко могли бы быть возведены к общему архетипу «Задонщины», обязанному своим происхождением «Слову». Если, напротив, допустить возможность существования двух (или более) редакций «Задонщины», то оказалось бы, что совпадения между «Словом» и списками полной редакции (во вторичных чтениях или в очевидных инновациях) могут быть сведены уже не к архетипу «Задонщины», а к протографу полной редакции. Таким образом, «Слово» зависит от двух различных источников, один из которых намного более поздний. Если в первом случае подлинность «Слова» поддерживалась бы тем фактом, что оно послужило образцом для «Задонщины», то во втором случае пришлось бы эту подлинность отрицать, поскольку «Слово» оказалось бы зависимым от позднейшего извода «Задонщины».

По моему мнению, ни одна из этих двух гипотез не приемлема. Они не принимают в расчет парафольклорной традиции «Задон-

[5] На этих аспектах я настаивал в моей работе: Per l'edizione della Zadonščina. — Annali dell'Istituto Orientale di Napoli. Sezione Slava. XVIII—XIX. Napoli, 1977, p. 163—176. — Иного мнения придерживается Микеле Колуччи, который, следуя тезису Пиккио (ср.: Picchio R. La letteratura russa antica. Firenze, 1968, p. 134), пытается доказать, что ни одна группа списков не сводима к единому источнику и что следует поэтому говорить о шести различных редакциях «Задонщины» (Colucci M. E'possibile una «constitutio textus» della Zadonščina? — Spicilegio moderno, N 7 (1977), Imola, 1977, p. 36—62).

щины», в значительной степени обязанной инновациям переписчиков, которые они могли себе позволить, «прославляя» знаменитую битву. Они не принимают также во внимание тип текстового материала, общего «Слову» и «Задонщине»: застывшие формулы, варианты этикетного стиля, использовавшиеся разными авторами и в разные эпохи, как доказывают совпадения между «Словом» и всеми памятниками Куликовского цикла.[6] Иными словами, «Слово» и «Задонщина» не связаны между собой необходимым образом отношениями текстуальной зависимости, но являются независимыми обработками, использующими общее устное ядро.

Скажу сразу же со всей ясностью, что я не являюсь «скептиком»: это доказывает моя более новая работа о «Задонщине» и еще лучше докажет критическое издание «Слова о полку Игореве», подготовляемое мною совместно с Риккардо Пиккио. Но, как я полагаю, древность «Слова» доказывается не общими чтениями «Слова» и «Задонщины», а основательными внутренними мотивами его текста.

Очистив, таким образом, поле исследования от более или менее явных двусмысленностей и условностей, вернемся к работе Лихачева. Она является, без сомнения, новым, очень важным фактом в советских исследованиях «Задонщины» — по той причине, что ее автор в настоящее время придерживается мнения, что Кб представляет собой, после и вследствие переработки Ефросина, редакцию, самостоятельную по отношению к другим спискам. Текстов, подлежащих изданию, имеется два, как считает и Лихачев: указанная выше «краткая редакция» Кб и «полная редакция» других списков.[7] Чтобы оценить то новое, что вносит настоящая работа Лихачева, достаточно сослаться на противоположное мнение Якобсона («The inveterate and untenable surmise of one short and one expanded version of Zad. must be abandoned»*) [8] или на многие страницы известного исследования Дмитриевой (которое Лиха-

---

[6] Общий текстовый материал «Слова» и «Задонщины» в различных списках был собран в свое время В. П. Адриановой-Перетц в работе: «Слово о полку Игореве» и «Задонщина». — Радяньске литературознавство, Київ, 1947, № 7, с. 185—186.

[7] В результате своего исследования Лихачев пишет: «Если считать основным значением крупные различия текстов (что, конечно, существенно для их издания), то необходимо будет признать деление текстов «Задонщины» на две редакции. К одной будет принадлежать редакция списка Кб, а к другой — все остальные» (Взаимоотношение. . ., с. 174).

* «Устаревшее и неприемлемое предположение о двух версиях „Задонщины", краткой и полной, должно быть оставлено» (примечание переводчика).

[8] J a k o b s o n R., W o r t h D. S. Sofonija's Tale of the Russian Tatar Battle on the Kulikovo Field, the Hague, 1963, p. 13. — Ср. также, впрочем, комментарий к «Задонщине» Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева в кн. «Слово о полку Игореве» («Библиотека поэта». Большая серия, Л., 1967, с. 532): «Все шесть списков „Задонщины" представляют текст одной редакции памятника, но разные изводы этой редакции: один извод — списки Кб и С, другой извод — все остальные».

чев неоднократно цитирует в великодушной, хотя и малоубедительной попытке ее поддержать), полностью нацеленного на доказательство, вслед за Якобсоном, того, что С и Кб имеют общий протограф по причине «сходных чтений» и «некоторых отличий», отделяющих их от других списков; это «позволяет говорить на основании сохранившихся списков о существовании двух изводов дошедшей до нас редакции «Задонщины» — изводе Унд. и изводе Син.».[9]

Естественно, Лихачев даже не склонен, по-видимому, отрицать существование связей между С и Кб, именно с целью не ставить под вопрос характер связей между «Словом» и «Задонщиной», как он это и сам признает.[10] Связь эта, которая не возникает на уровне, определяемом Лихачевым как «формально-механический» (который в действительности является уровнем текстуальной передачи), восстанавливается на «историческом» уровне. По существу, Лихачев четко различает (и в этом замечается расхождение его с исследованием Дмитриевой) список Кб и его протограф до переработки Ефросина,[11] который мы обозначим для ясности как кб. Устраним из Кб, говорит Лихачев, вклад Ефросина; тогда мы обнаружим его первичный слой кб, принадлежавший к тому же изводу, что и С, по причинам, уже окончательно доказанным Дмитриевой, т. е. вследствие наличия общих чтений обоих списков против Унд. и заимствований в Печатном варианте «Сказания

---

[9] Дмитриева Р. П. Взаимоотношение списков «Задонщины» и текст «Слова о полку Игореве». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла, с. 210.

[10] Говоря о разделении традиции «Задонщины» на две редакции, противопоставляющем Кб всем другим спискам, он пишет: «Перенесение этого деления в исторический план из формально-механического и дает ту ошибочную историю текста „Задонщины“, из которой исходят исследователи, считающие текст „Слова о полку Игореве“ вторичным по отношению к тексту „Задонщины“» (Лихачев. Взаимоотношение. . ., с. 171).

[11] Тем не менее и сам Лихачев, по крайней мере в двух случаях, не придерживается этого деления в своей работе. В первый раз он это делает, когда отрицает возможность контаминации С с Кб, поскольку «нет никаких оснований предполагать, что она (Кб) впоследствии размножилась в списках» (с. 172). Не имея надобности отрицать существование списков, происходящих от Кб, достаточно принять во внимание гипотезу об образце Ефросина. По этому поводу см. ниже. Во втором случае он делает это, соглашаясь с мнением Дмитриевой, пространно цитируемым на с. 171, согласно которому список, отраженный в Печатном варианте «Сказания о Мамаевом побоище» (ПВ), не может происходить от С, поскольку содержит «первоначальные чтения, утраченные в списке С», и не может происходить также от списка, «подобного» или «типа» Кб, так как эпизод описания битвы, характерный для Кб и ПВ, в ПВ «передан ближе к оригиналу»; поэтому, заключает Дмитриева, все три списка восходят к общему источнику-изводу Син. (Дмитриева Р. П. Взаимоотношение. . ., с. 231). Помимо того факта, что совпадения Кб—ПВ против С—Унд. и первоначальные чтения, утраченные в С, но сохранившиеся в ПВ «и в списке извода Унд.», не доказывают необходимости Син., — существование Син. не имеет смысла с точки зрения предложенного Лихачевым протографа Кб, к которому могут быть сведены все особенности ПВ.

о Мамаевом побоище». Правда, продолжает Лихачев, можно думать о контаминации С с Кб (или кб?) — этот вопрос был уже поставлен Дмитриевой, — поскольку список С, в конечном счете, довольно сильно отличается от Кб и очень уж близок к спискам Унд. Чтобы выдвинуть подобную гипотезу, говорит Лихачев, надо спросить себя, возможно ли это исторически (причем он сам, по-видимому, такую гипотезу исключает, поскольку не отмечено списков, подобных Кб, так как Кб как будто не копировался). Во всяком случае, эта гипотеза для Лихачева неприемлема, если учесть характерные особенности бессмысленных ошибок и явных искажений, общих для С и Кб, серьезность которых исключает, видимо, контаминацию. Ибо перенос из дополнительного источника является в действительности продуктом сознательного выбора, и нельзя считать, что ошибки были заимствованы в С из Кб. Таким образом, С был бы контаминирован с Унд., а не с Кб.

В дальнейшем мы остановимся на теоретических аспектах этого утверждения; теперь же проследим далее заключения Лихачева.

Если принять во внимание действительно крупные расхождения между различными списками, то необходимо признать, что Кб представляет редакцию, самостоятельную по отношению ко всем другим спискам. Но если мы, продолжает Лихачев, хотим глубже понять историю текста «Задонщины», то необходимо исследовать индивидуальные особенности всех списков и выделить различные этапы текстологической традиции. Конкретно говоря, если «удалить все, что так или иначе связано с особенностями его (Ефросина) обращения с текстами», то законно задаться вопросом, к какому же изводу принадлежит кб? Совпадения между Кб (или кб?) и С, продолжает далее Лихачев, не являются (или не являлись?) столь значительными, чтобы можно было рассматривать их как отдельную редакцию; скорее они должны считаться просто изводом, противопоставленным Унд. Таким образом, история текста, которую можно, согласно Лихачеву, глубоко исследовать при помощи одних лишь методов текстологии, показывает, что от существовавших сначала двух изводов — кб и С против Унд. — произошло, вследствие работы Ефросина, расхождение двух редакций: Кб против С и Унд.[12]

---

[12] Отметим, что совпадения Кб, С, ПВ служат Лихачеву не только для обоснования их протографа Син., но также и для исключения той возможности, что этот текст мог принадлежать иной идеологической или стилистической редакции. Ср. с. 175: «Сходств этих недостаточно, чтобы говорить о редакции идеологической или стилистической, но вполне можно называть группу Кб, С и список „Задонщины“, отраженный в Печатном варианте „Сказания“, изводом или вариантом». Но почему для установления того, каким должен был бы быть предполагаемый общий протограф, надо принимать во внимание одни только общие текстуальные характеристики трех списков? И если даже операция этого рода оказалась бы возможной (см. ниже), то можно ли прийти к тому же выводу, подвергнув исследованию совпадения Кб—ПВ против С или С—ПВ против Кб, считая, что С и Кб в свою очередь (как и ПВ) могли претерпеть дальнейшие изменения? Например, не может ли

Тезис Лихачева, который я попытался изложить с наибольшей возможной точностью и ясностью, вызывает ряд методологических возражений и замечаний по существу. Первым спорным пунктом мне кажется самое основание всего рассуждения Лихачева, а именно — можно ли, отправляясь от переработанного текста, определить первоначальный слой того текста, которым воспользовался редактор. Если даже в данном случае мы достаточно хорошо знаем кописта-редактора и его методы работы, то в состоянии ли мы выделить черты стилистической, повествовательной и композиционной системы образца, послужившего ему источником? Речь идет не о том, оговоримся, чтобы проследить отдельные, особенно примечательные чтения, перешедшие из этого образца в текст, переработанный Ефросином (что возможно, как доказывают, например, исследования фольклорной традиции), а о том, чтобы в точности установить, какого рода текстом воспользовался редактор, каков был его «ранний слой».[13] Я позволю себе сказать, что здесь абсолютизируется концепция конъектуры («divinatio»), вследствие которой мы получим, по «текстологии», не критическое издание текста, а его «реконструкцию».[14] История филологии учит нас относиться весьма подозрительно к операциям этого рода.

Сомнения становятся еще более серьезными, если принять во внимание, что кб сравнивается со списком С, также достаточно неисправным и совершенно отличным по лингвистическим и стилистическим данным, с целью заключения, что расхождения между протографами этих двух списков и остальными списками памятника не такого рода, чтобы эти два списка можно было выделить в самостоятельную «редакцию», но позволяют лишь включить их в один «извод». Поскольку список С также наверняка подвергся одной или нескольким переработкам, сравнение (а потому и возможные выводы из него) производится в действительности между двумя неизвестными, кб и с, которые непосредственно восстанавливать невозможно. Тем самым принимаются уже изучать не столько историю текстов, документально засвидетельствованную

эпизод описания битвы, который, по утверждению Дмитриевой, характерен для Кб—ПВ против С—Унд. (ср. предыдущее примечание), служить доказательством намерения различной интерпретации битвы и тем самым существования идеологической редакции С и Унд.? Кто должен судить об этом и по каким критериям? Истина заключается в том, что когда критика текста смешивается с генетическими гипотезами, то возможны любые конъектуры.

[13] Как мне кажется, противоречиво, с одной стороны, утверждать, что Кб «в немалой степени должен был отразить и, очевидно, отразил индивидуальную редакторскую манеру его писца — Ефросина» (с. 168), и в то же время считать, что из Кб можно «удалить все, что так или иначе связано с особенностями его (Ефросина) обращения с текстами» (с. 175). Один вопрос — попытаться выяснить отношения между Кб и другими списками «Задонщины» «по отдельным чтениям тех частей Кб, которые имеют соответствия в других списках» (с. 170), другой же — установить, имели ли первоначально расхождения характер редакции или извода.

[14] О концепции «реконструкции» ср.: Лихачев Д. С. Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв. М.—Л., 1962, с. 449—467.

в настоящее время, сколько их предысторию (всего лишь гипотетическую). Возьмем хотя бы один пример. Расхождение всех рукописей во вступлении «Задонщины» известно. В чем, спрашивается, гарантия того, что кб имел тот же начаток, что и С, отличный от У, или, скажем, что кб и С имели тот же самый начаток, что мы читаем сейчас в У?

В конце концов, вопрос о том, могут или нет списки кб и С быть произведены от общего источника, названного Дмитриевой Син., и восходит ли этот последний вместе с Унд. к архетипу (если этот вообще когда-то существовал) или к автографу «Задонщины», имеет лишь весьма относительную важность. Нравится это нам или нет, но начальные стадии истории памятника окончательно затемнены или настолько искажены копиистами-редакторами, что невозможно получить о них точные и достоверные сведения. Рукописная традиция «Задонщины» — «открыта», и «открытую традицию» нельзя изучать с помощью критериев, пригодных для «замкнутой традиции»; именно поэтому вряд ли имеет смысл говорить об «архетипе» или «автографе», как это часто делается в отношении «Задонщины».

Кроме того, те фактические основания, которые позволили бы постулировать в настоящее время близость между Кб и С на уровне, так сказать, их глубокой структуры, по правде говоря, сами по себе кажутся малосостоятельными. Поскольку, однако, Лихачев считает результаты работы Дмитриевой [15] окончательными, уместно сделать некоторые разъяснения также и по существу этого вопроса.

Совпадения Кб и С, терпеливо собранные Дмитриевой, не могут считаться критическим разбором (recensio), поскольку данная исследовательница отбрасывает, следуя текстологии, критерий общих ошибок, рассматриваемый при этом как механистический, субъективный и опасный. Поэтому она не задается вопросом, имеет ли силу собранный материал доказать существование связей между Кб и С; ей достаточно констатировать общие чтения, чтобы возвести их к общему источнику.[16]

Конечно, не только я считаю глубоко ошибочными по ряду основательных причин, которые неуместно здесь повторять,[17] всевозможные классификации, основанные на чтениях, не являющихся безусловными ошибками или не представляющих значительных разночтений. Именно по этим причинам необходимо, как

[15] «Наибольшая близость списка Кб к списку С основной редакции, предположенная Р. О. Якобсоном, была окончательно доказана Р. П. Дмитриевой и в сущности в целом признается и А. Данти» (с. 170). Считаю своим долгом внести здесь поправку по поводу предположенной мною связи между Кб и С, о которой, насколько мне известно, я никогда не упоминал.

[16] «Списки Кб и С имеют на протяжении всего текста сходные чтения, которые свидетельствуют, что в основе их лежал общий источник» (Дмитриева Р. П. Взаимоотношение. . ., с. 210).

[17] Ср., например: D'Arco S. Avalle. Principi di critica testuale. Padova, 1972, p. 46—48.

мне кажется, исключить из перечня Дмитриевой все те общие чтения Кб и С, которые сама она считает ошибками или инновациями в Унд.[18] Инновации этого извода, каковы бы ни были причины их происхождения, не доказывают, по элементарному принципу логики, существования общего источника для Кб и С. Мы не можем учитывать простые синонимические разночтения, которые в действительности ничего не доказывают [19] и которым, во всяком случае, противоречит существование других противоположных разночтений. Таким образом, мне кажется, что из случаев, подлежащих рассмотрению, наибольшую сложность представляют только два: конструкция «обижены» в С и «изобижены» в Кб с дательным падежом и пророчество Пересвета — первая и третья цитаты у Дмитриевой.

Поскольку речь идет о первом случае, то тексты С и Кб не вполне совпадают, и даже текст двух списков Унд. не одинаков.[20] Здесь мы сталкиваемся, по-видимому, с так называемым «критическим местом», в котором переписчики из-за различных трудностей в передаче текста по-разному исправляли его. Чтение $И_1$ и У представляет, без сомнения, синтаксически удачную формулировку, напоминающую вдобавок о соответствующем месте в «Слове», которое содержит, однако, также страдательное причастие («порождено») со следующим за ним дательным падежом. Чтения С и Кб могли бы представлять бессвязное изменение текста «Слова» (или текста, подобного ему) — «въ обиде порождено» $>$ «обижены», «изобижены», — в общем, могли бы также рассматриваться как общая ошибка С и Кб, но она, на мой взгляд, не определяет безусловное отличие этих списков от Унд. Между прочим, можно заметить, что «по рожению» имеется в У, но не в $И_1$; т. е. мы не знаем, было ли это в Унд.[21]

---

[18] Дмитриева Р. П. Взаимоотношение. . ., с. 210—217.

[19] Естественно, противоположного мнения придерживается Д. С. Лихачев, который пишет: «А. Данти интересуют в первую очередь не столько те разночтения, которые, будучи сами по себе незначительными и мало сложными, показательны тем не менее для истории текста и для выяснения взаимоотношения списков, сколько те разночтения, которые затрудняют издателя текста и место которых должно быть определено в подготовляемом издании. Этот „практицизм" в подходе к тексту мешает выявлению истории текста и в конечном счете затрудняет его издание» (с. 174). Я убежден, напротив, что именно чрезмерное внимание к разночтениям, которые сами по себе незначительны и никогда не смогут стать важным доказательством, преграждает издателю путь к обрисовке истории текста и установлению филиаций.

[20] Ср. приводимые Дмитриевой тексты: Взаимоотношение. . ., с. 211.

[21] Для защиты своего положения о связи С с Кб Дмитриева в своем последнем очерке «Некоторые итоги изучения текстологии „Задонщины" (в связи с вопросом о подлинности «Слова о полку Игореве»)» в «Русской литературе» (1976, № 2, с. 89) приводит только этот случай как самое очевидное испорченное чтение Кб—С и как свидетельство того, что во всей рукописной традиции «Задонщины» это — единственное место, в котором необходимость общего протографа, способного объяснить совпадение ошибок двух списков, кажется более убедительной. Действительно, при современном

В конце концов, это единственный сомнительный случай. Разночтения третьего отрывка, цитируемого Дмитриевой (и прежде всего его предлагаемое истолкование), кажутся мне совершенно недостаточными для доказательства существования общего протографа Кб и С.[22] Следует предположить, рассуждает Дмитриева, что в общем протографе Кб и С и в первоначальном тексте было подробнее сказано о Якове, сыне Осляби. Явно «смысловой неточностью» является чтение Кб, где Яков лишь бегло упоминается в конце пророчества Осляби Пересвету. Итак, продолжает Дмитриева, именно из-за этой неточности Кб переписчик списка С полагает, что Яков — это имя Пересвета, и отождествляет обоих действующих лиц. Если между Кб и С существует текстуальная зависимость и гипотеза Дмитриевой оказывается справедливой, то отсюда следует заключить, что С происходит от Кб, а не от общего протографа. Лихачев легко мог бы исправить положение, сказав, что речь идет не о Кб, но о кб, т. е. об источнике, которым воспользовался Ефросин и который, однако, в этом случае предполагается — но без всякого основания — тождественным с Кб и с Син. Во всяком случае, трудно доказать справедливость предпосылки, лежащей в основании умозаключения Дмитриевой, что в первоначальном тексте и в общем протографе Кб и С (уже постулируемом в тот самый момент, когда пытаются доказать его существование) должно было подробнее говориться о Якове. Текст списка С действительно весьма близок тексту Унд. Оставляя в стороне совпадение между Кб и С — «пасти» вместо «летети» (что, по утверждению Дмитриевой, надо рассматривать как синонимические варианты, так что трудно установить, кому принадлежит инновация), нельзя считать, что эти списки объединяет общий пропуск «лежати» и что вследствие этого пропуска «текст списков Кб и С оказался нечетким по содержанию». В действительности, как нетрудно было бы усмотреть из текстов, цитируемых Дмитрие-

---

состоянии наших знаний о древнерусском синтаксисе эта конструкция — страдательное причастие, за которым следует дательный падеж, — кажется недопустимой. По этой причине мои суждения о происхождении этого «недопустимого» чтения опираются на графические разночтения по сравнению с «моделью» «Слова». Сверх того необходимо все же отметить, что 1) в «Задонщине» имеются и другие примеры не соответствующих норме синтаксических конструкций, которые не находят аналогии в других текстах (ср.: Фодор И. Синтаксические явления «Задонщины». — Studia Slavica, I, 1955, p. 137—178), — не исключено, что эта синтаксическая конструкция отражает формы народной поэзии, которые, как уже отмечено, широко представлены в «Задонщине»; 2) если даже речь идет об ошибке, то это не означает непременно, как утверждает Дмитриева, что чтение Кб и С «вторично» по отношению к синтаксически правильному чтению в списке Унд. Именно потому, что речь идет, говоря словами Дмитриевой, о «несогласованном варианте», всегда легко исправимом и действительно часто исправленном, существует конкретная возможность того, что $И_1$ и У независимо внесли исправления в текст, который показался их авторам, справедливо или нет, ошибочным, но который представлял собою просто «lectio difficilior».

[22] Дмитриева Р. П. Взаимоотношение. . ., с. 213—214.

вой, в списке С пропущено «лежати», а в Кб опущена целая фраза. Тем самым эти два пропуска не имеют общего происхождения.

Итак, именно этот пример, как я полагаю, доказывает очевидную истину, которой нельзя не принять во внимание, — что Кб, С и Унд. не вполне сопоставимы друг с другом, не передают традиционный текст (textus traditus) и что вследствие этого нужно очень осторожно подходить к оценке совпадений или расхождений между ними. Мне не кажется объективно возможным, имея в распоряжении этот материал, указать общие безусловные ошибки, объединяющие Кб и С и в то же время отличающие их от списков Унд. Следовательно, обосновать существование их общего протографа, пусть даже на уровне кб, по критериям критики текста (и формальной логики) невозможно.

Совпадения между «Задонщиной» и Печатным вариантом «Сказания о Мамаевом побоище» также не могут служить для объединения Кб и С. Рассмотрим и в этом случае с помощью тех же критериев приводимые Дмитриевой примеры.[23] В первом примере мы видим очевидное испорченное чтение в списках $И_1^1$ и У, где стирается уподобление вопля сражающихся мычанию быков, что делает все сопоставление неубедительным. Второй цитируемый Дмитриевой отрывок вопреки ее утверждению демонстрирует подобие С+ПВ, но с исключением Кб, где опущена вся фраза. Разночтения, на которых она сосредоточивает свое внимание («нелепо» в Кб и «лепо» в ПВ против «добре» в С и $И_1$ или «помолодитися» в Кб, ПВ и Унд. против «помолодети» в С), в действительности являются несущественными синонимическими вариантами, лишенными значения. Третий пример, свидетельствующий, по мнению Дмитриевой, о существовании Син. в качестве общего протографа Кб и С, а также и ПВ, состоит в использовании (в разных контекстах) предлога «по» в противоположность предлогу «в» в изводе Унд. Кроме того, в ПВ и С стоит «всем» (против «рожным» в Кб и «Рускои» в Унд.), а в ПВ и Кб «поиде весть» и «весть подаваша» против «кликнула Дива» в С и в Унд. Замечания эти, в действительности несущественные и сами по себе, несущественны также и в том отношении, что никоим образом не доказывают связи Кб, С и ПВ. Как видно, ПВ совпадает то с Кб, то с С, но никогда с Кб и С вместе. С другой стороны, тот факт, что в отмеченной фразе С и Унд. говорится о Диве (имя божества славянского пан-

---

[23] Там же, с. 224—231. — В своей последней работе по истории текста «Задонщины» Дмитриева пишет, что ПВ «повторяет некоторые общие чтения Кб и С, которых нет в остальных списках „Задонщины“. Поэтому можно считать, что список, использованный в Печатном варианте, имеет общее происхождение со списками Кб и С, т. е. восходит к изводу Син.» (Некоторые итоги. . ., с. 83). Это было бы совершенно верно, если бы было доказано, что совпадения между Кб, С и ПВ наверняка представляют собой безусловные общие ошибки, отличающие их от других списков. Если же речь идет, напротив, как в рассматриваемом случае, о вариантах Унд. или о несущественных и незначительных расхождениях в чтениях, то все рассуждение теряет силу.

теона, засвидетельствованное также в «Слове о полку Игореве», — слово, без сомнения, очень редкое), не вызывает у Дмитриевой потребности какого-либо объяснения. Два следующих примера, цитируемых Дмитриевой для доказательства зависимости ПВ от «Задонщины» и, в частности, от Син., представляют собой два совпадения ПВ и Кб против С и Унд., по указанным выше причинам не дающие никакого доказательства. Точно так же бесполезны совпадения ПВ и С против Унд. при пропуске Кб, а это делает невозможным какое-либо суждение об источнике Кб и С, в чем и состоит как раз предмет спора.

Из исследованного материала невозможно извлечь надежные указания на связь ПВ с Син., а потому и на самый извод Син., так что Дмитриева вынуждена допустить, что ПВ имеет общие чтения с Унд.[24] Но и в этом случае мы должны прежде всего спросить, какого рода этот «общий текстовой материал» в ПВ и списках «Задонщины» и почему ПВ совпадает с какими-либо списками, то с одним, то с другим. В этом случае, как мне кажется, речь идет о «воспроизводящемся материале», из которого не вытекает с необходимостью текстуальная зависимость. Норма, руководившая созданием столь различных между собой текстов, как «Задонщина» и «Сказание», состояла не в принципе неварьирования авторских текстов, но попросту в стилистической адаптации, в соответствии между средствами выражения и литературными жанрами в рамках не одинакового «текста», но только общего словесного ядра, переработанного для памятников лишь тематически сходных. Поэтому текстологический анализ, оперирующий критериями, применимыми только к авторским редакциям (поиск архетипов и т. д.), может привести лишь к сомнительным и противоречивым результатам.

Дело не только в семантических адаптациях. То, что Дмитриева называет просто «сходными чтениями» С и Кб, «отличиями от текста извода Унд.», «общими чтениями списков Кб и С, которые отличают их от списков извода Унд.», «общими отличиями», «особенностями» или аналогичными выражениями, становится для Лихачева общими со списком Кб ошибками и неясностями в списке С.[25] Эти выражения не являются синонимическими, и различный смысл их предполагает различные методологические цели. И здесь очевидны границы исследования Лихачева: он считает доказанными фактические данные, которые в действительности даже не были подвергнуты обсуждению с целью такого доказательства. Следует добавить, что эти границы связаны с попыткой некоторым образом спасти работу Дмитриевой, от которой

---

[24] Ср., например, фразу вроде следующей: «Точно так же, как в предыдущем примере, в Печатном варианте имеются чтения, общие с изводом Унд., не сохранившиеся в списке С».

[25] Ср.: Лихачев Д. С. Взаимоотношение. . ., с. 175.

работа Лихачева, правда, отличается отчасти иными заключениями.[26]

Мой анализ истории текста «Задонщины» приводит к другим результатам. Общие чтения Кб и С, как я полагаю, не являются безусловными общими ошибками, могущими объединить эти два списка и позволяющими возвести их к общему источнику (Bindefehler), противопоставив их остальной рукописной традиции (Trennenfehler). Несомненные совпадения этих списков следует приписать отчасти инновациям, сделанным в изводе Унд., отчасти же тому факту, что С — «собиратель разночтений», как мы уже говорили.[27] Именно в этих границах ставится проблема предполагаемой контаминации С. Достаточно напомнить, что контаминация, как показал Дэн, прямо связана с явлением «собирателя разночтений» в том смысле, что ошибка, кажущаяся происходящей от контаминации, может быть вызвана одновременным наличием конкурирующих чтений — и пользующийся ими копиист либо выбирает то одно, то другое, либо списывает оба.

Прежде чем перейти к частному случаю С, следует остановиться на принципе, формулируемом Дмитриевой, которому Лихачев придает важное теоретическое значение.[28] В случае контаминации, утверждают они, ошибки, и прежде всего ошибки, лишающие рассказ смысла, переходят в контаминированный список лишь из его непосредственного источника, а не из вторичного, потому что копиист подходит к этому последнему сознательным образом. Формулировка эта сама по себе не очень отличается от предложенной Массом и поддержанной также Паскуали: «Очевидно, испорченные места и в особенности лакуны весьма нелегко передаются посредством контаминации».[29] Как мы видим, разница между двумя формулировками состоит в важности испорченного места и в менее аксиоматическом выражении, не исключающем в принципе, что некоторые ошибки передаются также и посредством контаминации.

Тем не менее в свете того немногого, что вообще известно об этом явлении и, в частности, по поводу средневековых славянских текстов (ввиду недостаточного внимания, уделявшегося до сих пор скрипториям), следует относиться к контаминации как к явлению в высшей степени разнообразному по способам и интенсивности его обнаружения. Однако, когда речь идет о многократ-

---

[26] Дмитриева всячески пытается в своей статье обесценить Кб, чтобы доказать, что этот список не может прямо восходить к архетипу, в очевидной полемике с Вайяном и другими учеными, считающими «краткую редакцию» более близкой к оригиналу. У Лихачева этот аспект полемики справедливо выделен.

[27] Эта характеристика С подчеркивается в моей работе «Per l'edizione della „Zadonščina“. . .» (p. 168).

[28] Ср.: Дмитриева Р. П. Некоторые итоги. . ., с. 30; Лихачев Д. С. Взаимоотношение. . ., с. 173.

[29] Pasquali G. Storia della tradizione e critica testuale. Firenze, 1952, p. XVII; Maas P. Critica del testó. Firenze, 1952, p. 11.

ной контаминации,[30] что можно считать нормальным случаем в рамках «открытой традиции», такие понятия, как основной источник и вторичный источник, принимают в высшей степени относительный характер и в конечном счете оказываются на деле непознаваемыми вследствие свободы, с которой копиист, «превращающийся из собирателя вариантов в их создателя», сливает традицию с новшествами. В этом случае не имеют силы нормы, принятые для оценки контаминации авторских текстов, т. е. предположения об очевидных испорченных местах и лакунах. Здесь можно применять лишь статистический анализ разночтений, условившись считать основным или первичным тот текст, который оказывается ближе всего по своей структуре или системе к контаминированному тексту.

Что касается списка С, то, как мне кажется, напрасно задавать вопрос, каков был основной текст и каков вторичный, поскольку, как мы уже сказали, список С вначале следует в основном Унд., постепенно удаляясь от него и заменяя его другим источником, нам не известным, каковым может быть также и фантазия переписчика. В итоге можно лишь сказать, что список С и его протографы (существование которых можно индуктивно предположить, судя по присутствию в С сводных разночтений) статистически ближе к Унд. (и, возможно, к другим источникам), чем к какому-либо вторичному источнику, близкому к Кб. Однако это явление настолько широко распространено, касаясь притом самой структуры текста списка С, что я не приписываю его контаминации, а скорее некоему процессу переработки, превратившему С в независимую композиционную единицу.

Таковы основные замечания по поводу «Задонщины». В действительности важная работа Лихачева вызывает ряд других соображений, на которых я теперь предпочитаю не останавливаться, поскольку они касаются более частных и, в некотором смысле, второстепенных аспектов. Можно, в самом деле, предсказать, что, выйдя за пределы текстуальной зависимости между «Словом» и «Задонщиной», обсуждение текстологической традиции «Задонщины» утратит характерный для него до сих пор неотложный характер, причем большее внимание будет уделяться конкретным проблемам передачи текста.

Отвлекаясь от специального случая, послужившего поводом к этой дискуссии, было бы интересно обсудить, как я уже упоминал, некоторые общие постулаты, вытекающие из рассматриваемой, а также предшествующих работ Лихачева. Начнем с его упрека по адресу «критики текста» в чрезмерном, если не исключительном интересе к практическим вопросам издательского характера и, с другой стороны, в почти полном отсутствии интереса к истории

[30] Отсылаю по поводу терминологии к работе: Segre C. Appunti sul problema delle contaminazioni nei testi in prosa. — In: Studi e problemi di critica testuale. Bologna, 1961, p. 63—67.

текста.[31] По его мнению, следует, напротив, принимать во внимание сходства и расхождения в рукописной традиции, но с целью найти объяснение их происхождению, поскольку «нет текстологического факта, пока он не объяснен в своем происхождении».[32] По мнению Лихачева, этот путь, более длинный и утомительный, единственно способен гарантировать объективность заключений.

По существу, речь идет о соотношении между Textgeschichte (историей текста) и Textüberlieferung (передачей текста), играющем центральную роль в текстологии Лихачева. По поводу этого соотношения было уже замечено, что важность, приписываемая «истории текста», с одной стороны, привлекает внимание ученых ко всем творческим моментам, типичным и важным для «открытой традиции», такой, как средневековая славяно-русская (лучше сказать, просто средневековая), — с другой стороны, принимает у Лихачева столь широкий смысл, что сводит на нет

---

[31] Лихачев пишет: «Прийти к правильным заключениям по истории текста „Задонщины" А. Данти явно мешают постоянно перекрещивающиеся с исследованием по истории текста практические задачи издания текста» (с. 174); «А. Данти обращает внимание на разночтения и общие чтения различных списков и, еще до того как дать объяснение их происхождения, устанавливает редакции только по сумме сходств и различий в списках» (с. 167). Верно, что ученые, принимающие и интерпретирующие критику текста в лахмановском смысле, опираются в своем исследовании на «общие ошибки» рукописной традиции. Но именно по этой причине установление отношений списков определяется не «количественным» критерием, состоящим в простом суммировании сходств и расхождений списков (что, по-видимому, происходит во многих изданиях, выполненных в духе текстологии), но «качественным критерием» бесспорно общих ошибок, на основе которых можно судить также и о несущественно расходящихся чтениях. Отметим также в словах Лихачева смешение таких понятий, как «произведение» и «текст», «открытая традиция» и «закрытая традиция»: установление редакций — совсем иное дело, чем построение стемм. Последнее осуществляется сличением, первое же требует простого сравнения, имеющего целью определить, какие именно списки содержат данный текст. По поводу этих понятий ср.: Picchio R. Questione della lingua e Slavia Cirillometodiana. — In: Studi sulla questione della lingua presso gli slavi. Roma, 1972, p. 13—16; обсуждение критериев издания «Даниила Заточника» в кн.: Colucci M., Danti A. Daniil Zatočnik. Slovo e Molenie. Firenze, 1977, p. 48—52.

[32] Лихачев Д. С. Взаимоотношение. . ., с. 171, прим. 19. — В этом примечании работа Дмитриевой, рассматриваемая как методологически образцовая, противопоставляется известному и важному труду Зимина «Спорные вопросы. . .», критикуемому за использование «количественного метода» анализа разночтений. По моему мнению, дело обстоит как раз наоборот, поскольку именно Зимин устанавливает принадлежность С к Унд. на основании «композиции текста, лексики, стиля и содержания», а это, собственно, и представляет собой в основном качественную оценку рукописной традиции. Впрочем, критика Лихачевым работ Зимина мне кажется изначально предвзятой. Лично я не разделяю некоторые гипотезы Зимина, как например вывод «Слова» из «Задонщины» или утверждение о большей близости списка Кб к первоначальному тексту; замечу, однако, что гипотезы эти основываются на тех же предпосылках (непрерывной текстологической передачи, возможности возведения к архетипу и т. д.), которыми оперирует Дмитриева, хотя и для того, чтобы прийти к противоположным заключениям.

концепцию «передачи текста».[33] Причина этого заключается в том, что внешние по отношению к тексту данные, касающиеся списков, копиистов, обстоятельств работы скрипториев и т. п., кажутся куда более реальными, более «объективными», нежели оценки, относящиеся к текстуальной передаче текста, т. е. к предполагаемым общим ошибкам, признанным таковыми только суждением ученого и поэтому рассматриваемым, также и в обсуждаемой работе, как «механические признаки».

Разумеется, Лихачев упоминает (а также цитирует) Бедье с его критикой метода Лахмана; но Лихачев обязан (может быть, даже больше) русским критикам-формалистам 20-х годов, в первую очередь Томашевскому. Динамичность литературного произведения, его эволюция, рассматриваемая как смена систем, важность всех композиционных стадий для интерпретации произведения — все эти концепции, примененные Томашевским к проблеме издания классиков,[34] были перенесены Лихачевым в изучение средневековых текстов. Впрочем, в его «Текстологии» (термин, взятый именно у Томашевского) необходимость для филолога изучать историю памятника во всей его последовательной эволюции явно сближается с критикой вариантов современных авторов.[35] Однако можно спросить себя, закономерно ли целиком и полностью уподобить специфические функции вариантов в рукописной традиции генетической стратиграфии современного текста?

---

[33] Ср.: Picchio R. In merito alla tradizione testuale russa antica. — In: Studi in onore di Arturo Cronia. Padova, 1967, p. 415—432. — Не следует недооценивать важность этой работы, в которой существо проблемы обрисовано с крайней ясностью и отчетливостью. См. также краткие, но содержательные места, посвященные этой проблеме в работе: Models and Patterns in the Literary Tradition of Medieval Ortodox Slavdom. — American Contributions to the Seventh International Congress of Slavists. The Hague, 1973, 11, p. 453—457.

[34] Ср.: Томашевский Б. В. Писатель и книга. Очерк текстологии. Изд. 2-е. М., 1959 (1-е изд. — 1928 г.). — Томашевский производит четкое различие между отраслями науки, занимающимися текстологической традицией до введения книгопечатания и современными текстами. (Различие это вновь отмечено на первых страницах книги: Laufer R. Introduction à la textologie. Vérification, établissement, édition des textes. Paris, 1972). В первом случае закономерно оперировать критериями и методами «критики текста», во втором же — «текстологии» (с. 26—30). Для Лихачева, напротив, разница между «критикой текста» и «текстологией» примерно такая же, как между химическим анализом и химией. Ср.: Лихачев Д. С. Текстология. . ., с. 28, прим. 38; Grundprinzipien textologischer Untersuchungen der altrussischen Literaturdenkmaler. — In: Texte und Varianten. Probleme ihrer Edition und Interpretation, Изд. G. Martens, H. Zeller. München, 1971, p. 301; на русском языке: Основные принципы текстологических исследований памятников древнерусской литературы. — В кн.: Текстология славянских литератур. Л., 1973, с. 219. — Отсюда вытекает другое расхождение между Томашевским и Лихачевым. В то время как для Томашевского текстология является не чем иным, как методом, орудием научного исследования, с помощью которого наука собирает необходимые данные (ср.: Писатель и книга. . ., с. 30), для Лихачева она является наукой (ср.: Текстология. . ., с. 25).

[35] Лихачев Д. С. Текстология. . ., с. 29—32.

Требование «изучить историю текста памятника на всех этапах его существования в руках у автора и в руках его переписчиков, редакторов, компиляторов, т. е. на всем его протяжении, пока только изменялся текст памятников», — требование, которым открывается «Текстология»,[36] — мне кажется оправданным рукописной традицией древнерусских произведений. Однако легко заметить также, что критика Лихачева, содержащаяся в этом и других подобных утверждениях,[37] направлена не столько против какой-либо методологии, сколько против некоторых издателей, привлекающих (или, скорее, привлекавших) к сравнению различные тексты, принося при этом в жертву на алтарь первоначального текста всю литературную историю данного произведения. В ошибку того же рода, связанную со смешением «произведения» и «текста», впадают, как я полагаю, хотя и в противоположном направлении, те, кто, подобно Лихачеву, требуют расценивать все разночтения, даже минимальные, как свидетельство индивидуальности переписчика и часть некоей неповторимой системы, т. е. кто придает первенствующее значение описанию документов по сравнению с их интерпретацией, — что, как легко видеть, ставит под вопрос самую возможность какого-либо критического издания, поскольку при этом все данные рукописной традиции рассматриваются как несравнимые величины. Естественно, что эти исследователи в конце концов оказываются вместе с Жозефом Бедье под успокоительной властью одного списка, определенного, некоторым образом наиболее авторитетного или заслуживающего наибольшего внимания.[38]

Разумеется, ни один список не бывает тождествен с каким-либо другим, и этапы истории литературного произведения все отличны друг от друга, но не все они одинаково значительны. Бывают произведения или моменты в истории данного произведения, в которые передача текста происходит, по существу, в виде повторения: переписчик усаживается на свою скамью, чтобы копировать текст с механичностью и точностью, тем бо́льшими, чем бо́льшую важность придает он этому тексту из-за его автора (auctor) или его

[36] Там же, с. 23.

[37] Ср. также статью «Grundprinzipien. . .», резюмирующую теоретические позиции текстологии.

[38] Мне кажется, однако, уместным подчеркнуть некоторые расхождения между Бедье и Лихачевым, исходя из упрека, выдвинутого Лихачевым против великого французского филолога. Критика Бедье, говорит он (Текстология. . ., с. 19), нацелена на внутренние противоречия лахмановской критики текста, но не предлагает взамен каких-либо иных принципов. В самом деле, если для Бедье необходимость прибегнуть к лучшему списку связана с неадекватностью наших критериев оценки (откуда его стремление оправдать содержащиеся в этом списке чтения), то для Лихачева такой тип критического разбора, основанный (как показал сам Бедье) на субъективных суждениях, за исключением самых очевидных случаев, может привести лишь к сомнительным, субъективным и неприемлемым результатам. Речь идет, таким образом, о том, чтобы заменить такого рода критический разбор научным исследованием, т. е. историей текстов. Ср.: Текстология. . ., с. 479.

каноничности (auctoritas). Бывают также и иные произведения или иные моменты в истории произведения, в которые переписчик ощущает необходимость приспособить текст к новым требованиям и вносит в него изменения, не вмещающиеся более в словесную структуру этого текста, но нарушающие его. Эти два явления, которые Риккардо Пиккио предложил называть «замкнутой традицией» («tradizione chiusa») и «открытой традицией» («tradizione aperta»),[39] оба широко представлены в истории традиции литературных памятников русского средневековья. Мы не стали бы спорить о двух или трех редакциях «Задонщины», если бы не были все согласны, что нельзя рассматривать в одной плоскости редакционные инновации, влияющие на структуру и общий смысл текста, и эпизодические разночтения, хотя бы и намеренные, но не затрагивающие существа текста. Первая задача ученого заключается, таким образом, в проведении такого различия, что в конечном счете представляет собою лишь частный аспект проблемы отношений между целым и его частями, между неизменным и изменяемым, составляющих сущность всякой интерпретации.[40]

Я полагаю, что такое различение должно быть бесспорно предоставлено индивидуальному, хотя и не произвольному суждению ученого и не может сводиться просто-напросто к констатации фактических данных, посторонних по отношению к тексту, как это подсказывает метод Лихачева. В самом деле, он повторяет также и в статье о «Задонщине», что «редакции определяются только в результате исторического изучения дошедших текстов, а не в результате простой классификации разночтений», и упрекает критику текста в том, что она сначала приступает к классификации списков, учитывая их сходства и расхождения, а затем уже занимается историческим обоснованием этой классификации.[41] Как знают все непосредственно занимавшиеся критическим изданием текстов, на практике в «критике текста» нет речи о двух этапах и вообще о каких-либо противостоящих друг другу операциях.[42] Данные, внешние и внутренние по отношению к тексту, соединяются в процессе установления истории произведения и определения способов передачи текста. Интересно, однако, отметить, что именно первенство, отдаваемое истории текста, приводит в не-

---

[39] Picchio R. Questione della lingua. . ., p. 13—16; On the Textual Criticism of Xrabr's Treatise. — In: Slavic Linguistics and Poetics in honor of Boris O. Unbegaun. New York—London, 1968, p. 139—147.

[40] Из весьма обширной библиографии по этому вопросу мне хотелось бы процитировать лишь некоторые, по моему мнению, особенно значительные работы: Ricoeur P. Qu'est-ce qu'un texte? Expliquer et comprendre. — Hermeneutik und Dialektik R. Bubner, K. Gramer, R. Wiehl. Tübingen, 1970, II. 181—200; Pareyson L. Originarietà dell'interpretazione, p. 353—366.

[41] Лихачев Д. С. Взаимоотношение. . ., с. 175.

[42] Откровенно говоря, я не в состоянии понять, почему Лихачев полагает, будто «практика западноевропейской „критики текста" обычно предлагает сперва классифицировать списки по сумме их сходств и различий, а потом оправдать эту классификацию исторически» (с. 167).

которых случаях к двойственной, противоположной оценке одного и того же памятника.

Филологический анализ «Сказания о князьях Владимирских» приводит к выводу, что разночтения во всех известных списках «весьма не велики», т. е. текст во всех списках вполне передан (textus traditus). Между тем история текста, т. е. функции, предположительно выполнявшиеся им в разные эпохи, подсказывает разделение списков на две различные редакции. И в самом деле, Дмитриева издала два различных текста, а Лихачев оправдывает это решение.[43] Напротив, в случае «Задонщины» история текста, как полагают, доказывает — вопреки значительным расхождениям в известных текстах — первоначальное существование единственной редакции, разделившейся на два извода. Можно спросить себя, почему могут сосуществовать противоположные оценки сходной текстологической традиции? Не является ли это результатом стремления прийти к разным целям? Одно дело — пытаться восстановить текст, возможно более близкий к протографу, другое же — документально обосновать некоторый значительный момент в истории текста данного произведения, чтобы отвлечься при этом от степени его близости к источнику; и опять-таки другое дело — исследовать, каким образом произведение читалось и воспринималось в течение его существования. Если ставится первая из этих целей, то логические основания метода Лахмана (рецензия и эмендация текста) настолько справедливы, что не могут быть заменены иными, даже если требуется их тщательное применение, к которому и пыталась подойти современная филология. Во всяком случае критический текст не может отождествляться ни с каким из известных текстов, но должен занять положение между рядом документов и оригиналом.[44] Это не исключает возможности, а в известных случаях и необходимости издания одной или нескольких рукописей, авторитетно свидетельствующих о некоторых промежуточных этапах истории текста, или же исследования истории памятника и причин наиболее значительных разночтений. Но в таких случаях работа идет в другой плоскости, с иными целями, а следовательно, и с иными методологическими критериями, нежели при восстановлении первоначального текста, с которым не следует смешивать результаты подобных исследований. Предпочтение во всех случаях данных Textgeschichte данным Textüberlieferung вытекает у Лихачева из требования освободиться от субъективных и противоречивых выводов критика текста, чтобы прийти таким образом к изданию, в котором текст представлялся бы объективной, раз навсегда научно доказанной

---

[43] Дмитриева Р. П. Сказание о князьях Владимирских. М.—Л., 1955, с. 14—72; Лихачев Д. С. Текстология. . ., с. 43.

[44] Ср.: Danti A. O znaczeniu tekstu krytycznego. — Slavia, XLVI (1977), c. 395—398.

реальностью.[45] Для этого необходимо упразднить критический разбор и исправление, т. е. исключить тем самым на любом уровне суждение издателя; «По моему глубокому убеждению, — пишет Лихачев, — державшиеся столетиями приемы критики текста — рецензия и эмендация текста — должны решительно отпасть, поскольку эти приемы по существу отрицают историю текста как единого целого, подменяя историю текста как целого примитивно понятой историей его отдельных мест».[46] В действительности текстология ограничивается тем, что заменяет некоторые критерии (например, критерий общих ошибок) другими, — например, критерием большего или меньшего сходства разночтений, — не требующими никакой интерпретации и кажущимися поэтому более объективными.[47] Но если текстология и может обойтись без исправления, без эмендации текста, то она не может отказаться от критического разбора списков, т. е. от рецензии. Мне не известно ни одно критическое издание, не занимающееся в действительности классификацией списков и построением стемм и не претендующее (как это видно и в случае с «Задонщиной») на восстановление архетипа или древних, не дошедших до нас ветвей стемм, иногда даже недоступных. Удивительно, что самые блестящие, иной раз самые смелые гипотезы об истории произведений сопровождаются чисто механической репродукцией данных рукописной традиции.

Д. С. Лихачев подчеркивает в заключении статьи, вызвавшей этот ответ, что обязанность текстолога — не только издать текст, но и быть его историком. Под этим следует подписаться, если историк означает здесь интерпретатора, поскольку обязанность издателя — предъявить реальное знание издаваемого текста, установить, как уже было сказано, соответствие или противоположность различных объектов в связи с точно поставленной целью исследования, а не просто тщательно воспроизвести существующее положение вещей. Но тогда исчезает «нейтральность» или «объективность» исследования, если только вся работа не сводится, как это слишком часто бывает, к изложению не связанных между собой данных (что не является знанием вообще и тем более знанием историческим). Впрочем, если даже устранить рецензию и эмендацию, то никакой метод не смог бы гарантировать объективность выбора основного списка, способа его издания (представим себе, например, вопрос о пунктуации) и тем более его интерпретации. Объясняется это тем, что в антиномии между «aletheia» и

---

[45] «По существу текст остается текстом списка, но только удобочитаемым, удобопонимаемым и удобоцитируемым» (Лихачев Д. С. Основные принципы. . ., с. 231).

[46] Лихачев Д. С. Основные принципы. . ., с. 222.

[47] Можно сказать, таким образом, что Лихачев в некоторых отношениях ближе к Дом Кантену, чем к Бедье, и что в конечном счете текстология представляет собой рассуждение о методе, весьма напоминающее страстные споры первых десятилетий этого века.

«doxa», между «истиной» (к которой стремится научная культура) и «мнением» или «возможностью» (к которой стремится гуманистическая культура) областью действия филологии, как и всякой исторической дисциплины, является именно вторая. Приемы, принятые при анализе рукописной традиции данного произведения, незачем предполагать «объективными»: они должны быть научно обоснованными, т. е. иметь рациональную мотивировку по отношению к конкретной ситуации, в которой их применяют. Таким образом, издание есть лишь «рабочая гипотеза», справедливость которой признается до тех пор, пока ее не заменяют новые, лучшие гипотезы. В этом и состоит привлекательность филологического исследования.

Таков в главных чертах, мне кажется, и более новый и плодотворный вклад итальянской «новой филологии» — от Барби до Контини. Фундаментальные труды Риккардо Пиккио о средневековой славянской рукописной традиции, на которые я неоднократно ссылался,[48] и издание «Даниила Заточника», подготовляемое Микеле Колуччи и автором этих строк, принимают во внимание этот опыт и достижения для продвижения к новым целям исследования.

В этой обстановке не знаю, возможно ли говорить об «итальянской филологической школе» вообще или даже в отношении к славистике. Во всяком случае, нет сомнений в необходимости пересмотра общеупотребительных до сих пор критериев издания славянских средневековых произведений в свете методологического обновления, которому подверглись в последние годы все гуманитарные науки, чтобы избежать очевидного тупика и осветить эту немаловажную страницу нашей общей европейской культуры.

Перевод Е. А. Фет

---

[48] Следует добавить также работы об исоколизме и просодической структуре в средневековой славянской литературе, приобретшие немаловажное значение также в проблемах критики текста. Из работ Р. Пиккио, посвященных этому вопросу, см. прежде всего: Picchio R. Sulla strutture isocoliche nella prosa slava medievale (печатается на болгарском языке в «Литературна Мисъл»).

Е. И. ВАНЕЕВА

СЕЛЕВК И ФИЛОН В СЕРБСКОЙ АЛЕКСАНДРИИ

В Сербской Александрии (С. А.) говорится, что после победы над персидским царем Александр Македонский оставляет наместника в Персии и отправляется с войском дальше на восток. Оставленный в Персии воевода в русских списках романа называется по-разному — в одних Селевком, в других Филоном.

Кратко о взаимоотношениях между русскими списками С. А. Все они восходят к одному (не дошедшему до нас) протографу, который, в свою очередь, восходит к сербским текстам. Независимо к протографу восходят только пять групп списков (Мышецкая, Утрехтская, Уваровская, Титовская и Ефросиновский вид). Остальные восходят к текстам этих пяти групп.[1]

Таким образом, в начальном русском тексте С. А. в Персии был оставлен либо Селевк, либо Филон. Это расхождение в имени в разных русских текстах требуется объяснить.

Вопрос (Селевк или Филон был в начальном тексте) не решается обращением к аналогичному месту в сербских или греческих текстах,[2] так как в сербских оставляется Селевк, а в греческих (Iv и Fior) — Филон. А мы не можем предположить, что одни русские тексты зависят от сербских, а другие от греческих, поскольку все они восходят к одному протографу. Кроме того, дальнейшая роль Филона (после завоевания Александром Персии)

---

[1] Ванеева Е. И. О едином происхождении русских списков Сербской Александрии. — ТОДРЛ, т. XXXIV. Л., 1979, с. 152—161. Ср.: Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в. Издание подготовили М. Н. Ботвинник, Я. С. Лурье и О. В. Творогов. М.—Л., 1965, с. 207.

[2] Сербские тексты изданы: Život Aleksandra Velikoga. Izdao Vatroslav Jagič. Zagreb, 1871; Приповетка о Александру Великом у старој српској књижевности. Критички текст и расправа од Стојана Новаковића. Београд, 1878; Chr. A. van den Berk. Der «serbische» Alexanderroman. München, 1970. Греческие тексты: Истрин В. М. История Сербской Александрии в русской литературе, вып. I. Одесса, 1909 (список Iv); список Fior не издан, использовался микрофильм (Firenze, Biblioteca Medicea Laurenziana, № 1444); список W: Веселовский А. Н. Из истории романа и повести, вып. I. СПб., 1886 (в нем интересующие нас места текста пропущены).

в греческих, сербских и русских текстах представляется поразному.

В сербских списках Александр оставляет в Персии Селевка. Затем идут рассказы о странствиях Александра по окраинным землям, в которых его сопровождает Филон (имя Филона называется в эпизоде посещения острова блаженных). Дойдя до границ Индийского царства, Александр отправляет Филона в Персию к Роксане. Послав свою грамоту Пору, Александр пишет Филону в Персию, с тем чтобы он пришел на помощь с войском. И Филон приходит. Дважды в С. А. Филон называется «господином персов», и, когда Александр перед смертью разделил свои земли между воеводами, Персию получил Филон, а не Селевк. Селевку же Александр дал «римское господство».

Радмила Маринкович, вслед за А. Н. Веселовским обратившая внимание на эту особенность текста, предположила, что исходно в тексте С. А. была эта несогласованность — Александр оставлял в Персии Селевка, а затем, после письма, из Персии приходил с войском Филон. По ее предположению, какой-то сербский писец, заметив эту нелогичность, вставил фразу об отправлении Филона в Персию — после походов по окраинным землям и перед тем, как Александр из Индии пишет письмо к Филону.[3]

Предположение вполне вероятное, тем более что и в греческих списках здесь некоторая негладкость: Александр оставляет в Персии Филона; он же путешествует с Александром; перед Индией Александр никого не отправляет в Персию; письмо пишет Селевкию-Филону (πρὸς τὸν Σελεύκιον τὸν Φιλόνην); приходит из Персии Филон (Iv) или Селевкий-Филон (Fior — ὁ Σελεύκιος ὁ Φιλώνης).

В боснийской рукописи XV в., изданной Берком, читается именно тот вариант, который, по предположению Р. Маринкович, является исходным, — т. е. она сходна в этом месте во всем с другими сербскими списками, кроме одного: в ней Александр не отправляет Филона в Персию.[4]

Предположить, что такого рода несогласованность присуща была архетипному тексту С. А., можно тем более и потому, что это был не вновь появившийся текст, но переработка более раннего произведения (Псевдокаллисфена). В результате изменений и дополнений могли возникнуть некоторая несогласованность и непоследовательность.

В более ранних рецензиях греческого романа Псевдокаллисфена (γ и ε) [5] Александр оставлял в Персии Селевка и Селевк же

---

[3] Маринковић Радмила. Српска Александрида. Београд, 1969, с. 222—224.

[4] В этой особенности с боснийской рукописью сходны две молдавские — ГБЛ, ф. 152, № 35 и ГПБ АН УССР, собр. Киевского ун-та, № 24. Обе рукописи XVI в. В списке ГБЛ в Персии оставлен Селевк, в Киевском списке — Филон.

[5] Рецензия γ издана: Lauenstein U., v., Engelmann H., Parthe F. Der griechische Alexanderroman. Rez. γ. Meisenheim am Glan.

при разделе земель получал власть над персами. Филон — появившийся в этих рецензиях [6] — путешествовал с Александром и получал (вместе с Византом) «македонскую власть». Эпизода с приходом Филона на помощь к Александру из Персии в рецензиях γ и ε не было.

В С. А. добавились (сравнительно с γ и ε) новые эпизоды с Филоном, при разделе земель он получает Персию, Селевку же дается Рим. Филон, появившийся позднее, постепенно вытесняет Селевка.

Вернемся к русским текстам С. А. В них нет отправления Филона в Персию, Филон называется «господином персов» и получает «персидское господство», к Александру приходит с войском из Персии Филон. В остальном списки расходятся.

Приведем варианты, имеющиеся в русских списках (для удобства в краткой форме). Их четыре:

I	II
Селевк в Персии Филон — спутник	Филон в Персии Филон — спутник
III	**IV**
Филон в Персии Птоломей — спутник	Филон в Персии Антиох — спутник

I вариант — в Мышецкой группе (кроме списка ГИМ, Хлудов. собр. № 249), в Утрехтской группе.
II вариант — в Уваровской группе, в списке Хлудов. собр. № 249.
III вариант — в Ефросиновском виде и в тех сводных списках, где одним из источников был Ефросиновский вид.
IV вариант — в Титовской группе.

Самым распространенным является третий вариант, он же представлен наиболее древним списком (список Ефросина — ГПБ. Кирилло-Белозерское собр. 11/1088, конец XV в.). В нем нет противоречивости. Но столь же непротиворечив и последователен вариант, представленный в Титовской группе, где спутником Александра является воевода Антиох. В обоих случаях варианты непротиворечивы потому, что в них спутником Александра называется не Филон, а другой воевода — Птоломей или Антиох. А это противоречит всем сербским и греческим спискам С. А. (а также рецензиям γ и ε). Несоответствие сербским и греческим текстам, отсутствие (в результате этого расхождения) непоследо-

---

Buch 1, 1962; Buch 2, 1963; Buch 3, 1969. Рецензия ε издана: Vita Alexandri regis Macedonum, primum edidit Juergen Trumpf. Stutgardiae, MCMLXXIV.

[6] Рецензия α: Historia Alexandri Magni (Pseudo-Callisthenes). Vol. 1. Recensio vetusta, edidit Guilelmus Kroll. Berlin, 1926; Рецензия β: Leif Bergson. Der griechische Alexanderroman. Rezension β. Uppsala, 1965.

вательности в рассказе о Филоне и, наконец, то, что таких непротиворечивых варианта (независимых друг от друга) два, — все это приводит к выводу о вторичности вариантов с Птоломеем и Антиохом.

Следует поэтому думать, что в общерусском протографе был либо первый, либо второй вариант. Они различаются только одним: тем, кто оставлен наместником в Персии — Селевк или же Филон. Какой из этих двух был в протографе — с полной уверенностью ответить сейчас, пока не исследованы все сербские и греческие тексты С. А., нельзя, но вероятнее предположить, что в общерусском протографе был первый вариант — с Селевком.

Оснований для такого предположительного вывода несколько: во-первых, такой же вариант представлен по крайней мере в одной сербской рукописи (изданной Берком). Во-вторых, наместничество Селевка подтверждается рецензиями Псевдокаллисфена, где ему же доставалась Персия после смерти Александра, поэтому чтение «Селевк в Персии» можно рассматривать как след родства с этими рецензиями. Это последнее место в С. А., где имя Селевка связано с Персией.

Т. В. ЧЕРТОРИЦКАЯ

О НАЧАЛЬНЫХ ЭТАПАХ ФОРМИРОВАНИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СБОРНИКОВ ЗЛАТОУСТ И ТОРЖЕСТВЕННИК (ТРИОДНОГО ТИПА)

В истории древнерусской литературы XV—XVI вв. важную роль играют сборники Златоуст и триодный Торжественник. Переводные произведения византийских авторов, оригинальные южнославянские и древнерусские сочинения, включавшиеся в эти сборники, располагались в них в строгой календарной последовательности и приурочивались к подвижным праздникам церковного года (в зависимости от празднования пасхи), к так называемому триодному циклу.[1] По жанровой характеристике статей Златоусты и триодные Торжественники можно определить как памятники дидактического и эпидейктического красноречия древней Руси.

Единственным исследованием, посвященным этим популярным сборникам, является работа А. С. Орлова.[2] На основе анализа печатных описаний рукописей ученый предлагает краткие очерки литературного развития древнерусских Златоустов и триодных Торжественников.

Для сборника Златоуст А. С. Орлов устанавливает шесть редакций и отмечает их в списках XIV—XVII вв. Редакции выделяются по принципу расширения состава первоначального ядра и ориентированы прежде всего на календарь. В исследовании не дано четкого определения, что такое Златоуст как тип сборника; А. С. Орлов приводит несколько, судя по всему, авторских заглавий, которые «отличаются неустойчивостью»,[3] и позволяет читателю самому сделать выводы.

Календарный принцип расположения произведений внутри сборника берется А. С. Орловым за основу при определении и триодного Торжественника, при выделении его трех разновидностей.

---

[1] Триодный цикл определяется по лунному календарю, он начинался с недели «мытаря и фарисея» и заканчивался неделей «всех святых», т. е. охватывал дни, подготовительные к посту, великого поста, пасхи и дни и недели пятидесятницы.

[2] Орлов А. С. Сборники Златоуст и Торжественник. — ПДПИ, вып. 158, СПб., 1905.

[3] Орлов А. С. Сборники. . ., с. 8.

Кроме отдельных частных несовпадений количественного порядка, мы не заметили существенной разницы между Златоустами и триодными Торжественниками по той характеристике сборников, которую дает А. С. Орлов. Четыре первые редакции Златоуста могут в равной степени именоваться и триодными Торжественниками. Путаница и неразбериха в терминологическом и фактическом определении этих сборников проявилась и в многочисленных описаниях славянских и русских рукописей.[4]

Итак, на современном этапе изучения древнерусских литературных календарных сборников прежде всего встают проблемы их атрибуции и дифференциации. Решение этих проблем, как нам представляется, возможно лишь в результате сравнительно-текстологического исследования интересующих нас памятников на большом рукописном материале.

Для того, чтобы понять своеобразие и особые черты, отличающие Златоусты от триодных Торжественников, необходимо остановиться на характеристике древнейших славянских гомилетических сборников XI—XIV вв. Анализ таких сборников с целью выяснения процесса складывания Златоустов и триодных Торжественников и является предметом данной статьи.

Сборники торжественных и дидактических слов, поучений и житий, организованных в определенном календарном порядке, появились на Руси очень рано. Среди небольшого количества рукописей, дошедших до нас от XI—XIII вв.,[5] основную часть которых составляют книги служебные, четьи сборники занимают скромное место. Но само появление этих памятников и постепенное от века к веку увеличение их числа[6] свидетельствует о регулярном характере употребления подобных книг в древнерусском обществе.

Что же представляли собой ранние календарные литературные памятники? Мы рассмотрим одиннадцать древнейших сборников.[7]

1. Супрасльская рукопись XI в. (далее: Супр.), памятник болгарского происхождения.[8] Составитель рукописи в начале книги

---

[4] Например, Г. П. Георгиевский называет Златоустами все сборники, в которых так или иначе представлены сочинения триодного цикла (Георгиевский Г. П. Рукописи Т. Ф. Большакова, хранящиеся в имп. Московском и Румянцевском музее. — СОРЯС, 1915, № 41, 163, 215, 287, 288, 411); современный ученый называет типичный Златоуст триодным Торжественником (Новые поступления в отдел рукописей ГПБ, 1952—1966 гг. М., 1968, с. 110 и т. д.).

[5] См.: Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР (для сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. до конца XIV в. включительно). — АЕ за 1965 год. М., 1966.

[6] Если в XI—XIII вв. число рукописных четьих сборников составляло всего 2.9% от общего количества (475) рукописей, то только в XIV в. их количество возрастает до 4.2% (от 1018), причем количество интересующих нас календарных сборников возрастает пропорционально увеличению общего числа четьих книг — по данным «Предварительного списка».

[7] Т. е. все известные по доступной нам литературе древнейшие календарные сборники.

[8] Издание текста: Северьянов С. Супрасльская рукопись. — В кн.: Памятники старославянского языка, т. 2, вып. 1. СПб., 1904.

помещает 25 минейных сочинений,[9] за ними следуют гомилетические триодные произведения, приписываемые византийским авторам, которые распределяются последовательно от «вербной субботы» на все дни «страстной седмицы», пасху и до второй недели после пасхи. В научной литературе Супр. определялся как «Минея-четья на март и слова Иоанна Златоустого».[10]

2. По свидетельству И. Срезневского, такого же содержания, как вторая половина Супр., был и сборник Клоца — памятник глаголического письма XI в.,[11] отрывок которого со словами Иоанна Златоуста и сочинением Епифания Кипрского сохранился до наших дней. Но тем не менее, замечает И. Срезневский, «перевод слов не тот, что в этой рукописи, и сделан по другому подлиннику».[12]

3. Златоструй, заключающий в себе отрывки из Торжественника. Рукопись XII в. (далее: Златоструй), болгарского происхождения.[13] Четыре гомилии триодного цикла (на воскрешение Лазаря и пасху) присоединяются в «отрывках из Торжественника» к минейным сочинениям, посвященным празднику «благовещения».

4. Успенский сборник конца XII—нач. XIII в. (далее: Усп. сб.), памятник древнерусского языка и литературы.[14] Состав и структура Усп. сб. подобны Супр.: 22 минейных произведения предшествуют сочинениям триодного круга, последние приурочиваются к дням седьмой недели поста, праздникам между пасхой и днем «всех святых». Современные исследователи, пользуясь классификацией русских Торжественников, предложенной А. С. Орловым, определяют Усп. сб. как «минейный торжественник-четей».[15]

Э. Благова, изучая триодные гомилетические произведения обоих сборников, делает вывод: «Анализ вариантов слов Иоанна Златоустого, общих в Супрасльском и Успенском сборниках, показывает, что Успенский не был списан с Супрасльского, но обе рукописи восходят к общему, не дошедшему до нас оригиналу».[16]

---

[9] Под минейными сочинениями понимают произведения различных авторов, посвященные праздникам и памятным датам церковного года, определяемым солнечным календарем.

[10] Гранстрем Е. Э. Описание русских и славянских пергаментных рукописей. Рукописи русские, болгарские, молдовлахийские, сербские. Л., 1953, с. 77.

[11] Текст в кн.: Vondrák V. Glagolita Clozův. Praha, 1893.

[12] Срезневский И. И. Древние памятники письма и языка юго-западных славян (IX—XII вв.). Общее повременное обозрение с заметками о памятниках, доселе бывших неизвестными. СПб., 1865, с. 40.

[13] Хранится в ГПБ под шифром F.I.п.46. Описана И. И. Срезневским: Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, XXII. СПб., 1866.

[14] Исследование и издание текста: Успенский сборник XII—XIII вв. Издание подготовили О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон под ред. С. И. Коткова. М., 1971.

[15] Успенский сборник, с. 8.

[16] Благова Э. Гомилии Супрасльского и Успенского сборников. — В кн.: Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966, с. 86.

5. Сборник Михановича, рукопись XIII в. (далее: Мих.), сербского извода.[17] «. . .В Мих. сочетаются два типа праздничных проповедей. С одной стороны, он содержит слова на постоянные праздники второй половины года (т. е. на месяцы март—август), с другой — на подвижные, связанные с пасхальным циклом. Именно в этой части Мих. обнаруживает близость к Клоцову и Супрасльскому сборникам», — так характеризует состав Мих. К. Иванова.[18] Сочинения триодного цикла начинаются, как и в Златоструе, после слов на «благовещение». Сборник сильно поврежден, почти полностью утрачен текст произведений на великопостный цикл, поэтому при сравнительно-текстологическом анализе состава Мих. мы будем пользоваться результатами реконструкции текста, проведенной К. Ивановой.[19]

6. В конце прошлого столетия В. Ягичем была найдена пергаментная рукопись XIII в. болгарского извода.[20] В. Ягич писал об этом сборнике: «Очень последовательно выдержанный подбор слов из Иоанна Златоуста дает нам право назвать его „Златоустом" или „Торжественником" из „Златоуста"»[21] (далее: Ягич).

Сборник состоит из минейных и триодных календарных чтений, расположенных следующим образом: сочинения триодного цикла от недели «блудного сына» до недели «пятидесятницы» обрамлены с обеих сторон минейными гомилиями и начинаются после слова Иоанна Златоуста на «сретение».

7. Хлудовский сборник № 55 (далее: Хлуд.), написанный сербским полууставом, А. Попов назвал Златоустом («Златоуст или собрание слов поучительных Иоанна Златоуста»).[22] В книге 24 сочинения, и все они надписываются именем Иоанна Златоуста. Совершенно очевидно, что А. Попов распространяет авторство статей на название всего сборника в целом.[23] Основанием для такого определения служит традиция рукописной и старопечатной древнерусской книжности, где сборники подобного, но не идентичного содержания по большинству статей тоже называются Златоустами.

Сочинения Хлуд. приурочиваются к отдельным дням и неделям всего триодного цикла.

---

[17] Фототипическое издание: Aitzetmüller R. Mihanović Homiliar. — In: Editiones monumentorum slavicorum veteris dialecti. Craz., 1957.

[18] Иванова К. Цикл великопостных гомилий в гомилиарии Михановича. — ТОДРЛ, т. XXXII. Л., 1977, с. 219.

[19] Иванова К. Цикл. . ., с. 221—231.

[20] Хранится в ГПБ под шифром Q.I.п.56. Описан В. Ягичем: Bericht über einen mittelbulgarischen Zlatoust des 13—14. Jahrh.-Sitzungsbericht d. Akad. d. Wiss., Wien, 1898, Bd 139, H. IV, s. 1—2.

[21] Ягич В. Критические заметки к славянскому переводу двух апокрифических сказаний. — В кн.: Известия ОРЯС, т. 3, кн. 2. 1898, с. 316.

[22] Хранится в ГИМ в собрании Хлудова под № 55. Описан А. Поповым: Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872, с. 66—68.

[23] Попов А. Описание. . ., с. 66.

8. Сборник XIII в., состоящий в основном из произведений Кирилла Туровского (далее: сб. К. Тур.).[24] Сочинения посвящаются воскресным дням послепасхального цикла. За словами Кирилла Туровского следуют несколько минейных сочинений.

Порядок расположения гомилий, их тематика почти идентичны триодным частям Супр. и Усп. сб., но вместо слов византийских авторов древнерусский книжник составляет свой сборник из оригинальных произведений популярного русского писателя, оратора XII в.

9, 10, 11. Сборники XIV в. древнерусского извода: Чудова монастыря № 20 (далее: Чуд.),[25] собрания Уварова № 589 (далее: Увар.),[26] Троице-Сергиевой лавры № 9 (далее: Троиц.).[27]

Чуд. определен составителями описания пергаментных рукописей ГИМа как «сборник житий, слов и поучений особого состава (соединение Торжественника со Златоустом)».[28] «Пергаментный сборник Троице-Сергиевой лавры, № 9, XIV в. в первой своей части может считаться прототипом Златоустов. . .»,[29] — замечает арх. Леонид. А. С. Орлов рукописи Чуд. и Увар. относит к третьей редакции Златоуста, Троиц. — к четвертой редакции.[30]

Все сборники совмещают в себе сочинения разных календарных циклов: в Троиц. несколько минейных слов присоединяются к основной триодной части, в Чуд. триодная часть сборника включается в состав минейной как самостоятельное целое. В Увар. триодные тексты следуют за некалендарными чтениями.

Состав триодных частей этих сборников совпадает по большинству статей.

Сборники начинаются девятичленной группой слов и поучений на воскресные дни великопостного цикла, с недели «мытаря и фарисея» до пятой недели поста. Эта группа как основное древнейшее литературное ядро славянских Златоустов была выделена А. Гор-

---

[24] Хранится в ГПБ под шифром F.I.п.39. Описан П. А. Лавровским: Описание семи рукописей Публичной библиотеки. — ЧОИДР, 1858, кн. 4, с. 40—46.

[25] Хранится в ГИМ, собрание Чудова монастыря, № 20. Описание и исследование: Библиографические материалы А. Попова, изданные под ред. В. Н. Щепкина. — ЧОИДР, 1889, кн. 3, с. II—XI, 1—109.

[26] Хранится в ГИМ, собрание Уварова, № 589—4°. Описан арх. Леонидом в кн.: Леонид. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания гр. А. С. Уварова, ч. 4, отд. 17. М., 1894, с. 7—12.

[27] Хранится в ГБЛ, собрание Троице-Сергиевой лавры, № 9. Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой-Сергиевой лавры. М., 1878, ч. I, с. 11—15.

[28] Щепкина М. В., Протасьева Т. Н., Костюхина Л. М., Голышенко В. С. Описание пергаментных рукописей Государственного исторического музея. — АЕ за 1964 год. М., 1966, с. 197.

[29] Леонид, арх. Систематическое описание. . ., ч. 1, отд. 5, с. 338—339.

[30] Орлов А. С. Сборники. . ., с. 5—6.

ским.[31] Данная точка зрения на происхождение литературной основы триодных сборников в настоящее время является общепринятой.

В. П. Виноградов, проверяя выводы А. Горского, вносит некоторые поправки и доказывает, что девятичленная группа делится на части, разновременно вошедшие в нее. В основе лежат шесть слов и поучений, принадлежащих одному автору и созданных в Болгарии в IX—X вв. Поучения на недели «мытаря и фарисея» и «блудного сына» являются добавочными и позднейшими звеньями.[32]

Характерной особенностью сборников Чуд., Увар., Троиц. является то, что все они включают в свой состав торжественные сочинения Кирилла Туровского. Произведения древнерусского писателя почти полностью вытесняют переводные слова на послепасхальный цикл.

Сравнительный анализ состава рассмотренных рукописей позволил выделить в них целый ряд совпадений и общих черт, что послужило основанием для разделения этих сборников на три группы.

Сборники I группы — Супр., Клоца, Усп., Златоструй — обнаруживают близость, во-первых, в том, что в их составе отсутствуют сочинения на великопостный цикл и на будние дни пятидесятницы, все слова приурочены только к праздничным дням пасхального и пятидесятного циклов; во-вторых, в том, что большинство произведений, включенных в эти сборники, — греческого происхождения (см. ниже) и единой жанровой природы: это произведения торжественного рода красноречия; и, наконец, в том, что между сборниками наблюдается текстуальная близость, позволившая И. Срезневскому и Э. Благовой говорить об общем источнике первых трех рукописей.

Сборники II группы: Мих., Ягича и Хлуд. Не только общее южнославянское происхождение позволяет объединить эти сборники в одну группу, но также и то, что в них впервые появляются сочинения, посвященные великопостному циклу.

В научной литературе уже сопоставлялось содержание рукописей Мих. и Хлуд. Э. Благова считает, что сборник Мих., возможно, представляет собой основной комплекс древних слов и что писец Хлуд. рукописи выбирал из него (или подобного ему протографа) слова Иоанна Златоуста и составлял свой сборник одного автора менее обширного объема. Исследовательница подчеркивает, что

---

[31] Горский А. О древних словах на святую четыредесятницу. — В кн.: Прибавления к изданию св. отцев в русском переводе. М., 1858, ч. 17, с. 34—49.

[32] Виноградов В. П. К вопросу о литературных источниках, составе и происхождении древнеславянской группы поучений на четыредесятницу. — Библиографическая летопись, 1914, вып. 1., изд. ОЛДП.

рукопись Хлудова № 55 передает со всеми деталями тот же вариант (или редакцию) гомилий, который дошел до нас в Мих.[33]

Добавим, что и рукопись Ягича имеет несомненное семантическое и жанровое сходство с Мих. и Хлуд., и прежде всего в отношении произведений, посвященных посту.

Возможно, что Мих. является протографом не только для Хлуд., но и для сб. Ягича, так как оба сборника, значительно различаясь между собой, имеют много общих статей с Мих. Торжественные гомилии заимствуются Хлуд. и Ягичем из сборников I группы тоже посредством Мих.: из 18 общих слов только одно не читается и в Мих.

Сборники III группы: Чуд., Увар., Троиц. Их объединяют в первую очередь слова на великопостный цикл[34] и сочинения Кирилла Туровского. В Чуд. и Увар. переводные слова сборников I группы все, за редкими исключениями, заменяются на слова русского писателя. Непосредственной связи между Чуд., Увар. и сборниками I группы не прослеживается, но со сборниками II группы их сближает четыре гомилии: в неделю 5-го поста, на воскрешение Лазаря, на вознесение, о всех святых.

Троиц. гораздо более ориентирован на древнейшие славянские образцы, чем Чуд. и Увар. Он не только включает в свой состав ставшие популярными переводные сочинения на страстную седмицу и пасху, но рядом со словами Кирилла Туровского, посвященными пятидесятному циклу, помещает отдельные сочинения Иоанна Златоуста на эти же дни. 14 гомилий являются общими для Троиц. и сборников I и II групп.

Сборник слов Кирилла Туровского по своей тематике может быть условно отнесен к сборникам I группы.

Представим результаты сравнительно-текстологического анализа рассмотренных сборников XI—XIV вв. в виде сводной таблицы.[35]

Прототипы древнерусских сборников Златоуст и триодный Торжественник, как справедливо заметил А. С. Орлов,[36] надо искать в греческой литературной традиции. В византийской письменности, по всей вероятности, существовало несколько разновидностей триодных сборников, которые стали известны в славянских странах.

---

[33] Это мнение высказано в подготавливаемой к печати работе о Хлудовском сборнике № 55.

[34] Многие гомилии этого цикла болгарские ученые считают принадлежашими Клименту Охридскому (см.: Климент Охридски. Събрани съчинения, т. 2. София, 1977, с. 623—770).

[35] Названия статей в таблице приведены по их самоназваниям в сборниках и несколько сокращены. Выдерживается хронологический порядок статей. Цифры в колонках указывают на порядок триодных гомилий в составах сборников. Авторы указываются так, как они определены в рукописях.

[36] Орлов А. С. Сборники. . ., с. 17—18.

Сравнительный анализ состава триодных четьих сборников XI—конца XIV вв.

Название статей в сборниках	Супр.	Клоц	Златоструй	Усп. сб.	Мих.	Ягич	Хлуд.	Сб. К. Тур.	Увар.	Чуд.	Троиц.
1. И. Зл. Слово о мытаре и фарисее (Приидете убо днесь, братие)									1	1	1
2. И. Зл. Поуч. в нед. блудного сына (Возлюблении, послушайте самого Христа)									2	2	2
3. То же. (Присно убо божие человеколюбие проповед.)						+1					
4. И. Зл. Поуч. в нед. мясопустную (Се приближися, братие, время)									3	3	3
5. То же. О втором пришествии (По вознесении господни еже)					2	2	2				
6. И. Зл. Слово о муках (Потщимся, возлюбленнии, убежати вечныя муки)					4		3				
7. И. Зл. Слово о пророках Ионе и Даниле и о св. трех отроках (Веселие нам есть день)					6		4				
8. И. Зл. В нед. мясопустную. Слово над умирающими (Перваго человека бог створи)					9		5				
9. И. Зл. В нед. сыропустную. Поуч. (Брате, послушайте умныя двери отверзше)									4	4	4
10. То же. Слово о покаянии (Видесте ли в онуую неделю борение и победу)					3		1				
11. То же. (За суетную жизнь мира сего и на утеху)					1	3					
12. Нектарий, патриарх. Слово в субб. Федорову (Яко много множество благости творя)										5	5
13. И. Зл. В субб. 1-й нед. поста. Мучение Федора Стратилата (Якоже солнце сияет видящим)						4					

Название статей в сборниках	Супр.	Клоц.	Златоструй	Усп. сб.	Мих.	Ягич	Хлуд.	Сб. К. Тур.	Увар.	Чуд.	Троиц.
14. И. Зл. Поуч. в нед. 1-ю поста (Видесте ли, возлюбл., от самых вещей постную пользу)									5	6	6
15. И. Зл. Поуч. во 2-ю нед. поста (Приидите, друзи и братия, возлюбл.)									6	7	7
16. Анастасия мниха горы Синайския. О шестопсалмии					5						
17. И. Зл. В нед. 3-ю поста. Поуч. (Братие, преплывше ныне)									7	8	8
18. То же. (Се учитеся, добро есть день и ночь)						5					
19. И. Зл. В нед. 4-ю поста. Поуч. о алчбе, о молитве и о милости (Приидете ныне церковная чада)									8	9	9
20. То же. (Травницы имуть многы)					7						
21. То же. Слово о Сауле (В тот же день блаженного Евсевия)					8						
22. Кирилл Александрийский. В субботу 5-й нед. поста Похвала богородице (Светло нам слово)											10
23. И. Зл. В нед. 5-ю поста. Поуч. (Понеже убо помале пост сии)										10	11
24. Слово на обретение креста (В лето 7-е царствующу Конст.)									9		
25. И. Зл. В нед. 5-ю поста. Похвала о св. мученпках (Благовремение убо да реку благодать)					10		6		10		
26. И. Зл. В нед. 6-ю поста. Слово о Лазаре (Днесь от мертвых)	+1										
27. То же. (Яко се мати чадолюбива подавше сосец младенцу)	+2				12		7				
28. И. Зл. Слово на вербницу (От чудес к чудесам господним)	+3	1		13	15		8				44

Продолжение

Название статей в сборниках	Супр.	Клоц	Златоструй	Усп. сб.	Мих.	Ягич	Хлуд.	Сб. К. Тур.	Увар.	Чуд.	Троиц.
29. Фотий Константинопольский. Слово на вербницу (Егда отроки «осанна» в вышних вопияша)	4										
30. Андрей Критский. Похвала Лазарю (Лазорь совокупи собор и хочет своего ожития вечерю)				+12							
31. Слово на воскрешение Лазаря (Приидете, возлюбл., праздно пасуще говении)					13	6				21	12
32. Кир. Тур. Слово в нед. цветную (Велика и ветха сокровище)									13	11	13
33. И. Зл. В нед. цветн. (Днесь зызывает нас, братие, светозарное)			2		17	7					
34. То же. (Христова воскресения се предтече светозарное торжество)		2	1		14						
35. И. Дамаск. О иссохшей смоковнице (Подвижет мя на пение и беседу)				+1							14
36. И. Зл. О смокве (Яко убо видя или дуб цветущ)	+5										
37. То же. (Понеже прежде сказахом о смоковнице)					20?		10				
38. И. Зл. Слово о алкании, и о Иосифе, и о попе, и о Даниле. (Всем нам поряду на части)	6				18		9				
39. И. Зл. Слово о 10 девицах (Весте ли убо откуду нам речь)				+2							
40. То же. (Тогда уподобитися цесарствие небесное десяти девам)	7										
41. И. Зл. О собрании собора на господа (Приподобятся церковныи кормленицы детех)	+8			3							15
42. И. Зл. О 10 девицах (Егда жизни скорое скончание)				+4	19?		11				

Название статей в сборниках	Супр.	Клоц	Златоструй	Усп. сб.	Мих.	Ягич	Хлуд.	Сб. К. Тур.	Увар.	Чуд.	Троиц.
43. И. Зл. Слово о блуднице (На всяко время добро и спасно покаяние)				+5	21?		12				
44. И. Зл. Слово в вел. среду о зависти (Елико вас, Илиини)	+9			6							16
45. И. Зл. Слово о блуднице (Днесь фарисеи владыку на обед возва, честь с укором)				+7							18
46. Ефрем Сирин. Слово о блуднице (Многим святым сущим)					22?	8					
47. И. Зл. Слово в великий четверг (Милость божию и человеколюбие)				+8							19
48. И. Зл. О предании Христове (Хотел патриаршию беседу вам)		+3			23		13				
49. И. Зл. О предании Иуды и о пасхе. (Мала нужда днесь к вам)	10										
50. И. Зл. В вел. четверг (Воистину тужу ужастию одержим)	11										
51. То же. (Боюся глаголати и языком коснутися)						9					
52. И. Зл. Слово о реченем «отче, аще мощно чаша си да преидет от меня» (При всем уподоб.)					+26		14				
53. Евс. Александрийский о муце господней (О возлюблении вчерашнее речи днесь мышлю)					24						
54. Евс. Александрийский. О вшествии Иоанна Предтечи в ад (Возлюбл., добро есть рещи каково есть)				+11	25						
55. И. Зл. Слово о кресте. В вел. пятницу (Прииде днесь, о блаж. Павле, риторския оставив)				+9							20

Название статей в сборниках	Супр.	Клоц	Златоструй	Усп. сб.	Мих.	Ягич	Хлуд.	Сб. К. Тур.	Увар.	Чуд.	Троиц.
56. Григ. Никомидийский. Слово о кресте и о богородице (На вышнее нам место вшед слово)					28						
57. И. Зл. От сказания еванг. (Всюду прелесть сама ся ослепляет и не хотящи истине)	+13			10							21
58. И. Зл. Слово в св. пяток (Кончася убо нам алчебный труд)	12										
59. И. Зл. Слово о кресте и о разбойнике (Велика убо есть тварь)		+4			27		15				
60. Епифаний Кипр. О погребении (Что се днесь молчания много на земли)	+14	6			30						
61. И. Зл. (Григ. Антиох.) Слово на погребение (Что се днесь безмолвие много на земле)						+10					
62. Григ. Антиох. Слово на погребение и на воскресение (Похвален церковныи сеи закон)				+14							
63. Воспоминание страсти И. Христа. (В оны дни цесарствующу Тиверию)					29						
64. И. Зл. Слово на пасху (Днесь, возлюбл., темныя места обходит владыка наш)					31		16				
65. То же. (Восста в третий день господь наш)			+3	15							12
66. То же. (И се два беста от них идуща в тои день)	15				32		17				
67. То же. (Добро есть время всем нам во спити реченное)	+17				33		18				
68. То же. (Радуйтеся о господе всегда)	+16										
69. Григ. Богослов. Слово на воскресение. (Воскресения день и начало десное)					34						

Название статей в сборниках	Супр.	Клоц	Златоструй	Усп. сб.	Мих.	Ягич	Х луд.	Сб. К. Тур.	Увар.	Чуд.	Троиц.
70. И. Зл. Слово на воскресение. (Радуйтеся небеса со св.)						11					
71. Поуч. на пасху. (Послушайте, братия и сынове возлюбл., да скажу вам силу и честь)			4								
72. Кирилл Тур. Слово на пасху (Радость сугуба всем христианом)									14		
73. И. Зл. Слово в нед. пасхи (Иже кто благочестив и говеин)											+22
74. Григ. Богослов. В новую нед. (Поновления чтете)					35						
75. И. Зл. В нед. новую о неверствии Фомы (Иду долг вам отдать, долг и мене дающему)	18										
76. И. Зл. О св. апостоле Фоме и на арианы (Закону убо церковну уму покаряяся)	19										
77. Григ. Богослов. В неделю новую. (Фома же един от обоюнадесяте)					36						
78. Кирилл Тур. В нед. новую (Велика учителя и мудра сказителя)								1	15	13	23
79. Кирилл Тур. О снятии тела Хр. (Праздник от праздника честнеише)								2	16	14	24
80. И. Зл. На преполовение праздника (Якоже светел месяц)				+16	38						26
81. Кирилл Тур. О расслабленном. (Неизмерна небесная высота)								3	17	15	25
82. И. Зл. В преполовение праздника (Шипкъ и яблоко и финик)					+37		19				
83. Кирилл Тур. Поуч. в нед. 5-ю по пасхе (Аз убо, о друзи и братие, надеяхся на всяку неделю)								4	18		

Название статей в сборниках	Супр.	Клоц	Златоструй	Усп. сб.	Мих.	Ягич	Хлуд.	Сб. К. Тур.	Увар.	Чуд.	Троиц.
84. И. Зл. Слово о самаряныни (Днесь Христос всем нам страсть проповеда)				+17							
85. То же. (Не чудесы токмо господь, но и учением)										16	27
86. Кирилл Тур. Слово о слепом (Милость божию и человеколюбие)								5	19	17	28
87. Кирилл Тур. Слово на вознесение (Прииди ныне духом свящ., пророче Захария)								6	20	18	29
88. И. Зл. Слово на вознесение (Светло ми се церковное позорище)				+18							30
89. Иоанн Болг. Слово на вознесение (Веселитеся небеса и радуйся земля)				19	41	12			31		
90. Епифаний Кипр. Слово на вознесение (Благословен бог, благ же год)					39						
91. И. Зл. Слово на вознесение (Благ год днесь всем нам)					+40		20				
92. Кирилл Александрийский. Беседа о пресв. богородице и о св. отцах в Ефесском соборе (Светло нам слово) (см. выше, сл. 22)				+20							
93. Кирилл Тур. Слово на собор св. отцов (Якоже историци и ветия)								7	21	19	32
94. Слово на сшествие св. духа (Достойно убо есть, братие)										22	34
95. То же. (Паки нам, друзи, радость, паки праздник)				+22		13					35
96. И. Зл. О усопших (Не хощем убо не ведати вас, братия)					42		21				
97. И. Зл. То же. (Весть многажды слово утешати болезнь)				21	43		22				33

Название статей в сборниках	Супр.	Клоц	Златоструй	Усп. сб.	Мих.	Ягич	Хлуд.	Сб. К. Тур.	Увар.	Чуд.	Троиц.
98. Прокл Константинопольский. Слово на пятидесятницу. (Днесь, братие, напде св. духа благодать)					44						
99. Кирилл Тур. (?) Поуч. на пятидесятницу. (Присножда̀й бог нашего спасения)								8			
100. Кирилл Тур. Слово о премудрости. Притча.								9			
101. И. Зл. В нед. пятидесятницы (Небо нам днесь быст земля)					45		23				
102. И. Зл. Слово на русалию (Язык днесь разделивша благодать)					+46		24				
103. И. Зл. О всех святых (Отнелиже чисты праздник пятидесятный приходит)				+23	47		25			20	36
104. Кирилл Тур. в нед. 1-ю поста. Поуч. на сбор (Много нам человеколюбье бог показа)											37
105. Кирилл Тур. Сказание о чернеческом чине.										23	
106. Кирилл Тур. Наказание (Приемлем, братие, от хранилищ сия некое чувство пользу духовную)									22		

Для истории прототипа славянских триодных сборников безусловный интерес представляют следующие рукописи: [37] 1) сборник IX в. (№ 215), названный арх. Владимиром Торжественником; сочинения триодного пятидесятного цикла начинаются в нем после слов на «благовещение» и включаются в состав минейного, по преимуществу, сборника;[38] 2) «Сборник слов на разные случаи», X в. (№ 216),[39] содержащий поучительные произведения на великопостный цикл до «великой субботы»; 3) «Сборник слов на воскрес-

[37] Анализ рукописей проводился по описанию: Систематическое описание рукописей Московской синодальной (патриаршей) библиотеки. Составил арх. Владимир, ч. 1. Рукописи греческие. М., 1894.

[38] Владимир, арх. Систематическое описание. . ., с. 265—267.

[39] Там же, с. 267—270.

ные и праздничные дни», XI в. (№ 217);[40] рукопись начинается словами на «благовещение», затем идут торжественные сочинения известных византийских писателей на праздничные дни триодного круга.

Для выяснения состава греческих триодных сборников, кроме описания названных рукописей, привлекалась работа Э. Благовой «Обзор греческих и латинских параллелей к Успенскому сборнику XII—XIII вв.»,[41] а также составленный Е. Э. Гранстрем каталог подлинных и ложно приписываемых Иоанну Златоусту сочинений.[42]

Подбор гомилий в триодных частях сборников I—III групп свидетельствует о связи ранних славянских триодных памятников с греческими сборниками слов и поучений, посвященных триодному циклу. Приведем некоторые цифры: из 29 триодных гомилий греческого Торжественника (№ 215) 16 читаются в наших сборниках. Дословно совпадают между собой начальные строки 35 произведений, встречающихся в славянских рукописях XI—XIV вв. и в греческих источниках.[43]

Итак, попытаемся обобщить результаты сравнительно-текстологического анализа одиннадцати южнославянских и древнерусских и трех византийских календарных четьих сборников.[44]

В ранний период развития древнеславянской письменности и литературы Златоусты и триодные Торжественники как самостоятельные сборники, по-видимому, не различались и не вычленялись из четьих книг, соединяющих в себе произведения минейной и триодной календарной приуроченности. Поэтому мы считаем, что следует отказаться от принятого в научной литературе терминологического определения ранних четьих сборников, в которых сочинения посвящаются подвижным дням церковного года. Триодные части рукописей XI—XIV вв. характеризуются несформированностью типа и отражают, вероятно, процесс складывания сборников Златоуст и триодный Торжественник на Руси и в других славянских странах. Для определения подобных сборников мы предлагаем ввести термин «триодный четий сборник».

Именно так, на наш взгляд, правильнее всего обозначить цикл литературных произведений, составляющий триодные части сборников Супр., Усп., сб. К. Тур., Мих., Ягича, Увар., Чуд., Троиц. и самые сборники Клоца и Хлуд.[45] Сочинения, включенные

---

[40] Там же, с. 270—271.

[41] Известия АН СССР. Серия литературы и языка, т. 32, вып. 3, 1973, с. 271—274.

[42] ТОДРЛ, т. XXXV. Л., 1980, с. 345—375.

[43] В таблице эти сочинения отмечены знаком «плюс».

[44] Из 11 рассмотренных рукописей только две (Клоца и Хлуд.) не содержат минейных сочинений, но списки этих сборников дефектны, поэтому трудно судить о том, какой вид они имели первоначально.

[45] Четыре гомилии триодного цикла, включенные в состав минейного Торжественника в Златоструе XII в., пожалуй, не составляют самостоя-

в триодные четьи сборники, хотя и расположены в определенной календарной последовательности, но не имеют еще своего строго фиксированного места (см. таблицу). Кроме того, практически во всех сборниках даже праздничный триодный цикл представлен в гомилиях не полностью, а выборочно. И эта «избирательность» есть следствие пока не совсем понятных исторических, географических, культовых и, наконец, литературных причинно-следственных связей в развитии календарных четьих сборников.

Прослеживаются две закономерности в расположении триодных частей по отношению к минейным: 1) триодные чтения помещаются до или после минейных (Супр., Усп., сб. К. Тур., Увар., Троиц.), образуют относительно самостоятельные в смысловом и композиционном плане части; 2) второй структурный принцип заимствован из греческих рукописей: триодные панегирические чтения следуют после слов на «благовещение» (Златоструй, Мих., Чуд.) или после слов на «сретение» (сб. Ягича). С точки зрения композиции минейные чтения как бы обрамляют триодную часть сборников.

Оба отмеченных структурных принципа чрезвычайно важны для понимания типовых (Златоуст-Торжественник) и видовых (например, Торжественники общие, пятидесятные, раздельные) особенностей четьих сборников XV—XVI вв.

Литературная история сборников Златоуст и триодный Торжественник на основе проведенного анализа может быть представлена так. В славянских литературах вначале появляется группа переводных торжественных сочинений на недели от «вербной» до недели «всех святых»; эту группу мы и предлагаем считать древнейшим литературным ядром, взятым за основу при составлении триодных четьих сборников. Произведения, составляющие эту группу, входят в греческие рукописи и в различных комбинациях встречаются уже в Супр., Усп., Клоца, Златоструе, сборниках XIII—XVI вв. Переводы и редакции памятников разные, но тем не менее сохраняется единство цельной литературной группы.

На болгарской почве древнейшая литературная группа начинает пополняться сочинениями славянских авторов. Слово Иоанна Экзарха Болгарского на «Вознесение» — одно из первых произведений, которое помещается среди византийских слов (Усп. сб.).

По аналогии с греческими сборниками торжественных слов христианских писателей на Руси в XIII в. составляется сборник слов и поучений Кирилла Туровского, который посвящал свои произведения тем же праздничным дням триодного цикла.

В древнерусской письменности некоторое время сосуществуют два функционально очень близких сборника. В дальнейшем они объединяются, и при переписывании, составлении новых редакций триодных четьих сборников сочинения русского автора начинают

тельного сборника: по тематической и жанровой определенности они близко подходят к словам на «благовещение».

вытеснять многие переводные произведения, приуроченные к тем же праздникам. Сборники Чуд., Увар., Троиц. — самые ранние из известных древнерусских сборников, в которых такая замена происходит.[46]

В конце XIII—начале XIV в. к древнейшей литературной группе, состоящей из произведений торжественного красноречия, в южнославянских странах присоединяются дидактические слова и поучения на дни подготовительного и постного триодного круга: в сб. Мих., Ягича, Хлуд.,[47] девятичленная группа в Чуд., Увар., Троиц. Этот процесс шел параллельно процессу дополнения и частичной замены византийского ядра сочинениями Кирилла Туровского.

Таким образом, триодный цикл, представленный в дидактических и панегирических сочинениях, завершен, но сборники, в которые он входил, в своем первоначальном виде не сохранились. О существовании таких рукописей мы можем судить, только реконструируя древнейшую основу сборников XIV—XV вв.

При сопоставлении Чуд., Увар., Троиц. древнерусские книжники уже пользовались образцом, в котором были соединены сознательно отобранные гомилии из древнейших славяно-русских сборников I группы, сборника слов и поучений Кирилла Туровского и не дошедших до нас рукописей, содержащих сочинения на дни подготовительные к посту и великопостные.

Итак, в целом к концу XIV в. прототип многочисленных древнерусских Златоустов и триодных Торжественников уже сформировался. Он хорошо представлен рукописью Троице-Сергиевой лавры, № 9.

Суммируя все изложенное выше, перечислим характерные черты такого сборника.

1. Строгое следование лунному календарю в подборе литературных произведений.

2. Приуроченность сочинений не ко всем, а только к воскресным дням триодного круга.

3. Неоднородность жанрового состава сборника: сочинения эпидейктического рода красноречия (византийское наследие, слова Кирилла Туровского) соединяются со словами поучительными, назидательными (сочинения девятичленной группы и др.). Жанровая неоднородность обусловлена тем, что составитель сборника в подборе и расположении статей преследовал две задачи — нравственно-назидательную и торжественно-панегирическую, стре-

---

[46] Византийское литературное ядро сохраняется в памятниках XV в., в которых произведения переводные не вытесняются русскими, но соседствуют с ними, — см., например, состав триодной части Торжественника XV в. (Черторицкая Т. В. Торжественник из собр. ИИФиФ. — В кн.: Источниковедение и археография Сибири. Новосибирск, 1977, с. 184—197).

[47] Этот цикл не получил в Древней Руси большого распространения и, очевидно, может считаться особенностью рукописей болгарского и сербского изводов.

мился объяснить суть и «возвеличить» памятные дни триодного цикла. Отсюда:

4. Относительная стабильность литературной основы сборника, определяемая тем, что во всех Златоустах и триодных Торжественниках XV—XVI вв. обязательно присутствуют произведения двух жанровых групп.

5. Подвижность состава сборника, которая создается за счет новых, дополнительных литературных произведений, присоединяемых к словам и поучениям двух выделенных жанровых групп. Подвижность состава создает предпосылки для разделения триодного четьего сборника на несколько типовых разновидностей.

Расширение состава триодных четьих сборников наметилось к концу XIV—началу XV в. по таким направлениям: увеличение количества поучительных, назидательных сочинений (линия развития сборника Златоуст) и увеличение в сборниках числа торжественных панегирических слов, посвященных одному празднику (линия развития триодного Торжественника).

Под таким углом зрения становятся понятны многие вопросы литературного оформления и функциональной специфики сборников Златоуст и триодный Торжественник в древнерусской письменности XV—XVI вв.

Но необходимо отметить, что все выводы имеют предварительный характер и до тех пор останутся таковыми, пока не будут уточнены дальнейшими библиографическими разысканиями, тщательным сравнительным анализом одинаковых и сходных между собой текстов в различных сборниках, их лингвистических, художественных особенностей.

Окончательное решение поставленной проблемы — дело будущих исследований.

В. И. ОХОТНИКОВА

ПОВЕСТЬ О ДОВМОНТЕ И КНЯЖЕСКИЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЯ XI—XIV вв.

Княжеских жизнеописаний, являющихся цельным литературным произведением, в древнерусской литературе немного, это в основном жития князей-святых. Светские княжеские жизнеописания существуют обычно как фрагменты летописи и воссоздаются путем отсечения летописных наслоений. Можно только приблизительно вообразить, что они являли бы собою как литературное целое.[1] Лишь отдельные из них не требуют этой восстановительной работы, т. е. являются цельным литературным произведением. Среди них Повесть о Довмонте. Дошедшая до нас в составе псковских летописей, Повесть не является обычной летописной статьей. Она не включается в хронологический ряд, помещается перед летописью, являясь своеобразным к ней предисловием. Это самостоятельное литературное произведение, единое по содержанию и завершенное по форме.[2]

Повесть о Довмонте рассказывает об одном из первых псковских князей, которого псковичи избрали князем вопреки желанию Новгорода, о его успешных походах в литовские и орденски земли, о победах псковичей во главе с Довмонтом над литовцами и немцами. Княжеские походы и ратные подвиги — это область летописания, где уже сложился определенный тип рассказа о подобных событиях, с устоявшимися традициями, этикетными ситуациями, формулами. Тематика Повести неизбежно вызывала обращение ее автора к опыту летописей, к летописному стилю изложения.

---

[1] Д. Чижевский выделяет в древнерусской литературе жанр княжеских светских биографий и относит к ним рассказ Ипатьевской летописи 1150 г. об Изяславе, статьи 1201—1260 гг. о Данииле Галицком, 1288 г. о Владимире Васильковиче, жизнеописание Михаила Александровича Тверского из Тверской летописи, Слово похвальное инока Фомы Борису Александровичу, Житие Александра Невского (Č i ž e v s k i j D. On the Questions of Genres in Old Russian Literature. — In: Harvard Slavic Studies, vol. 2. Cambridge, 1954, p. 112—115).

[2] Тексты Повести о Довмонте опубликованы в Псковских летописях (Псковские летописи. Приготовил к печати А. Н. Насонов. Вып. I. М.—Л., 1941, с. 3—5; вып. II, М., 1955, с. 16—18, 82—87).

Но структура княжеской биографии иная. Летопись состоит из отдельных эпизодов, соединяемых чаще всего только временными отношениями по принципу последовательного хронологического нанизывания событий. Структурной основой биографии является не время и событие в нем, как в летописи, а личность князя. Древнерусской литературе были известны произведения подобного рода — это жития. Тот факт, что в основе как жития, так и княжеских биографий лежала судьба личности, безусловно определил их сходство в композиции, в литературно-риторических приемах. Зависимость биографии от жития возникала не только по литературным причинам. Задачи жития и биографии, в общем разные, нередко сближались. Задача агиографа — религиозная: создать идеальный образ христианского подвижника; задача автора биографии — политическая: изобразить идеал государственного деятеля. Но светские и церковные задачи в древнерусских произведениях часто совпадают, их невозможно отделить друг от друга. Жития князей-мучеников Бориса и Глеба были одновременно проповедью братолюбия, призывом к единению, к прекращению междукняжеских распрей. Князь-воин, защищавший Русь от иноверных, приближался к образу христианского подвижника (нередко и в действительности почитался как святой), и в его изображении появлялись элементы агиографической стилизации. Светский идеал включал в себя и христианские добродетели. Все эти причины — и литературные и внелитературные — приводили к тому, что светские княжеские жизнеописания сближались с произведениями житийными.

Русские княжеские жития XI—XIV вв. еще не выработали строгой композиционной схемы. Модель идеального жития, известная по произведениям византийской литературы (предисловие — вступление, рассказ о подвижничестве святого, заключение — похвала или молитвенное обращение к святому с последующим описанием чудес), в русской литературной практике имела самые различные вариации, только отдельные княжеские жизнеописания выдерживали классическую трехчленность византийских житий — Чтение о Борисе и Глебе, Пространная редакция Жития Михаила Тверского, создание которой относят к 20-м гг. XIV в.[3]

Начало — важное звено в композиции древнерусских произведений. Вступление служит для создания определенного настроения, для подготовки к восприятию в том или ином стилистическом ключе, жанре. Вступление житийных произведений традиционно и устойчиво, оно развивает мотивы невыразимой святости героя, авторского самоуничижения. В ранних княжеских житиях подобного рода вступления встречаются редко — в Чтении о Борисе и Глебе, Первой редакции Жития Александра Невского, Житии Михаила Тверского Пространной редакции. В русских княжеских жизнеописаниях вырабаты-

---

[3] Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском. М., 1974, гл. IV.

вается в это время своя устойчивая форма зачина «Се бысть князь. . .», непосредственно вводящая в исторические обстоятельства жизни героя, минуя агиографическое вступление. Эта формула начала особенно распространена в проложных житиях князей и в летописях. В последних формула «Се бысть князь» начинает характеристику-похвалу в летописном некрологе князю.[4]

В Повести о Довмонте вступления как самостоятельной части композиции нет. Первые строки Повести сообщают о междоусобной войне в Литве, о побеге Довмонта в Псков. Точная дата в начале, отсутствие отвлеченных рассуждений и общих мест, только перечисление событий — все это соответствует летописным нормам повествования. После сообщения о мятеже в Литве и побеге Довмонта в Повести следует заимствование из Проложного Жития Владимира, почти без изменений в текст Повести переносится его начало, повествующее о пробуждении по воле бога от «сна идолослужения» и крещении Довмонта: «Се бысть князь Домонт от племени литовского. . .». Дословная цитата из Жития Владимира придавала рассказу о Довмонте ту значительность (сходство в изображении предполагает равенство изображаемого), которой трудно было бы достигнуть простым описанием обстоятельств крещения Довмонта, помогала оформить начало Повести, внося в нее формальный признак традиционного для ранних княжеских жизнеописаний начала, выделяя ее из обычных летописных статей.

Более обязательной для княжеского раннего жития является последняя часть композиции: заключение-похвала. Она встречается в Житии Владимира, Сказании и Чтении о Борисе и Глебе, Житии Михаила Тверского, Житии Андрея Боголюбского в Ипатьевской летописи. Из литературных источников Повести о Довмонте похвала читается только в Проложном Житии Владимира, но тип ее иной, акафистный, текстуальных соответствий между ними нет. Автор Повести о Довмонте заимствует из Особого Жития не похвалу как готовую часть произведения (ее там нет), а лишь материал для нее, мотивы и темы. Идея же завершения Повести похвалой принадлежит, безусловно, автору Повести о Довмонте.

Итак, для композиции Повести о Довмонте характерно тяготение к форме княжеского жития. Хотя в ней нет канонического для житий вступления, начало ее значимо — это начало, привычное для княжеских жизнеописаний XI—XIV вв. и повторенное в Повести по Житию Владимира. Похвала тоже является устойчивым признаком жанра княжеских житий. Но в целом композиция Повести о Довмонте вполне оригинальна. Автор Повести не следует какому-то одному определенному образцу, но оформляет свое про-

---

[4] См.: Проложные жития Ольги, Владимира, Мстислава, Федора Ярославского. — В кн.: Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. Обзор редакций и тексты. М., 1915, Приложение, с. 6, 7, 14, 17, 48, 50, 90; Летописные некрологи: ПСРЛ, т. II, М., 1962, гг. 1093, 1173, 1175, 1179, 1180, 1197, 1199, 1264, 1299 и др.

изведение о псковском князе, исходя из общих принципов построения княжеских жизнеописаний этого времени.

Если архитектоника княжеских житий в целом тяготеет к агиографической византийской схеме, то основная часть жития, историко-биографическая, в построении и манере изложения зависит от того, о какого рода событиях говорится в биографической части, от темы и фактического материала, положенного в ее основу. Поэтому княжеские жития в изложении биографических сведений, в рассказе о подвигах и деятельности князя не представляют собой стилевого единства.

Н. И. Серебрянский выделяет среди княжеских житий три литературные группы: жития князей-мучеников Бориса и Глеба, Михаила Черниговского, Андрея Боголюбского, жития-повести, написанные в стиле воинских повестей, — Александра Невского и Довмонта, жития Владимира и Ольги, особо — житие Петра и Февронии.[5] Такое разделение очень условно. Более едиными в интерпретации фактов, в мотивах, композиции, стилистике являются жития князей-мучеников, уже в ранний период выработавшие на Руси свои традиции. Едины, но не однообразны. Чтобы понять это, достаточно сравнить два произведения — Сказание и Чтение о Борисе и Глебе. Столь же неоднородны и жизнеописания Александра Невского и Довмонта. Хотя одна из редакций Жития Александра была литературным источником для Повести о Довмонте, зависимость одного произведения от другого проявляется лишь в отдельных деталях — отрывках текста, ситуациях, формулах, — но не распространяется на художественную систему произведения в целом.

Попытаемся охарактеризовать литературные особенности Повести о Довмонте в сопоставлении ее с двумя редакциями Жития Александра Невского — Особой и Первой.[6] История этих трех произведений тесно переплетается.

Первая редакция Жития Александра входит в состав П2Л и читается рядом с Повестью о Довмонте, вместе они находятся и в Уваровском сборнике, состав которого совпадает с началом П2Л, — следовательно, читались и в их общем протографе.[7] Таким образом, эти два произведения имеют общую рукописную традицию. История Первой редакции Жития вообще тесно связана с Псковом. Из 13 списков Жития четыре по происхождению —

[5] Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития, с. 288—290. — В перечислении даны только ранние жития.

[6] Тексты Первой редакции изданы: Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII в. «Слово о погибели русской земли». М.—Л., 1965. — Текст Особой редакции издан: Мансикка В. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. СПб., 1913; Begunov J. K. Die Vita des Fürsten Aleksandr Nevskij in der Novgoroder Literatur des 15. Jahrhunderts. — Zeitschrift für Slavistik, 1971, Bd XVI, H. 1, S. 101 и далее.

[7] Подробнее см.: Охотникова В. И. Летописная редакция Повести о Довмонте в сборнике из собрания Уварова. — ТОДРЛ, т. XXXIV, Л., 1979, с. 116—126.

псковские, причем Синодальный список П2Л один из древних — XV в.[8] Широкое распространение в Пскове Владимирской редакции Жития Александра вызвано не только интересом к Александру Невскому, освободителю Пскова от немцев. Возникновение Первой редакции связывают с именем сына Александра Невского Дмитрием, на дочери которого был женат Довмонт.[9] Во время борьбы за великокняжеский стол с братом Андреем Александровичем Дмитрий Александрович находил поддержку и убежище в Пскове. Возможно, первые списки Жития попали в Псков именно в это время.

Однако, несмотря на распространенность в Пскове Первой редакции Жития Александра и связь ее в рукописной традиции с Повестью о Довмонте, автор Повести избрал своим литературным образцом не Первую редакцию Жития, а Особую. И в этом уже проявляется его литературная позиция.

В Житии Александра Невского Владимирской Первой редакции (XIII в.) рассказывается о разных типах деятельности Александра — его полководческих успехах, дипломатических отношениях с Ордой и папой римским, восстановлении земель, разоренных татарами. Содержанием Повести о Довмонте являются рассказы о шести его ратных победах над Литвой, Ливонским орденом, чудью. Воинская тема — вовсе не запретная в житийной литературе. Различия между воинской темой в житии Александра Невского и в биографии Довмонта в том, как она подается.

В начале Жития Александра Владимирской редакции приводится цитата из Библии: «Князя аз учиняю, священни бо суть, и аз вожю я».[10] Мысль о священности княжеского призвания, о князе как исполнителе и защитнике божественного порядка является своеобразным ключом к пониманию принципов изображения Александра — условных, абстрагирующих.

«Житие не составляет полной и систематически изложенной биографии князя. . . Перед нами ряд эпизодов из его жизни и деятельности, ряд отрывочных воспоминаний, вольный порядок которых только в самых общих чертах воспроизводит последовательность событий. В Житии нет ни одной даты, ни одного более или менее подробного и обстоятельного рассказа; некоторые факты изложены так, что даже не всегда ясно, о чем идет речь».[11]

Историчность, конкретность, точность не были задачами автора Жития. Он не просто отражает историческую действительность, но пользуется ею как материалом для иллюстрации своей идеи. Идея о священности княжеского достоинства становится той доминантой, которая определяет отношение автора к фактам. Они пред-

[8] Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII в., с. 195—205, 212.
[9] Там же, с. 56—66.
[10] Там же, с. 160.
[11] Еремин И. П. Житие Александра Невского. — В кн.: Художественная проза Киевской Руси XI—XIII веков. М., 1957, с. 354.

ставляют интерес не сами по себе, во всей их исторической конкретности, а как проявление этой идеи в жизни. Отсюда идеальность — как соответствие идее — изображения Александра, абстрагирование его деяний.

Одним из способов абстрагирования является сопровождение рассказа о жизни героя библейскими аналогиями, цитатами из священного писания.[12] Библейские сопоставления могут выступать как указания на сходство событий, не влияя на повествование в целом (ни на сюжет, ни на композицию, ни на язык). Но могут органически вплетаться в художественную ткань произведения, вступать во взаимодействие с другими приемами изображения и обусловливать их.

В Житии Александра историческая действительность и библейское прошлое соединяются воедино, образуя тонкий сплав аналогий-ассоциаций, трудно разделимых и не всегда сразу видимых, когда в каждой исторической детали просвечивает библейский фон.

В битве на Неве ангел господень избил множество шведов за рекой Ижорой, подобно тому как во времена Езекии было убито множество ассирийских воинов, осаждавших Иерусалим. Это прямое сопоставление, основанное на сходстве явлений, которые названы. Но на этом не заканчивается уподобление Александра Езекии, только оно менее ощутимо, не обнажено как прием. Сеннахирим, приблизившись к Иерусалиму, отправляет к Езекии послов. Слова, напоминающие речь послов к Езекии, произносят в Житии послы Батыя к Александру. Их речь не является дословной цитатой из Библии, но, даже изменив свою форму, она все же осталась узнаваемой. Для посвященного сходство ситуаций и смысла было понятно. Перед сражением Александр ведет себя так же, как Езекия. Выслушав слова послов, и тот и другой идут в храм, чтобы совершить молитву, перед выступлением ободряют народ речами, причем смысл их снова схож. Так заданное однажды сравнение с Езекией по-разному развивается в нескольких эпизодах. В деяниях, поступках Александра постоянно выступают — то четко, то лишь в штрихах и общих контурах — позы, слова, действия Езекии, Давида, Иисуса Навина, Соломона,[13] четырех ветхозаветных героев, в соотнесенности с которыми в основном сложилось идеальное изображение князя в Житии Александра.

Житие Александра Невского являет сложное искусство владения библейскими аналогиями и цитатами, заключающееся в том, что они превращаются в один из главных элементов художественной системы, образуют сложного переплетения фон, выявляющий в исторической деятельности Александра вечное, надындивидуаль-

---

[12] Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967, с. 126.

[13] Примеры библейских аналогий в Житии Александра Невского подробно разобраны в книге В. Мансикка «Житие Александра Невского» (с. 18—26).

ное, в конечном счете то, что вызвано волей божьей, как и в поступках библейских героев.

Такая форма осмысления биографии Александра Невского могла бы привести к схоластической игре библейскими аналогиями. Но этого не происходит благодаря одной особенности стиля Жития, которую И. П. Еремин определил так: «. . .искренность лирического воодушевления, как светом изнутри пронизывающая все повествование и порою прорывающаяся в отступлениях автора».[14] В. О. Ключевский называл Первую редакцию Жития Александра Невского «воспоминанием»; по его мнению, автор изображает «не историческую деятельность знаменитого князя со всех сторон, а его личность и глубокое впечатление, произведенное им на современников».[15]

Библейские аналогии придают деятельности Александра глубокий смысл, подключают к вечности, указания на помощь «свыше» (видение Пелгусию перед битвой на Неве, чудесное избиение шведов за рекой Ижорой, помощь «полка божия» в сражении на Чудском озере) убеждают в особом покровительстве Александру божественных сил. Так идея священности княжеской власти и «лирическое воодушевление» автора приводят к определенным приемам изображения исторической деятельности Александра.

В Особой редакции Жития Александра нет этого религиозно-дидактического уклона в представлениях о сущности княжеской власти, что значительно меняет манеру повествования. Убирается второй, библейский план изображения, исключаются цитаты из священного писания, все упоминания об ангельской помощи, чудесах. Фоном для изображения становятся фигуры Ярослава, Александра Македонского, Дигениса Акрита, Ахилла. Особую и Первую редакцию сближает только одна особенность — отвлеченность повествования, причем Особая редакция еще более отвлеченна и менее конкретна, чем Первая, она не передает многих исторических реалий и фактов, о которых сообщается в Первой редакции Жития.

В Особой редакции оценка военной, дипломатической, государственной деятельности Александра преобладает над ее изображением. Начало Жития рисует условный образ князя-воина, умного, храброго, непобедимого, имя которого «грозно на ратях». Это был князь, в храбрости подобный Александру Македонскому, Ахиллу, Акриту, слава о мужестве которого распространилась по всем странам. Характеристика грозного в битвах князя иллюстрируется тремя примерами в условно-литературной манере, почти без исторических реалий, изображающих поведение князя в битве на Неве, Чудском озере, походе в Поморье.

Вторая часть Жития раскрывает иные стороны личности князя. Отвлеченная характеристика «благого» князя (по Исайе пророку),

---

[14] Еремин И. П. Житие Александра Невского, с. 355.

[15] Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, с. 68—69.

которой начинается вторая часть Жития, дополняется картиной восстановительной деятельности Александра после нашествия Неврюя и одобрением его политики в отношениях с Ордой. По предельному обобщению изображаемого, почти полному отсутствию элементов рассказа Особая редакция Жития Александра более напоминает развернутую похвалу, чем житие. От типичного жития она отличается и светским идеалом князя.

Как и Особое Житие Александра, Повесть о Довмонте является произведением светским.

Светский идеал князя, «идеал мужественной красоты»,[16] — самый разработанный в древнерусской литературе. Он тесно связан с кодексом рыцарской чести, с представлениями о долге князя перед дружиной, подданными, родиной, он включает не только понятия чести и мужества, но и требования феодальной верности, щедрости, справедливости и т. д.[17]

В Повести о Довмонте отразились общие феодально-рыцарские представления о княжеском достоинстве и чисто псковские взгляды на роль и обязанности князя.

Положение князей в Пскове было особым, они по сути дела были отстранены от внутреннего управления. Обязанности князей заключались в защите псковских земель, князь был прежде всего предводителем псковского войска. Возможность свободного выбора и право изгнать, когда нужно, вызвали сдержанное и независимое отношение псковичей к своим князьям, известную демократизацию их идеала как в жизни, так и в литературе. В Довмонте отразился именно псковский вариант представлений об идеальном князе — в первую очередь воине, готовом в любую минуту встать на защиту псковских земель. Он изображается в Повести исключительно в ратных ситуациях, и хотя легенда связывает с его именем строительство Довмонтова города и возведение нескольких церквей, об этом не упоминается в Повести. Не говорится в Повести и о роли Довмонта в борьбе Дмитрия Александровича за великокняжеский престол.

Благодаря сконцентрированности внимания только на одной стороне деятельности Довмонта его изображение приобретает своеобразную силу и динамизм. В Повести нет спокойных эпизодов, 33-летнее княжение Довмонта не знает минут отдыха и покоя, оно наполнено движением и звоном мечей. Одно сражение следует за другим, и в этой непрерывности «вечного» боя теряется ощущение длительности времени. Активность, решительность, обостренное чувство чести — основные составляющие этого энергичного ритма жизни. Из всех достоинств князя главными в Повести оказываются его мужество, бесстрашие, горячность в бою, готовность жертвовать жизнью за свою честь и славу, за честь и славу Пскова.

---

[16] Лихачев Д. С. Человек в литературе древней Руси. М., 1970, с. 35.

[17] Там же, с. 30—52.

Это основные черты, отвечающие представлениям об идеальном князе в Пскове.

Поведение положительного героя и его описание в древнерусской литературе, как это показал на широком материале Д. С. Лихачев, во многом подчинялось этикету.[18] Он отметил следование канонам княжеских литературных портретов и в изображении Довмонта.[19] Довмонт обращается к дружине с боевым призывом, совершает молитву перед боем, дружина уверяет Довмонта в своем желании «живот свой дати на славе», Довмонт возвращается в Псков «со множеством полона», «с многою корыстью», псковичи с радостью и веселием встречают своего князя. Все это традиционные моменты в изображении князя.

Но следование канонам отнюдь не предполагает простого копирования, строгость и разработанность литературного этикета не исключают свободного с ним обращения. Его воплощение в конкретном литературном произведении имеет свои оттенки и варианты, в которых угадывается почерк писателя, его отношение к традициям, цели и задачи, поставленные им в произведении.

Боевой призыв Довмонта, несмотря на этикетность, оригинален по своему содержанию и мотивам. Сравнение его с обращением к дружине Александра Невского в Первой редакции Жития наглядно демонстрирует разницу в трактовке образов двух князей. Призыв Довмонта лаконичен, отточен, прост по синтаксису, его форма вполне отвечает любви к афористической речи в литературе XII—XIII вв. Довмонт напоминает псковичам об их славе: «слышал есмь мужество ваше во всех странах»; говорит о тяжести предстоящего сражения: «се же, братья, нам предлежит живот и смерть». Его обращение к псковичам и требование преданности себе смягчены напоминанием об общей доле и духовном и человеческом единстве в отношениях между князем и дружиной: «Братьа мужи псковичи, кто стар, той отец, а кто млад, той брат».

Обращение Александра Невского к своей дружине совершенно иное по теме. Цитируя псалом Давыда, он призывает дружину надеяться на бога, быть твердой, ибо «не в силах бог, но в правде». Форма (цитата из псалма) и тема (надежда на божественное заступничество) речи Александра Невского в большей степени отвечает агиографическому образу князя в Житии Первой редакции, с ее идеей освященности княжеских дел. Призыв Довмонта — это призыв человека, рассчитывающего прежде всего на свои силы, на свою дружину, он суров и мужествен по интонации.

Уверенность в праве на заступничество небесных сил и требовательность звучат в молитвах Александра Невского Первой редакции: «Суди, господи, обидящим мя и возбрани борющимся со

---

[18] Лихачев Д. С. 1) Человек в литературе древней Руси, с. 30—52; 2) Поэтика древнерусской литературы, с. 95—125; 3) «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978, с. 40—75.

[19] Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы, с. 106.

мною, приими оружие и щит, стани в помощь мне». Молитвы Довмонта более просты и смиренны: «Господи боже сил, мы, людие твои, овца пажити твоея, имя твое призываем. . .».

Один из этикетных моментов — сборы князя в поход. Как правило, князь выступает на врагов с малою дружиною, поклонившись патрональной святыне, получив благословение священников. Выступление, описанное по этой схеме, торжественно, церемониально, длительно по времени. Автор Повести о Довмонте следует ей только в одном эпизоде (сражение с магистром). Во всех других описаниях ритм событий совершенно иной. Немцы разорили псковские пригороды, Довмонт выезжает за ними в погоню, «не терпя обидимым быти от нападения поганых немец». Этот же мотив нетерпения, горячности встречается и в рассказе о походе Довмонта на чудь, в описании битвы с ливонскими рыцарями 4 марта 1299 г. («не стерпе обидим быти», «не стерпе дождати муж своих болшей рати»). Постоянное повторение подобной мотивировки выступления раскрывает представление автора о должном поведении князя, а нарушение церемониальности дает живую картину боевой тревоги, которой жил Псков.[20]

Общим местом в описании княжеских походов и сражений является указание на малочисленность дружины. В Повести оно наполняется конкретным содержанием. В бой 4 марта Довмонт идет «с малою дружиною с мужи псковичи и с Ываном с Дорогомиловичем и с его дружиною». В первый поход на Литву Довмонт отправляется «с мужи псковичи с 3-ми девяносты». В погоню за немцами, разорившими псковские села, он выезжает «с малою дружиною в пяти насадах, с шестью десятью мужь псковичь». Столь же конкретным является здесь противопоставление «силы великой» противника малой дружине князя. В битве с литовцами на Двине Довмонт с псковичами «одним девяностом 7 сот победи», в сражении на Мироповне «с шестью десятью мужь пскович. . . 8 сот немец победи, а 2 насада бежаще».

Документальность, конкретность являются отличительными признаками стиля Повести о Довмонте. В рассказе о походе Довмонта в Литву сообщается, что Довмонт взял в плен жену литовского князя Герденя и его детей, перечисляются имена князей, отправившихся в погоню за псковичами, указывается место остановки Довмонта — за пять верст от Двины, даются имена стражей, оставленных Довмонтом для наблюдений, передается их разговор с Довмонтом, сообщается, что у литовцев был убит

---

[20] Аналогичный мотив встречается и в Особом Житии Александра Невского: «не дождав полков своих», «не умедлив немало». Его можно найти и в летописных рассказах. Но формула, подобная той, что читается в Повести, встречается редко. Например, в Ипатьевской летописи в описании взятия города «Насилья» дружиной Даниила Галицкого: «Видевше же многое множество полков устремление, не стерпеша, но предашася, взем град» (ПСРЛ, т. II, с. 824—825). В псковской летописи: «и вси псковичи, не терпяше дръзости поганых, вседше скоро на коня» (П2Л, с. 59).

князь Готорт, а 70 из них было выброшено на остров Гоидов. Такое внимание к фактам характерно и для других эпизодов Повести (битва на Мироповне, сражение с ливонцами 4 марта 1299 г.), и в этом ее существенное отличие от исторически отвлеченного изображения событий в Житии Александра Первой и Особой редакции.

Автор Жития Александра Невского утверждает значительность каждого события в деятельности Александра, открывает в ней вечную сущность, соотносит ее с библейской историей, придает ей величественные и торжественные формы. Его изображение деяний Александра поистине церемониально. Церемониальность, одна из главных черт монументально-исторического стиля, «требовала репрезентативности, торжественности, крупных форм. . . Она требовала не столько изображения действительности, сколько ее оформления, подчинения жизненных явлений торжественным и идеализированным формам».[21]

«Король части Римьския от полунощныя страны» решает завоевать землю Александра. Его приход к Неве описан в Житии с точным выполнением всех этикетных требований. Король выступает, собрав «силу велику», «корабля многы», «в силе тяжце», «пыхая духом ратным», «шатаяся безумием», «загордевся». Одной из черт церемониальности Д. С. Лихачев считает «истовую неторопливость и своеобразную полноту перечислений».[22] Полнота перечислений может быть различна по своей природе. В Повести перечисляются имена литовских князей, отправившихся в погоню за псковичами, — «Гордений, и Гоиторт, и Люмби, и Югайло, и прочии князи»; стремление к полноте чувствуется и в перечислении павших в бою — «тогда же убиен бысть князь великий литовский Готорт, и инех князей много избиша, а иная Литва в Двине истопоша, а инех Двина изверже 70 их на остров Гоидов, а инии на прочаа островы извержени быша, а инии вниз по Двине поплыша»; «Тогда убиен бысть Василей, игумен святого Спаса, Иосиф поп, Иасаф игумен и черноризцы много избиша, и убогых, жен, и детей». В этой полноте перечисления есть реальная основа. Формула силы неприятельского войска «в кораблех, и в лодиях, и на конех, и с порокы» также рождена жизнью. В Житии Александра Первой редакции полнота создается за счет введения всех возможных для данной ситуации условно-литературных формул. Предельная насыщенность ими и создает впечатление величественности и неторопливости. Сборы в поход в Житии Первой редакции столь же этикетно выдержаны, причем это этикет самой торжественной церемонии, ибо он полон библейских аналогий, обращений к богу, патетических речей, величавых поз. Видение Пелгусию, следующее за описанием сборов

---

[21] Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени, с. 57.

[22] Там же, с. 61.

в поход Александра, — это тоже выступление в поход, которое является своеобразной параллелью к выступлению Александра. В пурпурных одеждах, положа руки па плечи друг друга, среди гребцов, одетых мглою, в «страшном» шуме волн, Борис и Глеб плывут на помощь Александру. И форма, и смысл видения (доказательство божественного покровительства Александру) еще более подчеркивают величественную значительность происходящего. Общей картины битвы на Неве в Житии Первой редакции нет (описание боя со всеми положенными по этикету формулами читается в следующем эпизоде — рассказе о Чудской битве), она распадается на шесть небольших эпизодов — рассказов о подвигах дружинников князя. Рассказ о шести храбрецах выглядит вполне достоверно, в нем видят следы эпической песни, прославляющей действительные подвиги русской дружины. Но шестеро храбрых воинов было и у Давида, а в описании их героических дел есть много общего с Житием Александра.[23] Этот второй, библейский план также не следует упускать из виду, говоря о «реальности» подвигов воинов Александра. Завершается рассказ о Невской битве описанием чуда за рекой Ижорой, которое сопоставляется с чудесным избавлением Иерусалима.

В Житии Александра Особой редакции рассказ о битве на Неве (как и два других — о Ледовом побоище и походе в Поморье) еще в большей степени условен. Это не описание конкретного события, а предельно обобщенный, парадный портрет князя перед боем и в бою. Александр, услышав о приближении врага, входит в собор святой Софии, преклоняет колени пред алтарем, совершает молитву, священники благословляют его, князь «в ярости мужества своего» вступает в бой, побеждает врагов, «самого краля ранив копием по лицу», они, «посрамленные», обращаются в бегство. Отсечены все детали, привязывающие событие к определенному месту и времени (не упоминается даже, что битва состоялась на Неве), изображение не перегружено излишними литературными подробностями, употребление этикетных формул и положений рационально.

По сравнению с Житием Александра Невского той и другой редакции стиль Повести о Довмонте отличается летописной обстоятельностью и конкретностью. Единственный эпизод, который подчиняется совершенно иным художественным принципам, близким Особой редакции Жития Александра, — описание похода магистра на Псков и победы над ним Довмонта. Это центральный в композиции Повести эпизод, он рассказывает об одной из самых важных побед Довмонта, и выделение этого эпизода стилистически кажется закономерным. Заимствуя схему описания и отдельные формулы из Особого Жития, автор Повести о Довмонте вносит в интерполированный текст некоторые поправки.

---

[23] Мансикка В. Житие Александра Невского, с. 21—22.

В Повести читается молитва Довмонта перед боем, в Особом Житии Александра о ней только упоминается. Устойчивыми сочетаниями, встречающимися только в псковских летописях, распространяется описание выступления врага. В ритуал благословения князя на бой внесен новый элемент — благословение мечом. Эти изменения делают изображение более пластичным, более соотнесенным, несмотря на литературную условность, с реальными событиями, литературными традициями псковских летописей и стилистической системой самой Повести. В интерполированном тексте появляются характерные для Повести интонации псковской устной речи, с внутренними созвучиями (мужеи пскович мечи иссечи), с ритмической упорядоченностью, вызванной членением на сочетания с одним количеством слов-ударений. Таким образом, заимствования не были безоговорочными даже в одном эпизоде и не отразились на изображении других событий в Повести.

Впечатление историчности, объективности рассказа о Довмонте усиливается тем, что Повесть не имеет формы повествования от автора. Авторское повествование вносит в текст экспрессивно-эмоциональное отношение к событиям, которое проявляется как непосредственно, в восклицаниях, в комментариях, в прямых оценках, так и в общей стилистической тональности произведения. Их отсутствие в Повести придает ей фактологическую строгость, производит впечатление исторической достоверности.

Единственная прямая оценка деятельности и личности Довмонта содержится в похвале. Она является компиляцией из разных фрагментов Особого Жития Александра, т. е. сознательной выборкой из текста тех мест, которые отвечали авторским суждениям о Довмонте. Отбираются только яркие характеристики ратной доблести князя: «И прославися имя князей наших во всех странах, и бысть имя их грозно на ратех, и быша князи князем и воеводы воеводам, и бысть грозен глас их пред полки, аки труба звенящи, и бысть побеждая, а не победимы, яко же бе и Акрита един побеждая полки в крепости силы своея». Так заключение-похвала закрепляет в обобщенном виде светский идеал князя-воина. Прославление воинских доблестей Довмонта и сопоставление его деятельности с деятельностью Александра Невского и Дмитрия Александровича еще более проясняют цели, которые ставил перед собою псковский автор, — сделать фигуру Довмонта соизмеримой с реальными историческими лицами, великими князьями, полководцами и тем самым доказать самостоятельность и силу псковских князей.

В изображении Довмонта есть не только героические черты, но и черты примерного христианина. Они перечисляются в похвале князю, выражаются в эпитете Довмонта «боголюбивый», «благоверный», в указаниях на молитвы Довмонта перед битвой. Но никогда не происходит вмешательства небесных сил в ратные дела псковичей, никогда победа не достигается чудом, как это было

в Житии Александра Первой редакции. Частое упоминание о помощи святой Троицы и молитвы благоверного князя Всеволода — следствие средневекового мировоззрения автора, они привычны и традиционны для псковичей, так как все добрые дела в Пскове совершаются «поспешением и помощью святой Троицы». Христианские добродетели Довмонта, перечисленные в похвале, не подавляют светских черт и даже не выделяются особо на фоне военных подвигов Довмонта. Они не затрагивают сути изображения, не превращаются в систему, способную изменить стилевую природу произведения, не приводят к агиографической стилизации внутри Повести. Помещенное отдельно, в похвале, перечисление христианских черт князя (нищелюбие, милосердие, расположение к служителям церкви, щедрость и внимание к сиротам и вдовицам, смирение и кротость) является данью традиции, но не отражается на содержании Повести и ее стиле.

В Житии Александра Невского и Повести о Довмонте перед нами два разных представления о природе княжеской власти. В Житии Александра Первой редакции осмысление княжеских деяний производится на основе идеи о священности княжеской власти — «князя аз учиняю, священны бо суть, и аз вожю я». Цели автора Повести о Довмонте были далеки от стремления убедить в величественности и освященности княжеских дел. В Повести отразился идеал княжеского поведения, сложившийся в обстановке пограничного города, в условиях, когда князь в политическом устройстве Пскова выполнял практически обязанности полководца. Представления о роли и долге князя, рожденные особыми социальными отношениями в Пскове, привели к иным, чем в Житии Александра Первой и Особой редакций, приемам изображения деятельности Довмонта. Они не находят себе аналогий и в других княжеских житиях. Рассказ о Довмонте насыщен фактическими подробностями, отличается конкретностью изложения, сдержанностью тона, лаконизмом литературных средств, отсутствием агиографической риторики.

В. И. ОХОТНИКОВА

ПОВЕСТЬ О ДОВМОНТЕ В СОСТАВЕ ПСКОВСКИХ ЛЕТОПИСЕЙ

(К вопросу о старшей редакции)

Старшие тексты Повести о Довмонте дошли до нас в составе трех псковских летописей — П1Л, П2Л, П3Л.[1] Повесть в П1Л очень близка к тексту П3Л. Отличия П3Л от П1Л заключаются в следующем: в связи с включением Повести в хронологический ряд в ней были проставлены даты, внесены поправки в цитаты из священного писания, именование святых, имеются различия в перечислении имен псковских священников, погибших во время нападения немцев на Псков в марте 1299 г. Близость текстов Повести в составе П1Л и П3Л предполагает существование общего для них протографа, текст которого П1Л и П3Л передают с небольшими изменениями. Повесть о Довмонте П2Л значительно отличается от текстов Повести в П1Л, П3Л.

Уже первый исследователь Повести о Довмонте — А. Энгельман — пытался решить вопрос о том, какая из редакций «ближе к подлинному составу» Повести, и не нашел достаточно аргументов в пользу первичности той или другой редакции, отмечая, что и редакция П1Л, и редакция П2Л имеют «свои достоинства и свои недостатки».[2]

Н. И. Серебрянский считал первоначальной редакцию Повести в П1Л, ее составление он относил ко второй половине—концу XIV в. Появление новой редакции Повести о Довмонте в XV в., текст которой передает П2Л, было вызвано, по мнению ученого, необходимостью «переделать светское сказание о святом князе в церковное житие, приспособить памятник к церковному употреблению». Различия между двумя редакциями, считает Н. И. Серебрянский, главным образом литературного характера: в Повести П2Л опущены два фрагмента — описание похода Довмонта в Поморье и заключительная похвала князю, которые являются за-

---

[1] Псковские летописи. Приготовил к печати А. Насонов. Вып. I. М.—Л., 1941; вып. II. М., 1955. (Повесть о Довмонте цитируется далее по этому изданию).

[2] Энгельман А. Хронологические исследования в области русской и ливонской истории в XIII и XIV столетиях. СПб., 1858, с. 73—74. — Первой редакцией псковской летописи А. Энгельман называет, вслед за издателями текстов псковских летописей (ПСРЛ, т. V. СПб., 1851), Строевский, Архивский 1 и Архивский 2 списки. До исследований А. Н. Насонова редакции П1Л и П3Л не разделялись.

имствованиями из Особого Жития Александра Невского, памятника тоже непригодного для церковного употребления. Кроме того, в П2Л дополнительно сообщается о женитьбе Довмонта и дается пояснение, что жена литовского князя Герденя была теткой Довмонта.[3]

Точку зрения Н. И. Серебрянского на историю текста Повести о Довмонте разделял в своих первых работах Ю. К. Бегунов. Подобно Н. И. Серебрянскому, он считал, что из Повести в П2Л были исключены эпизоды, являвшиеся переработкой текста Особой редакции Жития Александра Невского (по терминологии Ю. К. Бегунова, Третьей).[4] В последующих статьях Ю. К. Бегунов иначе строит схему отношений между редакциями Повести о Довмонте. Отсутствие в тексте П2Л двух фрагментов с заимствованиями из Особого Жития Александра приводит его к выводу, что Повесть о Довмонте П2Л вообще свободна от его влияния. Дополнения по Особому Житию Александра, полагает Ю. К. Бегунов, были внесены позже, при составлении протографа П1Л, П3Л, которым он, вслед за А. Н. Насоновым, считает свод 1464 г.[5]

Однако еще Н. И. Серебрянский установил зависимость Повести о Довмонте от Особой редакции Жития Александра Невского в трех больших эпизодах: поход в Поморье, похвала, поход магистра Ливонского ордена на Псков в 1269 г.[6] Если первых два эпизода читаются только в Повести о Довмонте П1Л, П3Л, то описание похода магистра на Псков, созданное по прориси рассказа о походе шведов в Особом Житии Александра, читается как в Повести П1Л, П3Л, так и в Повести П2Л, — т.е. следы влияния Жития Александра обнаруживаются во всех редакциях Повести, но в разной степени. Если считать первичным текст Повести П2Л, как Ю. К. Бегунов, то следует признать, что редактор П1Л, П3Л обращался к Особому Житию Александра вторично, создав по его мотивам похвалу Довмонту и описание похода в Поморье. Такая возможность не исключается. Но необходимо оговорить время вторичного обращения к Особому Житию Александра и те причины, которые побудили редактора составить похвалу Довмонту и дать новый вариант сообщения о завоевании Поморья.

Немецкий исследователь псковского летописания Г.-Ю. Грабмюллер, так же как и другие авторы, выделяет два фрагмента, которые отличают редакцию Повести П2Л от редакций П1Л,

---

[3] Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. Обзор, редакция и тексты. М., 1915, с. 274—275.

[4] Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII в. «Слово о погибели русской земли». М.—Л., 1965, с. 47—48.

[5] Begunov Ju. K. Die Vita des Fürsten Aleksandr Nevskij in der Nowgoroder Literatur des 15. Jahrhunderts. — Zeitschrift für Slavistik, Bd XVI, 1971, H. 1, S. 101.

[6] Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития, с. 269—273.

П3Л. По мнению Г.-Ю. Грабмюллера, описание похода на Раковор и Поморье, похвала князю являются поздним добавлением в текст Повести; более точное представление о старшей редакции Повести дает П2Л.[7]

Отстаивая первичность редакции Повести П2Л, Г.-Ю. Грабмюллер обращает внимание на следующий момент. Рассказ о деятельности Довмонта дается в Повести с псковских позиций: подчеркивается независимость Пскова от Новгорода в военных походах, если же упоминается о помощи Новгорода, то мельком. И только два фрагмента Повести П1Л, П3Л, как полагает Г.-Ю. Грабмюллер, противоречат этому положению, — описание похода на Раковор и в Поморье, похвала. Здесь героем повествования становится не Довмонт, а Александр Невский и его сын Дмитрий, новгородские полки при перечислении участников похода называются первыми, а победа приписывается заступничеству святой Софии и только потом святой Троицы.

Последовательно псковской точкой зрения на происходящее, считает Г.-Ю. Грабмюллер, отличается Повесть П2Л. В ней читается сжатое сообщение о Раковорском походе, причем о новгородцах, инициаторах похода, не говорится вообще. Второй «проновгородский» фрагмент — сопоставление деятельности Довмонта с деятельностью Александра Невского и Дмитрия Александровича в похвале — в П2Л отсутствует совсем.

Г.-Ю. Грабмюллер считает, что антиновгородским по направленности был протограф псковских летописей и что П2Л точнее, чем П1Л и П3Л, передает его политические настроения.[8] В П1Л и П3Л была произведена правка текста летописи в дружественном Новгороду духе.[9] В эту схему развития псковских летописей легко укладывается, по Г.-Ю. Грабмюллеру, и история текста Повести о Довмонте: в псковскую повесть о Довмонте типа П2Л были внесены дополнения по новгородскому Особому Житию Александра Невского, что привело к механической контаминации в Повести двух точек зрения — псковской и новгородской. Время создания новой редакции Повести, с похвалой и описанием похода на Раковор и в Поморье, составленными по Особому Житию Александра Невского, Г.-Ю. Грабмюллер не уточняет. Поскольку он выделяет только один свод, дружественный Новгороду, — свод 1449 г., протограф П1Л и П3Л,[10] — то надо полагать, что обработка текста Повести также принадлежит редактору этого свода. Однако Повесть с заимствованиями из Особого Жития Александра (описанием похода на Раковор и в Поморье, похвалой) была уже известна составителю статей

[7] Grabmüller H.-J. Die Pskover Chroniken. Untersuchungen zur russischen Regionalchronistik im 13.—15. Jahrhundert. Wiesbaden, 1975, S. 117—119.

[8] Grabmüller H.-J. Die Pskover Chroniken, S. 172—185.

[9] Там же, с. 182—187, 190—191.

[10] Там же, с. 185—191.

1406—1410 гг. псковских летописей.[11] Этой же редакцией пользовался автор Проложного Жития Довмонта, списки которого датируются концом XIV—началом XV в. [12]

Невозможно согласиться с Г.-Ю. Грабмюллером и в его трактовке повести П1Л, П3Л как механической контаминации новгородской и псковской точек зрения.

Текст сообщения о Раковорском походе и завоевании Довмонтом Поморья в П1Л, П3Л создает впечатление не подчиненности Пскова Новгороду, но равноправности двух партнеров, Дмитрия Александровича и Довмонта, объединившихся для военных действий и в равной степени способствовавших распространению славы о силе и храбрости русского войска: «. . . великий князь Дмитрий Олександрович с зятем своим Домонтом и с мужи с новгородци и со псковичии иде к Раковору», «И славна бысть вся земля ею во всех странах страхом грозы храборства великого князя Дмитрея, и зятя его Домонта, и мужь ею новгородцов и псковичь».[13]

Прославление Довмонта, князя, наделенного всеми положенными князю христианскими моральными добродетелями, храброго воина, ратные успехи которого можно сравнить с победами великих князей Александра Невского и Дмитрия Александровича, — таков пафос похвалы Довмонту в П1Л, П3Л. В том, что заслуги Довмонта рассматриваются в одном историческом ряду с деятельностью Александра Невского, в том, что они уподобляются победам прославленного полководца, проступает именно псковская позиция. Желание усилить впечатление значительности достоинств Довмонта библейскими цитатами и историческими сравнениями, подчеркнуть родственные связи между Довмонтом, Александром Невским и великим князем Дмитрием Александровичем, показать единство в их действиях не может расцениваться как «проновгородское». «Новгородскими» делает эти два фрагмента, пожалуй, только упоминание о новгородцах. Но и в описании Раковорского похода, и в похвале заметно разделение княжеского влияния: Довмонт с «мужи псковичи» и Дмитрий Александрович «с своими боляры и с мужи новогородцы». Оба князя связаны общностью дел, славой, родственными узами, но не политической зависимостью. Только при самостоятельности и независимости Довмонта с его «мужи псковичи» возможно сопоставление с Александром Невским и Дмитрием Александровичем «с мужи новогородцы».

До первой половины XIV в. Новгороду и новгородцам в псковских летописях почти не уделяется внимания. Начиная со статьи 6831 г. (1323 г.) на страницах псковских летописей появляются

[11] См.: Охотникова В. И. Повесть о Довмонте и псковские летописи. К вопросу о датировке Повести. — В кн.: Русская и грузинская средневековые литературы. Л., 1979, с. 182—191.

[12] О датировке списков Проложного Жития см.: Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития, с. 265.

[13] П3Л, с. 84. — Списки П1Л дефектны, недостает начала Повести

упреки новгородцам, отказывающим в помощи псковичам в их борьбе с Орденом, сообщения о «рогозе» (раздорах) между городами и т. д.[14] Негативность оценок политики Новгорода по отношению к Пскову характерна для всех трех псковских летописей. Подчеркнуто антиновгородской направленностью отличается П2Л, многие нейтральные по интонации упоминания о Новгороде здесь или совсем не читаются, или даются в иной редакции, усиливающей негативность оценок отношения Новгорода к Пскову. В целом антиновгородские чтения П2Л Г.-Ю. Грабмюллер считает первичными, но в отдельных случаях он признает текст П1Л, П3Л, с нейтральным отношением к Новгороду, старшим, в П2Л этот текст сокращен так, что его невозможно истолковать как дружественный Новгороду. К такому выводу он приходит, анализируя статьи 6957, 6961 гг.[15] Почему же не предположить, что этот же редактор, который сократил тексты статей 6957, 6961 гг., устранив благожелательные упоминания о новгородском владыке, не выправил и предшествующие им статьи? Поскольку П2Л в целом характеризуется негативностью оценок новгородской политики, необходимо более точно аргументировать первичность ее антиновгородских чтений, доказывая невозможность позднего их появления.

В случае с Повестью о Довмонте есть все основания именно для такого толкования истории текста Повести: редактор, который подчеркнул неодобрительные выпады, обращенные к Новгороду, опустил из ряда статей эпизоды и фразы, где говорится о новгородцах, переделал в Повести те фрагменты, в которых упоминание о новгородцах лишено негативных оценок.

По мнению Г.-Ю. Грабмюллера, о первичности редакции П2Л свидетельствуют не только политические тенденции Повести. Для доказательства вторичности редакции П1Л, П3Л он привлекает тексты Повести о Довмонте в С1Л, Н4Л. Г.-Ю. Грабмюллер указывает на отсутствие обоих фрагментов с заимствованиями из Особого Жития Александра Невского в Повести С1Л, Н4Л, тексты которых, как и текст П2Л, восходят к древней редакции Повести. При этом он ссылается на доказательства архаичности текстов П2Л и Н4Л А. Н. Насонова: «Wie bereits Nasonov nachwies, repräsentiren PLII und NLIV einen „archaischeren Uberlieferungsstand„ als PLI und PLIII».[16]

Анализируя фрагменты Повести о Довмонте в С1Л и Н4Л, А. Н. Насонов отметил, что они «хранят как будто следы более ранней редакции. . . по сравнению с имеющимися в дошедших до нас псковских летописях». В качестве примера он привел чтение из фрагмента Повести под 6780 г. Здесь, как и в П2Л, читается «села чюдская пожже», в П1Л, П3Л — «грады их пожже». Вариант

---

[14] См. статьи 6831, 6849, 6914—6918, 6925, 6926, 6934—6936 гг.
[15] Grabmüller H.-J. Die Pskover Chroniken, S. 185—187.
[16] Там же, с. 119.

Н4Л, С1Л, П2Л восходят, как полагает А. Н. Насонов, к древней редакции Повести.[17] Это единственный пример старшего чтения П2Л, который приводит исследователь.[18]

Сопоставление текстов Повести в С1Л, Н4Л с П2Л показывает, что в них есть ряд общих чтений, отличающихся от редакции П1Л, П3Л. Их можно разделить на два вида.

I. При расхождении между П2Л и П1Л, П3Л в С1Л, Н4Л читается вариант П2Л.

	П2Л	С1Л	П1Л
1)	Слышав же местер земля Ризьскыя мужество князя Домонта, съвокупи много вои своих, и ополчився. . .	Слышав местер земля Ризскиа мужество князя Доманта и совокупи множество вои своих и ополчися. . . (То же Н4Л)	Слышав же местер земля Ризския мужество князя Довмонта, ополъчився. . .
2)	призри на кроткыя люди своя. . .	призри на кроткиа люди своя. . . (в Н4Л молитва опущена)	призри на кроткия. . .
3)	Боголюбивый же князь Тимофей не стерпе обидимь быти от поганыя латины, еха с мужи своими псковичи и плени землю их и села чюдская пожже, и полона много приведоша в землю свою.	Боголюбивый же князь Домонт, не терпя обидимым быти от поганыя латины, еха со псковичи, плени землю их и села чюдьская пожже, и полона много приведе в землю свою.[19] (То же Н4Л)	Боголюбивыи же князь Тимофеи, не терпя обидим быти, ехав с мужи псковичи, и плени землю их и град их пожже.
4)	марта в 4 день	марта в 4 день[20] (То же Н4Л)	марта в 4 день па память святого мученика Павла и Ульяны.

II. В текстах С1Л и Н4Л соединяются чтения П2Л, П1Л, П3Л.

П1Л	П2Л	С1Л	Н4Л
1) а иныя люди плесковскыя в работу ввести. (П3Л) а инех в работу ввести. (П1Л)	а непротивный народ жены и дети, плнивъше, в работу вести.	иныя люди псковския, непротивлящася жены и дети в полон свести.[21]	а непротивныя народы, жены и дети в работу ввести.[22]
2) оступиша град Псков, хотяще его	оступиша град; князь же Домонт не стерпе	оступиша град Псков. Домонт же	оступиша град Псков. Домонт же

[17] Насонов А. Н. Из истории псковского летописания. — ИЗ, 1946, т. 18, с. 286.

[18] О древности редакции Повести, использованной в С1Л, Н4Л, свидетельствует, по мнению А. Н. Насонова, отсутствие перечисления имен псковских иноков, погибших 4 марта 1299 г. (оно есть в П2Л), и хронологической сети.

[19] ПСРЛ, т. VI. СПб., 1851, с. 198.

[20] Там же, с. 203.

[21] Там же, с. 198.

[22] ПСРЛ, т. IV. Пг., 1915, с. 242.

пленити. Боголюбивый же князь Тимофей, не стерпя дождати мужий своих большая рати, и выеха с малою дружиною с мужи псковичи и со Иваном Дорогомиловичем и с его дружиною противу их. И помощию святыя Троица. . . у святаго Петра и Павла на брезе удари на них; и бысть сеча зла, яко николи же бывала у Пскова; и раниша самого кумендеря по главе. . .	дождати мужь своих большая рати, выеха с малою дружиною, противу им ополчися с Иваном Дорогомиловичем. И помощию святыя Троица победи я у святою Петра и Павла на брезе, овех избиша, и овых ранишя, а инии метахуся с брега в кручю, а самого кумендеря раниша по главе. . .	с Иваном с Дорогомиловым выеха на них и победи я у святаго Петра и Павла на брезе; и бысть сеча зла, яко же николи така не бывала у Пьскова, овых избиша, а иных раниша, а кумендеря раниша по главе, а иныя метахуся в брег.[23]	с Иваном с Дорогомиловым выехаша на них, и победи а у святаго Петра и Павла на брезе; и бысть сеча зла, яко николи же не бывала такова сеча у Пскова, ових избиша, а иных раниша по главе, а иные метаху в брег.[24]

Количество разночтений, в которых совпадают С1Л, Н4Л и П2Л, невелико, и они не настолько существенны, чтобы служить доказательством первичности текста П2Л в целом. В остальных расхождениях между редакциями (о них см. ниже) С1Л, Н4Л совпадают с редакцией Повести П1Л.[25] Частные совпадения с П2Л могут быть объяснены либо тем, что данные чтения были в тексте, послужившем источником протографа С1Л, Н4Л, свода 1448 г.,[26] либо тем, что составитель протографа привлекал редакцию П2Л в качестве дополнительного источника. Второе предположение менее вероятно. Немногочисленность совпадений С1Л, Н4Л с П2Л и некоторая случайность их говорят о невозможности того, чтобы составитель протографа пользовался двумя редакциями Повести, сопоставлял их, выбирая чтение той или другой редакции либо совмещая их. Есть все основания признать, что данные чтения принадлежали псковскому источнику свода 1448 г.,

---

[23] Там же, с. 203.

[24] Там же, с, 250.

[25] С редакцией П1Л тексты С1Л, Н4Л совпадают и в разночтениях между Повестью в П1Л и П3Л. Повесть о Довмонте в списках П1Л дефектна, недостает первых листов летописи с началом Повести. Оно восстанавливается по тексту Повести в сборнике из коллекции ГИМ, собрание Уварова, № 279. Подробнее см.: Охотникова В. И. Летописная редакция Повести о Довмонте в сборнике из собрания Уварова. — ТОДРЛ, т. XXXIV. Л., 1979, с. 116—126.

[26] Ряд общих чтений в Повести С1Л, Н4Л, отличающихся от других редакций Повести, предполагает существование общего для них протографа, текст которого точнее передается в С1Л; в Н4Л он подвергается сокращению. По мнению большинства исследователей, общим протографом С1Л и Н4Л является свод 1448 г. См.: Шахматов А. А. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, с. 151 и сл.; Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, с. 142—144, 158—161; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., с. 448—449; Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976, § 13.0 и далее.

текст которого был близок редакции П1Л, но имел некоторые черты П2Л.

О том, что составитель свода 1448 г. пользовался текстом, близким редакции П1Л, говорит, в частности, завершение рассказа о Раковорском походе сообщением о завоевании Довмонтом Поморья (статья 6776 г.).[27] Утверждение Г.-Ю. Грабмюллера, что данный эпизод не читается в С1Л, Н4Л, — неверно.

Таким образом, из фрагментов Повести о Довмонте со следами влияния Особого Жития Александра Невского в С1Л, Н4Л не читается только похвала Довмонту. Однако отсутствие похвалы не может служить свидетельством того, что ее не было в псковском источнике протографа С1Л, Н4Л и в древней редакции Повести. Описание событий марта 1299 г. (поход немцев на Псков, битва у церкви Петра и Павла) в С1Л, Н4Л сокращено. Сообщение о смерти Довмонта и его погребении в С1Л, Н4Л больше напоминает летописную запись Н1Л, чем пространные рассказы псковских редакций, — т. е. в описании смерти и погребения Довмонта С1Л и Н4Л не совпадают ни с П1Л, ни с П2Л, которые дают описания, различающиеся в композиции и тексте похвалы. Возможны два объяснения появления в С1Л, Н4Л краткого сообщения о кончине Довмонта. Либо похвалы и описания погребения не было в псковском источнике свода 1448 г., близком редакции П1Л, либо ее исключил составитель, так как она не соответствовала общей направленности его свода. Мало вероятно, что псковская Повесть, известная составителю свода 1448 г., помещала столь краткую запись о кончине Довмонта. Более справедливым кажется другое предположение: составитель свода исключил похвалу (и связанный с ней текст), ибо ее идея подобия псковского князя великим русским князьям и мысль о том, что Александр Невский и Довмонт воплощали в себе единый тип личности князя, не отвечала политическим тенденциям общерусского (московского по происхождению) свода.[28]

Таким образом, С1Л и Н4Л доказывают существование до середины XV в. Повести о Довмонте в редакции, близкой П1Л, текст которой почти полностью был использован составителем протографа этих летописей, за исключением описания событий 1299 г. (поход немцев на Псков, смерть и погребение Довмонта).

---

[27] Текст сообщения о походе Довмонта в Поморье в С1Л почти идентичен редакции П1Л, П3Л, в Н4Л не читается последняя фраза со слов «И славна бысть вся земля его. . .».

[28] А. А. Шахматов считал свод 1448 г. новгородским по происхождению, но отмечал его общерусский характер (см.: Шахматов А. А. Обозрение русских летописных сводов. . ., с. 154—155). Митрополичьим общерусским сводом назвал свод 1448 г. М. Д. Приселков (см.: Приселков М. Д. История русского летописания, с. 148—150). Общерусские тенденции свода 1448 г. отмечал Д. С. Лихачев (см.: Лихачев Д. С. Русские летописи. . ., с. 317). Развивая мысли предыдущих исследователей, к убедительным выводам об общерусском характере свода 1448 г. пришел Я. С. Лурье (см.: Лурье Я. С. Общерусские летописи. . ., § 11, 12, 13.1, 14.0, 15).

Сопоставление текстов Повести в редакции П2Л и П1Л, П3Л, как можно было заметить из обзора работ, посвященных этому вопросу, было фрагментарным. Внимание обращалось на два крупных эпизода (описание похода на Раковор и в Поморье, похвала), другие разночтения между редакциями не учитывались. Между тем эпизоды с заимствованием из Особого Жития Александра — не единственный пример расхождений между редакциями Повести. Их анализ, как и анализ политических тенденций похвалы Довмонту и описания похода на Раковор и в Поморье в П1Л, подтверждает вторичность редакции Повести П2Л.

Повесть о Довмонте П2Л содержит дополнительные по сравнению с П1Л, П3Л сведения о Довмонте. В известие о том, что Довмонт «княгиню Герденевую полони», в П2Л добавлено «тетку свою Еупраксию». А. Энгельман считал это чтение первичным,[29] Н. И. Серебрянский называл его позднейшей вставкой.[30] Вопрос о родственных отношениях Довмонта очень запутан. Его обсуждение потребовало бы сравнения обширного материала по истории Литвы, Пскова, Полоцка, рассмотрения родословных литовских князей. Разобраться в том, является ли сообщение о родственных отношениях Довмонта и княгини Евпраксии поздней вставкой или первичным чтением, помогает другое дополнение в тексте П2Л.

В Повести П1Л, П3Л уже во время Раковорского похода Довмонт называется зятем Дмитрия Александровича, сына Александра Невского. В Повести П2Л перед сообщением о Раковорском походе идет следующий текст: «И потом благоверный князь Домонт испроси за себе у великого князя Дмитрия Александровича дщерь княгиню Марью». То, что данный фрагмент — явная вставка, отмечали еще А. Энгельман и Н. И. Серебрянский: современник вряд ли допустил бы хронологическую ошибку и поместил известие о браке Довмонта до Раковорского похода.[31] Дмитрий Александрович родился около 1250 г. (точная дата неизвестна), — следовательно, к 1268 г. он не мог иметь взрослой дочери.

Повесть о Довмонте П1Л, П3Л называет Довмонта зятем Дмитрия Александровича, опережая события, она составлялась позднее, когда факт этот уже был известен. Но брак Довмонта не приурочивался в ней к какому-то определенному времени. Редактор П2Л, включая известие о женитьбе Довмонта, следовал логике текста и вставил его перед сообщением о Раковорском походе, когда Довмонт был первый раз назван зятем Дмитрия Александровича, но еще не мог быть им в действительности.

Новая информация о Довмонте в П2Л касается только одного вопроса — раскрывает его родственные связи. Думается, что вве-

---

[29] Энгельман А. Хронологические исследования. . ., с. 73—74.
[30] Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития, с. 267.
[31] Энгельман А. Хронологические исследования. . ., с. 49; Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития, с. 267.

дение в текст сведений о родственных отношениях Довмонта принадлежит одному редактору.

В источниках по истории Иоанно-Предтеченского монастыря в Пскове среди княгинь, погребенных в нем, называются имена Марии-Марфы, жены Довмонта (ее имя сохранили только Повесть о Довмонте П2Л и данные источники), и княгини Евпраксии (Евдокии, Евфросинии).[32] О судьбе последней, возможно, существовало какое-то монастырское предание, отражением которого является запись П2Л о том, что она была женой литовского князя Герденя и теткой Довмонта.[33] Имена Марии и Евпраксии для псковичей были тесно связаны друг с другом, обе княгини почитались как местные святые, изображались рядом на иконе, считались покровительницами монастыря. Это усиливает вероятность того, что сведения о родственных отношениях Евпраксии и Марии с Довмонтом были внесены в Повесть одновременно, — т. е. как и известие о браке Довмонта, чтение «тетку свою Еупраксию» следует признать позднейшей вставкой.

Для описания событий в Повести П1Л, П3Л характерна неторопливость, которая создается повторением синтаксически однородных конструкций, отдельных словосочетаний, мотивов, этикетных ситуаций: «и помысли ехати с мужи псковичи пленити землю Литовскую. . . ехав с мужи псковичи. . . и плени землю Литовскую»; «и отечьство свое повоева. . . и все княжение его повоева»; «а инех Двина изверже. . . а инии на прочаа островы извержени

[32] Так, в рукописи ГПБ, собр. Погодина, 1563, XVII в. читаем: «Да за Великою рекою в девичье монастыре у Предтечи Иоанна опочивают под спудом же мощи великия княгини Марии, жены великого князя Доманта, а во иноцех Марфы, да мощи же великия княгини Евдокии, а во иноцех Евпраксии, тетки великаго же князя Доманта» (л. 95 об.). В Синодике Бутырской церкви XVIII в.: «. . .помяни княгинь псковских, лежащих во обители у святого Иоанна Предтечи за Великою рекою в девиче монастыре: княгини схимонахини Евфросинии, Вассы, Голендухи, Оулеи. . .» (см.: Серебрянский Н. И. Рукописи, поступившие в музей Псковского церковно-археологического комитета в 1908—1909 г. — В кн.: Труды Псковского церковного историко-археологического комитета, т. 1. Псков, 1910, с. 131). Оба имени упоминаются и в «Тарханной грамоте», выданной монастырю в 1510 г. Василием Ивановичем: «. . .нивы белыя, а не оброчныя дали еще благоверный князь Тимофей Дамант, да благоверная княгиня инока Евпраксия и благоверная княгиня инока Марфа. . .» (см.: Описание Иоанно-Предтечева монастыря. Дерпт, 1821, с. 9). По-видимому, в XIII в. монастырь находился под покровительством семьи Довмонта.

[33] В работах по истории церкви, истории Пскова теткой Довмонта называют основательницу Иоанно-Предтеченского монастыря Евпраксию, дочь полоцкого князя Рогволода Борисовича, жену псковского князя Ярослава Владимировича (до 1234 г.), погребенную в церкви Иоанна Предтечи основанного ею монастыря. 18 мая 1243 г. от иконы над гробом княгини произошло чудо — истечение мира, запись о котором читается впервые в Н1Л (см.: Барсуков Н. Источники русской агиографии. СПб., 1882, с. 175; Описание Иоанно-Предтечева монастыря, с. 3—6). В других описаниях Пскова эти сведения об Евпраксии часто повторяются. Источники биографических данных о княгине Евпраксии не выяснены, в записи о чуде Н1Л нет имени княгини и сведений о ее происхождении.

быша»; «пособием святыя Троицы и славнаго великого воина Георгия и молитвою благоверного князя Всеволода. . . о пособии святыя Троица и святого Георгия»; «И возвратишася с радостию великою. . . и бысть радость и веселие велико»; «сохранени быша молитвою святаго Леонтия. . . о пособии святыя Троица и славнаго великомученика Христова Леонтия»; «ехав и зажже остров, и пожже их под травою. . . власи их зажжени» и т. д.

Особенностью П2Л является деловитость. Ее изложение отличает больший интерес к фактам, чем к их литературному оформлению. Редактор П2Л во многих летописных статьях проделал работу по стилистическому упрощению своего источника, исключил литературные и исторические реминисценции, устранил повторы, длинноты, этикетные распространения. Манера изложения событий в Повести о Довмонте П1Л, с ее смысловыми, синтаксическими, лексическими повторами, обстоятельностью описаний, рожденной выполнением требований литературного этикета, не отвечала строгости и лаконизму рассказа о псковской истории в П2Л. Отдельные фрагменты Повести, подобно летописным статьям XIV—начала XV в., подверглись в П2Л стилистической правке, сокращению.

Помимо стилистических в Повести о Довмонте П2Л встречаются сокращения информативного характера. Здесь не дается пояснения (которое читается во всех других редакциях Повести), что Давид Якунович, один из стражей, был внуком Лавровым. Опускается в П2Л известие о лунном затмении, которое не имеет непосредственного отношения к деятельности Довмонта.[34]

В другом типе изменений текста Повести П2Л проявляется желание подчеркнуть особую роль Довмонта в событиях. В сообщении о крещении Довмонта и избрании его князем в П2Л исклю-

[34] Известие о лунном затмении 1299 г. в Повести П1Л, П3Л А. Энгельман считал позднейшей вставкой на том основании, что его дата — 8 сентября, — которая указывается в Архивском I списке Повести (эту же дату указывают и летописные заметки П1Л), неверна. В 1298 г. лунное затмение наблюдалось 21 сентября (O p p o l z e r Th. Canon der Finsternisse. Wien, 1887, T. II, S. 363). А. Энгельман считал, что показания дней в летописях очень важны и ими пренебречь нельзя. Рассмотрев все сентябрьские затмения в период с 1267 по 1300 г., он пришел к выводу, что известие Повести соответствует затмению 30 сентября 1270 г. (цифра Л — 30 под пером переписчика легко могла перейти в И — 8), но вставлено позже не на свое место (Э н г е л ь м а н А. Хронологические исследования. . ., с. 70—72). Если известие о лунном затмении — вставка, то очень удачная: она приходится на тот же год и месяц, когда затмение действительно было, расхождение только в дне — 8 и 21. Подобное совпадение не могло возникнуть случайно. Сама форма включения известия в текст «И потом по мале времени. . .» вполне соответствует стилю Повести, что убеждает в одновременности составления Повести и включения в нее известия о лунном затмении. Появление неточной даты можно объяснить иначе. В летописных затмениях Архивского I списка сообщение имеет такую форму: «Бысть знамение в луне, месяца сентября И тоя же и зимы изгониша. . .». Возможно, в одном из списков Повести (или ее источнике) запись о Довмонте была похожей, и союз «и» при переписке мог быть прочитан как цифра 8.

чается выражение «помысли боляры своими». Вместо «посадиша его мужи псковичи на княжение» в П2Л читаем неопределенно-личный вариант «посадиша его на княжение». Инициатива похода в Литву в П2Л принадлежит Довмонту: «поим с собою пскович ратных мужь три девяноста, иде в землю Литовскую. . .»; в Повести П1Л, П3Л читается традиционное «помысли с мужи псковичи ехати. . .». Не читается в П2Л почти весь разговор Довмонта со стражами, известившими его о литовской погоне. В П1Л, П3Л он состоит из благодарности Довмонта Давыду и Луке за службу и уверения последних в желании «живот свои дати на славе». Это традиционные моменты для изображения отношений князя и дружины. В П2Л от обращения Довмонта к стражам осталась лишь начальная фраза, и то несколько в ином виде: «Помози вам бог и святая Троица на стражи вашей». Непосредственно за этими словами идет боевой призыв Довмонта к псковичам, который вводится словами «И паки рече». Мгновенность перехода от слов благодарности к боевому призыву в П2Л несколько искусственна, между первым и вторым «рече» Довмонта отсутствует какое-то связующее звено. В П1Л, П3Л им является предложение стражей поехать «борзо с мужи псковичи на поганую Литву». Но та же мгновенность создает впечатление стремительности Довмонта, единолично принимающего решение немедленно вступить в бой. Упоминание о «мужах псковичах» исключается и в описании начала боя с литовцами. Вместо обычной для Повести формулы «ехав князь Домонт с мужи псковичи» в П2Л читаем: « и сия рекши, двигнушася». О дружине Ивана Дорогомиловича и «мужах псковичах» не упоминается и в описании боя 5 марта 1299 г.

Столь частое умалчивание П2Л об участии «мужей псковичей» в делах Довмонта имеет какую-то политическую причину, выяснение которой затрудняется малой изученностью термина, характера его употребления в псковских летописях и текстов самих псковских летописей.[35] Возможно, появление новой редакции Повести, в которой решениям и поступкам Довмонта придается бóльшая самостоятельность и независимость от «мужей псковичей», связано с существованием летописи, близкой к княжеской власти.

В исследованиях по псковскому летописанию отмечалось, что «начальным псковским летописанием руководили местные власти и что с начала XIV века, когда должность посадника стала практически выборной, направляли летописную работу посадники».[36] Летописные материалы XIV в. не дают оснований для утверждения, что летописная работа в Пскове велась под руководством князя. Расхождение летописных текстов за XV в. в разных редакциях летописей и причины, вызвавшие их, не рассматривались

[35] Ряд наблюдений над значением термина «мужи» содержится в работе Б. Б. Кафенгауза «Вече в Пскове». Здесь же указывается на некоторые различия в отношении к вечу П2Л (см.: Кафенгауз Б. Б. Древний Псков. М., 1969. Гл. «Вече в Пскове», с. 104—105).

[36] Насонов А. Н. Из истории псковского летописания, с. 292.

подробно в работах по истории псковского летописания.[37] Поэтому мы не можем судить о том, наблюдаются ли в обработке летописных статей XV в. тенденции, характерные для Повести П2Л.

Посадническому характеру летописи в большей степени отвечает изображение деятельности Довмонта в П1Л, П3Л. Положение князя во Пскове было особым. Он был вечевым избранником, приглашался и изгонялся по желанию псковичей. Обязанности князя заключались в основном в защите псковских земель, он был прежде всего предводителем псковского войска. Подобные отношения князя и псковичей нашли отражение в повести П1Л, П3Л. Здесь псковичи причастны ко всем поступкам и решениям Довмонта: они сажают его на псковский стол, дают советы, сопутствуют ему во всех походах, слава побед Довмонта в равной степени принадлежит и «мужам псковичам». Биография Довмонта П1Л, П3Л подается как краткая летопись истории Пскова, героями которой являются не только Довмонт, но и псковичи.

Полное сопоставление текстов Повести о Довмонте в П2Л с разными редакциями Повести приводит к выводу, что в основу П2Л был положен текст, сохранивший несколько древних черт, но подвергнутый в П2Л значительной обработке. Как по составу, так и по идейной направленности более верное представление о Повести в протографе псковских летописных редакций дает редакция Повести П1Л. Редакция П2Л является обработкой близкого П1Л текста Повести с новых исторических, политических и литературно-эстетических позиций.

Этот вывод подтверждается анализом состава и текстов сборника из коллекции ГИМ, собр. Уварова, 279. По подборке произведений и текстам псковская часть Уваровского сборника совпадает с началом П2Л, только Повесть о Довмонте в нем читается в редакции П1Л. Уваровский сборник служит доказательством того, что существовал летописец, начало которого было тождественно П2Л, а Повесть о Довмонте читалась в редакции П1Л.[38] При составлении Синодального списка П2Л в Повести были произведены описанные выше изменения.

Стилистическая близость статей псковских летописей 6831—6856 гг. (1323—1348 гг.) и Повести о Довмонте, заимствования из нее в летописной статье 6851 г. (1343 г.) позволяют отнести составление Повести к середине XIV в. (вторая четверть).[39]

Вторая четверть XIV в. — значительный момент в экономическом развитии Пскова, в становлении его церковной и политической самостоятельности. В это время были заложены основы

---

[37] Г.-Ю. Грабмюллер рассматривал псковские летописи в основном с точки зрения отражения в них псковско-литовских и новгородско-псковских отношений.

[38] Подробнее см.: Охотникова В. И. Летописная редакция Повести о Довмонте в сборнике из собрания Уварова, с. 116—126.

[39] Подробнее см.: Охотникова В. И. Повесть о Довмонте и псковские летописи, с. 182—191.

псковского законодательства — составлена «Александрова грамота», ставшая составной частью Псковской Судной грамоты.[40] В княжение Александра Тверского псковичами была предпринята попытка добиться учреждения отдельной псковской епископии. С этой целью от князя Александра Михайловича и литовского князя Гедимина к митрополиту Феогносту на Волынь было отправлено посольство с требованием поставить в Псков особого от Новгорода владыку. Но митрополит отказался утвердить в сане владыки псковского кандидата Арсения. Более успешной оказалась борьба за политическую независимость от Новгорода. В 1348 г. по Болотовскому договору Псков был признан «младшим братом» Новгорода.

Именно в это время прославление Довмонта, первого псковского князя, принятого не от Новгорода, но избранного Псковом, при котором псковичи одержали ряд крупных побед над Литвой и Орденом, звучало весьма актуально. Появление Повести о Довмонте — с подробным описанием похода в Поморье, прославившего псковичей «во всех странах», с похвалой Довмонту, в которой ратные успехи князя сравнивались с победами Александра Невского, с постоянным упоминанием о причастности псковичей к делам князя, т. е. редакции П1Л, — может быть связано с политическими настроениями середины XIV в., времени становления самостоятельности Пскова. Княжение Довмонта рассматривалось как начало независимой истории Пскова, как доказательство его военной самостоятельности и равноправного участия псковичей в делах великого князя.

Таким образом, текстологические наблюдения, доказывающие первичность редакции Повести П1Л, подтверждаются близостью ее идей политическим настроениям середины XIV в. — времени создания древнейшей редакции Повести.

---

[40] Мнения относительно того, кому из князей принадлежит «Александрова грамота», о которой упоминается в Псковской Судной грамоте, расходятся. Большинство исследователей склонны считать, что она была составлена в княжение Александра Тверского (1327—1330, 1332—1337 гг.). Подробное изложение всех точек зрения см.: Мартысевич И. Д. Псковская Судная грамота. Историко-юридическое исследование. М., 1951.

Л. И. ЖУРОВА

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРИИ ПОВЕСТИ О ЛУКЕ КОЛОЧСКОМ

Летописный материал, связанный с сюжетом Повести о Луке Колочском, интересен и разнообразен.[1] Изучение повести по летописным сводам XV—XVII вв. стало составной частью изучения литературной истории памятника. Текстологический анализ летописных известий XV в. о событиях 1413 г. на Колоче свидетельствует о существовании оригинала Повести о Луке Колочском среди материалов, отразившихся в памятниках независимого летописания 70—80 гг. XV в. и связанных с Кирилло-Белозерским монастырем — патрональным монастырем можайских князей.[2]

Краткие летописные известия XV в. обнаружили целый ряд текстуальных параллелей с летописным рассказом и с летописной повестью о Луке Колочском.[3]

---

[1] Из этого материала мы выделяем краткое погодное известие, летописный рассказ и летописную повесть. Определение этих жанровых групп см.: Еремин И. П. Литература Древней Руси. М., 1966, с. 98—123. — В результате текстологического анализа всех известных списков исследуемого памятника мы пришли к выводу, что летописная повесть о Луке Колочском представляет собой раннюю редакцию; две другие редакции — полная и краткая — являются более поздними образованиями.

[2] Журова Л. И. Известия о Луке Колочском в летописных сводах XV в. — В кн.: Сибирская археография и источниковедение. Новосибирск, 1979, с. 28—36. О связи Кирилло-Белозерского монастыря с можайскими князьями см.: Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976, с. 202—209; Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 2. М., 1951, с. 191—194; Каштанов С. М. Социально-политическая история России к XV—перв. пол. XVI вв. М., 1967, с. 127; Лурье Я. С. Летописание XV в. и Кирилло-Белозерский монастырь. — В кн.: Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974, с. 203.

[3] Мы берем за основу анализа текст летописного рассказа по Московскому своду 1479 г. и Повести о Луке Колочском по Никоновской летописи, потому что текстологический анализ всего летописного материала показал близость именно этих текстов к первоисточнику. Кроме того, Повесть вошла в состав целого ряда летописей XVI—XVII вв.: свод 1533 г., свод конца XVI в., свод 1652 г., Мазуринский летописец. Однако исследователи использовали текст Повести только по Никоновской летописи: Соловьев С. М. История России с древнейших времен, т. 4. М., 1960, с. 677; Архангельский А. С. Нил Сорский и Вассиан Патрикеев. Их литературные труды и идеи в Древней Руси. Ч. I. — ПДП, т. 26. СПб., 1882, с. 202; Голубинский Е. История русской церкви, т. 2, ч. 2. М., 1911, с. 601—603; Иконников В. С. Опыт русской историографии, т. 2, кн. 2. Киев, 1908, с. 1801; Скрипиль М. О. Опыты изучения древнерусской историко-бытовой повести. Докт. дис., машинопись, б. м. и г., с. 445.

Сравнительное изучение комплекса кратких известий XV в. о явлении иконы на Колоче и летописной повести о Луке, вошедшей в состав сводов XVI в., еще раз подтверждает наше предположение о существовании протографа Повести о Луке Колочском в XV в. Краткие известия и летописный рассказ о Луке Колочском,[4] распространенные во всех общерусских летописях XV в., строят свое изложение на основе одной сюжетной линии — явлении иконы на Колоче. Своды XVI—XVII вв., начиная с Никоновского, приводят текст летописной Повести о Луке Колочском.

Никоновская летопись под 1413 г. среди многочисленных известий разнообразного характера рассказывает о том, что «некий человек, именем Лука, простых людий, ратоев убогих, последний в нищете сый, на некоем древе, в некоем месте наиде икону». И далее — о том, что от иконы исцелился больной, «много лет лежа» в его доме, и многим исцеление было, и ходил Лука из Колочи к Можайску, где «изыде во сретение князь Андрей Дмитриевич», а «оттуду поиде Лука со иконою к Москве, и сретоша ея митрополит со епископы». И так ходил Лука «от града во град», и «вси дааху Луке. . . имениа много в милостыню, в честь и в дары и чествоваху Луку, яко апостола». Возвратившись в Колочу, он строит церковь и дом себе «созда, яко некий князь», и в житие «неполезное пустился»: он стал грабить сокольников и ловчих князя Андрея Дмитриевича. Князь же «терпяше вся сия, иногда же и посылаше к нему, он же к нему сурово и жестоко отвещеваше, князь Андрей же Дмитриевич с смирением и терпением умлъчаваше». Лука же «нача ловчих княжь Андреевых бити и грабити, и медведи с ларми к себе взимаше». Но один ловчий решил проучить дерзкого Луку: однажды он «улови медведя, велми зла и люта суща, и повеле его вести близ двора Лукина. . . Ловчий же лукавьство сътвори над Лукою и в той час пусти медведя, Луке не отшедшу. И прииде медведь на Луку, и едва отняша Луку от медведя, точию дыхание в ноздрех имуща». Князь Андрей Дмитриевич, видя едва живого Луку, обращается к нему с речью:

[4] Анализ летописного рассказа о Луке Колочском дан на материале Московского свода (МС), а не Типографской, Симеоновской или Воскресенской летописей, где читается текст о Луке, идентичный МС. Дело в том, что сравнительное изучение Никоновской летописи и МС позволило установить текстуальное сходство не только летописного рассказа о Луке и Повести о Луке Колочском, но и тех известий, которые являются окружением этого текста. В исследованиях по истории русского летописания авторитетна точка зрения, согласно которой установлена односторонняя зависимость от МС летописей Типографской и Воскресенской: Шахматов А. А. «Летописи». — В кн.: Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, с. 370; Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, с. 117; Насонов А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII века. М., 1969, с. 302; Лурье Я. С. Общерусские летописи. . ., с. 215; Лаптев В. В. Воскресенская летопись. — Уч. зап. Ленингр. пед. инст. Историч. фак-т, т. 102, 1955, с. 165—239; Левина С. А. К изучению Воскресенской летописи. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, с. 697.

«Почто еси бесовьское позорище и плясание възлюбил и пианству совокупился? како тя бог прославил своея Матери Богородици образом чюдотворным, ты же сиа ни во что положи, но к неполезному, к мирскому житию сшел еси, тако тебе и случися». Лука раскаивается, просит князя распорядиться его богатством, тот строит монастырь Колочский. Лука в нем постригается и живет до своей кончины.[5]

Ни одна летопись XV в. не передает с такой степенью подробностей сюжет Повести о Луке Колочском. Но надо отметить, что некоторые детали повествования памятники независимого летописания сохраняют, что объясняется тенденциозностью Устюжской, Софийской II, Львовской летописей и Сокращенных сводов 1493 г. и 1495 г.[6]

Текстологический анализ кратких известий о Луке, летописного рассказа и летописной Повести о Луке Колочском показал целый ряд сходных чтений, которые в своем комплексе позволяют судить об использовании источника Повести о Луке Колочском летописцами XV и XVI вв.

Так, интересный и важный в текстологическом отношении набор чтений дает Устюжская летопись, которую Я. С. Лурье возводит к севернорусскому своду 70-х гг. XV в., оппозиционному по своему характеру и связанному с Кирилло-Белозерским монастырем.[7] Устюжская летопись — это единственная летопись XV в., которая сохраняет сюжетный элемент введения главного героя Луки в повествование, этот элемент присутствует во всех списках Повести о Луке Колочском:

Уст.	МС	Никоновская	Чертковская [8]
И некто человек имянем Лука	Некий человек именем Лука простълюдин сы	Некий человек именем Лука простых людий, ратоев убогих, последний в нищете сый	Человек некто прост поселянин, земледелец, именем Лука
поиде со иконою в Можаеск.[9]	прииде ис Колочи к Можайску с иконою Пречистыя Богородици.[10]		

[5] Текст Повести о Луке Колочском цитируется по изданию Никоновской летописи: ПСРЛ, т. XI. М., 1965, с. 221—223.

[6] Об особой идейной направленности сводов независимого характера см.: Лурье Я. С. Общерусские летописи. . ., с. 168—240. — В статье приняты условные сокращения, предложенные Я. С. Лурье: Софийская I летопись — СI, Софийская II — СII, Устюжская — Уст., Сокращенные своды 1493 г. и 1495 г. — СС, Московский свод 1479 — МС.

[7] Лурье Я. С. Общерусские летописи. . ., с. 192—209.

[8] Для полноты текстологического анализа вводим некоторые разночтения Повести о Луке Колочском по Чертковской рукописи (ГИМ, Чертк. 115[б], в лист, XVII в.), которая представляет собой следующий этап в развитии летописной истории Повести.

[9] Устюжский летописный свод. М.—Л., 1950, с. 71.

[10] ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, с. 241.

Введение главного героя в повествование о Луке Колочском оформлено с помощью этикетной формулы «некий человек», которую можно отыскать еще в целом ряду древнерусских повестей XV—XVI вв.: «Бе убо некто человек млад верстою именем Меркурий во граде Смоленске» (Повесть о Меркурии Смоленском);[11] «Бысть неки купец богат зело в Русской земли во граде Киеве, именем Дмитрий» (Повесть о купце Дмитрии Басарге и сыне его Борзосмысле);[12] «Бе во граде Владимире презвитер некий живяше, именем Тимофей» (Повесть о Тимофее Владимирском) [13] и др.

Приведенные выше наблюдения позволяют, видимо, говорить о том, что Уст. в своем кратком чтении отражает какой-то повествовательный источник о Луке Колочском, из которого она передала только начальную формулу.

Летописи независимого характера в своих известиях о явлении иконы на Колоче сохранили еще один элемент сюжета Повести о Луке Колочском — рассказ о сретении иконы князем Андреем Дмитриевичем, который распространен во всех текстах XVI—XVII вв. Сохранение этого эпизода в летописях XV в., на наш взгляд, свидетельствует об использовании ими протографа Повести о Луке Колочском независимо друг от друга. Сопоставление его по разным сводам XV—XVI вв. показывает, как отразился в них источник Повести:

Уст.	СII	МС	Никоновская	Чертковская
и князь Андрей Дмитриевич срете и весь народ и священницы.	и срете его князь Андрей Дмитриевич и весь народ со кресты.[14]	и якоже приближися ко граду и срете ю весь град от великих и до малых и до съсущих млеко.	и якоже приближися ко граду и изыде во сретение князь Андрей Дмитриевич з боляры своими и весь град от великих и до малых даже и до съсущих млеко.	и изыде во сретение образа сам благоверный князь Андрей Дмитриевич с боляры своими и со всем народом

Обращает на себя внимание чтение «весь народ», которое систематично проведено через целый ряд летописей XV в., исчезает в МС и Никоновской и вдруг появляется в Чертковской рукописи, в основе которой лежит так называемый свод 1533 г.[15] В этой же рукописи есть еще один пример, указывающий на связь текста Повести по Чертковскому списку с летописанием XV в. Уточнение

---

[11] Русские повести XV—XVI веков. Л., 1958, с. 106.

[12] Там же, с. 79.

[13] Там же, с. 119.

[14] ПСРЛ, т. VI. СПб., 1851, с. 140. — Точно такое же чтение дают Львовская летопись, Хронограф ред. 1512 г., Сокращенные своды 1493 г. и 1495 г.

[15] Насонов А. Н. История русского летописания. . ., с. 435—450. — Повесть о Луке Колочском читается в других летописях, восходящих к своду 1533 г., ГБЛ. Рум. (ф. 256), № 255; ЦГАДА, ф. 201, № 48; ф. 181, № 11; ЛОИИ, ф. 238, № 513.

«во сретение образа» надо, видимо, объяснить редакторской правкой оригинала XV в., отразившегося в независимых летописях, где читается: «И поиде к Можайску, и срете его князь Андрей Дмитриевич». Конечно, книжнику важно было подчеркнуть, что князь вышел навстречу чудотворной иконе, а не простому поселянину. На основании этих двух замечаний — чтения «весь народ» и уточнения «во сретение образа» — можно, наверное, предположить уже опосредованное влияние источника Повести о Луке Колочском на летописную традицию памятника в XVI в.

Но самым важным, на наш взгляд, представляется тот факт, что летописный рассказ МС не называет в анализируемом отрывке имени удельного князя Андрея Дмитриевича Можайского, тогда как Софийская II, Львовская летописи, Устюжский летописец, Сокращенные своды в кратких погодных известиях приводят свидетельство о сретении иконы Андреем Дмитриевичем, в чем надо видеть претензии областных сепаратистов,[16] определившие тенденциозность летописей независимого характера. Составитель Московского свода 1479 г. сокращает рассказ о сретении иконы Андреем Дмитриевичем и убирает имя князя, лишая тем самым повествование каких-либо удельных тенденций, довольно четко выраженных в полном тексте Повести о Луке Колочском. Это стало возможным лишь после того, как Иван Можайский, потерпев поражение в борьбе с Василием Темным, бежит в Литву и Можайск в 1454 г. присоединяется к Москве.[17]

Летописный материал о Луке Колочском по сводам XV и XVI вв. обнаруживает еще несколько сходных чтений, анализ которых убеждает нас в существовании протографа Повести в XV в.

Уст.	СII	МС	Никоновская	Чертковская
и оттоле поиде и в прочая грады	и оттоле поиде в прочая грады	оттоле же поиде к Москве тако же и по иным градом	таже оттуду поиде Лука со иконою к Москве	таже оттуду поиде Лука со иконою к Москве

Текстуально отличаются от всего комплекса летописных известий XV в. чтения МС и Никоновской (Чертковская в данном примере точно следует за Никоновской), которые говорят о том,

---

[16] Адрианова-Перетц В. П. Основные задачи изучения древнерусской литературы в исследованиях 1917—1947 гг. — ТОДРЛ, т. VI. М.—Л., 1948, с. 6. — О значении, которое придавалось явлению иконы в Можайском княжестве во времена князя Андрея, свидетельствует послание Кирилла Белозерского князю Андрею. См.: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. М., 1958, т. 2, № 312, с. 273—275.

[17] В Литве Иван Можайский надеялся на возвращение своей «отчины и дедины», что известно из Договорной грамоты можайского князя Ивана с серпуховским князем Иваном Васильевичем (см.: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XV вв. М.—Л., 1959, с. 199—201, № 62).

что Лука ходил с иконой к Москве. Источник такого свидетельства тоже должен был находиться в XV в. Супрасльский список Западнорусской летописи приводит в своей краткой погодной записи о явлении иконы на Колоче факт, не известный ни одной другой летописи XV—XVII вв.: «И на Москву приходила святая тая икона месяца авгоус 15, и оттоле на Коломне и паки на Москву, и от Москвы оу Можаеск».[18] Конечно, говорить о прямой зависимости Западнорусских летописей и великокняжеских сводов нет теоретических оснований, но предположить, что существовал документальный источник подобного свидетельства в XV в., возможно. Летописная повесть о Луке Колочском в XVI в. это свидетельство использует в своем изложении, придав ему соответствующую стилистическую окраску и обобщающий смысл: «И хожаше Лука от града во град с иконою Божия Матери» (Никоновская, Чертковская и другие летописи).

Наибольшее количество текстуальных параллелей дает сравнение летописного рассказа о Колочской иконе Московского свода 1479 г. и летописной повести о Луке Колочском по Никоновскому списку. И эти параллели находят соответствия в сводах XV в.:

СII, СС	МС	Никоновская	Чертковская
и сретаху его князи и бояре и все христианство.	и сретят ея со кресты митрополит и епископы и весь священническы чин, тако же и князи и княгини с детми и бояре и вси вельможи и вси православное христианское множество.	и сретоша еа со кресты митрополит со епископы и со всем священным собором, тако же и князи и княгини и з детми своими, и бояре и воеводы и вси велможи и все православное христианское множество.	и срете ея сам преосвященный Фотей митрополит всея Русии и со всем освященным собором и со кресты.

В приведенном отрывке любопытным представляется упоминание о «православном христианском множестве», которое ассоциативно связывается с основными идеями Посланий Кирилла Белозерского: старец землю Русскую представляет как совокупность христиан.[19] Кроме того, в Повести надо отметить детали, которые можно объяснить влиянием идей Кирилла Белозерского, сформулированных, кстати, и в Послании к Андрею Дмитриевичу Можайскому. Например, рассуждение о роли князя-пастыря, который должен «людей своих уймати от лихаго обычая».

Но, возвращаясь к тестологическому анализу повествования о Луке Колочском, надо отметить другие сходные чтения по сводам XV и XVI вв. Близкие чтения дает начало известий, которое выдержано в рамках летописной статьи:

[18] ПСРЛ, т. XVII. СПб., 1907, с. 55.

[19] Ефимов Е. И. Преподобный Кирилл Белозерский и его послания. Симбирск, 1913, с. 11.

СI	СС	МС	Никоновская	Чертковская
Створися знамение в отчине князя Андрея Дмитриевича, от Можайска за 15 верст.	В граде Можаице явися знамение в Колочи: Лука с иконою Пречистою от града за 20 верст.	От Можайска за 15 верст, в отчине князя Андрея Дмитриевича явися знамение в Колочи.	От Можайска за 15 верст во отчине князя Андрея Дмитриевича, внука Иванова, правнука Иванова же, праправнука Данила Московского явися знамение в Колочи.	Бысть во области князя Андрея Дмитриевича, брата великого князя Василия, в пределах града Можайска, от града яко 15 поприщ место, зовомое Колоча.

Анализ приведенных отрывков показывает, как довольно последовательно отразился первоисточник о Луке Колочском в летописях XV—XVI вв., претерпев, разумеется, определенную редакторскую обработку. Здесь хорошо видно, как составитель Никоновской летописи обрабатывал источник, общий для него с МС, в стиле своей летописи: так, он вводит генеалогическую формулу московских князей. Эта черта как особенность Никоновского свода отмечена исследователями.[20] На примере этого отрывка видно, как шло развитие текста памятника от летописной статьи к летописной редакции по Чертковскому варианту. Сравнение начальной формулы повествования о Луке имеет значение, потому что именно она в разных редакциях подверглась наибольшему изменению.

Другое очень близкое текстуальное совпадение летописного рассказа и летописной повести о Луке дает описание Колочской иконы:

МС	Никоновская летопись
(Лука). . . прииде ис Колочи к Можайску с иконою пречистыя богородица, держаще на руце младенець, господа нашего Исус Христа. С единую страну иконы тоя на затворе Никола чюдотворець, а с другую Илья пророк. От нея же многа и различна исцелениа быша.	(Лука). . . на некоем древе, в некоем месте наиде икону пречистыа богородици, дръжаще па руце младенець, господа нашего Иисуса Христа. С едпныа страны иконы тоя на затворце Никола чюдотворець, а з другую Илья пророк. И взем ю, целова с верою многою и постави ея у нивы своея на месте просте, на древе.

Надо сказать, что описание Колочской иконы в разных редакциях Повести видоизменяется. Тогда тем более представляется интересным, что в столь разных летописных сводах, как МС и Никоновском, приведенный текст обнаруживает дословное совпадение, но помещен он в разных контекстах. Эту разницу мы склонны объяснить последовательным и тенденциозным сокращением оригинала Повести о Луке Колочском в МС. Такому сокращению

[20] Кузьмин А. Г. К вопросу о времени создания и редакциях Никоновской летописи. — АЕ за 1962 г. М., 1963, с. 114.

подвергаются даже штампы, систематично проведенные через все летописные известия о Луке в сводах XV в. и занявшие свое определенное место в полном тексте Повести:

CI	Уст.	СС
явилося людем много прощения: слепым, хромым, расслабленным и глухим и иным многим исцелепие бысть, иже не может ум человечь сказати, колико человеколюбие Божие и какова милость Божия на людех.	бысть прощение слепым, хромым, болным, расслабленным, и ум человечь изрещи не может.	и бысть прощение от иконы: слепыя, хромыя, больныя, разслабленыя, ум человечь изрещи не может милости Божия.

Эта традиционная формула читается в МС в том же варианте, что и в кратких известиях XV в., тогда как в Никоновской летописи автор несколько меняет концовку штампа вслед за восклицанием «И что много глаголати»:

МС	Никоновская	Чертковская
чюдес ради бываемых от нея: мнози бо слепии, хромии, разслабленни и вси недужнии с верою пришедши и здрави быша, елико не может ни ум человечь изрещи такова человеколюбия Божия и милости его на нас грешных.	И быша чюдеса безчислено много: слепии прозираху, хромии хожаху, разслабленни востааху, глусии слышаху, и во всяком недузе сущии здрави бываху. И что много глаголати, елико не может ум человечь изрещи безпрестани тогда бываемых тмы тмами безчисленых и неизреченых чюдес.	И быша от иконы чюдеса безчислена: слепии прозираху, хромии хожаху, разслабленни востааху, глусии слышаху, и во всяком недузе сущии здрави бываху и толико безчисленная и неизреченная тмами тем чюдеса быша безпрестани, яко ум человеческий не может изрещи.

Параллели в перечислении еще раз указывают на знакомство общерусских летописей со старшим источником Повести о Луке Колочском.

Редактор МС 1479 г., работая над его составлением, обрабатывал летописный материал, исходя из идейно-политических соображений великокняжеского дома. Так, в летописном рассказе о Луке ему важно было подчеркнуть сам факт явления чудотворной иконы. Это было знаменательно и имело определенное политическое звучание в контексте того времени, когда в последние десятилетия XV в. борьба великого князя Ивана III с младшими князьями обострилась, и официальному книжнику особенно ценен был тот материал, который мог бы поддержать позиции великого князя, претендовавшего на владения своих братьев.[21] В свете этой ситуации возможным становится осознание специфики

[21] Здесь имеем в виду конфликт Ивана III с Андреем Углицким, которому великий князь вынужден был отдать в удел Можайск.

летописного материала о Луке Колочском в сводах XV в., в которых акцент ставится главным образом на факт явления чудотворной иконы.

Определив текстуальное сходство исследуемого памятника по МС 1479 г. и Никоновской летописи, приходим к выводу, что составителю того и другого свода был известен какой-то источник Повести о Луке Колочском, который МС сократил, а Никоновская передала полнее. Если пока ничего определенного исследователи не могут сказать об источниках Никоновской летописи и о типе ее протографа,[22] то время составления МС 1479 г. и его протографа установлено довольно точно. А. Н. Насонов называет протограф МС сводом митрополитов Феодосия—Филиппа и датирует его 1464—1472 гг.[23] Я. С. Лурье вводит иное определение, не предрешающее заключения о месте и времени его создания, — особая обработка свода 1448 г. — и датирует его 70-ми гг. XV в.[24]

Текстологический анализ летописного материала о Луке Колочском по сводам XV и XVI вв., а именно МС 1479 г. и Никоновской летописи, свидетельствует о существовании оригинала Повести о Луке Колочском в XV в. и об его более активном использовании летописцами митрополичьей канцелярии (материалы митрополичьего характера отразили памятники оппозиционного летописания и Никоновская летопись).

Результаты сравнительного изучения повествования о Луке Колочском по сводам XV в. и Никоновской летописи показали, что почти все краткие известия XV в. имеют соответствующие параллели в текстах летописной Повести о Луке Колочском. Можно, видимо, предположить, что в XV в. наряду с краткими летописными известиями существовал полный текст Повести о Луке Колочском, из которого были сделаны выборки для кратких известий. Это предположение будет более убедительным, если учесть, что факты подобного обращения к тексту Повести составителями летописных сводов наблюдались в XVI—XVII вв.

В XVI в. судьбу литературной истории Повести о Луке Колочском определяют полные редакции памятника, которые, кроме Никоновской летописи, сохранились в целом ряде других сводов, например в своде 1533 г., Степенной Книге царского родословия, Лицевом своде, Хронографе 1599 г. Наряду с этим летописцы XVI—XVII вв. содержат краткие известия о явлении иконы на Колоче.

---

[22] Платонов С. Ф. К вопросу о Никоновском своде. СПб., 1902; Лавров Н. Ф. Заметки о Никоновской летописи.— ЛЗАК, вып. (1), 34, Л., 1927; Розанов С. П. «Никоновский» летописный свод и Иоасаф как один из его составителей. — ИОРЯС, т. 3, кн. 1. Л., 1930; Клосс Б. М. 1) Деятельность митрополичьей книгописной мастерской в 20—30 гг. XVI в. и происхождение Никоновской летописи. — В кн.: Древнерусское искусство. М., 1972; 2) Новгородская 5-я летопись и вопрос об источниках Никоновского свода. — В кн.: Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974; 3) Никоновская летопись и Максим Грек. — ТОДРЛ, т. XXX. Л., 1976.

[23] Насонов А. Н. История русского летописания. . ., с. 272.

[24] Лурье Я. С. Общерусские летописи. . ., с. 156.

Так, летопись русская, как именует ее А. Н. Насонов, известная по списку Увар. 569, в основе которой, считает исследователь, лежит Никоновская летопись,[25] дает текст известия под 1413 г., близкий к Софийской I летописи:

СI	Увар. 569
В лето 6921. Сотворися знамение в отчине князя Андрея Дмитриевича от Можайска за 15 верст: от иконы святыя Богородица явилося людем много прощения: слепым, хромым, разслабленым и глухим, и иным многим исцеление бысть, иже не может ум человечь сказати, колико человеколюбие Божие и какова милость Божия на людех.[26]	В лета 6921 бысть знамение велие в Можайском уезде в отчине князя Андрея Дмитриевича, от иконы святыя Богородици бысть людем многое прощение: слепим и хромим, и разслабленым и глухим и неми болезньми различными многоя исцеления, иж не может ум человечь исповедати толика человеколюбия Божия.[27]

Совершенно очевидно, что летопись Увар. 569 использовала в своем изложении событий 1413 г. на Колоче источник, близкий к раннему великокняжескому летописанию, а не к Никоновской летописи. Летопись по списку Увар. 569 излагает некоторые события сокращеннее, нежели в Никоновской, например рассказ о том, как король литовский Ягайло Олгердович и великий князь Витовт Кестутьевич «прислаша от собя в великий Новгород грамоты разметные». Но в то же время в известие 1413 г. о том, что «погоре град Тверь» (так оно читается во всех летописях), добавлено — «без остатку».

Летописец, представленный списком Муз. 5837, излагающий материалы русской истории от Повести временных лет до 1526 г., передает известие о Колочской иконе текстуально близко к Сокращенным сводам 1493 г. и 1495 г. Изучив состав этой летописи, Насонов ведет ее к «источнику, общему с Никоновской летописью».[28] Сходство известий 1413 г. данной летописи с СС нужно, видимо, объяснить наличием у них общего источника. Был ли этот источник известен Никоновской летописи, можно только предполагать. Но то обстоятельство, что Никоновская летопись каким-то образом связывается с памятниками независимого летописания, важно для нашего построения летописной истории Повести о Луке Колочском.

Совершенно другое по своему характеру известие о событиях 1413 г. на Колоче содержат два других летописца: ГБЛ, Муз. 2422 и ЦГАДА, ф. 181, № 64. Оба летописца содержат погодную за-

---

[25] Насонов А. Н. Летописные памятники хранилищ Москвы. — В кн.: Проблемы источниковедения, вып. 4. М., 1955, с. 264.
[26] ПСРЛ, т. V. СПб., 1851, с. 259.
[27] ГИМ, собр. Уварова, № 569. Летопись русская, к. XVII в., л. 133.
[28] Насонов А. Н. Летописные памятники хранилищ Москвы, с. 253.

пись, текст которой имеет смысл сравнить со свидетельством Никоновской летописи и Чертковской:

Никоновская	Чертковская	Муз. 2422
Князь Андрей Дмитриевич многим его и безчисленым имением на том месте манастырь постави во имя Пречистыя Богородицы, глаголемый Колочьский.	Князь Андрей Дмитриевич нимало пе закосне, но вскоре таковым его безчисленым богатством монастырь состави, глаголемый Колочский.	В лето 6920 князь Андрей Дмитриевич Можайский постави во своей вотчине монастырь, глаголемый Колочский, казною Луки проста человека. Тому же Луке явися образ Пречистыя Богородици.[29]

Особенностью известия 1413 г. по Муз. 2422 стало сообщение о построении монастыря. Общерусские летописи XV в. не знают подобных свидетельств. Известие о построении Колочского монастыря, скорее всего, имело своим источником Повесть о Луке Колочском в летописной редакции Никоновского варианта. Общей особенностью летописцев Муз. 2422 и ЦГАДА, ф. 181, № 64 является, по замечанию Насонова, то, что составлены они были с позиций боярской идеологической ориентации. Он отмечал также, что в Муз. 2422 «широко использован церковный, митрополичий материал и находится много известий, связанных с Троице-Сергиевым монастырем. Нет сомнения, — заключает исследователь, — что составитель имел в руках Никоновскую летопись».[30] Замечание Насонова еще раз подтверждает наше предположение о связи повествования о Луке Колочском с митрополичьим летописанием.

Два других кратких летописца — ЦГАДА, ф. 181, № 66 (скоропись XVII в.) и ГБЛ, ф. 228, № 185 (скоропись XVIII в.) — содержат известие об основании Колочского монастыря, источник которого определить труднее: «В лето 6921 великий князь Андрей Дмитриевичь воздвиже монастырь во имя Пречистыя Богородицы, иже на Колоче, за 20 верст от града Можайска по некоему чудотворению».[31] Удельный князь здесь назван «великим». «Великим» он титулуется в краткой редакции Повести о Луке Колочском, дошедшей в списках XVII—XVIII вв. в Латухинской Степенной и печатном Прологе. Но нам не известно ни одной летописи, где бы Повесть о Луке Колочском была в краткой редакции. Одна деталь приведенного выше краткого известия об основании монастыря, а именно чтение «иже на Колоче», напоминает начало Повести о Луке Колочском в краткой редакции: «О явлении чюдотворного образа Пречистыя Богородици, иже на Колоче». Исходя из этого наблюдения, можно предположить, что источником такого лето-

---

[29] ГБЛ, Муз. 2422. Летописец, посл. четв. XVII в., л. 186.

[30] Насонов А. Н. 1) Летописные памятники хранилищ Москвы, с. 265; 2) История русского летописания, с. 408.

[31] ЦГАДА, ф. 181, № 64. Летописец, XVII в., л. 83—83 об.

писного известия был не столько летописный материал, сколько Повесть о Луке Колочском в краткой редакции.

Таким образом, сравнительное изучение кратких известий о Колочской иконе и Колочском монастыре по летописцам XVI—XVII вв., приводит нас к предположению, что появились они на основе полных текстов Повести о Луке Колочском, а не наоборот. Такая же ситуация, видимо, была и в XV в., когда многие летописи донесли краткие известия, не сохранив при этом ни одного полного текста Повести. Данные текстологического анализа всего летописного материала, на наш взгляд, утверждают, что оригинал Повести о Луке Колочском существовал в XV в.[32]

---

[32] Первой половиной XV в. датирует Повесть о Луке Колочском М. Н. Тихомиров, но использует он другие аргументы: «Повесть написана после смерти Луки по еще живой памяти. В ней нет ни слова о смерти Андрея Дмитриевича (1432 г.), нет ни слова и об его позднейших потомках» (Тихомиров М. Н. Средневековая Москва в XIV—XV вв. М., 1957, с. 270).

Т. А. МАХНОВЕЦ

«СЛОВО О ХМЕЛЕ» В СПИСКАХ XV ВЕКА

«Слово о хмеле» имеет устойчивую рукописную традицию на протяжении нескольких веков. Самые ранние его списки относятся к XV в. Таких списков два.

1. ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 9/1086, л. 520—523,[1] 1471—1479 гг.[2] (далее: КБ), название — «Кирила философа Словеньскаго», начало: «Тако глаголеть хмель ко всякому человеку».

2. ГБЛ, ф. 304 (Троице-Сергиевой лавры), № 408, л. 385—391 об., XV в. (далее: ТС), название — «[С]лов[о] о высокоумном хмелю и худоумных и нестроиных пияницах. О хмелю», начало: «Тако глаголет хмель ко всякому человеку».

Р. П. Дмитриева отметила принадлежность обоих списков к одной редакции и наличие в КБ сокращений и вставок, характерных для манеры составителя сборника — книгописца Ефросина; сборник, содержащий список ТС, датирован 80-ми гг. XV в. на основании летописных записей на последних листах сборника.[3]

Сообщения об исторических событиях занимают в сборнике л. 504 об.—508 об. Почерк и чернила меняются здесь неоднократно на одной странице. Перемежаются записи 40-х, 70-х, 80-х гг. без строгого соблюдения хронологии. Вероятно, листы эти заполнялись уже в 80-е гг. и, возможно, после того, как отдельные тетради были уже сшиты вместе.

Для датировки рукописи интересен текст, который читается на л. 392—393 об. Здесь помещено послание, адресат которого не указан. В тексте он обозначен как «имярек» либо «брате или господине». Написано послание от лица настоятеля монастыря. Содер-

---

[1] Список издан: Варлаам. Описание сборника XV столетия Кирилло-Белозерского монастыря. — Уч. зап. II отделения имп. Акад. наук, кн. V. СПб., 1859, с. 64—65.

[2] Датировку сборника см.: Лурье Я. С. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. — ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961, с. 139.

[3] Дмитриева Р. П. Светская литература в составе монастырских библиотек XV и XVI вв. (Кирилло-Белозерского, Волоколамского монастырей и Троице-Сергиевой лавры). — ТОДРЛ, т. XXIII. Л., 1968, с. 161, 168.

жание его — утешение в скорби. Вслед за посланием, на той же странице, тем же почерком, но немного отступя, следует приписка: «Господину осподарю преосвященному архиепископу Феодосию митрополиту всея Руси бывшому имярек, господине, нищой твой челом бьет». Не представляется возможным определить, как связана эта приписка с посланием, но интересно, что Феодосий здесь назван бывшим митрополитом. Феодосий был митрополитом три года (с 1461 г.), умер в 1475 г. Приписка, в которой он называется бывшим митрополитом, не могла появиться до 1464 г.

На л. 397 об.—398 (в той же тетради, что и послание с припиской) находится перечень митрополитов. Перечень этот вписан той же рукой, что и «Слово о хмеле» (оно помещается на л. 387—391 об.). В списке последним стоит Геронтий, который стал митрополитом в 1473 г. Но он вписан другими, более светлыми чернилами. След чернил, которыми вписано на л. 398 имя Геронтия, остался на л. 397 об., как на промокательной бумаге. Вероятно, Геронтий был внесен в список позднее, чем тот был составлен, а первоначально перечень завершался именем митрополита Филиппа (следующего за Феодосием). В таком случае тетрадь эта заполнялась в то время, когда Феодосий уже был бывшим митрополитом, а настоящим — Филипп (1464—1473 гг.).

При датировке рукописи должна быть принята во внимание и запись, сделанная киноварью на пустом листе 323: «в лето 6989 преставися раб божии Павел на памят святыя мученицы Агафии месяца февраля 5». Тем же почерком и тоже киноварью сделаны две приписки, имеющие, вероятно, отношение к работе составителей сборника (почерк в рукописи не раз меняется). На л. 502 вверху, над текстом, читаем: «Сие почин». А на л. 485 внизу приписано: «Перескиню две тетради да почию». На бумаге этого сборника встречаются водяные знаки 60-х гг.: голова быка с розеткой л. 233, 234 ср.: Лихачев, № 1045; л. 180, 183 ср.: Лихачев, № 1092; л. 305, 306, 325, 327, 337, 338, 341, 342 ср.: Лихачев, № 1084.

Учитывая все сказанное выше, думается, можно считать, что сборник этот создавался не позже 70-х—рубежа 80-х гг. Тогда списки «Слова о хмеле», содержащиеся в двух сборниках XV в. (Кирилло-Белозерском и Троице-Сергиевой лавры), окажутся ровесниками.

Что же собою представляют тексты самых ранних списков «Слова о хмеле», как соотносятся они между собой?

Обратимся сначала к списку ТС. Он начинается словами: «Тако глаголет хмель к всякому человеку, и к священичьскому чину и ко князем и к боляром и к слугам и к купцем, и к богатым, и ко убогым, и к женам, старым и младым: „Не осваиваите мене“».

Таким образом, хмель сам выступает как бы противником пьянства. Такие формулировки, как «божественный апостол рече», «слышаще, брате, апостола Павла, глаголюща» (ТС) или «рече святая богородица» (БАН, тек. пост., 613, л. 263), предваряющие увещания против пьянства, нередки в сочинениях на эту тему.

Запоминающееся выражение, характерное для назидательных произведений, обращенных против весьма распространенного порока, в «Слове о хмеле» пародируется, становясь «сигналом к смеху».[4]

Следом за обращением ко всем, кому может быть полезен совет — держаться подальше от хмеля, следует своеобразная самохарактеристика хмеля, также явно смеховая.

«Аз есмь силен боле всех плод земных, от корени есмь силна от племени велика и многородна. Мати моя сотворена богом. А имею у себе нози тонци, а ютробу необьядчиву, руце мои держат всю землю, а главу имею у себе высокоумну, а умом есмь неровен, а языком многоглаголив, а очима бессрамен».

Затем хмель рассказывает о том, что сулит человеку дружба с ним, весьма подробно рисуя картину похмельных мук. Здесь в качестве жертвы хмеля предстает пока «всякий человек», без уточнения его социального положения и рода занятий. Продолжение монолога хмеля выглядит как цепь, составленная из звеньев, в каждом из которых перед нами предстает новая жертва хмеля (князь, боярин, купец, княжеский слуга, селянин, мастер и, наконец, женщина) и кратко обрисовывается ожидающая эту жертву печальная участь. Только в самом начале, когда речь идет еще о «всяком человеке», говорится, что пьяница перестанет молиться богу; далее все беды, насылаемые хмелем, — сугубо земные, житейские напасти. Пьяница оказывается неспособен выполнять обязанности, связанные с его социальным положением и родом занятий. Князя хмель сделает «безумна, люта на люди и несмыслена», отчего в его княжестве «людем исправы нету», «сироты и вдовици обидимы всплачют»; мастер, подружившийся с хмелем, «дела своего делати не хощет». Эта неспособность «дела своего делати», несоответствие облика каждого в ряду жертв хмеля этикетным нормам его сословия приводит к самой страшной беде, какая только может его постигнуть: князь будет изгнан его «людьми», боярина лишит сана добрый князь, купец разорится и т. д., — т. е. происходит исключение пьяниц из мира упорядоченных отношений, что особенно ярко выражается в судьбе спившегося княжеского слуги. Он, ненавидимый князем, «будет ни дворянин, ни селянин и в недозоре ему и умрети». Только что князь, боярин, купец и все прочие занимали соответствующие ступени сословно-иерархической лестницы, и вот уже все они в результате неосторожной дружбы с хмелем становятся равны в своем неблагополучии, «неустроенности, изгнанности отовсюду».[5]

Организующим моментом в монологе хмеля является сословно-иерархический порядок жертв хмеля. Больше отдельные звенья

---

[4] См.: Лихачев Д. С. Смех как «мировоззрение». — В кн.: Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л., 1976, с. 14—15. (Далее: «Смеховой мир»).

[5] «Смеховой мир», с. 30.

монолога ничем не связаны друг с другом, и каждое из них легко может быть изъято. Так же легко могут быть сделаны вставки в текст. И то и другое мы наблюдаем в некоторых более поздних списках «Слова о хмеле».

Последней в ряду несчастных, пострадавших от дружбы с хмелем, стоит женщина. Далее читаем: «А иже кто не лишится пианьства и злаго запоиства, сътворю его аки окаянного, горее идол». Это последнее напоминание о том, что говорит сам хмель. Дальше перечисление и описание бедствий, ожидающих пьяниц, все больше похоже не на речь хмеля, а на речь того, кому также могут угрожать несчастия, от хмеля исходящие. При этом единственное число вытесняется множественным, появляется обращение «брате»: «сего ради лишимся пьянства», «да се вы поведаю, брате, колико есть пагубы роду человеческому в злом пиапстве», «лепо же нам помянути о сем пиянстве», «бежим, брате, обычая злаго пианства».

В начале «Слова» хмель персонифицирован, предстает существом антропоморфным: у него «нози тонци», «руце. . . держат всю землю», «глава высокоумна», он «языком многоглаголив, а очима бессрамен». Ф. И. Буслаев считал, что хмель здесь выступает как «олицетворение злого демона пьянства, нечто вроде нечистого духа Горя-Злочастия».[6] Речь хмеля сначала — похвальба своей силой, похвальба, правда, недобрая, с угрозами. Но с завершением последнего звена в цепи жертв хмеля тон речи меняется. Хвастовство полностью уступает место угрозам и укорам против пьяниц и увещеваниям «брата» отвратиться «злаго пьянства». Слово «хмель» больше не употребляется. Все беды «сотворяет» пьянство, причем пьянство здесь уже не персонифицированная злая сила, сознательно насылающая несчастия на людей, а только порок, с которым нужно бороться. Вновь, теперь уже кратко, перечисляются последствия пьянства: «Пианство нам ум погубляет, орудие портит, прибытки теряет, пианьство князем землю пусту сътваряет, а людии работы доводит, а простым людем долг съдевает, а хитрым мастером пианство отимает ум, не может смыслити дела своего».

Кроме того, если раньше хмель сулил пьяницам бедствия земного, бытового характера, то теперь речь идет и о спасении души: «пияный человек, согрешив, не кается, а трезвый, согрешив, кается и спасен будет. Пияный человек горее беснаго. Бесныи бо стражет неволею, добудет себе вечную жизнь, а пианый человек стражет своею волею, добудет себе вечную муку».

Такое резкое деление «Слова о хмеле» на две части и заметное различие двух частей одного сочинения заставляет думать, что оно не было первоначально создано в таком виде.

---

[6] Буслаев Ф. И. Повесть о Горе и Злочастии. — В кн.: Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861, с. 565. (Далее: Исторические очерки).

Первая часть текста самостоятельно существует в трех рукописях, хранящихся в ГИМ: собр. Уварова, № 1872 (66), л. 174—175, XVII в.; Музейское собр., № 576, л. 113 об.—115 (рукопись сборная — XVII—XVIII вв., список «Слова» XVII в.); Синодальное собр., № 240 (старый кат. 450), л. 110—111, XVII в., «Слово о хмеле» написано на листе, подклеенном к переплету. Возможно, писец не был бы столь краток, если бы имел возможность продолжать.

Текст второй части «Слова о хмеле» имеет прямые соответствия в некоторых поучениях против пьянства. Так, последний из приведенных выше примеров («пияный человек согрешив не кается. . .») почти в такой же форме читается в «Слове Великого Василия о том, како подобает воздержатися от пьянства»; [7] в другом случае этот же текст приписывается Феодосию Печерскому. [8] В основном же вторая часть «Слова о хмеле» почти совпадает с текстом «Поучения к царем и князем и к епископом и попом и ко всем христианом еже не упиватися», [9] вошедшем в XVII в. в Пролог под 7 апреля [10] как поучение отца духовного к детям.

Но вторая часть «Слова о хмеле» существует и самостоятельно. Нам известно два следующих списка:

1. ГПБ, О. 18, л. 308—311, XVII в. (далее: ПБ-18), название — «О пьянстве ино», начало: «Послушаите, братие и чадо любимни, глаголет пьянство». [11]

2. ГПБ, Q. I, № 708, л. 340—342, нач. XVIII в. (далее: ПБ-708), название — «Сказание вельми предивно о пьянице, списано некоим философом», начало: «Послушаите, братия и чада, глаголет пьянство».

В обоих случаях, как видим, это не поучение отца духовного к детям, и это уже речь не хмеля, а пьянства. Хмель здесь вообще не упоминается (как во второй части «Слова о хмеле» по списку ТС). Существовала ли вторая часть «Слова о хмеле» сначала самостоятельно, а затем присоединилась к первой или, напротив, от «Слова» на позднем этапе его существования отделилась вторая часть и оформилась в самостоятельное произведение, определить сейчас не представляется возможным.

Выяснив, что представляет собой «Слово о хмеле» в ТС, обратимся к тексту поучения против пьянства из ефросиновского сборника (КБ) и посмотрим, как соотносятся эти два текста.

Начало ефросиновского списка почти дословно совпадает с ТС (в обоих случаях за обращением ко «всякому человеку» с последую-

---

[7] См.: Срезневский И. И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. [LVIII] СПб., 1876, с. 324—326.

[8] См.: Сочинения преподобного Феодосия Печерского, изданные преосвященным епископом Макарием. — Уч. зап. II отделения имп. Акад. наук, кн. 2, вып. 2. СПб., 1856, с. 157—158.

[9] Издано: Пономарев А. И. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. IV. СПб., 1899, с. 141—143.

[10] См.: Петров Н. О происхождении и составе славяно-русского Пролога. Киев, 1875, с. 316.

[11] Издано: Булгаков Ф. И. Сборник повестей скорописи XVII века. — ПДП. I—V, СПб., 1878—1879, с. 91—92.

щим уточнением сословной принадлежности всех возможных жертв хмеля следует самохарактеристика хмеля и рассказ об участи каждого пьяницы с описанием похмелья). Далее в ТС жертвой хмеля становится князь. В списке же ефросиновском князь, а за ним и боярин, княжеский слуга и мастер отсутствуют.

Вместо всего этого сразу идет текст, который в ТС читается там, где речь идет о селянине:

ТС	КБ
А иже познается со мною селянин и имет ходити часто по пиром, доспею село его пусто, а самого в злых днех, а жену и дети по работам.	 Град и село доспею пусто, а самого во злых, а дети его в работы.

Если запустение села было, естественно, самой страшной бедой для селянина в ТС, то в КБ появление такой угрозы сразу вслед за описанием похмельных мук несколько нелогично. Нелогичность эту в значительной мере уменьшает слово «град», появляющееся перед словом «село». Таким образом, выражение «град и село» приобретает обобщенное значение имения, владения, и перед пьяницей (социальное положение которого в данном случае не важно) стоит угроза разорения вообще. Включение слова или фразы для соединения двух отрывков текста, дистантно расположенных, отмечается Р. П. Дмитриевой как прием редакторской правки Ефросина на материале «Хожения игумена Даниила», «Толковой Палеи», «Истории иудейской войны Иосифа Флавия» и «Задонщины».[12]

Далее в КБ читаем следующий текст:

Тем же, братия, не уподобляитеся сим,
не долго спите, не много лежите,
вставаите рана, а ложитеся позда,
молитеся богу, да не внидете в напасть.
Лежати долго — не добыти добра,
а горя не избыти,
лежа не мощно бога умолити,
чти и славы не получити,
а сладка куса не снести,
медовыя чаши не пити,
а у князя в нелюбви быти,
а волости или града от него не видати.
Недостатки у него дома седят,
а раны у него по плечам лежат,
туга и скорбь по бедрам гладом позванивает.
Убожие у него в калите гнездо свило.
Привязалася к нему злая леность, как милая жена,
а сон, как отец, а оханья, как любая чада.
А злыдни на [не]го смотрят, уловляють его, как свинью.

---

[12] Дмитриева Р. П. Приемы редакторской правки книгописца Ефросина. (К вопросу об индивидуальных чертах Кирилло-Белозерского списка «Задонщины»). — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М.—Л., 1966, с. 264—291.

Слово «злыдни» здесь, вероятно, употреблено в значении «нужда», «бедность», «горе», «беда» (такие значения даются в «Толковом словаре великорусского языка» В. Даля).

Этот отрывок во многом схож со «Словом о сонливых, и о ленивых, и упиянчивых» из сборника XVII в. (ГБЛ, ф. 256, № 368, л. 417), текст которого приводит Ф. И. Буслаев в своем очерке «Повесть о Горе и Злочастии».[13] М. О. Скрипиль считал, что «слово это развилось из отрывка ефросиновского текста».[14]

Ничего похожего на эту часть ефросиновского списка в ТС (и всех остальных списках «Слова о хмеле», кроме КБ) нет. Текст же, который читается непосредственно вслед за этим в КБ, имеет почти дословную параллель во второй части списка ТС.

ТС	КБ
Свиния бо, аще где не внидет, да рылом потычет, тако и пияница. Аще в кыи двор не впустят, да у тына стоит, послушивая, пиют ли в дворе сем. А людеи выспрашивает, в котором дворе пиють.	Свиния бо, аще где не внидет, да рылом тычет. Тако и пианый человек: аще в кый двор не пустят, у тына стоить, послушивая. «Пиют ли во дворе сем, братие», — спрашиваеть у коегождо человека.

Не совсем понятно было, что означает в предыдущем отрывке из КБ выражение «злыдни . . . уловляют его как свинью». Оно стоит между двух отрывков: текста, близкого к «Слову о ленивых, и о сонливых, и упиянчивых», и сравнения пьяницы со свиньей (в ТС оно входит во вторую часть). Создается впечатление, что это выражение употреблено Ефросином для того, чтобы связать два отрывка из разных источников, т. е. оно выполняет ту же функцию объединения, что и слово «град», рассмотренное выше.

Далее в КБ идет перечисление всего, что «сътворяет» пьянство (из второй части «Слова о хмеле» по ТС).

Затем, уже в конце ефросиновского текста, появляется одно из звеньев монолога хмеля (из первой части списка ТС), в котором неосторожной жертвой хмеля становится женщина. Она, разумеется, жестоко наказана: «от людей в посмесе, а от бога отлучена и от церкви божия, то лучши ся бы еи не родити». Это обычная участь всех пьяниц в «Слове», ни на что доброе они уже не способны.

Но далее следует текст, весьма далекий по содержанию от темы пьянства: «речи с плачем глаголящи смиреныя, взираеть на твоя вся составы. Муж бо имат два ума: да сътворить или оставить, а жена на един день имать 15 умов и паче. Жена зла биема бесится, любима высится. Жена не человек есть, нъ на службу человеком. Жена бо в любви подруга есть, а в деле горка. Жена бо главу мажет и простирает власы и не возвысится в радостех, душю бо губя и славу». Этот отрывок по теме весьма далек от пьянства и пьяниц и встречается только в ефросиновском списке. Интересно, что и еще в одном ефросиновском сборнике (ГПБ,

[13] Буслаев Ф. И. Исторические очерки, с. 569—570.
[14] Скрипиль М. О. — В кн.: История русской литературы, т. II, ч. 2. М.—Л., 1948, с. 291.

Кир.-Бел., № 22/1099), в конце небольшого повествовательного сочинения, озаглавленного «От Александра Македонского» (о дочери Александра, похитившей «породимскую» воду),[15] читается текст, почти совпадающий с тем, что говорится о женщине в ефросиновском списке «Слова о хмеле».

Так неожиданно темой «женской злобы» кончается текст списка КБ. Чем же он отличается от списка ТС? Из текста последнего вырисовывается облик высокоумного, заносчивого хмеля, безжалостного ко всем без исключения. Это, можно сказать, главный герой произведения. Своей композицией «Слово о хмеле» напоминает икону «святого в деяниях». Монолог хмеля распадается на отдельные «деяния», звенья монолога соответствуют клеймам иконы. Но «клейма» здесь поражают однообразием изображенного в них. Каждого, кто не остережется от дружбы с хмелем, ожидает участь, общая для всех пьяниц: все они, невзирая на прежнее их положение, оказываются исторгнутыми из мира культуры, благополучия, упорядоченных отношений, что характерно для смехового мира в средневековой Руси. Однообразие в обрисовке участи жертв хмеля усиливается дополнительным перечислением всех бед, связанных с пьянством, которое читается во второй части «Слова». Все это создает впечатление монотонности, удачно избегнутой Ефросином, своеобразно перестроившим «Слово о хмеле». У него вслед за портретом хмеля рисуется жалкий облик пьяницы (на материале первой и второй частей «Слова о хмеле» по списку ТС и «Слова о ленивых, и о сонливых, и упиянчивых»). Это как бы предостережение любому человеку (без уточнения его социального положения).

Затем вместо обличения пьянства возникает тема «женской злобы», которая здесь появляется весьма неожиданно и может быть объяснена пристрастием Ефросина к этой теме. Возможно, пьянство и «женская злоба» здесь объединены потому, что представляют равновеликую опасность для «всякого человека», в том числе и для того, кто составлял и переписывал этот сборник.

Сравнивая списки XV в. с более поздними (к сравнению привлечены следующие списки: ГИМ, собр. Уварова, № 1776 (206), л. 353 об.—357; ГБЛ, собр. Ундольского, №, 542, л. 66 об.—69; ГПБ, собр. Погодина, № 1594, л. 54—57; ГБЛ, ф. 256, № 363, л. 414—416; ГБЛ, ф. 256, № 370, л. 12—17; ГБЛ, собр. Ундольского, № 1306, л. 177 об.—183; ГИМ, собр. Уварова, № 1872 (66), л. 174—175; БАН, Тек. пост. 613; л. 247—263; ГИМ, Синодальное собр., № 240 (стар. кат. 450), л. 110об.—111; ГИМ, Музейское собр., № 576, л. 113 об.—115; ГПБ, Софийское собр., № 1428, л. 350—355;[16] ГИМ, Музейское собр., № 2944, л. 217об.—222; ИРЛИ, Кер-

[15] Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века. М.—Л., 1965, Приложения, с. 141—142.

[16] Издано: Петухов Е. В. К вопросу о Кириллах — авторах в древней русской литературе. — СОРЯС, т. 42, № 3. СПб., 1887, с. 21—27.

женское собр., № 5, л. 185—192; ГИМ, собр. Барсова, № 2396, л. 1—3), можно заметить, что текст «Слова о хмеле» в ефросиновском сборнике представляет собой особый вариант (что характерно для работы этого книгописца), отличный от всех остальных списков «Слова о хмеле»: в них, несмотря на встречающиеся разночтения, сохраняется деление на две части, а в первой части — на отдельные звенья, как в рассмотренном выше списке ТС. «Слово о ленивых, и о сонливых, и упиянчивых», по-видимому, существовало как самостоятельное уже в XV в. и было использовано Ефросином, а не развилось из «Слова о хмеле» позднее.

М. О. Скрипиль отмечал, что во второй половине XVII в. «Слово Кирилла Философа» легло в основу ряда повестей,[17] имея в виду список «Слова о хмеле» XV в. (судя по названию — ефросиновский). Повествовательных сочинений XVII в. о хмеле и пьянстве, основой которых послужило «Слово о хмеле», известно два. Названия их варьируются. Озаглавим их здесь (на основании названий, встречающихся в рукописях, и опираясь на особенности текста) как «Повесть о хмеле»[18] и «Послание к некоему иноку о хмеле».[19] Со «Словом о хмеле» их роднит рассказ хмеля о своих свойствах, представляющий собою центральную часть обоих произведений. И в «Повести», и в «Послании» он построен так же, как в «Слове о хмеле» по списку ТС: с перечислением многочисленных жертв хмеля, с кратким описанием ожидающей их участи. Повествовательные сочинения о хмеле и пьянстве, возникшие в XVII в., подтверждают устойчивый характер существования «Слова о хмеле» в рукописной традиции и своеобразие деятельности Ефросина как книгописца.

---

[17] История русской литературы, т. II, ч. 2. М.—Л., 1948, с. 290.

[18] Издано Н. Н. Костомаровым: Памятники старинной русской литературы, издаваемые гр. Г. Кушелевым-Безбородко, вып. II. СПб., 1860, с. 447—449; также А. А. Котляревским: Взгляд на старинную русскую жизнь по народным лубочным изображениям. — СОРЯС, т. 47. СПб., 1889, с. 54—57.

[19] См.: Исторические очерки, т. I. СПб., 1861, с. 439—444; Демкова Н. С., Дмитриева Р. П., Салмина М. А. Основные пробелы в текстологическом изучении оригинальных древнерусских повестей. — ТОДРЛ, т. XX. М.—Л., 1964, с. 165.

Л. В. ТИТОВА

«БЕСЕДА ОТЦА С СЫНОМ О ЖЕНСКОЙ ЗЛОБЕ»

(Краткая характеристика редакций)

«Беседа отца с сыном о женской злобе» представляет собой диалог отца с сыном, что отражено и в названии памятника, но практически «Беседа» сводится к развернутому монологу. Отец, обогащенный жизненным опытом, горячо убеждает сына «не женитися, чтобы без печали жити и опосле не тужити». Сын же, видимо лишь по книгам знакомый с предметом спора — женщинами, очень скоро из активного противника превращается во внимательного слушателя. Он с жадностью ловит каждое слово отца и к концу «Беседы» становится его сторонником: «Отче, — говорит он, — слухи мои наполнишася твоего наказания, уже душа моя ужасеся, и разум мой умилися, и сердце мое восколебася стоя пред очима твоима».[1]

Столь любопытное поучение нашло широкое распространение в старинной русской литературе XVII—XVIII вв. Огромным интересом и активным отношением к этому произведению его читателей можно объяснить столь пестрое разнообразие текстов «Беседы», которое обнаруживается при знакомстве с дошедшими до нас списками.

Текстологическое исследование имеющихся списков бесспорно прольет свет на ряд весьма важных вопросов в литературной истории «Беседы», а именно: когда возник памятник? Каковы его источники, судьба в русской рукописной традиции? [2] Цель настоящей заметки — кратко охарактеризовать редакции «Беседы» и показать их взаимоотношения.

Библиографии древнерусской повести[3] указывали 94 списка «Беседы». В рукописных собраниях Москвы и Ленинграда нами

---

[1] Здесь текст «Беседы» цитируется по списку ГПБ, собр. ОЛДП, Q. № 18, л. 151 об.—152, 168 об.

[2] Историю изучения памятника и задачи дальнейшего его исследования см. в нашей статье «Проблемы изучения литературной истории „Беседы отца с сыном о женской злобе"» в кн.: Сибирская археография и источниковедение, Новосибирск, 1979, с. 37—46.

[3] Библиография древнерусской повести. Сост. В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Покровская. М.—Л., 1940, с. 263—267; Библиография древнерусской повести. Сост. А. А. Назаревский. М.—Л., 1955, с. 49—52.

обнаружено еще девять списков, не учтенных библиографиями. Итак, к настоящему моменту нам известно 103 списка изучаемой Повести, из них лишь 67 были привлечены к текстологическому исследованию (в том числе наиболее ранние — 80-х гг. XVII в.).

Оставшиеся списки не рассматривались по различным причинам: одни из них находятся в частных коллекциях и недоступны нам в настоящее время, другие сохранились в столь небольших отрывках, что определить их взаимоотношения с другими списками пока не представляется возможным.

Сопоставление списков показало, что все они разделяются на две большие группы. Принадлежность любого из них к той или другой группе довольно легко установить: к одной из них (условно назовем ее группой *А*) относятся те тексты, в составе которых нет рассказа о Папире, схожего с прикладом из «Римских деяний» и Соломонова суда «Об испытании женского и мужского разума»; к другой (условно называем группой *Б*) относятся тексты, включающие эти рассказы.[4] Каждая группа имеет по две редакции. Для выяснения пути создания текстов группы *Б* следует прежде всего рассмотреть взаимоотношения редакций группы *А*.

Сопоставив 45 списков группы *А*, мы выделили две редакции. Условно одну из них называем Полной,[5] вторую — Краткой.[6] Полная редакция представлена 30 списками, входящими в состав сборников смешанного состава.

ГБЛ: собр. Пискарева, № 153, 154, 318, 319; собр. Большакова, № 162; собр. Ундольского, № 1048; собр. Тихонравова, № 240, 533; собр. Музейное, № 8588; собр. Никифорова, № 576.

ГИМ: собр. Музейское, № 100, 1112, 2508; собр. Щукина, № 374.

ГПБ: НСРК. 1919. № 57. F.; Q. XVII. № 35; Q. I. № 1058; Q. I. № 358; собр. Вяземского, О. № 48; собр. Погодина, № 1352.

БАН: 21. 9. 35; собр. Успенское, № 175; 32.6.15; 28.6.95; собр. Архангельское, № 1156; собр. Колобова, № 422.

ГПНТБ, собр. Тихомирова, № 76.

Список Синодального архива, № 3410 известен нам в настоящее время только по публикации В. Н. Перетца.[7]

Краткая редакция представлена 17 списками XVII—XIX вв.

---

[4] Подобное деление на группы впервые было предложено в работе, вышедшей из семинария В. Н. Перетца. См. об этом в указанной в сноске 2 нашей статье.

[5] В дальнейшем, при текстологическом анализе, Полная редакция цитируется по наиболее раннему списку из собрания Пискарева, № 153 (далее: $П_{153}$). Так как практически все списки Полной редакции в той или иной мере дефектны, при сопоставлении текстов в случае необходимости будем обращаться также к списку ГПБ, НСРК. 1919, № 57. F. (далее: $Пб_{57}$).

[6] Текст Краткой редакции цитируется по самому исправному списку (он же наиболее ранний — 80-е гг. XVII в.) — ГБЛ, собр. Беляева, № 12 (далее: $Б_{12}$).

[7] П е р е т ц В. Н. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в С.-Петербург. Киев, 1912, с. 144—155.

ГБЛ: собр. Беляева, № 12; собр. Большакова, № 117, 255; собр. Ундольского, № 1211; собр. Опт. пуст., № 241; собр. Тихонравова, № 389.

ГИМ: собр. Забелина, № 30, 31; собр. Щукина, № 383; собр. Вахрамеева, № 436; собр. Вострякова, № 207 (з); собр. Музейское, № 2944, 3015.

БАН: собр. Колобова, № 21; 23.3.7; 33.15.121; 45.11.18.

Отметим, что ни один из известных нам списков не дошел в первоначальном виде. Разнообразие текстов Полной редакции, как и Краткой, очень велико. В Полной редакции выделяется семь вариантов, в Краткой — три. В данной работе не рассматриваются варианты редакций. Выявить основной текст трудно, так как каждый вариант характеризуется индивидуальными вставками, дополнениями, перестановками отдельных фрагментов. Правда, часто удается установить более поздние чтения: либо вставка нарушает традиционную последовательность в расположении рассказов о библейских и исторических лицах, либо наблюдаются явные повторы, встречаются в тексте «неувязки», легко объяснимые перестановкой эпизодов. При анализе списков создается впечатление, что текст «Беседы» сильно искажался из-за утраты тех или иных отрывков, дополнялся фрагментами из списков другой редакции. Поэтому при анализе текстов основное внимание будет уделено изменениям сюжетной схемы «Беседы».

Сопоставление Полной и Краткой редакций показало, что схема сюжета обеих редакций одинакова, т. е. начинается обличение женщин рассказом о Еве, ослушавшейся Бога, затем идут бытовые зарисовки крадливой, злоязычной, блудливой жены, жены-обавницы, их продолжают сравнения злых жен с самыми свирепыми зверьми — львом, медведицей, ехидной, скорпией, аспидом, — после чего следуют различные рассказы о библейских и исторических персонажах, пострадавших от «злых жен», и завершается повествование почти повсюду (как в Полной, так и в Краткой редакции) словами отца: «Сыне мой, не буди собою укоряти естество женское, вельми бо зло. Вся бо сия видех и в Писании обретох, согласию твоему рекох» ($Пб_{57}$, л. 22 об.—23).

Краткая редакция, сохраняя полностью сюжетную схему Полной, вместе с тем значительно сокращает все беллетристические эпизоды, связанные с библейскими и историческими лицами. Часто нет даже попытки к пересказу той или иной ветхозаветной легенды. Так, например, история Иосифа Прекрасного, один из занимательнейших библейских сюжетов, широко известный древнерусской письменности, передается всеми редакциями. Но если в Полной редакции и в обеих редакциях группы *Б* очень подробно рассказывается о том, как жена египетского вельможи Пентефрия, пытавшаяся склонить к любви Иосифа, оклеветала его, то в Краткой почти полностью снимается этот рассказ. В ней лишь говорится: «Слыши, сыне мой, про Иосифа Прекраснаго, како он// от жены Петерфии пострада: в темнице сидел и смириша во

оковех нозе его лукавыя ради жены» ($Б_{12}$, л. 291 об.—292). Подобная судьба постигла практически все беллетризованные тексты «Беседы».

Также во всех редакциях рассказ об изгнании из рая Адама и Евы сопровождается «Плачем Адама о рае», в Краткой же едва удается отыскать следы этого лирического повествования.

Сравним фрагменты текста Полной редакции и текст Краткой.

Полная[8]	Краткая
. . .*по изгнании же Адам начат плакати седя и сетуя*: «Увы мне раю прекрасный, яко мене ради сотворен еси, а Евы ради заключен еси. Увы мне, яко погубих//человеколюбие божие и духа святаго благодати, и коим плачем восплачюся или котором рыданием возрыдаю или кое сетование утолит мя. . . . . .*Увы мне, вся злая* ми сия внезапу ныне *постигоша мя тебе ради, жено прелестная*, ты бо мне незрелое бесмертие пожала еси серпом лукавства змиина.//Ты бо мне власть на рабство преложила и во очах моих тебе ради свет помрачился еси и нуждею реки слез изливаю, увы мне, о жено прелестная, ты бо отлучи мя ангелскаго мирования и пстудным бесом понуди мя. Прелстившая мя *отиди от мене, уже бо* не требуя *к тому совета твоего лукаваго* и пагубнаго, *ниже промышление мое о тебе*». ($П_{153}$, л. 124—125).	. . .по изгнании же из рая нача Адам плакатися и сетуя горко Евве поноси: «Увы мне, вся злая постигоша мя тебе ради, жено прелестная, отиде от мене, уже бо не терплю к тому совета твоего лукаваго, ниже будет о тебе промышление мое». ($Б_{12}$, л. 191 об.).

Как видно из приведенных примеров, основной принцип сокращения беллетристических текстов довольно прост: оставляются первоначальные строки рассказа, как бы введение в повествование, а заключительные фразы представляют собой квинтэссенцию всего рассказа. Главное для автора данной обработки — указать виновницу всех бед, кои рушатся на мужской род. Основная цель — дидактика!

В тексте Краткой редакции видны следы механического сокращения Полной. Так, например, рассказ о грехопадении Адама, соблазненного Евой, в Краткой редакции начинается так же, как и в Полной: «Сыне мой, аще не разумеешь словес моих, яко же // рекох тебе, слыши, да скажу ти подробну. . .» ($П_{153}$, л. 123—123 об.). Но если в Полной далее действительно следует обстоятельный рассказ о сотворении Адама и Евы, их прегрешении и изгнании из рая (текст в рукописи обычно занимает более листа), то в Краткой этот рассказ укладывается в 3—4 строки, несмотря на то, что отец хочет подробно (как и в Полной редакции) рассказать сыну

[8] Курсивом в тексте Полной редакции даны сходные чтения с Краткой.

об Адаме и Еве. Приведем полностью этот текст: «Сыне мой, аще ли не разумееши // словес моих, яко же рех тебе, слыши подробну о Адаме и о Еве, како их Бог сотворил и заповедал в раи, и они заповеди ево преслушали, и того ради изгнал их бог из рая. . .» ($Б_{12}$, л. 291—291 об.).

В Краткой редакции также встречается много бессмысленных фраз из-за неверного прочтения или переосмысления текста Полной редакции, что несомненно говорит о вторичности Краткой.

Приведем один из наиболее характерных примеров. Сопоставим текст о ехидне Полной редакции и Краткой.

Полная	Краткая
Слыши, сыне мой, про ехидну, такова суть: ибо своих чад возненавидит, аще хощет родити и тщится их съести, они же прогрызают у нея утробу и на древо от нея уходят, и она от того умирает.	Слыши, сыне, про ехидну, такова суть: ибо родит чад своих, возненавидит, а егда родит, скоро их тщится снести, и егда их снесет, и они прогрызают у нея утробу и на древо уходят, и она от того умирает.
Сей же ехидне и уподобишася нынешние *девицы многие*: *не бывают мужем жены*, а во утробе имеет, и *родити не хощет*, но чрево свое гнетет и помышляет: //«Егда отроча из чрева моего изыдет и задушу его своим коленом. . .» ($П_{153}$, л. 120 об.—121).	Сей ехидне уподобишася нынешняя *девицы*: *многим бывают мужем жены* и во утробе имеют и *родити хотят*, чрево свое гнетут и помышляют то, егда отроча//от чрева изыдет и како бы задушити его своими коленми. . . ($Б_{12}$, л. 290—290 об.).

Переосмысление текста Полной редакции в первом абзаце приводит к явному абсурду (родит чад, съест, и они прогрызают утробу). Нарушение логики изложения во втором абзаце также очевидно. Оно происходит из-за утраты отрицания «не» в двух случаях, но если в первом пропуск отрицания практически не влияет на смысл (ср.: «. . .нынешние девицы многие *не* бывают мужем жены, а во утробе имеют. . .» и «нынешняя девицы многим бывают мужем жены. . .»), то во втором случае утрата «не» приводит к смысловому нарушению («. . . и родити хотят», но «чрево свое гнетут и помышляют . . . отроча . . . задушити. . .»). Вероятно, все эти ошибки идут от протографа Краткой редакции, так как ни один список Краткой редакции не дает правильного чтения.

Сравнение текстов Полной и Краткой редакции убеждает нас в том, что Краткая редакция вторична по отношению к Полной.

Теперь обратимся к группе *Б*. Списки группы *Б* не представляют столь пестрого разнообразия, как списки группы *А*. В *Б* четко выделяются две редакции, практически не дающие вариантов. Одну из редакций мы называем условно Пространной,[9] она представлена шестью списками XVII—XIX вв., находящимися в сборниках смешанного состава.

ГБЛ: собр. Румянцева, № 363; собр. Тихонравова, № 153; собр. Музейное, № 3146.

---

[9] При сопоставлении текстов Пространная редакция цитируется по списку ГПБ, собр. ОЛДП, Q. № 18 (далее: $ОЛДП_{18}$).

ГПБ: собр. ОЛДП, Q. № 18; собр. Титова, № 71.

ИРЛИ, собр. Перетца, № 382.

Вторая редакция названа нами Распространенной,[10] она представлена 16 списками XVII—XIX вв.

ГБЛ: собр. Попова, № 70; собр. Пискарева, № 321; собр. Тихонравова, № 343; собр. Музейное, № 1420, 10948.

ГИМ: собр. Забелина, № 29, собр. Уварова, № 201, 548; собр. Музейское, № 490, 1559, 3063.

ГПБ: собр. Погодина, № 1595, Q. XVII. 213., Q. I. 1340.

ЛОИИ, собр. Археографической комиссии, № 43.

ГПНТБ, собр. Тихомирова, № 183.

Пространная редакция наиболее близка к Полной и обнаруживает зависимость от нее. Она не только полностью повторяет схему Полной редакции, но во многом совпадает дословно. Основные отличия, которые мы отмечаем при сравнении текстов этих редакций, касаются главным образом дополнительных статей, присоединенных к концу Полной.

Что же присоединяется?

Во-первых, вслед за словами отца «Вся бо сия видех и в писании обретох и согласию твоему рекох» (чем обычно заканчивается Полная редакция) следует: «Приточник же рече: бежи и не озирайся красоты женской, яко Ной от потопа и яко Лот от Содомского запаления; и не буди с прилежанием зрети на чюжия жены и не буди объят руками их, и не желаи ея, та бо погубляет человека острейши ножа. . .». Далее заголовок: «О слабости и неразумии жен» (текст о Папире); затем «Тому же подобна», под этим названием помещен «Соломонов суд об испытании мужского и женского разума».[11]

Небезынтересно отметить, что в четырех списках (собр. ОЛДП, Q. № 18; собр. Румянцева, № 363; собр. Тихонравова, № 153 и собр. Перетца, № 382) Пространной редакции вслед за Соломоновым судом, которым заканчивается в этой редакции «Беседа», помещены две повести из «Римских деяний», называемые «О похоти плотстей и заслеплении прелстившихся, глаголет же ся о трех сынех царских»[12] и «О неверности и крепости тела, глаголет же ся виною, яко не вверяти таин женам».[13]

---

[10] Распространенная редакция цитируется по списку ГБЛ, собр. Попова, № 70 (далее: $П_{70}$).

[11] Только один список (собр. Титова, № 71) из всей группы *Б* нарушает эту последовательность. Вслед за словами из Приточника в этом списке помещено «Слово Евагрия мниха о целомудрии и воздержании от бесед женских и о зрении на лица их и о чревообъядении и о блуде». На наш взгляд, это индивидуальное чтение списка можно объяснить тем, что в названном сборнике ранее «Беседы» на л. 94 об.—96 об. помещено это же «Слово Евагрия мниха. . .» отдельно. Возможно, писец, отметив тематическую близость «Слова» с «Беседой», включил его в состав памятника.

[12] Ср. «Римские деяния», изд. ОЛДП, СПб., 1878, с. 126—141: «Приклад о хитрости женской и заслеплении прелстившихся».

[13] Там же, с. 152—161: «Приклад, сиречь притча, яко не подобает верити женам, ниже таин своих объявляти им». Тексты, помещенные вслед за

Оба текста явно связывает с «Беседой» общность темы. Это объединение, на наш взгляд, не случайно, оно представляет собой цикл произведений, связанных одной темой — темой «злых жен».[14]

Итак, рассматривая Пространную редакцию, мы видим историю ее создания от Полной путем присоединения дополнительных статей. Но ведь можно было бы предположить и обратную зависимость, т. е. Полной от Пространной путем отсечения заключительных текстов. Что же мешает сделать подобный вывод?

Прежде всего в тексте Пространной редакции в ряде случаев чувствуется искажение первоначального текста. Так, в рассказе о Соломоне читаем: «. . .Соломон в юности своей наполнися разума, яко река многотекущая, исполнися притчами и гадании, *яко звезда утренняя*, *яко облак*, яко луна полна и во дни сияя, яко солнце. . .» (ОЛДП$_{18}$, л. 163). Ср. в Полной: «. . .Соломон в юности своей наполнися разума, притчами и гаданми; *яко звезда утренняя посредь облак*, яко луна полна сияя, яко солнце. . .» (П$_{153}$, л. 128 об.—129).

Очевидно, что «яко», ошибочно поставленное вместо «посредь», нарушило смысл всего фрагмента.

Как представляется, о первичности Полной редакции может косвенно говорить следующий факт. В тексте «Беседы» (во всех редакциях) есть рассказ о некоем муже, продающем детей после смерти своей жены. Людям, возмущенным его поступком, он объясняет: «. . .егда возрастут и будут в матерь свою, даже и мене продадут. . .» (П$_{153}$, л. 134). Этот рассказ обычно продолжается следующим образом: «. . . и плакася по жене своей. Люди же глаголаху ему: „Что плачеши, понеже она зла была?“/ / Он же рече им: „Плачюся, дабы и другая такова не была. . .“» (П$_{153}$, л. 134—134 об.). Это своеобразное продолжение эпизода о продаже детей представляет собой самостоятельный рассказ, широко распространенный в выписках о «злых женах», начинающийся обычно словами: «Некто плакася по жене своей. . .». Два списка Полной редакции (собр. Архангельское, № 1156 и собр. Забелина, № 30) представляют эти рассказы как самостоятельные. Не остаток ли это черт протографа, где еще не произошло слияния этих текстов воедино? Остается надеяться, что дальнейшее изучение источников «Беседы» прольет свет и на этот момент.

Наконец, более подробно остановимся на второй редакции группы *Б* — Распространенной. При сопоставлении текстов Пространной редакции и Распространенной было замечено, что Распространенная редакция восходит к Пространной, но она имеет ряд значительных целенаправленных изменений основного текста

«Беседой», представляют другой вариант по сравнению с опубликованными «Прикладами»; какой именно, ответить пока трудно из-за недостаточной изученности литературной истории «Римских деяний».

[14] Вероятно, на основе тематической близости Г. П. Георгиевский включил эти «Приклады» в состав «Беседы». См.: Георгиевский Г. П. Собрание Н. С. Тихонравова. (I. Рукописи). М., 1913, с. 25.

Пространной, причем эти изменения коснулись в основном рассказов о ветхозаветных и исторических персонажах.

Каков же характер этих изменений?

В каждый из рассказов о библейских лицах вносятся поправки, уточнения и дополнения, взятые из Священного писания. Прежде всего эти дополнения касаются имен, причем в Распространенной редакции названы не только главные действующие лица — «злые жены», такие как Романа, Далпда, Евдоксия, Езавель, но и второстепенные: сыновья Адама (Каин и Авель), сыновья Лота от греховной связи с дочерьми (Моав и Аммон), муж Вирсавии (Уриа Хетвиа), ее отец (Елисавль) и др.

Уточняется количество дочерей Лота. Так, в Полной редакции говорится о трех дочерях, в Пространной их количество не указано, в Распространенной же находим сведения о двух дочерях, что соответствует библейскому тексту.

Сравним тексты Полной, Пространной, Распространенной редакций и текст Библии.

Полная	Пространная	Распространенная	Библия
... напоен бысть вином виноградным и падеся со дщерию своею и зачад во чреве ея; и другижды падеся со другою, а в третие падеся со третиею.	... напоен бысть виноградным вином и падеся со дщерми своими и зачат во чревех.	... упоиста бо отца своего вином, и быста с ним, Лот же не разуме. *И зачениши обе дщери Лотовы от отца своего. И роди старейшая сына Моава; роди же и меншая сына Аммона.*	*... И зачениши обе дщери Лотове от отца своего. И роди старейшаа сын и прозва имя ему Моав. . . Роди же и меншая сын, и прозва имя ему Амман. . .* (Библия. Острог, 1581, л. 8).
Во сне же видев грех свой и начат сомневатися. ($П_{153}$, л. 126).	Последи же уведев грех свой начат сомневатися. ($ОЛДП_{18}$, л. 160 об.).	Последи же Лот уразуме грех свой нача сумневатися. ($П_{70}$, л. 325 об.).	

Текст «Беседы» в Распространенной редакции значительно расширяется за счет новых эпизодов из Священного писания. В рассказе о Самсоне появляется новый фрагмент о лисицах и свечах, не известный ни одной из ранее рассмотренных редакций, соответствующий библейскому тексту (Кн. судей, гл. 15).

Сравним фрагменты Пространной, Распространенной редакций и библейский текст.

Пространная	Распространенная	Библия
Слыши, сыне мой, про Самсона силного, иже по благовестию родися,	Слыши, сыне мой, про Самсона силнаго, иже по благовествованию ан-	

да будет силен, и глаголаше: «Аще бы Бог укрепил колце, то бы могл всею вселенною поворотити». И челюстью скотиею по 1000 на день иноплеменных побивал, а жена любоденца не убояся силы его. . . (ОЛДП$_{18}$, 163 об.).

гельскому родихся, яко да будет от чрева матери своея освящен, и челюстью кобыльею изби 1000 мужей, *и изымав триста лисиц, и взя триста свечь, и связа вкупе всех за ошиби, и устрой едину свещу между двема ошибми и разже огнь во свещах, и пусти их в нивы филистимския, и запали нивы даже до гумн и до винограда маслична, а жена любодеица не убояся мужества его* и силы. . . (П$_{70}$, л. 328 об.).

. . .и иде Самсон и я(т) триста лисиц, и взя триста свещ, и связа всех вкупе за ошиби, устрой едину свещу между двема ошибома. И ражже огнь в свещах и пусти их в нивы филистимски и запали нивы до гумен и до винограда и масличиа. . . (Библия. Острог,1581, л. 117—117 об.)

Сравнение этих текстов наглядно показывает, что Распространенная редакция, ориентируясь на Библию, с одной стороны, дополняет текст Пространной, с другой — снимает чтения, не идущие от Священного писания. Так, например, слова, подтверждающие силу Самсона, — «Аще бы Бог утвердил колце, то бы могл всею вселенною поворотить. . .», — мы читаем и в Полной редакции, и в Краткой, и в Пространной, но ни один список Распространенной, как и Библия, этого чтения не знает.

В рассказе о царе Давиде также есть сокращения текста. Как известно, глубокое раскаяние в грехопадении царь Давид выразил в 50-м псалме, после того как к нему явился Нафан-пророк. В Пространной редакции моление Давида представлено в виде нескольких фрагментов из 19-го, 36-го и 50-го псалмов, соединенных вместе. Распространенная редакция снимает произвольный набор цитат из разных псалмов, в ней лишь остается упоминание о появлении Нафана-пророка.

Отметим, что в текст Распространенной редакции вносятся уточнения и дополнения не только из книг Священного писания, но и из других письменных источников, особенно когда речь идет об исторических лицах. Так, в «Беседе», обращаясь к статье об Александре Македонском, мы находим сообщение о том, что он был отравлен женою, в некоторых списках даже говорится «своею женою». Заметим, что «Александрия» не дает таких сведений, в сербской же «Александрии» гибель Александра приписывается «злой жене» — матери одного из воинов Александра.[15] Замечательно, что лишь в Распространенной редакции дается схожее с сербской «Александрией» уточнение о гибели Александра: «. . .единаче от злыя жены, *раба своего матери*, отравлен бысть».

В Распространенной редакции впервые Повесть о Папире получает название, указывающее на его источник: «От Римских

[15] См. об этом в кн.: Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века. М., 1965, с. 67—68.

дей повесть»; и Соломонов суд присоединяется к «Беседе» словами отца: «Слыши, сыне мой, како бысть во Иерусалиме граде при царе Соломоне. . .», — т. е. первоначально, в Пространной редакции эти тексты были присоединены как бы механически, в виде цикла, теперь же, в Распространенной редакции, они включены непосредственно в «Беседу».

Подобная обработка — исправления, дополнения, уточнения — в Распространенной редакции наводит на мысль о том, что первоначально рассказы о библейских персонажах могли быть изложены по памяти или взяты из других источников (так, например, краткое изложение страданий от «злых жен» Ноя, Лота, Соломона, Давида, Самсона и др. находим и в «Словах Иоанна Златоуста о злых женах»). В дальнейшем же «Беседа» подверглась книжной обработке. Целенаправленную обработку, где текст «Беседы» приводится в строгое соответствие со своими источниками, представляет Распространенная редакция, созданная несомненно на основе Пространной.

Таким образом, первоначальные наблюдения над списками «Беседы» позволили нам выделить четыре редакции: Полную, которую следует считать старейшей; Краткую, созданную на основе Полной путем максимального сокращения всех беллетристических эпизодов; Пространную, восходящую также к Полной; Распространенную, представляющую собой целенаправленную книжную обработку Пространной редакции.

Время создания памятника на настоящем этапе исследования определить не удается. Самые ранние списки первоначальной редакции — Полной, — как мы уже отметили, относятся к 80-м гг. XVII в. На интенсивную жизнь «Беседы» в это время указывает тот факт, что все редакции памятника создаются в последние два десятилетия XVII в. Возможно, в дальнейшем изучение оставшихся списков и решение вопроса об источниках «Беседы» поможет нам более точно датировать памятник.

Д. М. БУЛАНИН

ВОЛОГОДСКИЙ АРХИЕПИСКОП ИОНА ДУМИН И РУКОПИСНАЯ ТРАДИЦИЯ СОЧИНЕНИЙ МАКСИМА ГРЕКА

Иона Думин является одним из выдающихся деятелей русской культуры XVI—начала XVII в. Этот факт не вызывает сомнений у всех исследователей, но при этом наши сведения о жизни и деятельности Ионы отличаются поразительной скудостью. О его судьбе на сегодняшний день известно лишь следующее. Постриженный Тверским епископом Захарием,[1] с 1585 г. Иона становится архимандритом Владимирского Рождественского монастыря, одного из крупнейших монастырей в России.[2] В 1589 г., с учреждением архиепископии в Вологде, Иона Думин хиротонисан в архиепископы Вологодские и Великопермские;[3] в 1603 г., как полагают, Иона уже был митрополитом ростовским,[4] однако вскоре он удалился на покой во Владимирский Рождественский монастырь, поскольку уже в 1607 г. он построил каменную церковь Александра Невского в этой обители;[5] есть некоторые основания предполагать, что в 1616 г. его уже не было в живых.[6] По преданию, Иона Думин пророчески указывал патриарху Иову на преступные замыслы Григория Отрепьева, будущего

---

[1] Об этом рассказывает сам Иона в записях на книгах. О Захарии см.: Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877, стб. 443. — Возможно, этот Захарий и Захарий, который был архимандритом Владимирского Рождественского монастыря в 1576—1579 гг., одно лицо (наблюдение Х. Олмстеда).

[2] Возможно, он каким-то образом был связан также с Молчанским Путивльским монастырем, куда в 1603 г. Иона вложил панагию (Амвросий, епископ. История российской иерархии, ч. V. М., 1813, с. 97).

[3] По данным П. М. Строева (Списки иерархов. . ., стб. 731), Иона стал епископом Вологодским до мая 1588 г.

[4] Ср. надпись на Евангелии 1603 г., в которой Иона упоминается как митрополит ростовский (Востоков А. Х. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842, с. 181; подробнее см.: Титов А. А. Ростовская иерархия. М., 1890, с. 63—64).

[5] Тихонравов К. Владимирский Рожествен монастырь XII в. Владимир, 1869, с. 49.

[6] Запись на Евангелии 1616 г., которое начали переписывать по повелению Ионы, отличается от стандартных записей на его книгах (Тихонравов К. Владимирский Рожествен монастырь, с. 63—64). Нынешнее нахождение этой рукописи не известно.

самозванца.[7] Этими фактами исчерпываются наши сведения о биографии Ионы.

Для изучения роли архиепископа Ионы в истории русской культуры мы располагаем следующими материалами. Во-первых, до нас дошла редакция жития Александра Невского, составленная Ионой Думиным.[8] Во-вторых, сохранилось значительное количество книг, написанных по заказу архиепископа и по большей части вложенных им во Владимирский Рождественский монастырь. Отметим кстати, что митрополит Евгений ошибочно приписал Ионе Думину окружное послание, которое в действительности принадлежит Ионе Сысоевичу, ростовскому митрополиту.[9] Редакция жития Александра Невского создана Ионой в 1591 г., а книги, написанные по его заказу, датируются периодом с 1589 по 1600 г.[10] Таким образом, литературная и культурная деятельность Ионы приходится на тот период, когда он был архиепископом в Вологде. Из записей, которые Иона делал на книгах, создается впечатление, что он чувствовал себя в Вологде неуютно. В Вологде, пишет он, «в сем безутешном месте. . . седох плакатися грех своих». Тоскуя по Владимирскому Рождественскому монастырю, к которому он чувствовал особую привязанность (обращаясь к братии Рождественского монастыря, он называет себя «вашего стада заблуждьшее овча»), Иона переделывает житие Александра Невского, похороненного во Владимире, и вкладывает в Рождественский монастырь многочисленные книги.

Предоставляя изучение жития Александра Невского в редакции Ионы Думина специалистам по агиографии, мы хотим более подробно остановиться на книгах, принадлежавших архиепископу. Книги эти уже не раз привлекали внимание ученых; основная часть книг, принадлежавших Ионе Думину, перечислена в статье Б. Н. Флори.[11] К ним следует добавить, как указала Н. В. Синицына, вторую часть собрания сочинений Максима Грека (ГБЛ, ф. 98, собр. Егорова, № 869), две части Бесед Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея (ГБЛ, собр. Фадеева, № 3, 4), Степенную книгу (ЦГАДА, ф. 381, № 346) с житием Александра Невского в редакции Ионы Думина, а также сибирский сборник, найденный Н. Н. Покровским (собр. ИИФиФ, № 2/68).[12] Таким образом, известна 21 рукопись, написанная по заказу Ионы.

---

[7] Летопись о Ростовских архиереях. СПб., 1890, с. 11.

[8] Мансикка В. Житие Александра Невского. СПб., 1913, приложения, с. 49—124.

[9] Евгений, митрополит. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. Изд. 2-е, т. I. СПб., 1827, с. 304.

[10] Единственное исключение — Евангелие 1616 г. (см. прим. 6).

[11] Флоря Б. Н. О реконструкции состава древнерусских библиотек. — В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972, с. 57—59.

[12] Синицына Н. В. Максим Грек в России. М., 1977, с. 48, прим. 48. — О связи сибирского сборника с деятельностью Ионы Думина

Из записей на этих книгах мы узнаем еще о ряде рукописей, которые до нас не дошли. Так, в частности, сохранилась только одна часть Воскресенской летописи из четырех, вложенных Ионой в Рождественский монастырь. Не дошла до нас целиком также Толковая Псалтырь, четыре части которой были вложены в 1591 г. в тот же монастырь (ГБЛ, ф. 98, собр. Егорова, № 825, л. 1—14). Не найдено также Евангелие 1616 г., которое было написано по повелению Ионы Думина. С другой стороны, два сборника (Гос. архив Ярославской области, № 454/66 и ГПБ, собр. Вяземского, Q. 225) несомненно являются частями одной рукописи, поскольку во вкладной записи книга называется «Евангелие толковое Иоанна Богослова (Ярославский сборник, — *Д. Б.*) и Апокалипсис и хожение его и похвальные словеса (сборник ГПБ, — *Д. Б.*)».[13]

Книги Ионы Думина объединяются вместе как по формальным признакам (бумага, почерк), так и по содержанию. Весьма примечательно, что все рукописи Ионы, выявленные в книгохранилищах СССР, являются четьими книгами. Среди них много книг светского содержания, как например Воскресенская летопись, Степенная книга, сочинения Максима Грека. Весьма любопытен «Круг миротворный», которым, очевидно, воспользовался Иона при хронологических расчетах в заключении к Житию Александра Невского.[14] Единственная богослужебная книга — это Евангелие 1616 г., которое было заказано Ионой уже после отъезда из Вологды.

Заслуживает внимания повышенный интерес Ионы Думина к сочинениям и переводам Максима Грека. Из 21 рукописи, созданной по повелению Ионы, 12 связаны с творчеством Максима Грека. Особое место среди них занимают две рукописи, представляющие собой собрание сочинений Максима Грека, которое составлено, как полагает Н. В. Синицына, самим Ионой Думиным (ГБЛ, ф. 98, собр. Егорова, № 869 — далее: Е1; ГИМ, собр. Уварова, № 310 — далее: У1). На вопросе о том, можно ли считать Иону составителем этого собрания, мы остановимся ниже. Сейчас следует проанализировать состав этого собрания, которое мы будем пока бездоказательно называть собранием Ионы Думина.

Н. В. Синицына пишет, что собрание Ионы Думина состоит из следующих частей: 1) собрание в 47 глав (Иоасафовское); 2) грамоты патриархов Иоакима и Дионисия о Максиме Греке; 3) вторая часть Хлудовского собрания, за исключением глав, которые имеются в собрании в 47 глав; 4) «Сказание о рукописании греховнем»; 5) четыре послания Ф. И. Карпову и одно послание

см.: Покровский Н. Н. Судные списки Максима Грека и Исака Собаки. М., 1971, с. 17—18.

[13] Вывод этот сделан на основании печатного описания Ярославского сборника: Лукьянов В. В. Описание коллекции рукописей государственного архива Ярославской области XIV—XX веков. Ярославль, 1957, с. 86—87.

[14] Мансикка В. Житие Александра Невского, приложения, с. 124.

Николаю Булеву.[15] Мы имеем в настоящее время возможность доказать, что последние четыре части сборника Ионы Думина заимствованы из одного источника.

Источником этим является особое собрание сочинений Максима Грека, которое не выделено в книге Н. В. Синицыной и которое мы в дальнейшем будем называть Рогожским.[16] Собрание это состоит из следующих частей: 1) Хлудовское собрание с измененным порядком глав; 2) грамоты патриархов Иоакима и Дионисия о Максиме Греке, помещенные среди других глав Хлудовского собрания; 3) «Сказание о рукописании греховнем»; 4) те же четыре послания Ф. И. Карпову и одно — Николаю Булеву, которые помещены в заключительной части собрания Ионы Думина. Если учесть, что грамоты Иоакима и Дионисия, главы, выбранные из Хлудовского собрания, «Сказание о рукописании греховнем», послания Ф. И. Карпову и Николаю Булеву следуют в собрании Ионы Думина и в Рогожском собрании в том же порядке, связь между этими двумя собраниями оказывается бесспорной. Поскольку рукописи, в которых представлено и то и другое собрание, датируются одним и тем же периодом (конец XVI в.), необходимо установить, какое из собраний является вторичным.

Мы полагаем, что вторичным является собрание Ионы Думина. Предположим обратное: Рогожское собрание восходит к собранию Ионы Думина. В Рогожском собрании между главами, которые следуют в той же последовательности, что и в собрании Ионы Думина, имеются другие главы Хлудовского собрания, причем порядок их в Рогожском собрании тот же, что и в Хлудовском. В собрании Ионы Думина эти главы отсутствуют, поскольку здесь они помещены в первой части, которая восходит к собранию в 47 глав. Если предположить, что Рогожское собрание восходит к собранию Ионы Думина, придется допустить, что составитель первого вставлял недостающие главы между главами собрания Ионы Думина, причем в том же порядке, в каком эти главы следуют в Хлудовском собрании. Предположение это маловероятно; следовательно, собрание Ионы Думина восходит к Рогожскому.

---

[15] Синицына Н. В. Максим Грек в России, с. 264.

[16] Рогожское собрание представлено в трех рукописях. Первоначальный вариант Рогожского собрания отражен в рукописи ГБЛ, ф. 37, собр. Большакова, № 16 (конец XVI—начало XVII в.). Ряд глав здесь дублирован («Словцо смеющим трижды глаголати аллилуиа» — л. 118 об. и л. 161; «Сложение вкратце о бывшем пожаре тверском» — л. 121 и л. 172 об.). Следы этого первоначального варианта Рогожского собрания сохранились в двух других рукописях: ГПБ, собр. Погодина, № 1141; ГБЛ, ф. 247, собр. Рогожской общины, № 302 (обе рукописи конца XVI в.). В обеих рукописях сохранились следы нумерации глав, которая соответствует нумерации Большаковского сборника (главы 85, 86 и др.). В Погодинском сборнике выписано вторично, а затем зачеркнуто название главы о тверском пожаре (л. 297 об.). Сборник Рогожской общины очевидно дополнен по собранию Ионы Думина, из которого заимствованы дополнительные главы Иоасафовского собрания (л. 402 об. и сл.). Впрочем, последнее положение еще нуждается в доказательствах.

Таким образом, источники собрания Ионы Думина можно свести к двум: начальные 46 глав собрания Ионы Думина заимствованы из собрания в 47 глав, а остальные главы заимствованы из Рогожского собрания, за исключением тех, которые имеются в собрании в 47 глав.[17] Какие же соображения дают возможность предположить, что соединение этих двух источников — дело рук Ионы Думина?

Предполагая участие Ионы Думина в создании особого собрания сочинений Максима Грека, Н. В. Синицына основывается на рукописях Е1 и У1, которые, как доказала та же исследовательница, представляли собой первоначально одно целое.[18] Эти рукописи переписаны тем же почерком, что и другой сборник сочинений Максима Грека (ГИМ, собр. Уварова, № 309 — далее: У2), который является списком собрания в 47 глав и на котором имеется вкладная запись Ионы Думина 1600 г.[19] Аргумент этот оказывается на поверку несостоятельным, поскольку Е1У1 — это список с более ранней рукописи собрания сочинений Максима Грека Ионы Думина (ГБЛ, ф. 98, собр. Егорова, № 207 — далее: Е2). В этой последней рукописи произведена правка текста, которая учтена в Е1У1.[20] Следовательно, приписать Ионе создание особого собрания сочинений Максима Грека возможно будет, если удастся связать с его деятельностью Е2.

Рукопись Е2 близка к рукописям, написанным по заказу Ионы Думина, уже по формальным признакам. В Е2 произведена правка текста, которая находит близкие аналогии в других книгах, принадлежащих Вологодскому архиепископу.[21] Одна из филиграней рукописи Е2 находит точную аналогию в сибирском сборнике, связанном с деятельностью Ионы.[22] Этому факту можно было бы не придавать значения, если бы использование одинаковой бумаги не было характерно для других рукописей Ионы Думина.[23]

---

[17] Имеется лишь одна глава, которая входит в состав Рогожского собрания и отсутствует в собрании в 47 глав, но которая опущена в собрании Ионы Думина — «Слово списано иноком Максимом Греком святогорским противу льстиваго списания Николая Немчина».

[18] Синицына Н. В. Максим Грек в России, с. 264. — До Н. В. Синицыной мысль о том, что Иона Думин редактировал сочинения Максима Грека, высказал Е. В. Петухов (Петухов Е. В. Русская литература. Древний период. Юрьев, 1912, с. 165, прим. 1).

[19] Там же, с. 48, прим. 48.

[20] См., например, сокращение заглавия второй части «Слова на латинов» (Е2, л. 419), в точности воспроизведенное в У1 (л. 254 об.). Особенно показательны случаи, когда правка механически воспроизводится в Е1У1. Так, например, в Е2 к тексту «яко не учити тебе хотяще и обличити» приведен на поле вариант «или обличати» (л. 406 об.). В У1 эта глосса внесена в текст, отчего текст потерял смысл: «яко не учити тебе хотяще и обличити или обличати» (л. 237 об.).

[21] Покровский Н. Н. Судные списки Максима Грека и Исака Собаки, с. 18.

[22] Кувшин — Брике, № 12793.

[23] Ср., например, баденский герб (Брике, № 1075) в сибирском сборнике и рукописи ГПБ, F.I.898 (вариант — Брике, № 1074 — имеется в Е1У1);

Важным свидетельством в пользу редакторства Ионы Думина является рукопись У2. Долгое время считалось, что У2 — это первая часть рукописи У1.[24] Для этого были известные основания. Рукопись У2 заканчивается 34-й главой сочинений Максима Грека, а рукопись У1 начинается с 35-й главы. Но в У1 сохранилась лишь часть заголовка к главе 35, а начало этого заголовка читается в Е1, которую и следует признать первой частью У1. Тем не менее не может быть случайностью тот факт, что У2, переписанная тем же почерком, что и Е1У1, оканчивается на той же главе, что Е1. Следовательно, У2 восходит к Е1, так как обратная зависимость исключена (в Е1 чисто механический разрыв заголовка). Таким образом, У2 переписана с Е1, когда рукописи Е1 и У1 были уже разделены.[25]

В рукописи У2 имеется оглавление, современное рукописи, в котором перечислены 47 глав, соответствующие первой части собрания Ионы Думина, хотя в рукописи имеется только 34 главы, поскольку она переписана с Е1. Следовательно, лицо, заказавшее рукопись У2, т. е. Иона Думин, знало, из каких компонентов состоит собрание Ионы Думина, и захотело иметь список собрания в 47 глав (первая часть собрания Ионы Думина), наиболее популярного в XVI в.[26] Однако желание его смогло быть осуществлено лишь частично, поскольку под руками у писца была лишь начальная часть собрания Ионы Думина (Е1). Если Иона знал, из каких частей состоит собрание Ионы Думина, весьма вероятно, что он был его составителем.

Гипотезе о создании Ионой особого собрания сочинений Максима Грека не противоречат и более общие соображения. На рукописях, вложенных во Владимирский Рождественский монастырь, Иона неоднократно отмечал, что та или иная книга «писана не с единого списка, но с различных добрых переводов». Вполне естественно, что он захотел соединить вместе два собрания сочинений Максима Грека — в 47 глав и Рогожское.

Таким образом, предположение Н. В. Синицыной о том, что Иона Думин является создателем своего собрания сочинений Максима Грека, получившего позднее широкое распространение,[27] следует признать убедительным. Создание собственного собрания

гербовой щит (Лихачев, № 2992) в рукописях ГПНТБ, собр. Тихомирова, № 4 и ГПБ, собр. Вяземского, Q.225.

[24] Леонид, архимандрит. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А. С. Уварова, ч. I. М., 1893, с. 212—213.

[25] Н. В. Синицына (Максим Грек в России, с. 264, прим. 2) считает, что разделение рукописи на два переплета произошло в начале XVII в. Поскольку нижней датой для У2 является 1600 г., следует признать, что разделение произошло раньше.

[26] Перечень списков см.: Синицына Н. В. Максим Грек в России, с. 223—229.

[27] Помимо Е2 и Е1У1 Н. В. Синицына указывает на два более поздних списка собрания Ионы Думина. К ним следует присоединить список БАН, собр. Белокриницкой митрополии, № 41 (XIX в.).

сочинений одного из выдающихся русских писателей XVI в. — важный дополнительный штрих для воссоздания культурной деятельности вологодского архиепископа Ионы Думина. По словам Н. Н. Покровского, в думинском собрании сочинений Максима Грека мы видим тот же, что и в Сибирском сборнике, прием передачи отношения составителя сборника к трагической судьбе Максима Грека не собственными словами, а подбором состава сборника.[28]

[28] Это мнение высказано в подготавливаемой к печати работе о рукописи судных списков Максима Грека.

Л. Ф. МОРОХОВА

ПОДОБНИКИ КАК ФОРМА МУЗЫКАЛЬНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОГО РУКОВОДСТВА В ДРЕВНЕРУССКОМ ПЕВЧЕСКОМ ИСКУССТВЕ

Пение на подобен было в древнерусском певческом искусстве универсальным приемом исполнения песнопений всех видов. Подчинение принципу «подобия», т. е. создания произведений на основе устойчивых образцов, являлось характерной чертой средневекового искусства. Известно, например, что в иконописи такими образцами служили «подлинники», представляющие собой определенные иконографические типы; в основе древнерусской литературы лежали строгие этикетные нормативы. В музыке имелись свои «подлинники». До сих пор они не выявлены, не определены и не изучены.

Каждый вид песнопений имел свою группу образцов, подобно которым исполнялись близкие по форме и функции тексты. Эти образцовые песнопения объединялись в певческих рукописях в особые подборки, имеющие, как правило, заголовок. Указанные подборки песнопений не изучались специально до настоящего времени. Однако изучение данного памятника на современном этапе развития науки о древнерусском певческом искусстве представляется необходимым.

Настоящая статья посвящается истории развития памятника, его состава, типологии и назначения в древнерусском певческом искусстве. Выводы сделаны на основании изучения 80 списков памятника, выявленных нами в певческих рукописях XI—XVII вв. из рукописных собраний Москвы, Ленинграда и Ярославля.

Поскольку в специальной литературе еще не выработалось единства в понимании и использовании терминов, связанных с приемом пения на подобен, возникает необходимость особо остановиться на терминологии и оговорить использование терминов в данной статье.

Научная традиция XIX—XX вв., рассматривая проблемы, связанные с пением на подобен, прибегает к следующей группе терминов: «самоподобен», «подобен», «самогласен».[1] Все три

---

[1] Разумовский Д. В. Церковное пение в России. М., 1867, с. 52; Преображенский А. В. О сходстве русских музыкальных песнопений с греческими в певческих рукописях XI—XII вв. СПб., 1909, с. 3;

термина имеют древнегреческое происхождение и связаны с византийской певческой традицией, различающей три типа песнопений. «Самогласными называются абсолютно оригинальные гимны, метрика и напев которых не могли быть использованы в других композициях. Самоподобнами, наоборот, назывались такие, метрика и напев которых, будучи оригинальными, могли служить образцами для исполнения других гимнов. Подобнами назывались песнопения, не имевшие собственной оригинальной мелодии и исполнявшиеся напевом самоподобна».[2]

В нашей статье мы будем называть «самоподобном» песнопения-образец, а «подобном» — песнопения, исполняющиеся по образцу. Такое употребление терминов принимается как условное. Оно позволяет дифференцировать терминологически функционально различные два типа песнопений: песнопение-образец, выполняющее роль модели, и песнопение, поющееся на напев этого образца.

Вне внимания исследователей остались заголовки, относящиеся к подборкам самоподобнов. В русских певческих рукописях встречается несколько типов заголовков данных подборок.

«Подобьницы» — самая ранняя форма заголовка, находящаяся в Типографском уставе.[3] С конца XV в. по конец XVII в. выявлено несколько вариантов заголовков: «Подобники, пееваемые от осми гласовъ по всему году в минеяхъ и въ октоихе»,[4] «Подобни, певаемые въ минеи по гласам»,[5] «Подобны минеям месячным»,[6] «Подобники на осмъ гласовъ повсядневные».[7] Кроме того, встречаются краткие формы заголовка «Подоб»,[8] «По^{д} на 8 гласов».[9] В некоторых случаях заголовок перед подборкой вовсе отсутствует.[10]

Четкой закономерности в смене заголовков на протяжении XV—XVII вв. не обнаружено. Можно говорить лишь о более или менее типичных, кратких и развернутых. Выбор варианта заголовка зависел, вероятно, от составителя певческой рукописи. Термины «подобны» и «подобники» употребляются в певческих рукописях как идентичные, что имеет подтверждение, например,

---

Металлов В. М. Очерк истории православного церковного пения в России. СПб., 1915, с. 24.

[2] Успенский Н. Д. Древнерусское певческое искусство. М., 1971, с. 70. — Так же объясняет термин «самогласен» К. Н. Никольский, а «самоподобен» и «подобен» трактуются К. Н. Никольским как идентичные: «. . .два-три известного рода песнопения, которые сходны между собой даже и буквально; иногда они начинаются, иногда начинаются и оканчиваются одними и теми же словами» (Словарь названий молитвословий. СПб., 1890, с. 38).

[3] Гос. Третьяковская галерея, К-5349, № 142.

[4] ГБЛ, ф 304, № 408, с. 143 об.

[5] ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 581/836, л. 547.

[6] ГПБ, Софийское собр., № 482, л. 83.

[7] ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 606/863, л. 138.

[8] Там же, № 577/834, л. 290.

[9] Там же, № 674/931, л. 236.

[10] Там же, № 9/1086, л. 276, 289; Софийское собр., № 498, л. 306.

в рукописи инока Христофора, датированной началом XVII в. (1604 г.).[11] Два термина приведены одновременно: в тексте находится основной заголовок «Подобны на 8 гласовъ», а на полях отмечено «подобники». В конце XVII в. обнаружены заголовки, на которые следует обратить особое внимание, в частности «Подобны роспевочные на осмь гласов»[12] и «Подобны Осмогласника Великаго роспева».[13] В них введены новые определения, отражающие качественные изменения, происшедшие в роспеве образцов.

Для удобства мы предлагаем в рабочем порядке пользоваться одним сокращенным вариантом заголовка — Подобники.

Итак, Подобником мы называем обособленный в певческом сборнике раздел, содержащий подборку образцов стихир (самоподобнов) и имеющий определенное композиционное строение.

Самоподобны в Подобниках всегда расположены в гласовой последовательности. На это указывается и в заголовках: «певаемые на осмь гласов». Количество самоподобнов и порядок их следования внутри каждого гласа может меняться. Это объясняется тем, что входящие в состав Подобников самоподобны не связаны между собой единой сюжетной линией. Среди них Богородичны, Крестобогородичны, Мученичны, Антифоны, Стихиры на Господи воззвах, Стихиры на хвалитех, Стихиры на стиховне.

Самоподобны, содержащиеся в Подобниках, разнообразны в композиционном и интонационно-ладовом отношении. Они различаются не только по величине (нам известны самоподобны, содержащие от 5 до 13 строк), но и по принципам внутренней музыкальной организации формы, т. е. по характеру взаимодействия музыкальных строк песнопения между собой.

Хронологические границы существования данного памятника охватывают весь период развития знаменного роспева. Столь длительное бытование могло быть вызвано лишь необходимостью Подобников в певческой практике. С другой стороны, практические потребности менялись с течением времени и Подобники в своем первоначальном виде не могли удовлетворять требованиям певческого искусства различных эпох. В Подобниках отразилась эволюция музыкального мышления древнерусского профессионального искусства.

В эволюции Подобников мы отмечаем три этапа. На первом этапе (конец XI—середина XV в.) Подобники наиболее полно отражают бытовавший в певческой практике круг самоподобнов, но включение Подобников в певческий сборник — явление исключительное. Хотя система пения на подобен буквально пронизывает певческие рукописи древнейшего периода и является основным композиционным принципом оформления стихирарей, певческих книг минейного цикла, факт появления подборки образцов

---

[11] ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 665/922, л. 655.
[12] ГПБ, Соловецкое собр., № 280/277, л. 475.
[13] ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 673/930, л. 518.

в этом периоде уникален. Первая и единственная известная нам на этом этапе подборка находится в Типографском уставе с кондакарем — рукописи конца XI в.[14] В других рукописях XI—XIV вв. Подобников не обнаружено.

Напомним, что Типографский устав — практическое руководство по церковному пению. «Подобьницы» Типографского устава, содержащие подборку 39 образцов (самоподобнов), выполняли функцию справочника пения на подобен.

Мы обнаружили, что круг используемых в практике XI—XII вв. самоподобнов стихир шире представленных в «Подобьниках». Вероятно, «Подобьницы» Типографского устава дают представление о наиболее распространенных и употребительных для своего времени самоподобнах.

Из всех выявленных нами на протяжении XI—XVII вв. подборок эта — самая полная. Количество самоподобнов в остальных подборках не превышает 31. Отметим, что 13 из 39 самоподобнов «Подобьников» выйдут впоследствии из певческой практики и не будут включаться в состав позднейших подборок. Среди них: «Облак тя свету», «О великого таинства», «Оставив земные» (без нотации); «В постницах вышним ученикъ», «Всечестное твое рождество», «Радуйся постъныих», «Днесь созывает нас», «Видеши тварь веся», «Крест упования», «Крест твой господи», «Вертепе уготови ея», «Пророче и проповеда[те. . .]», «Господи исполнити хотяи».

Мы рассматриваем «Подобьницы» Типографского устава как определенный этап в истории развития и формирования Подобников. Таким образом, устанавливается нижняя хронологическая граница существования изучаемого памятника — XI в. Верхняя граница — современное состояние пения на подобен в певческой традиции старообрядцев, но мы ограничиваемся рассмотрением традиции до конца XVII в. включительно.

Самоподобны раннего периода малораспевны — один слог соответствует одному музыкальному знаку. Музыкальная строка, совпадающая с текстовой синтагмой, имеет в основе простейшую попевочную формулу (речитативный подвод и распетая концовка). Ведущий принцип формообразования самоподобнов — вариантный повтор строки.

Функциональное назначение приема пения на подобен проявляется во всей полноте, т. е. один напев самоподобна служит моделью для распевания сходных по структуре текстов. Модель самоподобна в данном случае близка по значению напеву-формуле некоторых календарных и обрядовых песен.[15] Аналогии возникают во взаимоотношениях текста и напева, где нет закрепленности напева за определенным текстом.

---

[14] Гос. Третьяковская галерея, К-5349, № 142.

[15] Это сходство впервые было отмечено Т. Ф. Владышевской. (Ранние формы древнерусского певческого искусства. Автореф. канд. дис. М., 1976).

Границы второго этапа охватывают 2-ю половину XV—XVI в. Для этого этапа свойственно ограничение количества используемых моделей. Состав Подобников обновляется, часть самоподобнов выходит из употребления, но включается целый ряд новых, таких как «Грешных молитвы», «Просветителя нашего», «Терпяще мучения», «Поставиша тридесять сребреников», «Господь вшед на крест», «Всеупование на небесах», «Мученицы твои, господи, неотвергоша», «Господи, аще и на судищи», «О преславное чудо». Вероятно, подбор самоподобнов в Подобники происходил в зависимости от потребности церкви, монастыря, роспевщиков и в известных границах был произвольным. Количество самоподобнов в Подобниках второго этапа неустойчиво (не менее 16 и не более 31), наиболее часто встречающийся состав — 24—26 самоподобнов.

В рукописи второй половины XV в. (сборник инока Ефросина)[16] находятся две подборки, которые различны не только по составу, но и по музыкальной редакции. Фактически редактор сопоставил два варианта роспева самоподобнов. Вероятно, в одной из подборок автор предлагает свой вариант роспева ряда образцов на основе личного опыта или фиксирует ту музыкальную трактовку, которая распространена в местной школе роспевщиков. Изменения в редакции касаются отдельных знаков и небольших музыкальных оборотов. Это свидетельствует об отношении к самоподобну, своего рода канону, на данном этапе не как к неизменному эталону, но как к регламентирующей норме, допускающей известную долю творческой инициативы.

В рукописной певческой традиции конца XV—середины XVI в. встречаются группы самоподобнов (от 2 до 5), «рассредоточенные» в различных разделах Октоиха и отмеченные на полях термином «подобны».[17] Несколько групп самоподобнов, находящихся в Октоихе, составляют вместе «полноценную» подборку. Описанное явление может быть оценено как особоя форма бытования Подобников, свойственная этому периоду.

В XVI в. становится характерным включение в певческие сборники Подобников как обособленного раздела. Если до XVI в. из 34 просмотренных нами рукописей обнаружено всего 3 подборки, то в XVI в. сооотношение меняется: из 47 рукописей 38 содержат Подобники. Все они имеют заголовки. Таким образом, до XVI в. Подобники единичны, а с XVI в. количество рукописей, содержащих Подобники, значительно увеличилось. Аналогичный факт отмечает М. В. Бражников относительно певческих азбук: «. . .Азбуки XV века единичны, тогда как количество азбук в XVI веке резко возрастает».[18] Очевидно, действуют общие закономерности, связанные с потребностью в теоретических руководствах.

---

[16] ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 9/1086, л. 289—296 об., 276—282.
[17] Там же, № 629/886, 568/825.
[18] Бражников М. В. Древнерусская теория музыки. Л., 1972, с. 25.

Изменения, происходящие в Подобниках, касаются не только состава подборок, но и музыкальной трактовки самоподобнов. Музыкальная строка самоподобнов этого времени мелодически богаче — наполняются роспевностью речитативные части строк. В структурной организации самоподобнов происходят внутренние сдвиги — деление на строки неустойчиво, идет процесс укрупнения музыкальных строк. Музыкальная строка может охватывать две и даже три текстовые синтагмы.

XVII век ознаменовался значительными нововведениями. Появляются разнообразные формы построений подборок, например Подобники, в которых самоподобны чередуются с другими песнопениями. В отличие от самоподобнов второго этапа, отразивших единую стилистическую традицию, на третьем этапе наблюдаются стилистические новации.

Подобники не имели закрепленного места расположения в певческом сборнике, хотя в каждом веке были «излюбленные» места расположения Подобников. Если в XVI в. они чаще всего располагались после Октоиха,[19] то в XVII в. Подобники перемещаются в Обиход, в раздел Всенощной.[20] Иногда они выносятся в конец сборной рукописи.[21]

Обращает внимание помещение Подобников в «справочные» разделы рукописей, например в рукописи XVII в. из Древлехранилища ИРЛИ[22] включены следующие разделы: «Роспевы к запевам на осмь гласовъ», «На господи воззвах запевы», «Подобны на осмъ гласовъ», «Указы фитам», «Сказание, како поется котороеждо знамя». В ряде других рукописей Подобники расположены либо рядом с азбукой,[23] либо с фитником.[24]

Этот факт является дополнительным подтверждением того, что сами роспевщики и составители певческих сборников осмысливали Подобники как часть музыкально-теоретических руководств.

Пути развития Подобников на третьем этапе определили две ведущие тенденции. Первая — стремление к простоте, четкости — действует на протяжении всего XVII в. Наметившееся ранее уменьшение состава подборок логически завершается стабилизацией Подобников так называемого «малого состава», содержащих всего 14 самоподобнов. Статистика достаточно красноречива. Из 37 Подобников XVII в. 26 относительно стабильного «малого состава». Показательно, что 14 самоподобнов, вошедшие в Подобники «малого состава», являлись на протяжении всех веков основным ядром подборок — можно сказать, обязательной частью их репертуара.

---

[19] ГПБ, Соловецкое собр., № 618/645; Софийское собр., № 473, 184.
[20] ГПБ, собр. Погодина, № 394; Соловецкое собр., № 618/637, 280/277; Кирилло-Белозерское собр., № 577/834.
[21] ГПБ, Соловецкое собр., № 644/618, 286/277.
[22] ИРЛИ, Древлехранилище, собр. Бражникова, № 25.
[23] ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 677/934.
[24] ИРЛИ, Древлехранилище, собр. Бражникова, № 10.

Глас I : 1. Небесных чинов, 2. Прехвальные мученицы; глас II: 3. Доме Ефрафов, 4. Егда от древа тя; глас IV: 5. Званный свыше, 6. Хотех слезами, 7. Яко добля, 8. Дал еси знамение; глас V: 9. Радуйся живоносный крестъ; глас VI: 10. Всеупование на небесах, 11. Третий день воскресл еси; глас VIII: 12. О преславное чюдо, 13. Что вас наречем, 14. Господи аще и на судищи.

Подборка самоподобнов «малого состава» может увеличиваться, если включаются образцы VII и III гласа («Велия креста твоего», «Велия мученик твоих», «Пророки и апостолы», «Не к тому возбраняемы»). Чаще же самоподобны III и VII гласа в малом составе отсутствуют. Иногда пишется объяснение: «третьего гласа нет подобна. . . Такоже седьмого».[25]

Подобники «малого состава» характеризуются мелодически упрощенными редакциями роспевов. В русле первой тенденции находится стремление сохранить роспев в том виде, как его пели в старину, оберечь его от вольности. Главное — донести слово, не исказить смысл текста. Музыкальное оформление не должно отвлекать. Подобники «малого состава» олицетворяют охранительную тенденцию, которая способствовала продлению жизни древней традиции пения на подобен.

Противоположная тенденция — усложнение и обогащение музыкального языка — особенно ярко проявилась в Подобниках второй половины XVII в. Прекрасной иллюстрацией являются «роспевочные Подобники»,[26] включающие до 30 самоподобнов. Для роспевочных Подобников свойственно подчеркнутое внимание к красоте и совершенству роспева, большие внутрислоговые роспевы, обилие фит и «тайнозамкненных» попевок, мелодических связок между строками. Разрушается старая строчная структурная организация песнопения в связи с появлением фит. Некоторые самоподобны даны в двух музыкальных интерпретациях, обозначенных «ин роспев», «преводне». Это приводит к тому, что пение на подобен утрачивает свой основной принцип — уже не один предельно обобщенный напев-формула в качестве образца для роспеваний других текстов, а несколько вариантов роспева самой модели, сопоставленных рядом. Таким образом, роспевщик получает право выбора любого из вариантов роспева в качестве образца. Появление «произвольных» вариантов роспевов самоподобнов свидетельствует о разрушении приема пения на подобен.

Роспевочные Подобники включаются в певческий сборник одновременно с Подобниками «малого состава». Включение двух подборок в одну рукопись уже имело прецедент в XV в. Но если одна подборка в сборнике инока Ефросина представляла частичную редакцию другой, то роспевочные Подобники — новое художественное явление, обнаруживающее значительную музы-

---

[25] ГПБ, собр. Погодина, № 394; ГИМ, Синодально-Певч. собр., № 1359.
[26] ГПБ, Соловецкое собр., № 280/277, л. 475; № 286/277, л. 708.

кальную редакцию и оригинальный подход к музыкальному оформлению текста.

С середины XVII в. нами отмечены новые типы Подобников, расширяющие представления об их функциональном назначении. Часть Подобников может быть рассмотрена как словари «мелодических формул осмогласия». В них самоподобны чередуются с самогласнами,[27] с припевами «Господи воззвах», «Гласом моим», «Господи услыши»,[28] «Яко у тебя очищение есть»[29] и другими простейшими осмогласными образцами. Основной принцип построения Подобников — строгое следование порядку гласов — сохраняется. Но в каждом гласе объединяется несколько типов песнопений. Таким образом расширена интонационная характеристика каждого гласа. Сопоставление различных гласовых образцов могло способствовать усвоению и запоминанию основ осмогласия. По свидетельству современников, роспевщики «пели для науку кокизник и подобник наизуст. . .».[30]

Нами обнаружены Подобники, которые можно расценить как сборники упражнений по композиции, дающие некоторые «рецепты» композиторской техники.[31] В их изложении ощущается осознание определенной методики — один и тот же текст 50-го псалма Давида распевался по образцу мелодий самоподобнов. После каждого изложения очередного в подборке самоподобна следует текст псалма, распетый на подобен, причем предлагаются различные приемы композиции.

1. Демонстрация способов увеличения или уменьшения музыкальной строки при изменении количества слогов в тексте.

а. Простейший способ — за счет увеличения или сокращения речитативного фрагмента середины строки:

мир и ве ли ю ми ло сть (последняя строка самоподобна)

аз знаю грѣх мой пре до мно ю есть вы ну (последняя строка псалма)

б. Введение новых знаков:

Христо ви мо ли те ся (7-я строка самоподобна)

и от гре ха мо е го о чи сти мя (7-я строка псалма)

[27] ГПБ, Софийское собр., № 498.
[28] ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 557/834, 642/889.
[29] ГПБ, Соловецкое собр., № 277/280, № 645/677; Кирилло-Белозерское собр., № 645/902, № 706/963.
[30] Бражников М. В. Федор Крестьянин. Стихиры. М., 1974, с. 144.
[31] Бражников М. В. Древнерусская теория, с. 259.

В этом примере продемонстрированы возможные замены знаков:

на ; на

2. Объединение двух и более музыкальных строк самоподобна в одну в псалме, т. е. суммирование.

Три строки самоподобна

в одну строку в псалме

3. Возможные музыкальные редакции, основанные на замене одних знаков другими.

вас ни земля по та и ла есть (2-я строка самоподобна «Прехвальные мученицы»)

по ве ли це и ми ло сти тво ей (псалом).[32]

В данных подборках проявляется особая наглядность музыкально-теоретического пособия. Напомним, что Псалтырь часто использовалась как учебная книга.

Особо надо выделить подборки, снабженные какими-либо предисловиями, рекомендациями, пояснениями. По мнению М. В. Бражникова, предисловия, предпосланные азбукам, доказывают «существование и сознательное внедрение в русскую художественную жизнь музыкальной теории как предмста науки».[33] Это в равной степени можно отнести и к Подобникам. Приведем развернутое, подробное предисловие к Подобникам в рукописи XVII в.: «Подобны певаемые на осмь гласов по уставу церковному по днех всегодищного лета и в четверодесятницу иже в праздницах господских и богородичных, в трезвонных праздниках и всемъ святымъ, в стихирах или в стиховнах, или в хвалитных, аки иже до стих подобне лежащих и подобно единому от сих указ и от сих первообразных и прочая последствующая да разумеются воедино согласие и вси гласно и строках, яко же указано»[34]. Переписчик объясняет, где, когда и как надо петь подобны, определяет типы книг, в которых они употребляются. Здесь

[32] ИРЛИ, Древлехранилище, собр. Бражникова, № 25, л. 270, 270 об., 271 об.—272.

[33] Бражников М. В. Древнерусская теория, с. 258.

[34] ГПБ, собр. Погодина, № 417, л. 130.

в самых общих чертах описан принцип пения на подобен, когда «прочие последствующие» стихиры надо «разуметь» в том гласе и строках, как это указано в «первообразных» стихирах (т. е. самоподобнах).

В другой рукописи середины XVII в. читаем: «Указ подобникам на колько которо пьти».[35] И хотя текст указов не сохранился (листы утеряны), этот пример важен как факт существования «Указов» Подобникам.

Подобники, содержащие зафиксированные в письменной форме теоретические пояснения, появляются лишь с середины XVII в.

До сих пор считалось, что теоретическую базу древнерусского профессионального певческого искусства составляют азбуки, фитники и кокизники. Мы расцениваем Подобники как важнейшую форму музыкально-теоретических руководств, которая оказалась способной отвечать современным требованиям певческого искусства каждой новой эпохи. Естественно, что с XI по XVII в. Подобники претерпели значительную эволюцию. В ходе развития менялся не только состав Подобников, их типы и музыкальное содержание самоподобнов. Расширялось функциональное назначение Подобников. Все происходившие изменения были определены естественным ходом развития русской профессиональной музыки эпохи средневековья. Подобники отражают «музыкальный норматив» разных эпох и вместе с тем являются свидетельством творческих поисков древнерусских музыкантов.

---

[35] ИРЛИ, Древлехранилище, Пинежское собр., № 146, л. 231.

З. М. ГУСЕЙНОВА

К ВОПРОСУ ОБ АТРИБУЦИИ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕРУССКОГО ПЕВЧЕСКОГО ИСКУССТВА

(На примере рукописи Соловецкого собрания, № 690/751)

В 1887 г. С. В. Смоленский опубликовал работу о певчих рукописях Соловецкой библиотеки.[1] В 1888 г. им же было составлено оставшееся неизданным «Описание певческих рукописей Соловецкой библиотеки».[2] Через одиннадцать лет, в 1899 г., был опубликован альбом «Снимков с певческих рукописей Соловецкой библиотеки. Приложение к неизданному описанию их Смоленским». Эти три работы до настоящего времени являются единственным обращением к рукописному певческому собранию Соловецкой библиотеки, хранящейся ныне в Отделе рукописей и редких книг Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Среди нотированных рукописей данного собрания С. В. Смоленский выделяет одну: Соловецкое собр., № 690/751. На стр. 88—92 «Снимков» он фототипическим способом воспроизводит л. 55—61, 113—116 об., 215, 298—300 об. данной рукописи. Давая в «Описании» краткую характеристику рукописи в целом и отдельным ее фрагментам, Смоленский отмечает необычность ее содержания, определяет основные ее особенности. Смоленский подчеркивает особое значение некоторых фрагментов рукописи, говоря о том, что «весьма многие тетради этого сборника представляются заслуживающими внимания».[3]

Рукопись Соловецкого собр. № 690/751 представляет собой сборную певческую рукопись конца XVI—1-й половины XVII в. 320 л.+XL. 14.6×9.5. Бумага с филигранями: л. 6 Heawood № 3649 (1623 г.); л. 19 Каманин № 1269 (1641 г.); л. 28 Гераклитов № 518 (1622 г.); л. 72 Heawood № 3538 (1598 г.); л. 95 Лихачев № 4180 (1585 г.); л. 116 Лауцявичус № 523 (1622 г.); л. 133 Гераклитов № 411 (1607 г.); л. 177 Гераклитов № 496 (1628—1630 гг.); л. 237 Лихачев № 1598 (1594 г.); л. 250 Лихачев № 4108

---

[1] Смоленский С. В. Общий очерк исторического и музыкального значения певчих рукописей Соловецкой библиотеки и «Азбуки певчей» Александра Мезенца. Казань, 1887.

[2] Хранится в ОРРК ГПБ (ф. 1147).

[3] Смоленский С. В. Описание. . ., л. 25.

(1605 г.); л. 257 Лихачев № 4132 (1600 г.); л. 278 Лихачев № 4248 (1601 г.); л. 282е Heawood № 3548 (1570 г.); л. 286 Гераклитов № 666 (1631 г.); л. 294 Лихачев № 4243 (1606 г.). 42 почерка. Полуустав. На л. 12—18 об., 163—171, 279—283 скоропись. Раздельноречие. Переплет — доски в тисненой коже со следами двух застежек. Нотация знаменная беспометная. На л. 4—11, 13, 14, 62, 76—76 об., 80, 104—106 об., 108—108 об., 113 об., 116 об., 117 об., 128—129 об., 149—150 об., 153, 154 об., 209—210, 267—269 об., 315 об. указательные пометы киноварью (т, н, з, р,). На л. 19—25, 65—67 об., 69 об.—70 об., 110—111 об., 185 об.—186 об., 190, 191 об.—192, 197—198 об., 206—208—210 об.—211, 214, 267—273, 275, 278 нотация путевая. На л. 10 об., 28 об., 31, 53, 63, 113 об., 117 об., 129 об., 210, 242—248 об., 284 об., 316 добавления и исправления в нотных строках. На л. 4—11, 15—21 об.—22, 97, 106—108, 119, 125, 127, 155 об.—156, 158, 159 об., 175 об., 182, 183, 192 об.—193, 210, 216 об., 217 об.—219, 221—222, 223 об.—224, 228 об.—231, 242—248, 255—255 об., 267—269 об., 271, 284 об., 323, 329 вставки на полях. На л. 36 об.—37, 151—153, 253, 285 об.—288, 289—296, 301—303 нотация отсутствует полностью, на л. 10 об./11 об., 35 об., 127—128, 220 об., 325 — частично.

Почерки, бумага, ширина полей свидетельствуют о том, что это сборная рукопись, составленная не ранее 40-х гг. XVII в. Нами выявлено в данной рукописи 44 самостоятельных фрагмента, которые в приводимом ниже содержании рукописи обозначаются порядковыми номерами.

Содержание

1. Стихиры Воздвижению в неделю поста — л. 1—3 об.
2. Стихиры Воздвижению и в пяток 6-й недели поста — л. 4—11 об.
3. Стихиры Исаакию, Далмату и Фаусту — л. 12—18 об.
4. Стихиры Воздвижению. Блаженна I гласа — л. 19—25 об.
5. Стихиры в память князей Феодора и чад его Давида и Константина Ярославских — л. 26—31.
6. Стихиры Николаю чудотворцу — л. 32—38 об.
7. Славники Пафнутию Боровскому, Феодосию Печерскому, Антонию Печерскому, Алексею митрополиту, Никите Столпнику, Игнатию Ростовскому, Кириллу Белозерскому, Зосиме Соловецкому (на вставном листе). Стихиры на сретение иконы Владимирской Богоматери — л. 39—54.
8. Тропари воскресны, богородичны и ипакои на 8 гласов — л. 55—61 об.
9. Стихира на стиховне Индикту — л. 62—63 об.
10. Прокимен и тропари — л. 64.
11. Стихиры на Воздвижение — л. 65—68 об.

12. Славники Рождеству Иоанна Предтечи, апостолам Петру и Павлу — л. 69—71.
13. Стихиры Евангельские — л. 72—79 об.
14. Стихиры Иоакиму и Анне, Иосифу Волоцкому — л. 80—91.
15. Отдельные нотные строки без текста и каких-либо указаний — л. 91 об.
16. Стихиры Харитону-исповеднику, преподобному Моисею — л. 92—94 об.
17. Стихиры Киру и Иоанну, преставлению Никиты Новгородского — л. 95—102.
18. Стихира на стиховне Индикту. Стихиры Архангелу Михаилу. Славник на литии на Введение. Стихира «Крест Христов христианам упование». Славники на литии Рождеству Христову. Стихира Благовещению. Стихиры в третью неделю поста, в пяток шестой недели поста, в святой великий пяток. Стихиры по 8 псалму на Успение Богородицы, Сретению иконы Владимирской Богоматери — л. 103—132 об. и 149—155 об.[4]
19. Стихиры Успению Богородицы, Введению Богородицы, Антифоны на Пасху — л. 133—148 об.
20. Стихиры пророку Илье — л. 156—162 об.
21. Стихиры Сошествию Святого Духа — л. 163 об.—171.
22. Стихиры Обновлению храма — л. 173—175 об.
23. Стихиры Никону-чудотворцу — л. 176—181.
24. Стихиры Двунадесятых праздников и Великого поста — л. 182—215 об.
25. Страстные антифоны (14 антифонов) — л. 216—231 об.
26. 15-й антифон и пение на часах в Великий пяток — л. 232—242 об.
27. Стихиры Пятидесятнице — л. 243—248 об.
28. Стихиры Сергию Радонежскому, мученикам Власию и Федоту — л. 249—253 об.
29. Стихиры Собору святых апостолов, Андрею Критскому, Мелетию и Алексею митрополиту, мученику Фалалею — л. 253—265 об.
30. Стихиры обретению мощей Алексея митрополита Московского — л. 266—266 об.
31. Ирмосы Крещению первого канона — л. 267—270.
32. Стихиры на великой вечерне в Великий пяток и на утрене в Великую субботу — л. 270 об.—274 об.
33. Стихиры в субботу сыропустную — л. 275—276.
34. Стихиры Богоявлению — л. 276 об.—278 об.
35. Стихиры апостолу Филиппу, мученикам Гурию, Самону и Авиву, апостолу Матфею, мученику Иакову — л. 279—283.

---

[4] Очевидно, по вине переплетчика данный фрагмент оказался разделенным на две части. О том, что это единый фрагмент, свидетельствуют содержание, почерк, тип бумаги.

36. Стихиры в неделю мытаря и фарисея — л. 284—288 об.
37. Стихиры Благовещению — л. 289—295 об.
38. Стихиры Авраамию Смоленскому — л. 96.
39. Устав малой и великой вечерен — л. 297—300 об.
40. Стихиры пророку Иеремии — л. 301 об.—303.
41. Стихиры Иоанну, архиепископу новгородскому — л. 303 об.— 305 об.
42. Стихиры Никите Новгородскому, Афанасию и Кириллу Александрийским — л. 306—313 об.
43. Стихиры Савватию Соловецкому — л. 314—316 об.
44. Славники преподобному Сергию, Обрезанию. Стихиры Антонию Великому, в неделю Поста — л. 317—320.

Как видно из содержания, в рукопись вошли отдельные части многих певческих книг: Стихираря праздничного, Стихираря месячного, Стихираря трезвонного, Октоиха, Триоди. Но ни одна из перечисленных книг не представлена полностью.

Среди 44 фрагментов рукописи обращают на себя внимание в первую очередь 10 фрагментов, в которых обнаруживаются одни и те же песнопения. В содержании эти фрагменты были обозначены нами следующими номерами: 1, 2, 4, 9, 11, 12, 17, 18, 23, 24. Среди всех песнопений, содержащихся в этих 10 разделах, нами выделен ряд песнопений, написанных на одни и те же тексты. Таких текстов, собранных в рукописи в разных распевах, — 21, т. е. 21 текст представлен в данном сборнике в вариантах распевов, при этом число вариантов колеблется от двух до шести.

Приводим список этих песнопений с указанием количества вариантов распевов для каждого из них и листов, на которых они находятся (см. таблицу). Названия песнопений приводятся по первым строкам текста. О их жанровой принадлежности, времени и месте исполнения см. в содержании.

Как видно из списка, самое большое количество вариантов приходится на долю славников «Давид провозгласи» (9), «В вертеп вселился» (11), «Благовествует Гавриил» (12), «Днесь владыка твари и господе славы» (2), «Днесь неприступныи существом» (1). Меньше всего вариантов у стихир «Августу единовластительствующу» (15), «Днесь света светильник» (7) и т. д.

Варианты распевов возникают как в разных фрагментах рукописи, так и внутри фрагментов. Это происходит, например, во фрагменте, обозначенном в содержании № 24. В нем в двух вариантах встречаются шесть стихир и в трех — две стихиры (см. таблицу). Этот фрагмент необычен по своему строению. Все песнопения в нем, несмотря на принадлежность к разным праздникам и службам, следуют одно за другим без каких-либо уставных обозначений, — т. е. в данном фрагменте нет обычных для певческих рукописей указаний вида песнопений (например, стихира, тропарь), времени исполнения (например, на Рождество Христово, на утрени), гласовой принадлежности (например, глас первый,

№	Названия песнопений	№ листа	Количество вариантов
1	Днесь неприступныи существом	2, 8, 22, 65, 123	5
2	Днесь владыка твари и господе славы	1, 7, 21, 67 об., 119 об., 121	6
3	Видящи тя твари веся на кресте	5, 20, 117, 199 об.	4
4	Христе боже наше иже воленое распятие	4, 24, 118 об., 119	4
5	Приидите верныи животворящему древу поклонимся	6, 19	2
6	Ты, царю, сыи пребываяи во веки Христе	62, 103, 182, 182	4
7	Днесь света светильника	69, 70 об.	2
8	Яко чиноначалеником и забрало и ангелом	104 об., 183	2
9	Давид провозгласи тя чистая	107, 108, 186 об., 213 об.	4
10	Волхвы персидские	110, 191, 191 об.	3
11	В вертеп вселился еси Христе боже	111 об., 112 об., 192 об., 192 об., 193	5
12	Благовествует Гавриил обрадованные днесь	113, 115, 153, 196, 196 об., 197	6
13	На древе видящи висима	130, 203, 237 об.	3
14	Победе тезоименитая явись мученик	185, 185 об.	2
15	Августу единовластительствующу на земли	190, 190 об.	2
16	Честное воскресение твое	202, 202 об.	2
17	Днесь зрящи тя, непорочна дева	131 об. (не окончен), 203 об., 237	3
18	Придете ублажим вси Иосифа	205, 206, 271 об.	3
19	Святый боже, святый крепкий	204, 204 об.	2
20	Возыди бог в воскликновении	210, 210 об.	2
21	Душеполезную совершивше четверодесятницу	125, 200 об.	2

второй и т. д.). Для певческих рукописей отсутствие таких указаний не характерно. Очевидно, в данном случае предполагалось не столько использование песнопений в прямом назначении — практическом богослужении, сколько подбор самих стихир, т. е. желание собрать интересные музыкальные произведения. В пользу этого говорит и факт многовариантности распевов в данном фрагменте, тем более что наибольшее количество вариантов в рамках всей рукописи дает именно он.

По нашему мнению, не только фрагмент № 24, но и вся рукопись в целом составлялась с учетом музыкального значения избранных песнопений.[5] Подтверждением этому служит результат проведенного нами сравнительного анализа различных распевов на одни и те же тексты, расположенных в разных фрагментах рассматри-

[5] В современном музыкознании были отмечены сборники XVII в., составленные со специальной музыкальной целью. См., например: Маркелов Г. В., Фролов С. В. Строгановские рукописи в Пушкинском Доме. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1975. М., 1976, с. 70—72.

ваемой рукописи.[6] Все тексты, имеющие от четырех до шести вариантов распевов, содержат:

1) разные нотации (знаменная, путевая);
2) разный тип распевов (малый, большой).

Но и сравнение вариантов однотипного распева, например только малого, показало, что абсолютно точных, повторяющих друг друга распевов в рукописи нет. Степень расхождения при этом была различна: а) распев с разведенными тайнозамкненными попевками и фитами; б) распев с заменой нескольких знаков, чаще всего со сходным мелодико-ритмическим значением; в) распев с заменой приблизительно половины невм; г) распев с совершенно иным знаковым составом. Например, сравнение распевов стихиры «Благовествует Гавриил» в разных фрагментах рукописи показало, что варианты на л. 196 и 196 об. относятся к малому распеву, на л. 113, 115 и 153 — к большому, на л. 197 — к путевому. При сопоставлении распевов на л. 196 и 196 об. возникают различия типа «а», на л. 113 и 115 — типа «г», на л. 115 и 153 — типа «б». Различия типа «в» возникают при сравнении распевов стихиры «Яко чиноначаленик» на л. 104 об. и 183.

В результате сказанного можно сделать вывод, что значение рукописи не только в том, что в ней собраны различные распевы на одни и те же тексты, но и в том, что она содержит образцы различных типов напевов. Музыкальное богатство вариантов этой рукописи свидетельствует о том, что к первой половине XVII в. русское певческое искусство — как исполнительское, так и композиторское — находилось на очень высокой ступени развития. Кроме того, сведение в рукопись различных распевов на одни и те же тексты говорит о том, что наряду с практическим использованием существовал момент их эстетической оценки, признание их музыкально-художественной значимости. Подтверждением сказанному служит фрагмент № 18 (см. содержание), который мы условно определяем как «авторский». Содержание фрагмента следующее:

На хвалитех. Славник. Гл. 5	л. 103	Ты царю сыи
	л. 104 об.	Яко чиноначаленик
	л. 106	Иде же осеняет
Месяца ноября в 21 день Введение в церковь пресвятой Богородицы. На литии. Слава. Гл. 8	л. 107 усол.	Давид провозгласи
	л. 108 ин перевод, к	Давид провозгласи
	л. 109	Крест Христов
Месяца декабря в 23 день на Рождество Христово. На литии. Слава. Гл. 5	л. 110 путь	Волхвы персидские
На стиховне. И ныне. Гл. 4	л. 111 об.	В вертеп вселился
	л. 112 ин перевод глас той же, к	В вертеп вселился

---

[6] Поскольку нотация сборника беспометная, сравнение производилось только как сравнение знакового состава нотации в каждом из вариантов.

Месяца марта в 23 день на Благовещение пресвятой Богородицы. По 8 псалме. Стихпра. Гл. 2	л. 113 усол	Благовествует Гавриил
	л. 115 ин перевод, знамя против демества, лог, глас той же	Благовествует Гавриил
В неделю 3 святого и Великого поста. Стихиры. Гл. 5	л. 117 крс	Видящи тя твари
Гл. 3	л. 118 об.	Христе боже наш
Гл. 8	л. 119 об.	Днесь владыка
	л. 121 ин перевод, глас той же, лог	Днесь владыка
В пяток 6 недели поста на вечерне. На Господи воззвах. Слава и ныне. Гл. 8	л. 123	Днесь неприступны
Во святой и великпй пяток. На стиховне стихиры. На страстех. Гл. 1. Вся тварь пременяшеся	л. 126 усол	Душеполезную совершивше
Гл. 2. Стихира. Разделиша ризы моя себе	л. 128 об. усол	Людие невернии
Стихира. Даша в снеди мою жолчь.	л. 130	На древе видящи
Стихира. Бог царь наш преже век содела спасение. Гл. 6	л. 132	Днесь зрящи тя
Август 15 на Успение Богородицы. По 8 псалме. Стихира. Глас 6	л. 149 лог	Егда представление
Август 26. Сретение пресвятой Богородицы и иконы Владимирской. По 8 псалме. Стихира. Глас 6	л. 151 лог	Егда пришествие
	л. 153	Благовествует Гавриил
	л. 154	Ныне же благовествует

В данном фрагменте 24 стихиры, разделенные на группы в соответствии с указанием на службу, в которой они исполняются. Обращают на себя внимание пометы, помещенные рядом с десятью стихирами: лог, усол, крс, к. Первые две пометы расшифровываются довольно легко, это указания распева Логгина и усольского распева. Так же трактовал их и С. В. Смоленский.[7] Что касается двух других (крс, к), то С. В. Смоленский в «Описании» оставил без внимания аббревиатуру «крс», а «к» расшифровал как слово «лик». Такое прочтение буквы «к» вряд ли можно считать верным, так как песнопения, рядом с которыми стоят эти пометы, — «Давид провозгласи» и «В вертеп вселился» — не принадлежат к числу тех, которые исполняются попеременно правым и левым ликом. К тому же само обозначение лика буквой «к» никогда не производилось, для этой цели обычно использовались буквы «п» и «л» («правый» и «левый»).

Мы рассматриваем пометы «крс» и «к» как указание на распев Федора Крестьянина, мастера-распевщика конца XVI—начала XVII в., руководствуясь при этом следующими соображениями.

---

[7] Смоленский С. В. Описание. . ., с. 24.

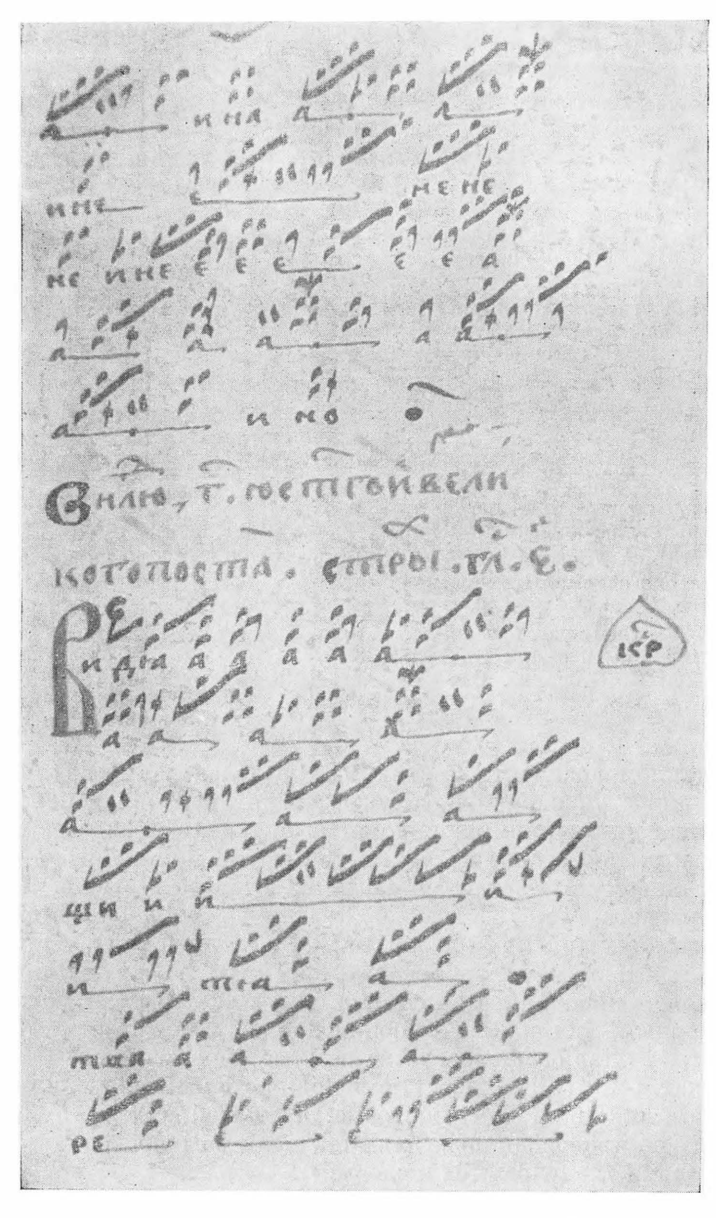

Рис. 1. Великопостная стихира распева Федора Крестьянина (ГПБ, Соловецкое собр., № 690/751, л. 117).

Какие-либо пометы на полях древнерусских нотированных рукописей обычно обозначают: а) жанр песнопения (например, богородичен, мученичен и т. д.); б) время исполнения (например, утреня, вечерня, третья неделя поста и т. д.); в) глас песнопения; г) тип нотации (например, путь, знамя, демество и т. д.); д) тип распева (например, большой, малый, путевой и т. д.); е) вариант распева (например, «ин перевод», «преводне», «ин» и т. д.); ж) принадлежность песнопения какому-либо мастеру или какой-либо местной традиции (например, «перевод Крестьянинов», «путь соловецкий» и т. д.).

Из всех этих возможных способов трактовки помет «крс» и «к» сразу исключаются пункты «б», «в», «г», «д», «е», поскольку ни одно из указаний гласа, типа распева и т. п. с буквы «к» не начинается. Среди жанров песнопений существуют крестобогородичны и стихиры крестные, но «Давид провозгласи», «В вертеп вселился» и «Видящи тя твари», рядом с которыми стоят «крс» и «к», к этим жанрам не относятся. Остается только рассматривать данные пометы как указания какого-либо местного или авторского распева. Из всех известных нам имен мастеров-распевщиков только имя Федора Крестьянина начинается с буквы «к» и содержит аббревиатуру «крс».

Имена Логгина и Федора Крестьянина наиболее известны в истории древнерусской певческой культуры. Они упоминаются в предисловии к нотному Стихирарю из собрания Оболенского (ЦГАДА, 2-я половина XVII в.),[8] в «Житии и подвигах архимандрита Дионисия» Симона Азарьина и Ивана Наседки (XVII в.),[9] в «Извещении о согласнейших пометах» Александра Мезенца.[10] Известно, что Логгин и Федор Крестьянин могли создавать на один текст до 10 и более «переводов», т. е. самостоятельных музыкальных интерпретаций.

Усольский распев чаще всего связывается исследователями с именем мастера Лукошки.[11] Но поскольку для отождествления двух явлений — распев усольский и распев Лукошков — нет данных, говорить о наличии в рукописи Соловецкого собр., № 690/751 песнопений третьего автора преждевременно.

Для выявления своеобразия авторских распевов сравним их с остальными распевами данной рукописи.

Например, стихира «В вертеп вселился» в авторском фрагменте встречается дважды: в первом случае в распеве Федора Крестьянина, во втором — без указания авторства, поэтому нами она определяется как «анонимная». По своему знаковому составу анонимный распев с распевом Федора Крестьянина не совпадает, т. е. это два разных распева. Сравниваем их с тремя вариантами,

---

[8] См.: Музыкальная эстетика Древней Руси. М., 1973, с. 40—44.
[9] Там же, с. 65—69.
[10] Там же, с. 96—102.
[11] См., например: Преображенский А. В. Словарь русского церковного пения. М., 1896, с. 122.

Рис. 2. Три распева на текст рождественской стихиры (ГПБ, Соловецкое собр., № 690/751, л. 193 об.—194).

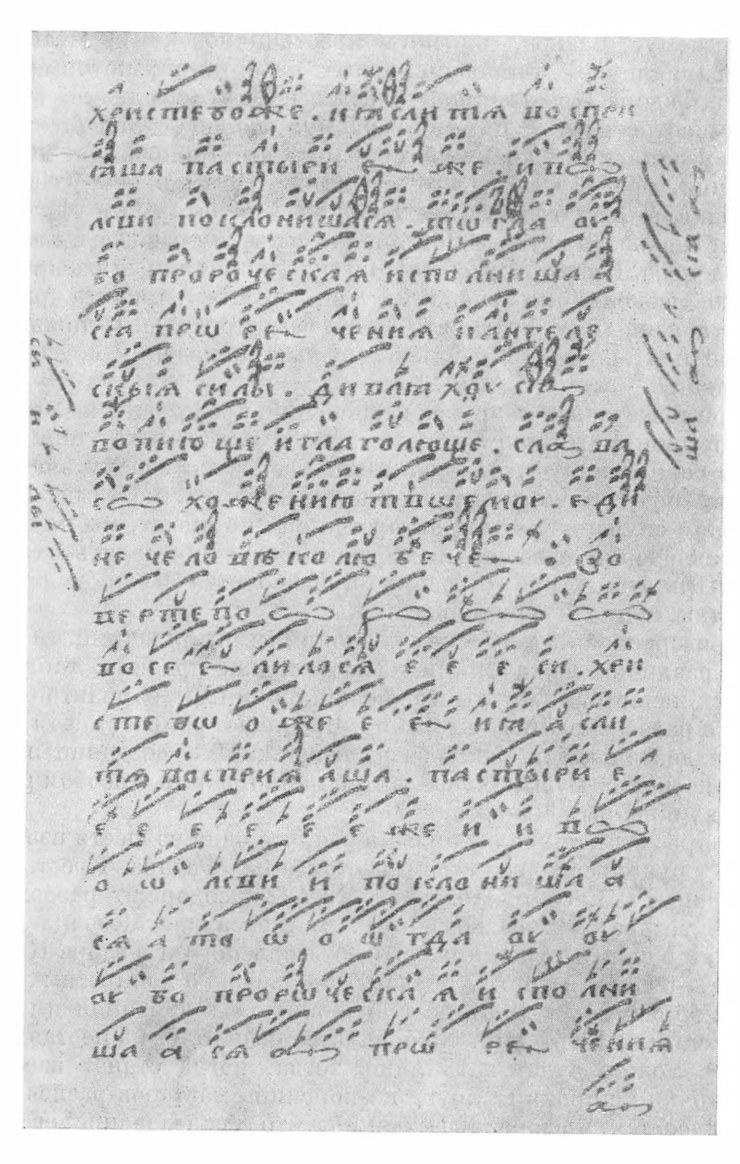

Рис. 2 (*продолжение*).

расположенными во фрагменте № 24, где они следуют друг за другом соответственно на л. 192 об., 192 об., 193. Первый из этих трех близок распеву Федора Крестьянина, второй и третий — анонимному. Распев, близкий крестьяниновскому, отличается от него наличием тайнозамкненных начертаний, которые в варианте Федора Крестьянина разведены. Другие, близкие анонимному, соотносятся с ним по-разному: второй отличается всего лишь несколькими знаками, сохранив все тайнозамкненные начертания, третий — тем, что все лица и фиты в нем разведены.

Стихира «Благовествует Гавриил» в авторском фрагменте дается трижды: в распеве Логгина, в усольском распеве и в анонимном распеве. При этом распевы Логгина и анонимный различаются только несколькими знаками. Три других варианта распева, представленных во фрагменте № 24, самостоятельны, лишь в первом из них, на л. 196, есть отдельные совпадения с усольским распевом.

При сопоставлении других песнопений, представленных в авторских и анонимных вариантах, выясняется, что между ними очень часты совпадения, т. е. анонимный распев по своему знаковому составу почти точно повторяет авторский или местный. И хотя в данном случае указания авторства они не имеют, мы на основании совпадения музыкальных строк можем определить их авторство. При этом атрибутирование производится в рамках как данной, так и прочих рукописей.

При сравнении авторских с анонимными, близкими им распевами различия между ними касаются, как правило, тайнозамкненных начертаний. Фиты и попевки анонимных вариантов оказываются разведенными в авторских. Возникает вопрос: в чем заключается деятельность мастеров-распевщиков? В создании принципиально новой музыкальной интерпретации или в особом распеве тайнозамкненных начертаний?

Вопрос этот тем более правомерен, что одна из шести известных сейчас рукописей, где упоминается имя Федора Крестьянина, а именно ГПБ, собр. Погодина, № 1925, содержит разводы фит этого мастера, а в «Извещении. . .» Александра Мезенца даются попевки в сопоставлении переводов усольского и Федора Крестьянина. И в том и в другом случае речь идет не о конкретных песнопениях мастера, а лишь об оригинальном толковании им тайнозамкненных начертаний. Но окончательный ответ на поставленный вопрос можно будет дать лишь тогда, когда станет известным достаточно широкий круг песнопений мастеров-распевщиков. Что касается Федора Крестьянина, то исследование его творчества уже начато М. В. Бражниковым.[12] В настоящее время известны, кроме указанной выше, еще пять рукописей с песнопениями Федора Крестьянина: ИРЛИ, Усть-Цилемское собр., № 404 со Стихирами Евангельскими; ИРЛИ, собр. Бражникова,

---

[12] Бражников М. В. Федор Крестьянин. Стихиры. М., 1974.

№ 25 со стихирой «Давид провозгласи» (рукопись указана С. В. Фроловым); ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 642/889 с прокимном «Хвалите имя господе» (рукопись указана Л. Ф. Мороховой); ГПБ, Софийское собр., № 492 со стихирой Рождеству Богородицы (рукопись указана А. Н. Кручининой) и данная рукопись Соловецкого собр., № 690/751. Имя же Логгина в нотированных рукописях встречается, насколько нам известно, впервые. До настоящего времени ни одного песнопения Логгина найдено не было.

Предстоящая работа по исследованию и расшифровке авторских и анонимных распевов в рамках как данной, так и остальных рукописей должна точно установить, в чем заключается своеобразие переводов усольского, Логгина, Федора Крестьянина, насколько распространенными они были. В дальнейшем же, после того как будут обнаружены другие произведения этих мастеров, на основании песнопений из этой рукописи и сопоставления их с новыми можно будет говорить о творческом почерке композиторов.

Е. Л. БУРИЛИНА

О СООТНОШЕНИИ ТЕКСТА И НАПЕВА В ДРЕВНЕРУССКИХ ПЕСНОПЕНИЯХ XVI—XVII вв.

Проблема соотношения текста и напева в древнерусских песнопениях — одна из центральных в музыкальной медиевистике. Она тесно связана с изучением многих вопросов: с исследованием процесса эволюции профессиональной музыки Древней Руси, стилевых и жанровых особенностей знаменного пения, смысловых связей текста и напева, а также принципов формообразования в древнерусских песнопениях.

Текст и напев в песнопении представляют собой неделимое единство, наиболее устойчивой частью которого является канонический текст, менее устойчивой, постепенно эволюционирующей — напев. Соотношение этих двух компонентов песнопения — проблема сложная, многоаспектная. Путь к ее решению лежит только через изучение конкретных музыкальных памятников. Разбору одного песнопения, кондака «Взбранной воеводе», посвящена настоящая статья.

Прежде чем рассматривать это песнопение, коротко остановимся на истории вопроса.

Представления о функциях текста и напева в песнопении сформировались еще в раннем средневековье. Изучение взглядов средневековых авторов требует специального исследования, поэтому мы можем пока только констатировать тот факт, что на первых этапах существования песнопений текст осознавался главным, ведущим элементом, так как слово представлялось носителем смысла, выразителем истины. Напев же должен был помогать осмыслению текста, настраивать на возвышенный лад, но ни в коем случае не превалировать над ним: «. . . безыскусственный напев сплетается с божественными словами ради того, чтобы само звучание и движение голоса изъясняло скрытый смысл, стоящий за словами, каков бы он ни был. Такова приправа и к этой трапезе (псалмов), как бы уснащающая сладостные яства поучения».[1]

---

[1] Григорий Нисский. Толкование к надписаниям псалмов. — В кн.: Музыкальная эстетика западноевропейского средневековья и возрождения. М., 1966, с. 110.

Несмотря на то что напев рассматривался в единстве с текстом, как «спутник» текста, двойственность средневекового сознания, противопоставлявшего чувственное духовному, способствовала противоречивому отношению к мелодии и слову. Излишнее увлечение чувственной стороной песнопения (мелодией) в ущерб духовной стороне (тексту) воспринималось как грех: «. . .и при том более склоняюсь к тому, чтобы одобрить в церкви обычай пения, дабы через наслаждение слуха слабый дух восторгался к чувству благочестия. Однако, когда мне случается увлечься пением более, чем предметом песнопения, я со скорбью сознаю свой грех и тогда желал бы не слушать певца».[2]

Близкие к представлениям средневековых авторов взгляды на текст и напев сохранились и на Руси. Известные нам памятники русской полемической литературы XVI—XVIII вв., посвященные музыкальному искусству, свидетельствуют о том, какие горячие споры вызывало любое явление, так или иначе нарушающее традиционное соотношение текста и напева.[3]

Наиболее острая полемика развернулась вокруг «раздельноречия» и «многогласия», характерных для певческой культуры этого времени. Несмотря на свои различные истоки, оба явления препятствовали восприятию текста.

Наиболее обстоятельно излагает свое отношение к «раздельноречию» инок Ефросин в «Сказании о различных ересях».[4] Развитие явления «раздельноречия» он связывает с напевом: «В пении бо нашем точию глас украшаем и знаменные крюки бережем, а священные речи до конца развращены противу печатных и писменых древних и новых книг. И не точию развращены, но и словенского нашего языка в нем же родихомся и священным писанием учихомся, чюжи и несвойственны и сопротивны».[5]

Активным защитником соблюдения строгого единогласия и ясности произношения текста был протопоп Аввакум: «А церковное пение сам же и чту и пою — единогласно и на речь пою, против печати слово в слово, крюки — те в переводах — тех мне не дороги и ненайки — те песянные не надобеж».[6] В пылу полемики протопоп Аввакум утверждает, что можно пренебречь напевом ради текста: «По писанию как говорю речь, так ея и пою. А зна-

[2] А в г у с т и н. Исповедь, X, 33. — Там же, с. 49—50.

[3] В рамкп настоящей работы не входит подробное изучение всех источников, касающихся вопросов соотношения текста и напева. Исторический аспект проблемы только намечен и требует дальнейших исследований.

[4] Этот памятник в настоящее время плохо изучен. В ГПБ хранятся три списка «Сказания. . .» (самый ранний — 1651 г.), текстологический анализ которых еще не произведен. Все цитаты приводятся по книге «Музыкальная эстетика России XI—XVIII веков» (М., 1973), в которой привлекается список из рукописи конца XVII—начала XVIII в. (ГИМ, собр. Хлудова, № 91).

[5] Е ф р о с и н. Сказание о различных ересях. — В кн.: Музыкальная эстетика России XI—XVIII веков, с. 70. (Далее указывается только название памятника и страница этого издания).

[6] А в в а к у м. Послание Борису и прочим рабам бога вышняго, с. 89.

мени, на которой речи прилучится много и неизворно все выпеть; и его отложить небранно, токмо речи не отлагай. И в старые времена иныя фиты все выпевают, а иныя и отлагают, да то нет ничево: речь бы была чиста, и права, и непорочна».[7]

Выступления инока Ефросина и протопопа Аввакума в «защиту текста» не ограничиваются критикой «раздельноречия» и «многогласия», внешних проявлений сложного процесса развития певческого искусства. Этих авторов беспокоит и повышенное внимание к музыкальной стороне песнопения, увлечение «украшением гласа», мешающего «разум речей ведати», по словам инока Ефросина.

Инок Ефросин возмущается неоправданной, с его точки зрения, разбивкой текста на строки и соединением фраз, нарушающим осмысленное членение текста. Причину этого он видит в «вольностях» писцов, переписывающих песнопения, и певцов, распевающих их: «Виждьте, господие, в какову погибель и проклятия приидохом теми знамеными книгами за растление их от преписующих без изправления или от самых певцов, которые то пение розпеваючи, перепортили священные речи во святом писании, того ради, чтоб им мощно было уставити кокизы (таково бо знаменныя строки или статьи у них именуются). А мощно и не растлеваючи речей ниже в них вмешающи некия несогласные литеры роспети и тыя кокизы добре ставити во всяком пении от точки до точки и от запятыя до запятыя, а не сливаючи речь во иную речь, ниже едину речь на двое разделяючи. Да еще б было и пение краснее того и речи бы были согласны».[8]

Таким образом, по мнению инока Ефросина, красота пения и согласность «речей» достигается в том случае, когда напев подчеркивает членение текста, не нарушая его формы, а следовательно, и смысла.

Этот автор критически относится к певцам, похваляющимся знанием особых местных роспевов, роспевов своих искусных учителей: «Да и между собою тыя краснопевцы укоряющеся друг другу поносят. Себе же каждо величает и хвалеся глаголят: „Аз есмь Шайдуров ученик“. А ин хвалится: „Лукошково учение“, а ин: „Усольской“, а ин: „Крестьянинов“, а прочии — прочих. . . А и тех ими же сии хвалятся, не сыскати. . .».[9]

Эта критика связана, по-видимому, со стремлением к унификации знаменного пения, приведению множества исполнительских вариантов к единству, но в конце концов приводит к выступлению за ограничение творческого начала в музыке.

Взгляды инока Ефросина и протопопа Аввакума свидетельствуют о разрыве традиционных догматических установок о ведущей роли текста с исторически конкретной музыкальной практикой. XVI—XVII века — время интенсивного развития напева,

[7] Аввакум, с. 88.
[8] Ефросин. Сказание о различных ересях, с. 73.
[9] Там же, с. 71.

приобретения им не только равноправного положения с текстом, но и во многих случаях первостепенного значения (появляются многочисленные варианты роспева одного текста, развивается авторское творчество, вырабатываются самостоятельные музыкальные формы, не зависящие от формы текста).

До недавнего времени в научной литературе не было создано специальной работы, освещающей проблему соотношения текста и напева в древнерусских песнопениях. Однако уже в первых исследовательских трудах, посвященных изучению древнерусской музыки, затрагивались вопросы взаимодействия текста и напева в следующих аспектах:

1) исследовались греко-русские певчие параллели, связи текстовой и музыкальной структуры греческих и славянских песнопений; ярким представителем этого направления был А. В. Преображенский,[10] из зарубежных ученых этих вопросов касался М. Велимирович;[11] в центре внимания этих исследователей находились прежде всего греческие, а не древнерусские песнопения, древнерусские привлекались только с целью доказательства их зависимости от греческих;

2) большинством исследователей затрагивались вопросы взаимодействия текста и напева в песнопениях с различными фонетическими редакциями текста (истинноречной, раздельноречной, новоистинноречной);

3) изучалась зависимость текстового и музыкального ритма, который понимался и как организация длительностей звуков, и как соотношение различных частей одного целого, т. е. как форма.[12]

В последние годы появились труды, частично разрабатывающие интересующую нас проблематику. Однако проблема текста и напева рассматривается либо на материале только ното-линейных памятников, распространенных на Украине в XVI—XVIII вв.,[13] либо — для сопоставления роли слова в знаменном роспеве с образцами партесного многоголосия.[14]

---

[10] Преображенский А. В. О сходстве русского музыкального письма с греческим в певчих рукописях XI—XII вв. — РМГ, 1909, № 8—10; Преображенский А. В. Греко-русские певчие параллели XII—XIII вв. — В кн.: De musica, вып. 2. Л., 1926.

[11] Velemirovic M. The influence of the bysantine chant on the music of the slavic countries. Oxford, 1966.

[12] См.: Львов А. Ф. О свободном или несимметричном ритме. СПб., 1858; Разумовский Д. В. Церковное пение в России. М., 1867; Металлов В. М. Очерк истории православного церковного пения в России. М., 1915; Смоленский С. В. Ритмические записи, 1898—1901 гг. — ГПБ, ф. 816, № 2644; Бражников М. В. Федор Крестьянин. Стихиры. М., 1974.

[13] Ясиновский Ю. П. Становление музыкального профессионализма на Украине в XVI—XVII веках. Автореф. канд. дис. Киев, 1978.

[14] Герасимова-Персидская Н. А. Роль слова и знаменного роспева в партесном многоголосии. — В кн.: Musica Antiqua. Bydgoszcz, 1975, с. 439—454.

В целом, несмотря на отдельные наблюдения о соотношении текста и напева в древнерусских песнопениях, сделанные дореволюционными и советскими исследователями, эта проблема до сих пор не была широко поставлена и на материале песнопений, зафиксированных в рукописях знаменной нотацией, никем не разрабатывалась. В настоящей статье не предполагается ее решение; наша задача — выработать на конкретном примере приемы анализа, методику изучения взаимодействия текста и напева.

Соотношение текста и напева в песнопении «Взбранной воеводе» рассматривается на уровне формы песнопения, ладовой структуры и образно-смысловых связей.

Песнопение «Возбранной воеводе» — вводный кондак Акафиста Богородице.[15] Акафист привлекал внимание многих исследователей. Текстологический анализ этого произведения проделан М. А. Моминой; [16] о живописном цикле на тему Акафиста в церкви Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря написана работа Т. Н. Михельсон; [17] затрагивалась эта тема и другими исследователями.

В русской певческой традиции песнопение «Возбранной воеводе» впервые зафиксировано в Кондакарях XI—XII вв. в изложении кондакарной нотацией, со знаменной нотацией оно содержится в известных нам певческих рукописях только с начала XVI в.

Это песнопение в XVI—XVII вв. было широко распространено: об этом свидетельствует наличие кондака почти в каждой рукописи с обиходными песнопениями, а также большое количество роспевов этого текста. В рукописях XVI в. кондак зафиксирован знаменным и путевым роспевом, в XVII в. — знаменным, ин, ино знамя, ин перевод, преводне, соловецким, киевским, греческим, меньшим.[18] Внимание к этому песнопению, входившему в Акафист, обусловлено прежде всего его содержанием.

---

[15] Акафист — византийское гимническое произведение, воспевающее Богородицу, состоит из 24 песней (кондаков и икосов). Создание этого произведения связывают с избавлением Константинополя от персов и аваров в 626 г. В древнерусских певческих рукописях Акафист представлен только кондаком «Возбранной воеводе» (глас 8-й). В настоящей статье это песнопение анализируется впервые.

[16] Момина М. А. Постная и цветная Триоди. — В кн.: Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, вып. 2. М., 1976.

[17] Михельсон Т. Н. Живописный цикл Ферапонтова монастыря на тему Акафиста. — ТОДРЛ, т. XXII. М.—Л., 1966, с. 144—165.

[18] См., например: путевой — ГПБ, Соловецкое собр., № 690/755 (1-я пол. XVI в.); ОСРК, Q.I.488 (XVI в.); ин — ГПБ, Соловецкое собр., № 277/286, 661/662; ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 640/897 (2-я пол. XVII в.); малый — ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 712/969, 726/985; преводне — ГПБ, Соловецкое собр., № 618/637; ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 651/908; киевский — ГПБ, Соловецкое собр., № 621/622; соловецкой — ГПБ, Соловецкое собр., № 621/622.

«Возбранной воеводе» — гимн Богородице, благодарение за спасение от врагов и мольба о защите «от всяких бед».

Многими исследователями отмечалась популярность богородичных тем на Руси в XV—XVII вв. и в гимнографии, и в иконописи, и во фресковой живописи, что было обусловлено выдвижением в это время культа Богородицы. Богородица рассматривалась как покровительница русской земли, и ее возвеличивание воспринималось как прославление русского государства; устойчивым было представление о Богородице — защитнице от врагов, поэтому содержание Акафиста связывалось с победой над татарами.[19]

В настоящей работе кондак «Возбранной воеводе» рассматривается на материале 70 списков знаменного роспева из рукописей XVI—XVII вв. (из них 15 списков XVI в., 22 — 1-й половины XVII в., 33 — 2-й половины XVII в.).[20] Привлечены также три списка из кондакарей: «Благовещенского», «Типографского», «Троицкого».[21]

Среди песнопений знаменного роспева мы выделили три музыкальные редакции — XVI, 1-й половины XVII и 2-й половины XVII в.

В цели данной статьи не входит подробный текстологический анализ этих редакций. Укажем лишь основные их отличия. Поскольку бо́льшая часть списков не поддается расшифровке, мы оперируем понятием «музыкальный знак», а не «интонация», придерживаясь точки зрения М. В. Бражникова о том, что нотация — зеркало напева и ее графика отражает напев.

Различия редакций напева заключаются: 1) в изменении количества музыкальных знаков на отдельных слогах текста; 2) в изменении музыкального оформления некоторых слогов и слов; 3) в изменении расположения нотных знаков в слове. Последнее в основном связано с фонетическими исправлениями текста.

---

[19] См.: Михельсон Т. Н. Живописный цикл Ферапонтова монастыря. . ., с. 147.

[20] Рукописи XVI в.: ГПБ, Софийское собр., № 472, 473, 481; ОСРК, Q.I.488, Q.I.898; Соловецкое собр., № 276, 277/283, 277/284, 277/285, 277/291; Кирилло-Белозерское собр., № 568/825, 569/826, 592/489, 619/876, 626/883. Рукописи 1-й половины XVII в.: ГПБ, Софийское собр., № 480, 492, 498; ОСРК, Q.I, № 538; Соловецкое собр., № 292/277, 618/642, 621/660, 621/665, 690/768; Кирилло-Белозерское собр., № 579/836, 593/850, 641/899, 646/903, 609/866, 624/881, 642/889, 672/929, 774/931, 705/962, 713/970; собр. Погодина, № 396. Рукописи 2-й половины XVII в.: ГПБ, Соловецкое собр., № 277/280, 277/286, 618/637, 621/661, 621/662, 640/897, 651/908, 690/762, 690/772, 690/773; Кирилло-Белозерское собр., № 661/918, 636/893, 640/897, 651/908, 706/963, 707/964, 712/969, 728/985; собр. Погодина, № 424; ОСРК, Q.I, № 736.

[21] «Благовещенский» кондакарь — ГПБ, ОСРК, Q.I, № 32, «Типографский» кондакарь — ГТГ, 5349, № 142, «Троицкий» кондакарь — ГБЛ, ф. 304, 1, № 21. Наиболее подробно рассматривается список из «Благовещенского» кондакаря. Список из «Типографского» кондакаря неполный, нотированы только две строки. В «Троицком» кондакаре иное окончание текста. С двумя кондакарями, хранящимися в ГИМ, ознакомиться не удалось.

Рассматриваемое песнопение существует в раздельноречной и новоистинноречной редакциях. В новоисправленном тексте 2-й половины XVII в. изменения незначительны, они коснулись только трех слов («възбранной» — «возбранной», «благодарественная» — «благодарственная», «неневестеная» — «неневестная»). В роспеве двух из указанных слов в списках 2-й половины XVII в. в результате перемещения нотных знаков наибольший внутрислоговой роспев стал соответствовать ударному слогу (например, в слове «възбраненои» на слог «но» приходилось 8 знаков, на остальные — по одному знаку; в слове «возбраннои» 8 знаков соответствуют слогу «ра»: «възбраненои», «возбраннои»). По-
1 1 81 1 8 1
скольку исправления затронули только два слова, нельзя говорить об этом явлении как закономерном.

В целом фонетические редакции этого текста не вызвали существенных изменений в напеве.

Все известные нам списки кондака «Возбранной воеводе» изучались в такой последовательности:

1) выявлялось членение напева с помощью кадансов и рассматривалась зависимость членения мелодии от текста для выяснения взаимодействия текстовой и музыкальной формы;

2) фиксировалась повторность мелодических построений для определения связи повторности с содержанием и структурой текста;

3) выявлялось взаимодействие ударений в тексте с наиболее распевными участками напева;

4) в списках 2-й половины XVII в., поддающихся расшифровке, рассматривалась ладовая структура напева и взаимодействие ее с текстовой структурой.

Списки XVI и 1-й половины XVII в. исследовались с помощью графических методов анализа. При рассмотрении списков 2-й половины XVII в. применялись методы музыкального анализа.

В результате мы пришли к следующим выводам относительно взаимодействия текста и напева в песнопении «Возбранной воеводе».

I. Структура напева зависит от структуры текста. Текст в рукописи членился на строки с помощью точек. Расположение точек в этом исполнении неизменно на протяжении XVI—XVII вв. и совпадает с размещением точек в греческом ненотированном тексте кондака.[22] Текстовая строка, завершаемая точкой, соответствует музыкальной строке, заканчивающейся кадансом, причем один и тот же заключительный мелодической оборот, каданс, повторяется в 1, 2, 3, 4 и 6-й строках, что подчеркивает членение напева. Заметим, что повторность каданса в большинстве строк наблюдается и в кондакарных списках XI—XII вв.

---

[22] Благодарим М. А. Момину за консультации по греческому источнику.

II. Параллельные синтаксические конструкции текста выделяются повторностью напева (строки «яко избавльшеся от злых благодарственная», «яко имущи державу непобедимую»; см. рисунок).

III. Одним из проявлений образно-смысловых связей текста и напева является размещение сложных графических начертаний, фит, над «кульминационными» в содержании текста словами, выделение напевом смысловых «акцентов» текста.

В этом гимничном, торжественном песнопении важные для раскрытия содержания слова, относящиеся к Богородице («победительная», «благодарственная», «непобедимую»), сопровождаются одним и тем же фитным роспевом. Этот прием характерен для всех редакций, повторность знаков над этими словами наблюдается и в кондакарных списках.

Таким образом, в напеве кондака «Взбранной воеводе» широко использован прием повтора: 1) повторяются кадансовые обороты в конце строки, что подчеркивает структуру текста и напева; 2) повторяются напевом близкие по синтаксическому строению строки; 3) повторяются значительные для содержания текста слова. Этот прием имеет важное значение для формообразования в напеве.

В современной литературе, в частности в статье Н. А. Герасимовой-Персидской о роли слова в знаменном роспеве и партесном многоголосии,[23] высказывается мнение о том, что повторность некоторых элементов напева в произведениях знаменного роспева возникает только в поздних его образцах и свидетельствует о проявлении слабых признаков музыкального формообразования, о попытке освобождения из-под власти слова. Данный пример показывает обратное.

Повторность в песнопении «Взбранной воеводе» является приемом традиционным (он наблюдался еще в списках из кондакарей) и свидетельствует не столько о самостоятельности напева, сколько о связи музыкальной формы с особенностями текста.

IV. Анализ списков 2-й половины XVII в. позволяет говорить о взаимодействии текстовой и ладовой структур.[24]

В песнопении «Взбранной воеводе» центральная ладовая опора совпадает с окончаниями мелодических, а соответственно и текстовых строк; побочные опоры, как правило, — с окончаниями слов.

---

[23] Герасимова-Персидская Н. А. Роль слова в знаменном роспеве, с. 445.

[24] а) При анализе лада песнопения мы отталкивались от статьи Н. С. Серегиной «О ладовом и композиционном строении песнопений знаменного роспева» (в кн.: Вопросы теории и эстетики музыки, вып. 14. Л., 1975), в которой проблема лада древнерусских песнопений рассматривается с позиций современных исследований теоретиков по вопросам монодических ладов.

б) Опорность звука определяется несколькими условиями: протяженностью, повторностью, местом в форме. Рассматривая особенности лада, мы исходили из выявления опорных тонов. Нашей задачей являлось выяснение расположения ладовых опор в форме песнопения и закономерностей их появления.

Кондак «Возбранной воеводе»
(ГПБ, Кирилло Белозерское собр., № 728/825).

но я – – – ко и му ща я
дер жа ву не по бе
ди – – – му – –
ю. от вся кихъ насъ бед сво бо - ди
да зо вемъ ти ра дуй ся
не ве – – сто не не
ве – – – стна я.
ал ли лу – – – и – я.

Иначе говоря, опорные звуки лада соответствуют цезурам текста (см. рисунок). Влияние текста на напев в данном случае проявляется опосредованно через музыкальную форму.

V. В музыкальном оформлении отдельных слов кондака намечается соответствие опорных звуков лада и развитого внутрислогового роспева ударным слогам текста.[25]

Совпадение ладовой опоры и ударного слова свойственно только некоторым словам, расположенным в середине строки: «воспишуем ти», «да зовем ти», «свободи». Это явление не характерно для заключительных слов строки, где опора совпадает с последним, неударным слогом и, таким образом, текст подчиняется музыкальной форме.

Соответствие ударности и роспевности наблюдается также в нескольких словах, преимущественно в списках кондака 2-й половины XVII в.: «яко», «возбранной», «богородице», «невесто»,
7 1 1 8 1 1 1 8 3 2 1 5 2
«аллилуия» (цифрами обозначено количество нотных знаков, по-
1 1 10 3 2
мещающихся над слогом текста). О связи роспевности и ударности с фонетическими редакциями текста было сказано выше.

Немногочисленность примеров совпадения ударений текста с роспевностью и ладовыми опорами напева в песнопении «Возбранной воеводе» пока не позволяет сделать определенный вывод об их взаимодействии.

VI. Основным принципом музыкальной организации кондака «Возбранной воеводе», на наш взгляд, является своеобразное «рифмование» конца строк с помощью повторности кадансовых формул, повтора фитного роспева, а также наибольшей мелодизации последних слов строки.

В этом песнопении каждая строка напева состоит из упорядоченного чередования речитативных и роспевных участков, при этом речитативные участки соответствуют середине строки, а роспевные обрамляют их. Наибольший внутрислоговой роспев характерен для заключительных слов строки. Подобное распределение роспевности в строке и повторность ее окончания создают ощущение «ритмичности» музыкальной формы. Эта «ритмичность» выросла, возможно, на основе текстового ритма. Несмотря на то что при переводе текста кондака с греческого языка размер стиха был нарушен, все же в переводном тексте сохраняется определенная закономерность расположения акцентов в конце строк (ударения падают преимущественно на третий от конца строки слог). Но в такой организации формы напева можно усматривать и проявление относительной самостоятельности напева, образующего свой музыкальный «размер».

---

[25] Поскольку в певческих рукописях знаки ударения не выставлялись, ударность определена по тексту кондака из старопечатной Постной триоди.

Соотношение текста и напева в кондаке «Возбранной воеводе» есть неразрывное взаимодействие; с одной стороны, текст организует форму напева, влияет на размещение опорных звуков в напеве; с другой стороны, напев оттеняет структуру текста (повтором кадансов, опорных звуков), выделяет значительные для содержания текста моменты, подчеркивает внутренние закономерности текстовой формы.

Какой бы уровень соотношения текста и напева мы ни рассматривали, везде сохраняется их взаимосвязь.

Наивысший художественный эффект в вокальном средневековом произведении достигается в том случае, когда напев глубоко и полно выявляет особенности текста.

Рассматриваемое песнопение соответствует этим требованиям, связь текста и напева в нем сохранялась на протяжении веков.

Т. А. БРУН

К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ СКАЗАНИЯ ОБ УНЖЕНСКОМ КРЕСТЕ (ПОВЕСТИ О МАРФЕ И МАРИИ)

Задача изучения Сказания об Унженском кресте была поставлена более 10 лет назад,[1] однако до сих пор текст его критически не издан, его история и поэтика полностью не исследованы. Данная статья посвящена анализу содержания и стиля этого произведения с точки зрения его источников. Анализ проводился на основе текстологического изучения 38 списков Сказания, в результате которого выделено три редакции Сказания и два варианта одной из них, которую мы условно назвали «Моисеевой» по указанию в ее заглавии на создание ее «по благословению Моисея, архиепископа Рязанскаго и Муромскаго» (ГИМ, Синод., № 850, л. 739. Далее все цитаты даются по этому старшему списку с указанием листов в тексте в скобках). В данной работе анализируется вариант *А* Моисеевой редакции, который мы считаем наиболее ранним из всех известных редакций. Вопрос о времени возникновения Сказания решается довольно просто: по всей вероятности, оно ограничивается временем архиепископства Моисея — 1638—1651 гг.[2]

Первым обратил внимание на Сказание об Унженском кресте Ф. И. Буслаев. Он сделал очень ценные наблюдения о стиле Сказания, определяющемся, по его словам, тем, что оно «возникло тогда, когда в искусстве господствовал символизм и строгая, но наивная симметрия иконописного стиля».[3] Свой вывод исследователь подкрепил перечислением целого ряда «симметрических событий и случаев»,[4] составляющих сюжетную канву Сказания.

---

[1] Демкова Н. С., Дмитриева Р. П., Салмина М. А. Основные пробелы в текстологическом изучении оригинальных древнерусских повестей. — ТОДРЛ, т. XX. М.—Л., 1964, с. 140 (раздел 3, включающий разбор Сказания об Унженском кресте, написан Н. С. Демковой).

[2] Там же, с. 155.

[3] Буслаев Ф. И. Идеальные женские характеры Древней Руси. — В кн.: Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. II. СПб., 1861, с. 249. См. также: Буслаев Ф. И. Муромское сказание о Марфе и Марии. — В кн.: Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. С. Тихонравовым, кн. 5. М., 1859—1860, с. 56—62.

[4] Буслаев Ф. И. Идеальные женские характеры Древней Руси, с. 249.

О происхождении его Ф. И. Буслаев писал: «. . . это одно из тех сказаний, которые в течение столетий ходили в устах народа и впоследствии получили литературную форму».[5]

Мысль о продолжительном устном бытовании Сказания развивается и уточняется М. О. Скрипилем. Исследователь связывает возникновение устной легенды об Унженском кресте со временем роста значения Москвы после падения Константинополя и до покорения казанских татар и конкретно относит ее к концу XV — началу XVI в.[6]

Н. С. Демкова, занимающаяся Сказанием, также считает, что в основе его лежала древняя устная легенда.[7] Основное внимание Н. С. Демкова уделяет стилистическому анализу памятника, возвращаясь к мысли Ф. И. Буслаева о символизме и симметрии как определяющих стиль Сказания принципах. Она выделяет два приема построения Сказания: симметрию, которая «служит внешней приметой „чудесного" в жизни сестер» [8] и выражает основную идею Сказания — «Марфа и Мария — это символ христианской любви и кротости»,[9] и случайность — «реализацию. . . идеи. . . о необходимости слепой веры».[10]

Нам представляется возможным проследить реализацию принципа симметрии на всех уровнях художественной структуры Сказания об Унженском кресте: идейно-тематическом, сюжетном, композиционном, языковом.

Идейно-тематический план. Основные темы Сказания проводятся через несколько противопоставлений. Осуждение местничества: различия Иоанна и Логгина по знатности и богатству; рознь мужей — взаимная любовь их жен. Необходимость веры в божественный промысел: безоговорочная вера сестер, отдавших сокровище первым встречным, — неверие их родных, организовавших погоню за старцами и не доверяющих друг другу; первоначальное явление ангелов сестрам в виде монахов — проявление их истинной природы перед собравшимися муромцами; неистовство «подстрекаемых дьяволом» юношей, хотевших «восхитити от рук старчих богодарованное сокровище» (л. 745 об.), — почтительное обращение со старцами муромцев, поверивших в их святость.

Сюжетный план. «Ряд одновременных событий»: смерть Иоанна и Логгина «во един день и час», одновременный

[5] Там же, с. 245.

[6] Скрипиль М. О. Повесть о Марфе и Марии. — В кн.: Русская повесть XVII века. Составитель М. О. Скрипиль. ГИХЛ, [Л.], 1964, с. 360—361.

[7] Демкова Н. С., Лихачев Д. С., Панченко А. М. Основные направления в беллетристике XVII века (гл. XII). — В кн.: Истоки русской беллетристики. Л., 1970, с. 517 (раздел IV гл. XII, включающий разбор Сказания об Унженском кресте, написан Н. С. Демковой).

[8] Там же, с. 515.

[9] Там же.

[10] Там же.

отъезд сестер друг к другу, встреча па условной середине пути, взаимное неузнавание при встрече и одинаковые рассказы о себе, по которым сестры узнают друг друга, одновременное видение во сне ангела и получение сокровища, одновременное обретение сокровища наяву, совместное возвращение в Муром. Ряд повторяющихся событий: возвращение сестер па место, где было получено и отдано старцам золото и серебро, новая встреча с ними и получение креста и ковчега, второе общее видение сестрам, после которого они ставят чудотворный крест на Унжу.

Композиционный план. Первая половина Сказания состоит из ряда эпизодов, построенных каждый внутри по принципу зеркального отражения или прямой симметрии. 1) Характеристика и как бы расстановка действующих лиц, определяющая конфликт Сказания: Марфа—Мария, бо́льшая—меньша́я, Иоанн—Логгин, Рязань—Муром, родовит—незпатен, беден—богат. 2) Ссора на пиру: «бысть же между има распря о седении места, Иоанну убо хотящу первоседения честнаго ради отечествия своего, тако же и Логгину желающу богатьства ради своего» (л. 741 об.). 3) Смерть мужей, причем обе не знают о смерти зятя: «Марфе несведомо бысть про Логгинову смерть, Марии же про Иоаннову смерть » (л. 742). 4) Сборы сестер в дорогу: «и рече большая сестра Марфа. . .: „Шед, посещу аз зятя своего Логгина. . .“ Тако же и меньшая сестра Мария рече. . .: „Иду к зятю Иоанну. . .“ (л. 742—742 об.). 5) Встреча сестер в пути: «. . .спидостася на пути. . . и сташа каяждо себе» (л. 742 об.); их взаимное узнавание из расспросов: «. . .и рече большая сестра к Марии. . . — и отвещавши Мария к сестре своей Марфе. . . — Сице же вопроси и Мария Марфы. . . — и отвеща Марфа к Марии. . .» (л. 743). 6). Получение сестрами во сне золота и серебра: «. . .явися има ангел господень, глаголя Марфе и Марии коейждо особ на имя: „Господь посла тебе злато по вере твоей к нему“. — Такожде и другой сребро» (л. 743 об.). 7) Обретение сестрами сокровища наяву: «. . .исповеда Марфа сестре си Марии виденное, такожде и Мария Марфе возвести. . . и абие обретоста. . .Марфа убо злато, Мария же сребро» (л. 743 об.—744).

Дальнейшее изложение строится по принципу симметричности эпизодам первой части: совместное возвращение сестер в Муром — расставанию их после ссоры мужей, плач об умерших мужьях перед муромскими родственниками — плачу о мужьях при встрече Марфы и Марии в пути, возвращение с муромцами па место видения — встрече сестер в пути на том же месте, возвращение старцев и встреча их муромцами — встрече сестер со старцами, получение сестрами от старцев креста и ковчега — передаче Марией и Марфой старцам золота и серебра, видение сестрам от креста с указанием, где его поставить, — видению, в котором сестры получили золото и серебро.

Языковой плап. 1) Синтаксис. Сказание по большей своей части состоит из сложных двусоставных предложений с сос-

динительной или противительной связью, например: «Иоанну убо хотящу первоседения честнаго ради отечествия своего, тако же и Логгину желающу богатьства ради своего» (л. 741 об.); «Злато же убо даде Марфе, сребро же Марии» (л. 743 об.); «Егда ли будет кая, —рече, — жена, и мы вкупе снидемся, аще ли же будет мужеск пол, и мы вдале отидем» (л. 742 об.).

2) Морфология. Морфологически симметрия в Сказании выражается употреблением двойственного числа, указывающего, что каждое действие производится двумя лицами и как бы членится на два одинаковых действия или дублируется, например: «И за сию убо вину не токмо сии едини разлучистася друг от друга, но и женама своима между себе до смерти своея изволиша ни писании ссылатися» (л. 741 об. —742); «И тако поидоста сестра к сестре и по божию изволению снидостася на пути. . .» (л. 742 об.). Это приводит к довольно частым случаям употребления двойственного числа вместо множественного там, где речь идет не о двух персонажах, — правда, в основном в позднем варианте *Б* Моисеевой реакции (2-я половина XVIII в.), например: «Слышавше же чаеми иноцы от них глаголы сия и *рекоста* к ним. . .» (ГПНТБ СО АН СССР, собр. М. Н. Тихомирова, № 473, л. 92 об.), хотя иноков было трое.

3) Лексика. Для выражения симметрических (одинаковых или противоположных) понятий и действий, которыми насыщено Сказание, автор использует словесные повторы, синонимы и антонимы, например: «с сестрою си созревся» — «с сестрою ся узрю» (л. 742), «вкупе снидемся» — «дале отидем», «кая жена» — «мужеск пол» (л. 742 об.) и т. п. Наиболее интересным является пример игры фонетической и графической близостью и антонимическим значением слова в рассуждениях Марфы перед поездкой к сестре: «И аще будет зять мой *призрит* на мое смирение, аз же потщуся в дому его и пребывати, аще ли *презрит*, аз же. . . во своя возвращуся» (л. 742).

В Сказании об Унженском кресте имеет место также симметрия времени и симметрия пространства. Временная симметрия выражается подчеркнутой одновременностью одинаковых событий. Симметрия пространства выражена географическими наименованиями Муром и Рязань и обусловлена чисто утилитарно: автору нужно было объяснить появление креста в церкви Унженского погоста, и он сделал это место условной серединой пути между Марфой и Марией, между Муромом и Рязанью (реально Унженский погост ближе к Мурому). При этом автор опирался на старую традицию: географическая оппозиция Муром—Рязань была хорошо известна муромской литературе и раньше по Повести о Петре и Февронии (муромский князь Петр, отправляясь искать врача «в Рязанские пределы», находит там Февронию и женится на ней) и по Повести о Василии Рязанском (муромский епископ Василий чудесным образом переносится по воде из Мурома в Рязань).

Заметим также, что овдовевшие сестры, приехав в Муром, «обитаста в дому си» (л. 744 об.), т. е. в родительском доме, а не у Марии, как можно было ожидать, — ведь Марфа собиралась в Муром к сестре. Таким образом, они возвращаются в исходную точку, откуда на долгие годы разъехались после ссоры мужей на пиру у «сродников жену своею» (л. 741 об.).

Итак, мы видим, что принцип симметрии проведен автором Сказания об Унженском кресте по всем уровням своего произведения вполне последовательно и настойчиво. Такая «неуклонность» литературного приема наводит на мысль об искусственности, сочиненности Сказания в том виде, в котором оно читается сейчас в Моисеевой редакции. Это произведение чисто книжное, «сконструированное», и устная основа его, если такая была, совершенно скрыта творческой фантазией автора. Последний, разумеется, использовал «ходячие» легендарные мотивы, но такое «симметричное» построение их в сюжетное единство могло произойти только под пером образованного книжника, но не в народном творчестве.

Исследованию языка Сказания об Унженском кресте в ряду других повестей XVII в. посвящена лингвистическая статья В. П. Воробьева, в которой на основании анализа употребления в этих повестях «дательного самостоятельного» делается вывод о наличии его «в литературе феодальных верхов»[11] и сохранении «благодаря традиции как явления стиля».[12] Сказание об Унженском кресте является примером довольно активного употребления этой синтаксической конструкции с присущей данному времени деформацией ее значения, говорящей о переходе ее в категорию явлений чисто стилистических.

Д. С. Лихачев говорит о происходящем в XVII в. «классовом расслоении литературы на литературу господствующих верхов и демократических низов».[13] Наш стилистический анализ Сказания об Унженском кресте, подкрепляемый выводами В. П. Воробьева, позволяет считать это произведение принадлежащим к литературе верхов. Сведения же, сообщенные автором Сказания в предисловии к своему произведению, позволяют уточнить обстоятельства написания его и личность самого автора.

Во-первых, с уверенностью можно говорить о том, что автором Сказания был не светский человек: «. . .понеже убо выше силы и *сана* моего. . .» (л. 740), — пишет он о себе. Следовательно, заказ архиепископа Рязанского и Муромского выполнял церковник, и считать автором Сказания Дружину Осорьина, муромского писателя первой половины XVII в., как это предполагают

---

[11] Воробьев В. П. Дательный самостоятельный в русских оригинальных повестях XVII века. — Уч. зап. Саратовского пед. ин-та, вып. 30. 1958, с. 231.

[12] Там же, с. 238.

[13] Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Изд. 2-е. Л., 1971, с. 93.

некоторые авторы,[14] невозможно: ведь еще в 1640 г. Осорьин был муромским губным старостой.[15]

Во-вторых, предисловие дает некоторое представление о том, как писалось Сказание. Автор прямо заявляет, что никто не помнил, «откуду и како обретеся» (л. 739) крест, т. е. что у него не было никаких устных источников. Вопрос о письменных источниках несколько сложнее. «. . .Зане убо многим летом претекшим, еще же и многаго ради иноплеменных нашествия на страну ону, паки же и частаго ради варварскаго (в остальных списках везде «татарскаго», — *Т. Б.*) разпленения древняя изгибоша списания, в кия лета и при коих содержателех быша сия, но токмо на малей харатиице просторечием, яко же поселяне написано, держаху памяти ради» (л. 739—739 об.), — так описывает ситуацию автор. Безоговорочно принять на веру существование «древних списаний» нельзя. Кто мог бы помнить о них, если они были утрачены так давно? Скорее всего это традиционная ссылка на якобы погибшие древние тексты для придания большей авторитетности своему сочинению.[16] Что же касается предполагаемого содержания «малой харатиицы», то к нему мы вернемся ниже.

Из слов самого автора мы узнали, что древнего устного предания об Унженском кресте он не использовал и вообще такового не знал. Постараемся показать, что такого предания и не могло быть.

Хотя сам крест с ковчегом и не сохранился до наших дней,[17] но имеются его подробные описания и даже изображения, сделанные в конце прошлого столетия.[18] Это был «древний панагийный крест из чистого золота, . . . весу в нем 14 золотников 75 долей (т. е. около 63 г., — *Т. Б.*), крест этот на серебряной цепи, . . . вложен в серебряный вызолоченный ковчег, украшенный жемчугом; на нем на верхней доске по краю вырезано вглубь вязью: „Спаси бог люди своя и благослови достояние свое, победы благо-

---

[14] Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского, описанные самим составителем и бывшим владельцем собрания. М., 1870, стб. 284; Леонид (архим.). Систематическое описание в 4 чч. славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова, ч. II. М., 1893, с. 417; Демкова Н. С., Дмитриева Р. П., Салмина М. А. Основные пробелы в текстологическом изучении. . ., с. 155.

[15] ААЭ, т. III. СПб., 1863, № 163, 210, 295, 297.

[16] Аналогичная отсылка к погибшей во время пожара «в прежних давних летах» «о чудесах книгу распятия господня» встречается в предисловии к Сказанию и объявлению честнаго животворящаго креста господня и чудотворца Николая в Ростовском уезде (Ярославские епархиальные ведомости, 1873, № 1, часть неофициальная, с. 1—5).

[17] Как сообщил нам муромский краевед А. А. Золотарев, крест был утрачен уже в 30-е гг. нашего века.

[18] Тихонравов К. Н. Древний крест в церкви погоста Унжи Меленковского уезда Владимирской губернии. — Известия имп. Археологического общества, т. I, вып. 1. СПб., 1859, с. 6—9 (там же в приложении — 4 литографии с рисунков креста и ковчега: рис. II—V); Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии, вып. 4. Владимир., 1897, с. 15—22.

верному царю и великому князю Михаилу на сопротивныя даруй и своя сохраняя крестом люди“. На задней доске также вязью вырезано вокруг: „Повелением великаго государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича всея Русии самодержца и матери его великия государыни иноки Марфы Ивановны зделан сий ковчех животворящему кресту господню в Муром в соборную церковь архистратига Михаила в 3-е лето государства его лета 7123 фев. 4.“».[19] На верхней крышке ковчега изображено распятие с четырьмя фигурами предстоящих, имеющими надписи вокруг нимбов: над женскими фигурами МАРІА и МР ѲУ, а над мужскими ІОАN и ЛОГИNЪ.[20] В этих именах (разумеется, не фигурах) нетрудно узнать имена героев Сказания об Унженском кресте: благочестивых сестер Марфу и Марию и их мужей Иоанна и Логгина. Конечно, невозможно предположить, что титла имени богоматери были раскрыты автором Сказания, человеком образованным и «книжным», как имя Марфа. Источником имени старшей сестры скорее явилось имя вкладчицы великой иноки Марфы Иоанновны, вырезанное тут же на ковчеге. Евангельская параллель с именами сестер Лазаря четверодневного, уже отмеченная исследователями,[21] возможно, подкрепила использование автором парного к имени Мария имени Марфа.

Допущение, что источником имен героев Сказания явилось изображение на ковчеге, предполагает, что Сказание не могло быть написано раньше создания ковчега, т. е. до 1615 г. В пользу такого предположения говорит также следующее. Во-первых, в Сказании идет речь о кресте и ковчеге, сделанных одновременно, на самом же деле, как мы знаем, ковчег был сделан на уже существовавший крест. (Правда, нельзя исключать возможности существования более древнего ковчега, утрату которого и возмещал царский вклад). Во-вторых, мотив Сказания «злато—сребро» полностью соотносится с реалией золотой крест—серебряный ковчег, что также говорит в пользу составления Сказания после появления серебряного ковчега. Хотя сочетание золота и серебра представлено самим крестом, имевшим серебряную цепь, все же Сказание говорит о реализации сочетания (и противопоставления) «злато—сребро» именно в кресте и ковчеге, включая обе пары в организацию симметрии сюжета и композиции (см. выше).

Основной аргумент в пользу позднего происхождения Сказания об Унженском кресте заключается в истории самой реалии, комплекса крест—ковчег, некоторые моменты которой удалось выяснить.

Из приведенной выше надписи следует, что серебряный ковчег был сделан в 1615 г. для креста, находившегося в Муроме в соборной церкви архистратига Михаила. То, что ковчег делался

---

[19] Тихонравов К. Н. Древний крест. . ., с. 6—7.

[20] Там же, рис. IV.

[21] См.: Скрипиль М. О. Повесть о Марфе и Марии, с. 359; Истоки русской беллетристики, с. 515.

для креста, находящегося в Муроме, подтверждается изображениями на нижней доске ковчега: по сторонам находящегося в центре архангела Михаила вырезаны Петр и Феврония Муромские.[22] Собор Мурома, известный уже с 1446 г.,[23] носил название Рождества Богородицы. В XVII в. он имел при себе зимнюю теплую церковь Петра и Февронии[24] и назывался Муромской соборной церковью Рождества Пресвятыя Богородицы и муромских чудотворцев благоверного князя Петра и княгини Февронии.[25] Зато единственной приходской церковью, находившейся в городе (в кремле) возле собора и его зимней церкви, была церковь Михаила архангела. Она известна по описям 1624 и 1637 гг., где именуется строением муромского мужского Спасского монастыря.[26] Время построения этой церкви неизвестно. В Описи города Мурома 1637 г. указывается, что Богородицкий собор находится в полуразрушенном состоянии,[27] но давно ли — не сказано. Возможно, собор был разрушен уже к 1615 г. и поэтому функции соборной церкви перешли к находящейся рядом церкви архангела Михаила. Такое предположение объясняет, почему в надписи на ковчеге говорится о церкви архистратига Михаила как о соборной.

Спасский монастырь, которому принадлежала эта церковь,— старейший в Муроме, он упоминается в летописи уже под 1096 г.: в нем лежало тело убитого Олегом Черниговским сына Владимира Мономаха — Изяслава.[28] По преданию, монастырь этот был основан на месте, где два года жил не допущенный в город язычниками-муромцами князь Глеб, сын Владимира Великого, и где он построил на своем подворье церковь во имя Спаса.[29] Возможная связь креста (именно самого креста, без ковчега) с этим монастырем подтверждается изображением на его нижней доске Бориса и Глеба.[30]

Встает вопрос, когда и почему крест с ковчегом попали из Мурома в Унженский погост. Муромская Михаилоархангельская церковь существовала до 1799 г., когда была упразднена «по ветхости».[31] Крест же оказался на Унже, как показывают архивные

---

[22] Тихонравов К. Н. Древний крест., рис. V.
[23] ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853, с. 175.
[24] Писцовая книга города Мурома 1637 г. — В кн.: Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии. Сост. и изд. К. Тихонравов. М., 1857, с. 142.
[25] ЦГАДА, МАМЮ (ф. 1209), к. 285, л. 1687, 1628—1630 гг.
[26] Травчетов Н. П. Город Муром и его достопримечательности. Очерк истории и современного состояния города. Владимир, 1903, с. 35.
[27] Писцовая книга г. Мурома 1637 г., с. 141.
[28] ПСРЛ, т. I. Изд. 2-е. Л., 1926, стб. 237.
[29] Беспалов Н. Муром. Памятники искусства XVI—нач. XIX в. (очерк). Ярославль, 1971, с. 15.
[30] Тихонравов К. Н. Древний крест., рис. III.
[31] Травчетов Н. П. Город Муром и его достопримечательности, с. 43.

материалы, не позднее 1646 г., так как в писцовой книге этого года читается: «В Муромском же уезде в Унженском стану Животворящаго креста господня золотово, что возят ко государю к Москве, погост. . .».[32] Речь здесь идет именно о нашем кресте, так как факт ежегодного ношения его в Москву отмечен как в самом Сказании — «Прохождаху же повсюду слава о нем. . . еже и до царствующаго града Москвы, самодержцем в слухи внидоша и сердца тех к честному оному кресту верою воспалистася, и з желанием приемлюще сего, целоваху. Сего ради обыкоша и служителя тоя церкви даже и до днесь по вся лета приносити того в царьствующий град Москву к державным и в благочестии сияющим царем и святителем и всему православному христианству. . .» (л. 747 об. — 748), — так и во вкладных записях 1692—1695 гг. на книгах, данных из Приказа Большого Дворца в Унженский погост: «. . .к церкви Воздвижения честнаго креста господня, который приноситца изстари к ним Великим Государем к Москве по вся годы. . .».[33]

Таким образом, в 1646 г. крест с ковчегом уже были на Унже. Можно с большой вероятностью утверждать, что в 1630 г. их там еще не было: в писцовой книге 1628—1630 гг. упоминается «погост Животворящаго креста и собору архистратига Михаила на речке на Унже, а на погосте церковь Воздвижения честнаго животворящаго креста господня и другая церковь Собор архистратига Михаила древяны клецки. . .»,[34] но о золотом кресте еще ничего не говорится.

Почему произошло перенесение муромской святыни в уезд, пока неясно. Но писцовые книги конца 20-х гг. XVII в. показывают наличие при этой церкви такого количества прикладной земли, какого не имела в то время ни одна приходская церковь Муромского уезда, причем значительная часть ее была пожалована Михаилом Федоровичем.[35] Значит, церковь эта по каким-то пока не выясненным причинам пользовалась особенным вниманием царствующего дома: ее наделяют богатыми земельными угодьями, а затем переносят в нее драгоценную реликвию из Мурома.

Для нас важно то, что крест с ковчегом попали на Унжу не ранее 1615 (или даже 1630) г. Сказание об Унженском кресте связывает крест с Унжей столь органично (см. выше о симметрии пространства в Сказании), что признать мотив поставления креста

---

[32] Список с переписной книги дворов и в них людей города и его посада, и поместных и вотчинных сел, деревень и дворов в станах: Стародубвоцком, Дубровском, Унженском, Куземском и Замотренском. — ЦГАДА, МАМЮ (ф. 1209), к. 11834, л. 1809.

[33] Тихонравов К. Н. Древний крест. ., с. 7.

[34] Подлинная писцовая книга поместных и вотчинных земель в станах: Стародубвоцком, Дубровском и Унженском. — ЦГАДА, МАМЮ (ф. 1209), к. 285, л. 1694.

[35] Историко-статистическое описание церквей. ., вып. 4, с. 20.

в церковь Унженского погоста поздней вставкой в ранее существовавшее предание невозможно. Следовательно, Сказание сразу же возникло как Сказание об *Унженском* кресте, т. е. не ранее перенесения креста и ковчега из Мурома. Вряд ли в таком случае можно говорить о формировании устного предания, лежащего в основе Сказания, написанного в 40-х гг. XVII в. Проведенный выше стилистический анализ Сказания об Унженском кресте привел нас к тому же выводу: это Сказание (в том виде, в котором оно читается в Моисеевой редакции) написано без опоры на сформировавшееся ранее устное предание.

Что же в таком случае представляла собой «малая харатиица», упоминаемая автором в предисловии? Ответить на этот вопрос можно только гипотетически. Считая, что крест долгое время находился в Муроме и, видимо, почитался там (иначе почему бы он удостоился ковчега от новой царской династии?), можно предполагать, что вокруг него там сложились какие-то предания. При перенесении святыни на Унжу краткая запись этого предания могла быть взята вместе с ней или составлена уже на новом месте.

Факт заключения старого чтимого креста в новый ковчег, как бы укрупнение святыни, увеличение ее масштабности, сам по себе достаточно типичен. Так, например, в XVII в. в Троице-Сергиевом монастыре был заключен внутрь большого воздвизального креста, сделанного русским мастером Андреем Маловым, древний золотой византийский крест-мощевик, подаренный в 1355 г. Сергию Радонежскому патриархом Филофеем; [36] домонгольские медные кресты нередко вкладывались в более позднее время в серебряные ковчеги; [37] иногда на более ранний ковчег делался позднее второй (Унженский крест в XVIII—XIX вв. был заключен во второй ковчег, также серебряный).[38] Наш же случай представляет особый интерес, так как создание ковчега на крест фактически привело к созданию литературного произведения о нем.

Вообще сказания о явлении крестов в древнерусской литературе довольно редки. Кроме муромских, нам известно лишь два таких сказания — «Сказание и объявление честнаго и животворящаго креста господня и чудотворца Николая в Ростовском уезде» [39] и «Сказание о явлении иконы Пречистыя Богородицы Оковецкия (Ржевския)»,[40] — но в обоих вместе с крестом явля-

---

[36] Белоброва О. А. Посольство константинопольского патриарха Филофея к Сергию Радонежскому.— В кн.: Сообщения Загорского Государственного Историко-Художественного музея-заповедника, вып. 2. Загорск, 1958, с. 13, 18.

[37] Николаева Т. В. Прикладное искусство Московской Руси. М., 1976, с. 71, 83.

[38] Тихонравов К. Н. Древний крест. . ., с. 7.

[39] См. примеч. 16.

[40] Русский Архив, издаваемый Петром Бартеневым, кн. 2. М., 1881, с. 7—15.

ется икона. Тот факт, что в муромской литературе сказаний о крестах известно два,[41] причем кресты в них являются «самостоятельно», без иконы, объясняется, по всей видимости, тем, как велико было обаяние первого из них — Сказания об Унженском кресте, — послужившего толчком к созданию последнего произведения муромского цикла: Повести о Виленском кресте, далеко ушедшей от канонов агиографического жанра. И отход этот был начат уже Сказанием об Унженском кресте, поставившим на первое место судьбу двух сестер, а не только историю явления чудотворного креста.

В заключение вернемся к мысли Ф. И. Буслаева о симметрии Сказания, напоминавшей ему «строгое размещение фигур и целых сцен в древнехристианской живописи».[42] Мы же можем предположить, что именно такая «сцена древнехристианской живописи» — распятие с предстоящими на верхней крышке ковчега Унженского креста — и явилась изобразительным источником этой симметрии, составляющей, «как живая нитка, искусственный план»[43] Сказания об Унженском кресте.

---

[41] Второе — Повесть о Виленском кресте — было написано в третьей четверти XVII в. Публикация текста и комментарий см. в нашей статье «Повесть о Виленском кресте — произведение Муромской литературы XVII века». — ТОДРЛ, т. XXXIV. Л., 1979, с. 323—331.

[42] Буслаев Ф. И. Идеальные женские характеры Древней Руси, с. 249.

[43] Там же, с. 249.

Я. Г. СОЛОДКИН

РЕДАКЦИИ «ИСТОРИИ» АВРААМИЯ ПАЛИЦЫНА

«История» Авраамия Палицына является популярнейшим публицистическим сочинением Смутного времени. Если другие произведения начала XVII в. сохранились в одном, нескольких или двух-трех десятках списков, то в новейшем издании палицынской «книги» учтено 134 списка.[1] Нам известен еще 51, в том числе три копии первого (1784 г.) издания памятника.[2]

Принято думать, что «История» существует в одной редакции. Исключение делается лишь для начальных глав и главы об оскудении казны.[3] Анализ рукописного материала заставляет пересмотреть этот вывод.

В основу обеих научных публикаций «Истории» положен список ГБЛ, ф. 256, № 299 (далее: Р). Список, датируемый 20—

[1] О. А. Державиной перечислено 137 списков. Однако список ГИМ, собр. Забелина, № 176 (далее: З) описан ею дважды, как и рукописи ГПБ, собр. Титова, № 4048, 4968, ранее находившиеся в Московском литературном музее. См.: Державина О. А. Археографический обзор. — В кн.: Сказание Авраамия Палицына. Подгот. текста и комм. О. А. Державиной и Е. В. Колосовой. Под ред. Л. В. Черепнина. М.—Л., 1955, с. 73—74, 79, 81, 88—89 (далее: Сказание).

[2] ГПБ: Эрмитажное собр. № 370, 378, 463—466, 527; собр. Титова, № 72, 1496 (75); собр. ОЛДП, Q.265; собр. Погодина, № 1452; Соловецкое собр., № 878/988, 905/1015, 43/1502; НСРК, № 1952.13 Q; 1963.62 Q. БАН: 32.4.4; 32.11.7; 34.5.43; собр. текущих поступлений, № 768; собр. Никольского, № 217. ЛОИИ: к. 11, № 38, 58, 59; к. 36, оп. 1, № 659; к. 115, № 237; к. 238, оп. 1, № 68, 524. ИРЛИ: собр. Перетца, № 202; оп. 23, № 143. ГБЛ: ф. 178, № 735, ч. II; 3358, 3429, 10408; ф. 203, к. 28, № 11; ф. 218, № 1074. ГИМ: Музейское собр., № 908, 1388; Синодальное собр., № 673; собр. Уварова, № 547; собр. Вахромеева, № 547. ЦГАДА, ф. 181, № 26/34. Центральная науч. биб-ка АН УССР: собр. Нежинское, № 41; собр. Киевской ДА, № 215. Ярославский областной историко-художественный музей-заповедник, собр. ркп., № 15315, 15468, 17199. Саратовский государственный университет, собр. ркп., № 402. Славянская библиотека (Прага), Т 9763. Минимум семь списков нужно считать утраченными, они принадлежали Троице-Сергиеву и Красногорскому монастырям, Воронежскому краеведческому музею, В. Н. Татищеву, П. Г. Демидову.

[3] Державина О. А. 1) Списки «Сказания» Авраамия Палицына, хранящиеся в Отделе рукописей библиотеки им. В. И. Ленина. — Зап. Отд. рукоп. ГБЛ, 1952, вып. XIV, с. 52—53; 2) Археографический обзор, с. 66, ср. с. 76—85, 88, 89, 91.

30-ми гг. XVII в., единодушно признается лучшим по изяществу и исправности. Возможно, он непосредственно восходит к оригиналу. Дело в том, что в Р имеется 17 глосс, ориентирующих в содержании 2—6-й, 8-й, 14-й и 34-й глав («О неправедном сокровище», «О умерших от голода», «14 лет питались старым хлебом» и др.). Такие пометы — видимо, особенность авторской манеры. Можно думать, что глоссы были в оригиналах обоих списков «Сказания, киих ради грех» — первой редакции начальных глав «книги».[4]

Разночтения Р и З О. А. Державина находит незначительными.[5] Сопоставление двух списков, однако, обнаруживает существенную стилистическую правку текста и фактографические расхождения. В них отличны названия памятника и его 6-й главы. Только в Р читаем фразу «Исходяще же нужницы, да обрящут си веницы, за них же и не хотяще отдааху своя зеницы» (рассказ об отчаянии троицких «сидельцев»). В З опущена дата воцарения Шуйского, не говорится, что в Тушине «перелеты» целовали крест, монастырь обороняли галичане, Зборовский пришел к Троице после сражения со Скопиным, последнего славила вся Москва, дьяк Луговской пагубно влиял на царя Василия. Внесены фактические уточнения. Так, П. Ляпунов верно назван Петровичем, а не Ивановичем. В З также встречаем дополнительные известия о том, что «разбойничество» началось в 7113 г., осажденные отбили у «литвы» туры на Красной горе, во время сражения с Ходкевичем казаки Трубецкого сперва играли в «зернь», на земском соборе 7120 г.[6] «первое избрание государю бысть», после его воцарения всех христиан охватила великая радость. Рассказ о возведении Михаила Федоровича на престол выделен тут в главу. Особенно много разночтений между обоими списками приходится на Сказание о вторжении Владислава. В Р и З по-разному определяется время подхода интервентов к монастырю и присылки ими грамоты троицким властям. В З опущены имена крестьян, с которыми Сапега прислал в обитель икону, отсутствует большинство цитат из его послания в Троицу, нет ряда подробностей исцеления немого и вместе с тем содержится важная интерполяция об уроках лихолетья. Оба списка различаются также названиями 74-й и 76-й глав.[7] В З представлена новая редакция заклю-

---

[4] Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник. Изд. 2-е. СПб., 1913, с. 226, примеч. 1; Сказание, с. 253, примеч. 19—20, с. 258, примеч. 65—66; ср. с. 260, примеч. 75—76.

[5] Державина О. А. Археографический обзор, с. 73—74.

[6] В ряде списков приводится верная дата — 7121 г. (ГБЛ: ф. 29, № 9; ф. 98, № 292; ф. 173/П, № 3. ГПБ, собр. Погодина, № 1507, и др.).

[7] Сказание, с. 115, примеч. 12—15, с. 119, примеч. 37—38, с. 154, примеч. 27, с. 169, примеч. 40—41, с. 182, примеч. 39—40, с. 184, 206, примеч. 74—75, с. 225, примеч. 24, с. 233, примеч. 18, с. 239, примеч. 82—85, 90, с. 240, примеч. 12, с. 241, примеч. 55, с. 242, примеч. 66—67, 73—75, и др. Нумерация глав дается по Р.

чительного «Сказания». Ее автор теперь не только отметил факт заключения перемирия, но и подчеркнул, что в Деулине русские и польские послы целовали крест «койждо по своей вере и записьми менялися».[8] Это позволяет думать, что редактор писал после 1 июня 1619 г., когда совершился размен пленных между Россией и Речью Посполитой, т. е. начали выполняться (с опозданием на три с половиной месяца) условия перемирия.

В Р нет главы о поставлении храма в Деулине; не значится она и в оглавлении. Глава о храме, заключительная в З, появилась после освящения деулинской церкви в декабре 1619 г.[9] К этому времени, возможно, содержащаяся в Р первоначальная редакция «Истории» была уже создана. Поскольку в ней имеется отрицательный отзыв о Луговском, сразу по возвращении из плена (июнь 1619 г.) занявшем видное место в приказной администрации,[10] допустимо считать, что она возникла путем простого присоединения второй редакции начальных глав к ранее написанному тексту.

В рукописной традиции Р обособлен, он остался неизвестным для позднейших переписчиков «Истории» и многочисленных компиляторов XVII—XVIII вв.

В З «книга» завершается послесловием, согласно которому она «последовася и исправися» в 7128 г. Это свидетельство подтверждается тем, что в Троице был список произведения «дачи» келаря. Из копийных же книг монастыря известно, что келарскую должность Палицын оставил летом 1620 г.[11] Под правкой «Истории», о которой пишет автор, обычно понимают переработку «Сказания, киих ради грех» либо еще главы о казне. Лишь С. И. Кедров ставил вопрос о возможности «исправления» остального текста, но уклонился от его решения.[12] На наш взгляд, в авторской исповеди речь идет о переработке первой редакции «книги». Правка была вызвана литературными мотивами, стремлением расширить фактическое содержание произведения и ориентацией на официальные каноны.

Вторая редакция «Истории» представлена почти в 40 списках. Ее ранний вид совпадает с первой редакцией в названии («История в память предъидущим родом. . .») и в некоторых известиях, опущенных в З, особенно в заключительном «Сказании». Сюда относятся списки ГПБ, НСРК, 1963. 62 Q; ЛОИИ, к. 238, оп. 1, № 80 и др. Иной вид находим в З, где «книга» называется «Исто-

---

[8] Сказание, с. 246, примеч. 85—86.

[9] Освящение храма в различных списках «Истории» и компиляциях, в которых она использована, датируется 1, 2, 4—10, 15, 16, 25 декабря, чаще всего 1 и 10.

[10] Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975, с. 301—302.

[11] Солодкин Я. Г. О датировке начальных глав «Истории» Авраамия Палицына. — ТОДРЛ, т. XXXII. Л., 1977, с. 301.

[12] Кедров С. Авраамий Палицын как писатель. — Русский архив, М., 1886, № 8, с. 455.

рией от начала царства Феодора Ивановича. . .». В ряде списков читаем о том, что Г. Отрепьев жил в Чудовом монастыре.[13] Это добавление вполне могло быть сделано переписчиком. Палицын сообщает о службе будущего Самозванца патриарху, а патриаршим монастырем являлся Чудов. Все списки данного извода сопровождаются «Житием» Дионисия, почему можно полагать, что он возник не ранее середины XVII в. В конце того же столетия писец переделал послесловие автора в том смысле, что все беды случились из-за гибели царевича Дмитрия.[14] Наконец, это послесловие иногда помещалось перед главой о храме.[15]

В сборнике историко-литературного содержания, принадлежавшем Соловецкому монастырю, нами обнаружен один из ранних (второй четверти XVII в.) списков «Истории».[16] Рукописи соответствует сборник конца XVII столетия (ГПБ, Q. XVII. 40), только он включает еще три сочинения. О. А. Державина указала лишь на то, что Сказание о воцарении Михаила Федоровича заканчивается в данном списке известием о возведении избранного государя на престол, после чего следуют две новые главы — о приезде в Россию Феофана Иерусалимского, возвращении на родину Филарета и его поставлении на патриаршество. О. А. Державиной был известен и список ГИМ, Муз., № 2010. Исследовательница предположила, что в нем имеется отрывок «Сказания, киих ради грех».[17] Список этот, однако, относится к той же группе, что Соловецкий и Толстовский (примечательно, что все они сопровождаются повестью о Псково-Печерском монастыре). В них встречаем новую редакцию «Истории». Здесь более пространно говорится о святости Федора Ивановича, борьбе Годунова — правителя и царя — со своими действительными и возможными соперниками, его благотворительности в голодные годы. Привлекает внимание инвектива по адресу «украинных воров». Прерывая связный рассказ о царствовании Бориса Годунова, автор нанизывает одно преступление южнорусских выходцев на другое и рисует впечатляющую картину их «измены и губительства». Порой интерполятор добавляет отрицательные штрихи к характеристике Годунова, но большей частью повествует о нем в панегирическом тоне. Так, он оценивает Бориса как «правителя

---

[13] ГПБ, Соловецкое собр., № 608/627; собр. ОЛДП, Г. 8 (6); собр. СПб. ДА, № 307; Эрмитажное собр., № 370, 463, 464. В последнем списке налицо заимствование из Хронографа (л. 9—9 об.). Ср.: ГБЛ, ф. 178, № 10408.

[14] ГБЛ, ф. 29, № 9. — О списке см.: Державина О. А. Списки. . ., с. 79—80.

[15] БАН, 34.5.43; ГПБ, собр. Толстого, отд. II, № 480. Ср.: БАН, 33.11.16.

[16] ГПБ, Сол., № 43/1502, л. 143—490. — О сборнике см.: Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии, ч. II. Казань, 1885, с. 547—548; Зимин А. А. Археографический обзор сочинений И. С. Пересветова. — В кн.: Сочинения И. Пересветова. Подготовил текст А. А. Зимин. Под ред. Д. С. Лихачева. М.—Л. 1956, с. 117.

[17] Державина О. А. Археографический обзор, с. 81—83.

разумна и добра, наипаче же премудра и благочестию поборника и милостива и благоразсудна и стройна». Вспомним, что во второй редакции начальных глав Палицын относится к Годунову более враждебно, чем в первой. П. Г. Васенко справедливо связал это с официальной установкой.[18] Далее автор сетует на то, что Федор Иванович лишь «печашеся о души своей и все исправление царское предаде» Борису Годунову. В публицистике начала XVII в. подобный упрек можно уловить только во «Временнике» И. Тимофеева.[19] Бросается в глаза, что среди причин стихийного бедствия 1601 г. в новой редакции не называются гонения царя Бориса на «Никитичей».[20] Возможно, не случайно и то, что Сказание о воцарении Михаила Федоровича не содержит здесь доказательства богоизбранности «великого государя» и молитвы о даровании ему благополучия. Тезис об избрании царя Михаила «преже рожения», выдвинутый еще в «Утверженной грамоте» 1613 г., келарь обосновывал тем, что сравнительно с Шуйскими Романовы подверглись при Годунове «злейшим» страданиям. Со временем автор мог счесть этот довод неубедительным, а молитву — расходящейся с современной политической действительностью.[21] Не так скованный официальными канонами, как троицкий келарь, создатель новой редакции «книги» прямо говорит об оформлении оппозиций правителю после углицкой драмы и выполнении Годуновым в первые годы царствования «словесной заповеди» печься о бедных и нищих. Он не скрыл и поддержки Лжедмитрия I боярами и дворянством. Автор дополнил предыдущую редакцию сообщениями о смерти датского принца — жениха царевны Ксении, о судьбе патриарха Игнатия, о помощи, оказанной «расстриге» магнатами Вишневецкими, о нарушениях Самозванцем норм религиозного благочиния, указал точную дату венчания Годунова на царство. Претерпел изменения и стиль памятника, причем не только в ходе переписки.[22]

Новая редакция «Истории» возникла в 1620—1626 гг., когда Палицын был «на покое» в Соловецком монастыре. В ней воспро-

---

[18] Васенко П. Г. Две редакции первых шести глав Сказания Авраамия Палицына. Пг., 1923, с. 9.

[19] Полосин И. И. Социально-политическая история России XVI—начала XVII в. Сборник статей. М., 1963, с. 275, 276.

[20] Такая оценка дела Романовых в «Сказании, киих ради грех» лишний раз позволяет приурочить его ко времени Михаила Федоровича. См.: Крестьянская война в Московском государстве начала XVII века. Сборник документов подготовлен к печати Н. И. Ульяновым. Л., 1935, с. 19, примеч. 2.

[21] Согласно молитве, царь должен быть грозой соседних государств, милостивым «ко всей. . . державе его», обладать «долготерпением» к «повинным». Характерно, что в написанных позже начальных главах последняя мысль уже не разделяется (см.: Сказание, с. 105, 106, 116, 239).

[22] Переписчику, очевидно, принадлежат многочисленные стереотипные указания на титулы правителя Годунова и его родство с царем, сделанные в расчете на неосведомленность читателя.

изведено (наверное, по памяти) известие «Сказания, киих ради грех» о «блуде» Самозванца.[23]

Указанные дополнения ко второй редакции произведения родственны ей по стилю и тематике. Однажды интерполятор обещает «впреди сказать» о действиях «украинных воров». Это тоже позволяет атрибутировать Соловецкую редакцию Палицыну. Он был участником либо очевидцем событий, описанных в новых главах «Истории». Еще Строев П. М. писал о работе Палицына над «книгой» в Соловецком монастыре.[24] Существование позднейшей авторской редакции памятника подтверждает эту мысль.

Две трети списков «Истории» содержат поздний вариант главы о казне, в котором осуждение Шуйского сменилось его апологетикой. С. И. Кедров и О. А. Державина приписывают этот вариант Палицыну; А. В. Горский и Е. Н. Кушева не считают келаря правщиком главы. Е. Н. Кушева обратила внимание на то, что все три списка Иного сказания сопровождаются «Историей» с главой о казне в позднем варианте. Первая же часть Иного сказания (компилятивная повесть о событиях конца XVI—начала XVII в., кончая разгромом царских войск под Калугой) является панегириком Шуйскому. По мнению исследовательницы, составитель Иного сказания, дополняющего «Историю», уже во время ее переписки переделал рассказ об оскудении троицкой казны «от царя Василия». Список палицынской «книги», бывший в его распоряжении и, возможно, им самим написанный, относится к 7131 (1622/23) г. Эта дата открывала воронежский список; за ней следовал «Указ главам по книге сей инока СДВ». Тайнопись, согласно Е. Н. Кушевой, скрывает имя правщика.[25] Однако девять подобных списков[26] не сопровождаются Иным сказанием, а все остальные списки с поздним вариантом главы, включая смежные в рукописях с Иным сказанием,[27] тайнописи

[23] Сказание, с. 263. См. также: Васенко П. Г. Две редакции. . ., с. 19. — Прослеженные расхождения Соловецкой редакции с предшествовавшими настолько значительны, что нужно говорить о трех, а не о двух редакциях начальных глав, как делалось до сих пор.

[24] Строев П. М. Библиографический словарь и черновые к нему материалы. Под ред. А. Ф. Бычкова. СПб., 1882, с. 11. — Исследователь, правда, думал, что на Соловках бывший келарь написал все части «Истории», кроме Сказания об осаде.

[25] Кушева Е. Из истории публицистики Смутного времени. Саратов, 1926, с. 62—64.

[26] БАН: Архангельское собр. Д, № 413; С, № 255; собр. текущих поступлений, № 368. ГПБ: собр. Погодина, № 1509 (далее: П); Q.XVII.61; собр. Вяземского, XVIII. ГБЛ: ф. 98, № 88 (далее: Е); ф. 178, № 1413. ГИМ: собр. Щукина, № 681. Первый из них датируется началом 1620-х гг. (Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера. Л., 1977, с. 104, 109).

[27] ГБЛ, ф. 178, № 1836; ГПБ, собр. Погодина, № 1503. — Эти списки дефектны, см.: Сказание Авраамия Палицына. СПб., 1909, стб. 75—76, примеч. 36, стб. 309—310, примеч. 15; ср. стб. 295—296, примеч. 3.

не имеют. Кроме того, в трех списках находим только дату.[28] Как увидим, списки с датой и тайнописью и списки, в которых их нет, относятся к разным изводам. Списками разных видов располагали составители летописцев и хронографов, компилировавшие Иное сказание с «Историей».[29] Следуя взгляду Е. Н. Кушевой, неясно, почему правщик сохранил неблагоприятные отзывы о Шуйском в других частях «книги», а также название рассказа о казне в оглавлении («. . . о разграблении монастыря от царя Василия»).[30] Составитель Иного сказания, сшивая отрывки компилируемых произведений, ограничивается делопроизводственными трафаретами,[31] чего не скажешь о правщике главы. Как отмечает сама Е. Н. Кушева, Иное сказание в первоначальном виде заканчивалось статьями о Смуте из хронографа второй редакции. Автор же статей холоден к царю Василию.[32] Наконец, составителя Иного сказания нужно считать не монахом, а светским лицом, скорее всего приказным.[33]

Хотя гипотеза Е. Н. Кушевой не может быть принята, считать правщиком главы самого Палицына едва ли допустимо. В Соловецкой редакции глава дается в раннем варианте. Правка рассказа о казне резко изменила отношение автора к Шуйскому, в то время как переработка «Сказания, киих ради грех» коснулась лишь тона отзывов о царе Василии.[34] С. И. Кедров и О. А. Державина заметили, что «исправление» главы сделано не очень удачно, особенно в конце. Между рассмотренными редакциями «Истории» и главой о казне в позднем варианте есть различия по стилю и языку. Впрочем, ряд выражений правщика имеет параллели в авторском тексте.[35] Позднему варианту главы свойственны фактические противоречия, которых, за единственным

---

[28] ГБЛ: ф. 178, № 3429; ф. 218, № 1074. ЛОИИ, к. 36, оп. 1, № 659. — Две первые рукописи, очевидно, вышли из одного скриптория.

[29] ВОИДР, 1853, кн. 16, с. 86, 96—97, 99—146; ГБЛ: ф. 29, № 1; ф. 152, № 12; ф. 218, № 551; ф. 299, № 570; ф. 344, № 124. БАН: 33.10.13 и др.

[30] Сказание Авраамия Палицына, стб. 69; Сказание, с. 99; Рукописи и древние акты Воронежского губернского музея. — Тр. Воронеж. учен. архив. комиссии, 1902, вып. 1, отд. II, с. 92.

[31] РИБ, т. XIII. Изд. 2-е. СПб., 1909, стб. 18, 25, 26, 40, 42 и др. — Вопреки мнению Е. Н. Кушевой, оригинальный рассказ Иного сказания об «умолении» Годунова вступить на престол, борьбе царя Бориса с Самозванцем и восстании Болотникова нужно отнести не к личному творчеству составителя, а возводить к неизвестной повести начала XVII в. (см.: Смирнов И. И. Восстание Болотникова. 1606—1607. Л., 1951, с. 262, примеч.: с. 272, 292, 293, 301, 305—308 и др.).

[32] Попов А. Обзор хронографов русской редакции, вып. 2. М., 1869, с. 120; Платонов С. Ф. Древнерусские сказания. . ., с. 97.

[33] Беляев И. Предисловие. — ВОИДР, кн. 16, с. III—IV. — «Инок СДВ», видимо, был простым писцом (Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки. . ., с. 109), имевшим список с датой его возникновения.

[34] Солодкин Я. Г. О датировке. . ., с. 295—296. — С. И. Кедров игнорирует это различие. См.: Кедров С. Авраамий Палицын как писатель, с. 461.

[35] Сказание, с. 112, 144, 158, 180, 187, 203, 204, примеч. 59—60, с. 212.

исключением,[36] не найти у Палицына. Так, сперва говорится, что Шуйский ограбил монастырь «принуждением» дьяков Елизарова и Янова, а потом утверждается, что царь сделал это «советом благим . . .не нуждею подстрекателей». Правщик повторил мнение келаря, что под влиянием клеветников Шуйский «поползеся яко человек». Это, как и посягательства на троицкую казну, сближало его с «расстригой».[37] Царь Василий также противопоставляется «прежним христолюбцам», делавшим вклады в обитель. Правщик уверяет, что Шуйскому удалось избавить страну от «погибели», что явно расходится с последующим изложением. Кроме того, восхваление Шуйского в главе о казне контрастирует с другими отзывами о царе Василии, даже в Сказании об осаде, этой главой заканчивающемся. Примечательно, что правщик умалчивает о противодействии келаря оскудению казны и сообщает, что 1000 рублей, которые тот ссудил Шуйскому, были «в долгу на Анисеевых (Аникеевых, Аникиевых)», т. е. Строгановых.[38] Это свидетельствует о близости правщика к троицким властям. Стремившийся устранить «сомнения в верноподданнических чувствах обители»,[39] он, возможно, переделал главу по поручению монастырского «собора». Учтем также, что без благословения архимандрита по троицкому уставу даже не переписывали книг, а в 1622 г. келарем монастыря стал близкий к Филарету А. Булатников, небезызвестный книжник того времени.

«Исправление» главы о казне, сделанное не позже августа 1623 г., положило начало нарушениям авторского текста в рукописной традиции. Оно привело к появлению новой редакции «Истории», отличающейся множественностью видов. Один из них представлен в Музейном и Погодинском списках, сопутствующих Иному сказанию. Здесь нет авторской исповеди, даты воцарения Шуйского, известий о богословской необразованности Бориса Годунова, о преследованиях им Шуйских и Романовых, несколько иначе названы 2—7-я главы. Во многих случаях этот вид совпадает с изводом, читающимся в П. В них отсутствует мольба к богу «сотворить» Михаила Федоровича «врагам страшна», говорится, что смоленские послы были в королевском стане не осень и зиму, а «до зимы», некоторых из них Сигизмунд «в Литву отосла и в крепостех утверди», В. В. Голицына же и З. Ляпунова даже «смертию осуди». Еще одну вставку находим в рассказе

---

[36] Там же, с. 142.

[37] Ср.: там же, с. 114, 203.

[38] Они тогда действительно финансировали Шуйского (Введенский А. А. Дом Строгановых в XVI—XVII веках. М., 1962, с. 130).

[39] Кедров С. Авраамий Палицын как писатель, с. 461. — О. А Державина объясняет правку тем, что новая династия рассматривала Шуйского как законного царя (Державина О. А. «Сказание» Авраамия Палицына и его автор. — В кн.: Сказание, с. 24, 57). Однако отношение Романовых к Шуйскому долго оставалось неясным. См.: Черепнин Л. В. «Смута» и историография XVII века. (Из истории древнерусского летописания). — ИЗ, 1945, кн. 14, с. 102. — Большинство произведений 1613—1630 гг. щедрее на упреки Шуйскому, чем на похвалы ему.

о походе нижегородского ополчения к Москве, который тут выделен в главу. Из него узнаем, что выступившую из Троицы освободительную рать монастырские власти проводили до горы Волкуши «со образы и со кресты». О проводах ополчения сообщается и в Новом летописце, «Житии» Дионисия, «книге» С. Азарьина «о чудесах преподобного Сергия». Но лишь в данной интерполяции говорится о «приложении» ратников к иконам. Это позволяет приписать ее троицкому монаху, тем более что в названии последней главы подчеркнута принадлежность Деулина Троице.[40] Напомним также, что В. В. Голицын был погребен в Троице.[41] О его казни редактор, очевидно, писал по слухам.

Таким образом, нельзя согласиться с выводом Державиной о том, что списки с датой и тайнописью имеют с другими несущественные разночтения.[42]

Исследовательница утверждает, что П соответствует Е.[43] В обоих списках выразительно озаглавлен рассказ о пожарах 1591 г., есть дополнительные сведения о борьбе Годунова со взяточничеством и ссылке Романовых, говорится, что божественное наказание произошло не только «ради Никитичев», но и «прочих неповинных».[44] Однако при сходстве между списками имеются и значительные различия. В П Битяговский не фигурирует среди убийц царевича Дмитрия; не говорится в нем и о насилиях царя Бориса над Шуйскими и Романовыми. В Е не прочтем, что во время «искушения гнева божея» многие умерли от голода и богачи видели трупы погибших на улицах.[45] Далее, если в П встречаем уже знакомый рассказ о судьбе «великих» послов, то в Е вдобавок сообщается о том, что послы «немало лет страдаше в Литве», пока их не обменяли на панов. Следом говорится: «О сем же ныне оставим, напреди да скажется».[46] Налицо явная ссылка на статью о возвращении Филарета, которая еще с двумя статьями завершает Е. Они представляют собой сокращение соответствующих

---

[40] Сказание Авраамия Палицына, стб. 73—74, примеч. 15, стб. 101—102, примеч. 27, 28; стб. 239—294, примеч. 12; стб. 295—296, примеч. 3; стб. 311—312, примеч. 15; стб. 319—320, примеч. 8; стб. 353—354, примеч. 3; стб. 273 и др. — С. И. Кедров думал, что о судьбе послов говорилось в первоначальном тексте «Истории». Узнав, что никто из послов казнен не был, Палицын в 1620 г. якобы выпустил этот рассказ (Кедров С. Авраамий Палицын. М., 1880, с. 67, примеч.). Он не обратил внимания на то, что о ссылке и казни послов речь идет только в списках с поздним вариантом главы о казне. Непонятно также, почему автор выпустил весь рассказ, а не одно свидетельство о казни Голицына и Ляпунова. К тому же нельзя считать Р позднейшим.

[41] Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы лавры, ч. II. М., 1890, с. 97.

[42] Державина О. А. Археографический обзор, с. 68.

[43] Там же, с 74, ср. с. 84. — Насколько можно судить, П соответствовал воронежский список.

[44] Последнее свидетельство есть и в списках без даты и тайнописи (БАН, 32, 4, 4; ЛОИИ, к. 115, № 237, и др.).

[45] Сказание Авраамия Палицына, стб. 73—74, примеч. 32, стб. 82, 86, 351—352, примеч. 22.

[46] Сказание, с. 210, примеч. 97.

статей Иного сказания,[47] что до сих пор не было отмечено. Этими статьями заканчиваются также списки ГПБ, собр. Вяземского. XVIII; ГБЛ, ф. 98. № 292. В последнем статьи полнее воспроизводят рассказ Иного сказания; имеется и дополнительная статья о «христовой срачице».[48] В сборнике, включающем этот список, помещено и начало Иного сказания. Список, самый ранний из трех, датируется серединой XVII в.[49] К этому времени и нужно отнести возникновение данного вида «Истории». Не позже второй четверти XVII в. появился извод, где послесловием сделано обращение к «братии», т. е. глава о храме непосредственно примыкает к рассказу о заключении перемирия.[50] Этот вид ближе ко второй авторской редакции, чем рассмотренные. Отличия раннего извода от второй редакции падают в основном на главу о казне.[51]

Неавторская редакция «Истории» дополнялась известиями Соловецкого летописца и хронографа (ГПБ, Сол., № 878/988),[52] кратким родословием Шуйских (ИРЛИ, оп. 23, № 143),[53] статьями Нового летописца (ГИМ, Увар., № 547), повестью о преставлении и погребении Скопина-Шуйского (БАН, 32.4.4). Из нее сделана и выборка (ГБЛ, ф. 178, № 735, ч. II; ГПБ, Q.XVII. 16).

Итак, под пером келаря друг друга сменили три редакции «Истории». Распространение получила вторая, на основе которой возникла неавторская редакция, уже в середине XVII в. существовавшая в нескольких изводах.

Новая классификация списков «Истории» [54] дает возможность полнее выяснить процесс создания произведения и его судьбу в книжности XVII—XVIII вв., в частности уточнить творческую историю Иного сказания (которое нет достаточных оснований считать полемическим ответом на палицынскую «книгу») и хронографа третьей редакции.

---

[47] Ср.: Сказание, с. 248, примеч. 9; РИБ, т. XIII, стб. 133—136.

[48] Сказания о «христовой срачице» недавно изучены С. Н. Гухман, но она не остановилась на отражении этой темы в летописании и Ином сказании. Отметим, что сказание и канон о ризе христовой значатся в описи келейной казны Филарета (1630 г.) (Сборник Муханова. Изд. 2-е. СПб., 1866, с. 379, 380), что позволяет уточнить предложенную исследовательницей датировку «документального сказания». Соловецкую редакцию сказания о ризе С. Н. Гухман относит к 1626—1645 гг. Поскольку она создана при архимандрите Макарии, ее нижнюю границу надо отодвинуть до 1632 г.

[49] Державина О. А. Списки. . ., с. 51—76.

[50] ГПБ: собр. ОЛДП, Q.265. ГИМ: Музейское собр., № 640; собр. Уварова, № 547. ГБЛ: ф. 310, № 781; ф. 178, № 3358, ср. № 733. — В ряде списков авторская исповедь имеется (ГПБ, собр. Погодина, № 1508; БАН, 32.6.4 и др.).

[51] ГПБ, собр. Погодина, № 1507; БАН, Архангельское собр., № 1029; ЛОИИ, к. 11, № 38 и др.

[52] Текст подвергнут и заметной стилистической правке.

[53] Ср.: Тихомиров М. Н. Сказания о начале Москвы. — ИЗ, 1950, кн. 32, с. 239, примеч. 14; ГИМ, собр. Черткова, № 290, л. 51.

[54] О. А. Державина делила все списки на две группы в зависимости от варианта главы о казне.

Г. П. ЕНИН

О ВЫДУБЕЦКОМ СПИСКЕ «ПОВЕСТИ О НЕКОЕЙ БРАНИ» И ЕЕ АВТОРЕ

«Повесть о некоей брани» известна в трех списках: список из собрания Ф. А. Толстого хранится в Отделе рукописей ГПБ под шифром F.IV.222, список из сборника Флорищевой пустыни находится в Владимиро-Суздальском историко-художественном и архитектурном музее-заповеднике (инв. № 5636/396), список в сборнике Выдубецкого монастыря считается утерянным.[1]

Среди неразобранной части рукописных материалов собрания ОЛДП имеется маленький сборник в восьмушку на 28 листах, без переплета, предохраняемый только подшитыми к рукописи сверху и снизу сложенными пополам листами белой бумаги. Весь он написан одним полууставным почерком.

Содержание рукописи следующее. Начала нет. На л. 1 — окончание какой-то статьи: «наша малое время не потерпим, а в будущем веце, но кончаемыя веки како имам мучитися». Далее киноварное заглавие статьи — «О зачатии всякаго дела богоугодна», нач.: «Человеческая начинати, а божия совершати. . .». Л. 3 — статья без заглавия, на полях киноварная буквенная цифра 21, нач.: «Свет иже от света отчее сияние Христос, иже над всеми бог». Л. 4 — «Всяка ли буква равну силу имать. . .». Л. 5 — статья без начала и заглавия, со слов «человеческая начинати, а божия совершати. . .» (ср. л. 1, где статья длиннее; здесь же все 11 строк статьи перечеркнуты теми же чернилами, которыми она написана). На этом же листе — «Вкратце от многих малейшая выписано из книги глаголемыя Алфавит, превод Максима Грека». Текст обрывается на л. 6 словами «или втораго стиха начало в концу перваго стиха припишеши». Л. 7 — «Счинена повесть сия о некой брани, належащей на благочестивую Росию грех ради наших, и о видении некоего знамения в нынешнем последнем роде нашем. О нем же преди слова беседа изъявит».

На верхнем защитном листе написано: «Летопись о нашествии на град Москву Тушинскаго вора и Самозванца в царствование Василия Ивановича Шуйскаго. Писанная ранее половины XVII столетия. На 28 листах. С. Мельников». На внутренней стороне

[1] Белоброва О. А. К изучению «Повести о некоей брани» и ее автора Евстратия. — ТОДРЛ, т. XXV. М.—Л., 1970, с. 150—152.

нижнего защитного листа имеется та же подпись и расшифровка числовой литореи — Еустратей.

Все сказанное полностью соответствует описанию сборника, которое поместил С. Ф. Платонов при публикации Выдубецкого списка «Повести о некоей брани».[2] Следовательно, под новым шифром ОЛДП, О. 272 скрывается рукописный сборник Выдубецкого монастыря.

Следует добавить, что кроме указанных С. Ф. Платоновым филиграней бумага в сборнике не имеет других водяных знаков. С. Ф. Платонов описал их, но не отождествил, что лишило рукопись более или менее конкретной датировки.[3] Он только отметил, что сборник написан «скорописью XVII в.».[4]

Одноручный кувшинчик с листьями в нем и крестом над листьями — один из водяных знаков, имеющихся на бумаге сборника, — подобен изображению под № 922 в альбоме филиграней А. А. Гераклитова, который относит его к 1639 г.[5] Другой водяной знак — горн в гербовом щите с буквами МО под ним — не поддается точному определению. Полное соответствие ему найти в альбомах филиграней не удалось, но по совокупности характерных деталей он относится к тому типу этого знака, который был распространен во второй половине XVII в.[6]

Другие палеографические особенности рукописи (почерк, чернила и т. п.) не противоречат возрасту бумаги. Все это позволяет установить, что написан был сборник из Архива Выдубецкого монастыря не раньше середины XVII в.

Такая датировка и ряд других обстоятельств заставляют еще раз обратиться к вопросу об имени автора «Повести о некоей брани».

Первую характеристику автору повести дал С. Ф. Платонов, когда ему был известен только один список ГПБ, F. IV.222, в котором отсутствует авторское обращение к читателям, завершающееся шифрованной записью с именем автора. Исходя только из содержания самой повести С. Ф. Платонов писал: «Автор скрыл свое „именование“, но не скрыл своего общественного положения. Из его слов ясно, что он служил в Посольском приказе, а по его слогу весьма вероятно, что он был подьячим или дьяком, привыкшим к языку официальных бумаг».[7]

---

[2] Платонов С. Ф. Повесть о некоей брани. — Старина и новизна. Исторический сборник, кн. 15. СПб., 1911, с. 20—21. — Чтобы нагляднее выглядела идентичность сборника ОЛДП, 0.272 рукописи Выдубецкого монастыря, структура и особенности описания С. Ф. Платонова сохранены здесь почти полностью.

[3] Там же, с. 21.

[4] Там же.

[5] Гераклитов, с. 133.

[6] Heawood, № 2664—2701, 2779—2782. — Ближе всего филиграни из сборника изображение под № 2779 (1650 г.).

[7] Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник. СПб., 1888, с. 121.

Имя автора «Повести о некоей брани» стало известно после открытия С. Ф. Платоновым Выдубецкого списка. В этом списке повесть заканчивается шифрованной по описательной цифровой системе записью имени автора: «Аще восхощеши имя уведати писавшаго сия, се ти поведаю: пятерица полководцов и под ними четыреста пещец, и двесте конник, оруженосцов триста, крепких же воин сто со единым сильным, и паки триста и пятьнадесять оружников. И всего в сем имени девять писмен. Еулкмакей».[8] Расшифровывается запись подстановкой букв вместо чисел — Еустратей. При публикации списка С. Ф. Платонов указывал: «Приложенная тут же к концу текста криптограмма дает сверх того отчество: Стефанов».[9] Однако он не воспроизвел ее и даже не объяснил, к какому виду тайнописи она принадлежит.

Эта последняя криптограмма представляет собой широко распространенную в рукописях XVII в. лигатурную запись скорописью, т. е. скорописный вид вязи. Она помещена не в тексте, рядом с шифрованной записью имени автора, но отделена от текста пробами пера, которые, видимо, являются пробными попытками изобразить эту криптограмму.

С. Ф. Платонов объединил обе криптограммы, в результате чего получилось полное имя автора повести — Евстратий Стефанов, и попытался обнаружить человека с таким именем в документах конца XVI и первой половины XVII в. Искал он его теперь не только в приказной среде, но и в церковной, однако безуспешно. Объясняя неудачу поисков, он писал: «Поиски затрудняются, быть может, тем, что автор открыл читателям свое „прямое", церковное имя и отчество, а в жизни действовал под иным, житейским прозвищем. На такую мысль наводит как форма отчества „Стефанов", вместо обычного „Степанов", так и самое имя „Евстратий", чрезвычайно мало употребительное в московском мирском быту».[10]

Никто из позднейших исследователей «Повести о некоей брани» списка Выдубецкого монастыря не видел, и в рассуждениях об авторе все следовали за С. Ф. Платоновым.

А. А. Назаревский, пытаясь объяснить отмеченные сложности в выяснении имени автора повести, предположил, что, будучи в момент описанных в повести событий приказным человеком, он в скором времени постригся в монахи и в криптограмме оставил уже имя, принятое при постриге.[11]

О. А. Белоброва, не отвергая мнения С. Ф. Платонова о том, что автора повести звали Евстратий Стефанов, не согласилась,

[8] ГПБ, ОЛДП, О. 272, л. 27 об.—28.

[9] Платонов С. Ф. Повесть о некоей брани, с. 23.

[10] Платонов С. Ф. Повесть о некоей брани, с. 23. — Предисловие к тексту Выдубецкого списка в «Старине и новизне» повторено во втором издании книги «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени, как исторический источник» (СПб., 1913, с. 447—449, примеч. 9).

[11] Назаревский А. А. Очерки из области русской исторической повести начала XVII столетия. Киев, 1958, с. 149—150.

однако, ни с тем, что его обязательно следует искать в церковной среде, ни с тем, что имя «Евстратий» и отчество «Стефанов» были «чрезвычайно мало употребительны в московском мирском быту», и привела целый ряд примеров существования людей с такими именами.[12] Ее разыскания можно дополнить наблюдениями над составом приказов XVII в., т. е. той самой среды, где искал «Евстратия Стефанова» С. Ф. Платонов. С 1625 по 1670 г. среди дьяков и подьячих было известно три человека, которых звали Евстрат.[13]

С. Ф. Платонов не знал списка Флорищевой пустыни и сравнивал список Выдубецкого монастыря только с рукописью ГПБ, F. IV 222, опубликованной им ранее.[14]

Полнота списка Выдубецкого монастыря, сохранившего отсутствующее в F. IV. 222 авторское послесловие, делала его более ценным, заставляла полагать, что он ближе к протографу, и принимать во внимание все содержащиеся в нем сведения. Точная датировка не имела при этом большого значения.

В настоящее время, когда известно о существовании трех списков повести и о времени их написания, выводы С. Ф. Платонова относительно имени автора вызывают сомнение, поскольку основаны исключительно на данных Выдубецкого списка.

Все содержащиеся в Выдубецком списке «Повести о некоей брани» сведения могли бы быть признаны достоверными в том случае, если бы список был авторским. Однако такое предположение невозможно по ряду причин.

Как убедительно доказано С. Ф. Платоновым и А. А. Назаревским, «Повесть о некоей брани» была написана в самом начале царствования Михаила Романова.[15] Список же Выдубецкого монастыря написан в середине XVII в. Уже это вызывает сомнение в том, что он писался самим Евстратием.

В своей работе «К изучению „Повести о некоей брани“ и ее автора Евстратия» О. А. Белоброва привела веские аргументы в пользу того, что Евстратий, составитель и переписчик Азбуковника ГПБ, Q. XVI.21, и Евстратий, автор «Повести о некоей брани», — одно лицо. Особенно убедительны ее наблюдения над литературным «конвоем» Выдубецкого и Флорищевского списков и составом Азбуковника.[16] Все рассуждения О. А. Белобровой основаны на том, что «Повесть о некоей брани» и Азбуковник, подписанный Евстратием, созданы примерно в одно время.

---

[12] Белоброва О. А. К изучению «Повести о некоей брани», с. 151—152.

[13] Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975, с. 207, 352, 550.

[14] РИБ, т. XIII. СПб., 1892, стб. 249—260; РИБ, т. XIII. Изд. 2-е. СПб., 1909, стб. 249—260.

[15] Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести, с. 120; Назаревский А. А. Очерки. . ., с. 148—149.

[16] Белоброва О. А. К изучению «Повести о некоей брани», с. 152—154.

Здесь следует сделать небольшое отступление по поводу записи в Азбуковнике на л. 1. Она неоднократно публиковалась,[17] но не полностью, поскольку оставались непрочитанными две стертые строки. С помощью лампы ультрафиолетового света стертую запись удалось разобрать почти полностью. Она дает некоторые новые сведения о Евстратии. Вся запись читается теперь так: «Сия книга глаголемая Алфавит писана рукою многогрешнаго в человецех неключимаго раба Евстратия *Ивану Петрову сыну* (*Х*)*орн*(*ы*)*гиным у Вычегоцкие Соли.* А совершена в лето от создания Адамля 7121-го (1613) месяца августа в 9 день, а еже по плоти от рожества господа бога и спаса нашего Исуса Христа 1600 [у О. А. Белобровой ошибочно — 1700] двадесять перваго».

Как видно из этой записи, здесь указаны две противоречащие друг другу даты, что происходит из-за ошибки в одной из них. О. А. Белоброва полагала, что ошибка получилась при пересчете на новое летоисчисление, т. е. во второй дате, а правильная дата — 1613 г.[18]

Азбуковник ГПБ, Q. XVI.21 в литературе упоминался довольно часто,[19] но ни в одной его характеристике не использовались филиграни. Между тем водяные знаки дают возможность легко выяснить истинную дату создания рукописи.

Бумага Азбуковника имеет только два вида кувшинчиков. Один из них, двуручный кувшинчик с увенчанной розеткой пирамидой из полумесяцев над ним и буквами $\frac{\overset{\text{О}}{\overline{\text{МП}}}}{\text{О}}$ на нем, очень близок № 867, 869—870 в альбоме А. А. Гераклитова, которые датируются им 1618—1621 гг.[20] Второй знак, кувшинчик с виноградом, искажен настолько, что отождествить его практически невозможно (сплющена форма кувшинчика, исчезли буквы на нем, хотя рамка для них просматривается). Учитывая, что бумага с обоими кувшинчиками в рукописи перемежается, следует признать определение первой филиграни достаточным для датировки всей рукописи.

Таким образом, Алфавит ГПБ, Q. XVI.21 мог быть написан не ранее 1621 г., а ошибочной является дата 7121 (1613) г.

Уточнение датировки не только не влияет на выводы О. А. Белобровой, но увеличивает наши сведения о Евстратии. Еще в 1621 г. он составляет и собственноручно переписывает для опре-

---

[17] Отчет имп. Публичной библиотеки за 1883 год. СПб., 1885, с. 201; Пруссак А. В. Описание Азбуковников, хранящихся в рукописном отделении имп. Публичной библиотеки. Пг., 1915, с. 15—16; Белоброва О. А. К изучению «Повести о некоей брани», с. 153.

[18] Белоброва О. А. К изучению «Повести о некоей брани», с. 153, сноска 24.

[19] Вся библиография литературы об Азбуковнике содержится в статье О. А. Белобровой.

[20] Гераклитов, с. 129.

деленного человека в Соли Вычегодской Азбуковник. Литературные занятия имели, видимо, в его жизни большое и постоянное место. Это обстоятельство служит еще одним косвенным аргументом в пользу мнения О. А. Белобровой о том, что написавший Азбуковник Евстратий был и автором «Повести о некоей брани».

Если считать доказанным, что составитель и переписчик Азбуковника и автор «Повести о некоей брани» — один человек, то Выдубецкий список не может быть авторским. Почерк в автографе Евстратия — Азбуковнике — совершенно отличен от почерка сборника Выдубецкого монастыря.

В итоге текстологического сопоставления О. А. Белоброва установила, что все три списка «Повести о некоей брани» принадлежат одной редакции, т. е. восходят к общему протографу.[21] В самом раннем из них, датируемом началом XVI в.,[22] — списке Флорищевой пустыни — имеется лишь имя «Евстратий», записанное, как и в Выдубецком списке, тайнописью по числовой описательной системе. Подпись «Стефанов» появилась только в более позднем списке Выдубецкого монастыря. Зашифрована она по совершенно другой, чем имя автора, системе и может быть названа криптограммой лишь потому, что лигатурное письмо, вязь, тоже причисляется к древнерусской тайнописи.[23] Расположена она, как уже было сказано, не в тексте, как имя автора, а за пределами текста и отделена от него пробами пера.

Таким образом, образовалась целая совокупность причин, заставляющая усомниться в том, что автор «Повести о некоей брани» носил имя «Евстратий Стефанов»: 1) во Флорищевском

---

[21] Список «Повести о некоей брани» Выдубецкого монастыря был использован О. А. Белобровой при издании текста «Повести» по всем трем известным спискам. Так как Выдубецкий список считался утерянным, она воспользовалась публикацией С. Ф. Платонова. При знакомстве с изданным текстом О. А. Белоброва обнаружила, что «публикация дана без специально оговоренных правил передачи текста» (Белоброва О. А. К изучению «Повести о некоей брани», с. 152). Это предопределило ее повышенное внимание к списку: «Разночтения по списку В (Выдубецкого монастыря, — *Г. Е.*) отмечены почти все, так как за отсутствием рукописи трудно решить, чья перед нами погрешность: средневекового переписчика, публикатора или типографского наборщика» (с. 152). О. А. Белоброва с большой тщательностью отметила все отличия Выдубецкого списка от других, но сличение изданного текста с рукописью показывает, что выявлены большей частью не разночтения, а ошибки первого издателя списка. Опубликованный им текст имеет множество расхождений с оригиналом. Можно предположить, что С. Ф. Платонов имел мало времени для работы с рукописью, — вероятно, при знакомстве с Архивом Выдубецкого монастыря, — и совсем не имел списка при подготовке текста к публикации. Такое предположение подкрепляется и тем, что он описал водяные знаки на бумаге, но не отождествил их.

[22] Белоброва О. А. К изучению «Повести о некоей брани», с. 152.

[23] Сперанский М. Н. Тайнопись в югославянских и русских памятниках письма. — Энциклопедия славянской филологии, вып. 4, 3. Л., 1929, с. 47, 115.

списке «Стефанова» нет,[24] хотя он самый ранний; 2) список Выдубецкого монастыря не авторский, — следовательно, вывод о том, что «Стефанов» действительно относился к «Евстратию», не доказателен; 3) криптограмма слова «Стефанов» составлена в иной системе древнерусской тайнописи, чем криптограмма слова «Евстратий», и имеет характер подписи; 4) С. Ф. Платонову не был известен список Флорищевой пустыни, отличающийся той же полнотой текста, что и Выдубецкий список, поэтому он не мог сравнить их и отметить отсутствие слова «Стефанов» во Флорищевском списке.

Все сказанное приводит к выводу, что «Стефанов» не имеет отношения к автору «Повести о некоей брани». Найти по документам XVI—XVII вв. реально существовавшего Евстратия Стефанова С. Ф. Платонов мог только по случайному совпадению, ибо он объединил в Выдубецком списке двух разных людей: автора написанной в начале XVII в. повести Евстратия и переписчика ее копии середины XVII в. Стефанова.

---

[24] В работе использовалась фотокопия списка, любезно предоставленная О. А. Белобровой.

В. К. ЗИБОРОВ

ОБ АВТОРЕ ТАК НАЗЫВАЕМОЙ ПОВЕСТИ КАТЫРЕВА-РОСТОВСКОГО

В 1975 г. в сборнике «Памятники культуры» была опубликована статья М. В. Кукушкиной «Семен Шаховской — автор повести о Смуте»,[1] в которой автор приходит к выводу, что Семен Шаховской является автором одной из лучших повестей XVII в. о Смутном времени — так называемой повести Катырева-Ростовского.

Еще в XIX в., с момента первой публикации,[2] авторство повести приписывали нескольким лицам, а именно: боярскому сыну Сергею Кубасову, князю С. И. Шаховскому, князю И. А. Хворостинину и князю И. М. Катыреву-Ростовскому.

Мнение о том, что автор повести — Сергей Кубасов, было основано на приписке Кубасова, находившейся в конце одного из хронографов особого состава [3] (повесть является одной из частей хронографа). Автором повести считал Кубасова, например, крупнейший исследователь русских хронографов Андрей Попов,[4] а в XX в. ту же точку зрения отстаивала А. М. Ставрович.[5] Сторонники этой точки зрения не обратили внимание на то, что Сергей Кубасов поставил свою приписку под всем хронографом, составителем которого он являлся, а не только под текстом повести, входящей в его состав. Также необходимо отметить, что сознательная жизнь Кубасова протекала во 2-й половине XVII в., а одна из ранних редакций повести датируется 1626 г. На сегодняшний день сторонников этой точки зрения нет.

---

[1] Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1974 г. М., 1975, с. 75—78. (Далее: Кукушкина).

[2] Русские достопамятности, издаваемые Обществом истории и древностей российских, учрежденным при имп. Московском университете, ч. I. М., 1815, с. 170—175.

[3] Приписка находилась в двух списках хронографа Сергея Кубасова (Демидовском и Попова), оба списка утрачены. См.: Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени, как исторический источник. Изд. 2-е. СПб., 1913, с. 257, прим. 2.

[4] Попов А. Н. Обзор хронографов русской редакции, вып. 2. М., 1869, с. 231.

[5] Ставрович А. М. Сергей Кубасов и Строгановская летопись. (Новые мысли по поводу «Старых сомнений»). — В кн.: Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пб., 1922, с. 285—293.

Известный археограф XIX в. П. М. Строев в разное время считал двух человек авторами этой повести: Семена Шаховского и Ивана Хворостинина.[6] Правда, он ничем не обосновал своих догадок, и они до последнего времени существовали только как чисто логические предположения. Среди различных мнений об авторе повести наиболее обоснованным было предположение В. О. Ключевского и С. Ф. Платонова о том, что автором ее был князь И. М. Катырев-Ростовский.[7] Это предположение появилось в результате анализа текста одной из редакций повести, а вся повесть стала называться повестью Катырева-Ростовского. Для этой, по мнению Ключевского и Платонова, первоначальной редакции характерны следующие особенности:

1) в развернутом заглавии указан год написания повести — 1626;

2) в тексте повести читается известие, связанное с именем князя Михаила Катырева-Ростовского, которое в других редакциях отсутствует;

3) в последних (вторых) виршах говорится, что автором повести является «сын предиреченного князя Михаила».

Все эти особенности и дали возможность утверждать, что автором повести является князь Иван Михайлович Катырев-Ростовский. Правда, один из авторов этой гипотезы, Платонов, в конце жизни усомнился в верности этого положения и стал склоняться к мнению о том, что Катырев-Ростовский является только редактором повести, а все чтения, связанные с Катыревым-Ростовским, являются вставками.[8]

К этим точкам зрения необходимо добавить и взгляд О. А. Державиной, считавшей, что в создании повести принимало участие несколько человек: «. . .повесть не является, как склонны были думать предшествующие исследователи, результатом труда одного лица. В том виде, как она дошла до нас, она создалась не сразу, а в основу ее видимо положена была самостоятельная повесть-рассказ о первом самозванце».[9] Свои наблюдения Державина основала на общеизвестном тексте повести, не привлекая какого-либо дополнительного материала. В связи с этим, очевидно, Н. К. Гудзий и считал возможным полностью отвергнуть эту точку зрения.[10] Для нас в работе Державиной важно отметить, что исследователь,

---

[6] См.: Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести. . ., с. 259.

[7] Там же, с. 261.

[8] Платонов С. Ф. «Старые сомнения». — В кн.: Сборник статей в честь Матвея Кузьмича Любавского. Пг., 1917, с. 172—180.

[9] Державина О. А. К истории создания «Летописной книги», приписываемой кн. Катыреву-Ростовскому. — Уч. зап. Моск. городского пед. ин-та им. В. П. Потемкина, т. 48, вып. 5. М., 1955, с. 43.

[10] Гудзий Н. К. К вопросу о составе «Летописной книги», приписываемой князю И. М. Катыреву-Ростовскому. — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, с. 290—297.

попытавшийся вчитаться в текст повести, пришел к выводу о нескольких авторах, но доказать свое положение не смог.

Таким образом, к моменту появления статьи Кукушкиной в науке не существовало точного и доказанного ответа на вопрос об авторе повести, а большинство исследователей продолжали придерживаться наиболее обоснованного предположения Ключевского и Платонова, что автором является И. М. Катырев-Ростовский.

Вывод Кукушкиной об авторстве Семена Шаховского основан на совершенно новом материале. Она нашла и ввела в научный оборот новый список повести, названный ею Соловецким или списком Шаховского (ГПБ, собр. Сол., 880/990). В конце текста повести этого списка есть приписка, где читаем: «Изложена бысть сия книжица летописная многогрешным в человецех Семеном Шеховским». Главным образом основываясь на сообщении этой приписки, Кукушкина делает вывод: «Найденный нами новый список позволяет окончательно выяснить вопрос об авторе Повести и уточнить ее редакции».[11] Развивая свою мысль дальше, автор статьи пишет: «. . .Соловецкий список относится к первой краткой редакции Повести. Отличие его от уже известной в печати первой редакции состоит в отсутствии вставок, указанных самим С. Ф. Платоновым и связанных с князьями ростовскими: похвала кн. М. П. Катыреву-Ростовскому и упоминание его сына как „слагателя“ в виршах».[12]

Далее автор приводит несколько примеров разночтений, характерных для списка Шаховского.

Для всех исследователей, высказывавшихся об авторе Повести, характерны две особенности, которые во многом ослабили обоснованность их точки зрения. Одна из них заключается в том, что они строили свои предположения и доказательства на ограниченном количестве списков Повести, например большинство из них даже не знали о существовании такого важного списка, как список Шаховского, найденный Кукушкиной. Другая особенность заключается в том, что исследователи мало внимания обращали на характер самого текста Повести, а именно — на те противоречия, которые содержатся в его тексте. Последнее обстоятельство, с нашей точки зрения, является очень существенным, поэтому стоит более подробно остановиться на этих противоречиях текста.

При первом же знакомстве с текстом Повести [13] обращает на себя внимание ее композиция (чередование прозы и стихов), а также разножанровость отдельных частей Повести.

Основное содержание Повести — описание событий с 1534 по 1612 г. — представляет собой прозаический текст, который можно

---

[11] Кукушкина, с. 76.

[12] Там же, с. 77.

[13] РИБ, т. XIII. СПб., 1891. — Повесть издана в двух редакциях (с. 559—624 и 625—712).

определить как историческую повесть. После этого текста следуют заключительные вирши, их я буду называть первыми. За этой стихотворной концовкой снова во всех до сих пор изучавшихся списках следует текст в прозе (он имеет заглавие «Написание вкратце о царех московских, о образех их, и о возрасте, и о нравех»), совершенно отличный от предыдущего прозаического текста. Это «Написание» можно определить как жанр литературного портрета.

Портретные зарисовки царей завершаются вторыми виршами, где описательно указывается имя автора Повести. Существует два варианта такого указания:

I Есть же книги сей слагатай
Сын предиреченнаго князя Михаила, роду
Ростовского сходатай. . .

Это указание на авторство князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского.

II Есть же книги сея слогатай
Роду Ярославского исходатай. . .

После открытия Кукушкиной можно предположить, что здесь указано имя князя Семена Шаховского, который был одним из ярославских князей, хотя при этом и возникает вопрос, зачем князю Семену понадобилось в стихах описательно указать свое имя, а в приписке указать его точно. Но вернемся к тексту Повести.

Отметив необычную для древнерусской литературы композицию Повести и ее разножанровость, обратим внимание на первые вирши. Они начинаются словами «Сему писанию конец предлагаем. . .», т. е. здесь совершенно ясно говорится о том, что на этом текст Повести оканчивается, и автор в стихотворном заключении (деталь, характерная для литературы XVII в.) прощается с читателем. Но, как уже отмечалось, это прощание было ложным, мнимым, так как после него следует текст в прозе и стихах.

Укажу еще одно противоречие. На него обратил внимание Платонов.[14] Он отметил двойственность при оценке деятельности Василия Шуйского: «О Василии Шуйском находим у Катырева безусловно неодобрительный отзыв в его кратком „Написании о царях московских“. В самом же тексте повести автор, хотя и не щадит Шуйского, представляя его избрание незаконным, однако воздерживается от его прямого осуждения и удачно сохраняет по отношению к нему тон беспристрастия».

Все перечисленные противоречия указывают на одно: текст Повести в своем первоначальном виде оканчивался первыми виршами, а в том виде, в каком мы его знаем, он появился в результате различных дополнений и переделок. Важно отметить, что открытый Кукушкиной список Шаховского не разрешает ни одного из противоречий.

[14] Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести. . ., с. 277.

На этом чисто логическом анализе текста можно было бы и остановиться. Но, оказывается, можно пойти и дальше, если обратиться к тексту еще одного списка этой Повести.

Он находится в одной из рукописей ГПБ под шифром собр. СПб. ДА, № 305.[15] Рукопись состоит из двух томов и имеет общее заглавие «О бунтах московских и стрелецких», т. е. перед нами тематическая подборка произведений. Список Повести находится во втором томе рукописи на л. 4—66 об., текст писан скорописью XVII в. По филиграням рукопись датируется 2-й половиной XVII в. Попутно отмечу, что перед нами не оригинал, а копия, принадлежащая не очень аккуратному и внимательному писцу, на что указывают многочисленные исправления древнерусского корректора.

Упоминания об этом списке Повести в научной литературе мне не удалось найти, только в рукописной картотеке Н. К. Никольского (БАН) находится указание, что текст этой Повести является одним из списков повести Катырева-Ростовского и что Платонов его не использовал.

Что же собой представляет текст этого списка? У него два отличных от других списков заглавия. Первое указано в оглавлении и принадлежит, по всей вероятности, составителю двухтомной тематической подборки о бунтах и смутах в России XVII в., л. 3: «Кроник о мятежных временах и летах, от великаго князя Ивана Васильевича, до восприятия престола государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича всея России».

Второе заглавие, опубликованное в Описании рукописей СПб. Духовной Академии, начинается следующими словами: «Книга глаголемая кроник сиреч летописец о мятежных временах и летах от великого князя Ивана Васильевича. . .».[16]

Далее следует текст в прозе, описывающий события 1534—1612 гг., который завершают вирши (первые). В списке СПб. ДА нет ни «Написания вкратце о царях московских», ни вторых вирш, т. е. того явно вторичного текста, который в других списках следует после первых вирш. Но самое интересное, что вирши этого списка Повести имеют небольшое, но существенное дополнение. Они заканчиваются двумя следующими строчками (л. 66 об.):

Разумливый же чтец сея разсуждения да разсудит,
А ученый человек опис собою исправит. Аминь.

Перед нами классическая концовка многих древнерусских произведений, указывающая на завершение работы автора.

Значение этих строчек трудно переоценить, так как они указывают, что текст Повести на определенном этапе создания оканчивался первыми виршами. Поэтому стоит более внимательно заняться последним листом Повести, где эти строчки читаются.

---

[15] Описание 432-х рукописей, принадлежащих СПб. Духовной Академии и составляющих ее первое по времени собрание. Составил Алексей Родосский. СПб., 1894, с. 302—305.

[16] См.: там же, с. 304.

Здесь мы встречаем обычный для многих рукописей случай, когда окончание произведения в силу разных причин дописывается на полях рукописи. В данном случае причиной является то, что оставшийся небольшой кусок текста Повести надо было писать или на чистом листе, где он бы занял очень мало места, или на полях уже исписанного листа. Размещение текста на полях можно объяснить и по-другому: при брошюровке разных произведений, — а они выполнены разными писцами на разной бумаге, — заполненный на одну четверть лист решили разместить на полях последнего заполненного листа.

Таким образом, на полях оказался весь текст вирш и две последние строчки текста прозы, л. 66 об. (привожу последнюю строчку текста в прозе, которая написана тем же почерком и теми же чернилами, что и весь текст Повести, а также весь текст на полях, — он написан другим почерком и другими чернилами, но правка его произведена теми же чернилами, что и основной текст):

... всещедраго в троице славимо(го) Бога иже на херувимех (*далее текст на полях*) седящаго и на смиренные призирая и на боящихся его велия щедроты изливая. (*Далее вирши*).

Сему писанию конец предлагаем.
А дела толикия вещи во веки не забываем.
И настоящаго изыскуем.
И вопро (странную историю) написуем.
Словеса писанию приходят в конец.
А ум человеч никто может исповесть.
Разумливый же чтец сея разсуждения да разсудит,
А ученый человек опис собою исправиТ.
Аминь.[17]

То, что текст вирш с концовкой «Аминь» помещен на полях рукописи, на наш взгляд, никак не затрагивает наблюдений над текстом всей Повести, которые указывают на окончание текста Повести после первых вирш.[18]

Теперь несколько слов о тексте списка СПб. ДА. Он наиболее близок и к тексту списка Шаховского, и к списку Катырева-Ростовского, т. е. к спискам, которые в разное время считались первоначальными текстами Повести.

---

[17] ГПБ, собр. СПб., № 305, л. 66 об.

[18] Считаю необходимым указать на одно любопытное обстоятельство, которое обнаружено при рассмотрении вирш списка СПб. ДА. Если мы попробуем прочитать начальные буквы этих вирш не сверху вниз, а снизу вверх, то получится «арасий ас», т. е. не хватает первой буквы, чтобы получилось вразумительное чтение. Если же мы возьмем последнюю букву всех вирш, то получим «Тарасий ас». Что это? Случайное совпадение или натяжка при прочтении текста? А может быть, это не случайность — и дальнейшие изыскания позволят найти конкретного Тарасия, авторство которого можно будет доказать?

Например, чтения, указанные Кукушкиной как характерные для списка Шаховского,[19] есть и в СПб. ДА: отсутствие риторического отступления, дата о появлении слухов в Москве об убийстве царевича Дмитрия — 15 мая 1591 г. (в списке ДА год указан, число и месяц опущены). А, например, точной даты воцарения Василия Шуйского в списке ДА нет, как нет ее и в списке Катырева-Ростовского. Далее, всех характерных чтений списка Катырева-Ростовского, на основе которых Ключевский и Платонов указали автора повести, нет в списке ДА, как нет их в списке Шаховского.

Кроме общих чтений со списками Шаховского и Катырева-Ростовского список ДА имеет свои оригинальные чтения. Перечислю некоторые из них, содержащие фактический материал: у Ивана Грозного было 4 сына (в других списках — 3 сына); указаны год смерти и место погребения Ивана Грозного (в других списках нет); год смерти Федора Ивановича, год воцарения Бориса Годунова, точная дата пострижения Василия Шуйского в монахи (л. 46 об.: «в лето 7118, июля в 19 день»); точная дата благословения патриархом посольства к польскому королю (л. 47: «В лето 7119 году, сентября в 9 день»); точная дата прихода этого посольства в Смоленск (л. 47 об.: «октября в 7 день») и т. д.

Разночтений самого различного характера очень много, но ни одно из них пока не дает нам права утверждать явную первичность одного из трех списков — Шаховского (Соловецкий), Катырева-Ростовского и Духовной Академии, — т. е. разрешить этот вопрос на уровне разночтений весьма трудно.

С другой стороны, отмеченные противоречия всего текста Повести и наличие списка ДА позволяют предположить, что основная часть повести была создана до того, когда и Катырев-Ростовский и Шаховской обратили на нее внимание и создали свои редакции этого памятника.

Как бы то ни было, но вопрос об авторе так называемой Повести Катырева-Ростовского нельзя считать окончательно решенным. Для его решения предстоит еще большая работа, и прежде всего это касается сравнения текстов. У исследователей появились два совершенно новых оригинальных списка Повести (Шаховского и ДА), помимо них существует три редакции Повести и тексты, близкие к ней, например рукопись Филарета, Морозовский летописец. Все это указывает на то, что прежде всего необходимо провести тщательное сравнение текстов (может быть, придется по-новому сгруппировать списки) и уже на этой основе обратиться к решению вопроса об авторе Повести.

---

[19] Кукушкина, с. 77.

С. И. НИКОЛАЕВ

«НЕБЕЗДЕЛЬНОЕ БЕЗДЕЛЬЕ» В. КОХОВСКОГО В ПОСОЛЬСКОМ ПРИКАЗЕ

В литературной культуре последней трети XVII в. наблюдается любопытное явление: стихотворным переводом занимаются не профессиональные поэты, а профессиональные переводчики. Очевидно, можно говорить о существовании еще одной приказной школы, [1] на этот раз школы стихотворного перевода.

Возникновение стихотворного перевода в Посольском приказе было вызвано внелитературными факторами, и выполнял он внелитературные функции. Русские дипломаты пристально следили за польской публицистикой, и прежде всего за стихотворными сочинениями, которые носили политический характер. Рифмованная публицистика выполняла sui generis роль летучих листков и, выражая общественное мнение, комментировала современные события — коронации, войны, браки коронованных особ и т. д. Русских переводчиков интересовали прежде всего те сочинения, в которых содержалось «бесчестье его царского величества имени и его царского величества росийскому царствию».[2] Кроме того, переводились и сатирические сочинения «на бесчестье королю полскому и королеве. . . и бискупом и сенаторем».[3] Разумеется, большей частью это были сочинения невысокого художественного уровня, однако среди необъятной панегирической (с характерной для сарматизма ксенофобией) и сатирической литературы встречаются произведения действительно крупных мастеров. И среди стихотворных переводов, выполненных в Посольском приказе, мы находим стихи В. Потоцкого, С. Х. Любомирского и В. Коховского — крупнейших польских поэтов позднего барокко.

Так, с сентября 1676 г. по сентябрь 1677 г. в Посольском приказе было переведено несколько более 1200 стихотворных строк, не считая прозаических переводов с латыни, причем некоторые стихотворения имеются в двух списках (см. ниже). Среди этого довольно значительного корпуса стихотворений мы встречаем

[1] Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973, с. 34—77.
[2] ЦГАДА, ф. 79, кн. 177, л. 481.
[3] Там же, л. 486.

стихи самого разнообразного содержания, затрагивающие события как внешне-, так и внутриполитического состояния Речи Посполитой, причем переводятся не только те произведения, которые имеют отношение к России или русско-польским отношениям, но и такие, которые посвящены событиям значения общеевропейского, как например стихотворная реляция о Хотинской битве с турками 1673 г., которая прославила Яна Собеского, будущего польского короля. (Польско-турецкие отношения, как известно, постоянно интересовали русских дипломатов во второй половине XVII в.; напомним, что «Двор турецкого султана» Ш. Старовольского был в XVII в. шесть раз переведен на русский язык). Другая, и очень значительная, группа переводов — сатирические стихи о внутриполитическом состоянии Польши. Текстами С. Х. Любомирского и В. Потоцкого представлена панегирическая поэзия.

С точки зрения собственно художественной чрезвычайно интересны переводы из книги Веспазиана Коховского «Небездельное безделье»,[4] сохранившиеся в двух списках.[5] Переведено — полностью или фрагментарно — 10 стихотворений, всего 209 строк. На этом небольшом материале можно показать характерные черты и особенности посольских переводов. Прежде всего отметим, что перед нами не вирши литературного подмастерья, а книга крупнейшего художника позднего барокко, поэта-патриота, создателя «Польской псалмодии», прославившей Яна III Собеского; книга королевского историографа, чьи «Анналы» встречаются и в русских библиотеках конца XVII—начала XVIII в.— у кн. Д. М. Голицына и А. А. Матвеева.[6] В 70-х гг. XVII в. в Москве было по меньшей мере два экземпляра «Небездельного безделья»: в библиотеке Симеона Полоцкого [7] и в Посольском приказе.[8] Эротическая и религиозная лирика с характерным для Коховского налетом польского мессианизма не привлекла внимания переводчика, во всяком случае переведены только окказиональные политические стихотворения, которые были написаны в 1648—

---

[4] K o c h o w s k i W. Niepróżnujące próżnowanie ojczystym rymem na Liryka i Epigramata polskie rozdzielone i wydane, Krakow, 1674. Ссылки даются на издание: K o c h o w s k i W. Pisma wierszem i prozą, wyd. K. J. Turowski. Kraków, 1859. В скобках римской цифрой указана книга, арабской — стихотворение.

[5] ЦГАДА, ф. 79, кн. 177, л. 389 об.—398; кн. 181, л. 54 об.—63 об. — Все переводы сочинений В. Коховского цитируются по первому списку с указанием листов. Этот список впервые упоминается в кн.: Р о г о в А. И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. М., 1966, с. 261—262. — В обнаруженном нами втором списке стихотворения записаны без деления на стихи.

[6] См.: Л у п п о в С. П. Польская литература в русских библиотеках и частных собраниях XVII—первой половины XVIII века. — В кн.: Книга. Исследования и материалы, сб. 34. М., 1977, с. 47—60.

[7] ЦГАДА, Синод. типогр., № 4232.

[8] Экземпляр Посольского приказа обнаружить не удалось.

1674 гг.,[9] т. е. в первый период творчества Коховского, результатом которого и явилось «Небездельное безделье».

Здесь мы сталкиваемся еще с одной особенностью именно этих переводов — они уже не могли быть актуальны, не говоря о том, что переведена книга была спустя три года после ее выхода. Дело в том, что при обнаружении «укоризн» и «бесчестий» об этом «выговаривано полским комиссаром на посолских съездах», причем русские послы требовали иногда даже смертной казни для авторов таких книг, поэтому доставить и перевести материал быстро было немаловажной задачей. В 70-х гг. XVII в. вести из-за рубежа доставлялись в Россию за 40—60 дней.[10] В знаменитом «книжном» посольстве боярина Г. Г. Пушкина 1650 г. фигурировала поэма С. Твардовского «Владислав IV», которая вышла всего за две недели до приезда посольства в Варшаву.[11] «Музу польскую» С. Х. Любомирского В. Тяпкин выслал из Варшавы 8 июля,[12] а в Москве она была уже 18 августа 1676 года.[13] Таким образом, «Небездельное безделье» не было материалом актуальным.

С большою степенью уверенности можно предположить, что стольник и полковник Василий Тяпкин, первый русский постоянный резидент в Варшаве, просматривал всю, во всяком случае светскую, польскую печатную продукцию. Так, уже через несколько дней по приезде в Варшаву ему принесли сочинение на польском языке, рассуждавшее об избрании царевича Федора Алексеевича на польский престол.[14] Чем же привлекло В. Тяпкина «Небездельное безделье»? Это ясно из записи, предваряющей переводы, в которой дается не только краткая характеристика книги, заглавие, но и выходные данные, вплоть до дня печати: «В книге печатной полской, какову ис Полши вывез подьячей Прокофей Возницын в нынешнем во 185 году февраля 21, на бесчестие государства московского во многих местех напечатано. А имянуется та книга в начале по написанию ея Лирика и епиграммата Веспасияна с Кохова Коховского, се есть гусли, или вирши похвалные или хулителные о розных вещех. Выдана и печатана та книга нынешняго Яна Третиего, короля полского, на имя сына его, королевича Якова, в Кракове в типографии и проторми Войтеха Горецкого, славной // академии краковской типографа, в лето 1674, октября в 6 по новому» (л. 389 об.—390).[15]

---

[9] Turowski St. Wespazjan Kochowski na tle współczesnym jako poeta. Lwów, 1908, s. 8—11.

[10] См.: Сапунов Б. В. Из истории международных культурных связей Руси в XVII в. («Вести—Куранты»). — В кн.: Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М., 1976, с. 200—205.

[11] См.: Kubala L. Poselstwo Puszkina w roku 1650. — В кн.: Kubala L. Szkice historyczne, Ser. I—II. Warszawa, 1923, s. 123—152.

[12] ЦГАДА, ф. 79, 1676 г., № 8, л. 1.

[13] Там же, кн. 177, л. 481.

[14] См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. VI. М., 1961, с. 505.

И действительно, стихотворения «на бесчестье государства московского» переведены, но это не единственная, хотя и большая количественно группа. Это стихотворения I, 6; IV, 1, 6, 11, 20, 25; V, 15 и заключительное стихотворение всей книги. Иногда это вырванные из текста строки, где просто упоминается Москва, например «в стихах на погребение Владислава короля» (I, 1):

Сице орел белый,
Царь над птицами смелый,
Вчера своими крыли в народы пространися,
Ныне смертию короля зле перья лишися.
Шеи турски попирает,
Крым и шведов побивает.
Упрямую Москву так нохтями согнет,
В которых уловленное нимало не дохнет. (*л. 390*)

Эти 8 строк переведены из стихотворения, в котором 60 строк. Переводчик сделал выборку из-за упоминания Москвы, причем упоминания «укоризненного». Другие стихотворения переведены почти полностью. Это «Победа над Шереметем» (так!) (IV, 1), описывающая и воспевающая победу поляков под Чудновым над русскими войсками, которые возглавлял В. Б. Шереметев, и стихотворение «На похвалу Чернецкому» (IV, 6). Это не просто панегирики, но и батальные картины. Таким образом, переводы можно считать первыми опытами на русском языке в жанре «епиникиона»:

Приемлет ведомость государь великий,
что воеводы [16] и его стольники //
славных витезей Чернецкой бьет губя,
аки ястреб ярый безсилна голубя.
Уж рука его в добываньи Вилна
неприятелем к здаче ныне силна,
а ляховичи когда выручает,
все поля московскою кровию сливает.
Не менши храбра памятует Бася,
когда Долгорукому зашол от Спаса,
воевода с войсками насилу с погрому
ушол, растеряв людей, предал их полону.
Он же на Белой Руси воевать не дает,
а Хованскому и ума не стает —
и бога хулит и Николу лает,
что стрела его напрасно летает. (*л. 394—394 об.*)

Этим стихам о победах С. Чарнецкого над русскими в 60-х гг. в определенном смысле противостоит другая батальная картина — «Песнь 15 [17] о Серке, как в Крым ходил» (V, 15). Это, кстати, единственное стихотворение, переведенное полностью. Связано это с тем, что судьба кошевого атамана запорожских низовых казаков

[15] Отметим, что слова «хулителные» в оригинале нет, оно внесено переводчиком, так как по названию невозможно узнать, какого характера там стихи.

[16] *Испр., в ркп.* — воевода.

[17] *Испр., в ркп.* — 25.

Ивана Серка постоянно интересовала русское правительство, а за описанный поход 1667 г. на Крым Серко получил от царя похвальный лист.[18] Этим и объясняется, по нашему мнению, полный перевод этого стихотворения, лишь косвенно связанного с русско-польскими делами.

Еще два стихотворения вообще не имеют отношения к России и посвящены внутриполитическим событиям Польши. Первое — «Посмеятельные слова жолнером полским» (I, 6), второе — гневная инвектива «как полское войско отступило от короля Яна Казимера, а поддались шведом под Краковом в лето 1655» (I, 20). В первом, правда, упоминается кн. Ю. И. Долгорукий, но не это упоминание привлекло переводчика. Сравнивая по объему эти стихотворения, переведенные почти полностью, со стихотворениями «укоризненными», в которых переведены лишь интересующие строки, мы приходим к выводу, что эти два текста переводились именно как сатирические или обвинения шляхты в пьянстве, в продажности и т. д.:

Великого бесчестья пота не лишимся[19]
и вечного срама, покамест движимся;
никоторой никогда век наш не укроет,
и николи нам мутен Днепр не обмоет
греха, который нас ныне осквернил,
что поляк государю своему изменил. (*л. 391 об.*)

Чтобы яснее увидеть и осознать место этих сатирических стихотворений, которые занимают почти треть переводов из «Небездельного безделья», приведем следующий факт. Дело в том, что переведены были не все места, которые можно считать «укоризненными», всего мы нашли еще 11 таких мест.[20] Трудно подозревать посольских переводчиков в небрежении своим долгом. Напротив, Коховский и в Польше вряд ли имел более внимательных и памятливых читателей. Вот ничем, казалось бы, не примечательные 4 строки из 38-строчного панегирика «каштеляну краковскому» Анджею Ольшовскому (IV, 25):

В то время, когда два взапуски борцы скоряе
один перед другим прибегали к мете ближае,
твоя им Ценсура стать повелевает —
не чюжеземец, но свой пусть власть достигает. (*л. 396*)

И комментарий к ним: «Ценсура: выдана была книга латинским писмом про выборных на королевство полское, между которыми на государское имя блаженные памяти великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и

[18] См.: Русский биографический словарь, Суворова—Ткачев. СПб., 1912, с. 242.

[19] *Испр. по второму списку, в ркп.* — лишихся.

[20] I, 25; III, 4; IV, 1, 2, 6, 16, 30; V, 9. — «Укоризны» остались непереведенными даже в тех стихотворениях, которые частично были переведены, — следовательно, механический пропуск исключается.

Белыя Росии самодержца, речи напечатаны непристойны, и о том полским камисаром на посолских съездах выговаривано, и полские комисары от той книги, что называется Ценсура, отпирались, что // та книга печатана не в их государстве. И имени у той книги, кто выдал и где и которого году и числа напечатана, нет. А ныне в тех похвалных стихах, написанных ему, Андрею Олшовскому, объявилось, чта (так!) та книга латинская, что называется Ценсура, его, Андрея Олшовского» (*л. 396—396* об.). Этот пример ясно показывает, сколь «копотливая» работа по изучению польской публицистики велась в Посольском приказе, и упоминавшиеся выше пропущенные места были, конечно, не пропущены по недосмотру, но опущены специально, так как и из переведенных стихотворений можно было получить представление о характере книги. Если мы учтем при этом, что книга была переведена спустя три года после ее выхода и поэтому не содержала актуального материала, так как некоторые описанные события относятся к 40—50-м годам; если учтем наличие сатирических стихотворений, не имеющих никакого отношения к русской тематике, то складывается впечатление, что мы имеем дело со своего рода рефератом, рецензией поэтической книги, выполненной столь изощренным способом.

Посольские переводы были не первой, но исключительно важной страницей в истории русского стихотворного перевода, хотя бы с точки зрения техники его. К каждой группе текстов переводчик подходит по-разному. Так, небольшие фрагменты с «укоризною» переведены точно, почти слово в слово: «Uporną Moskwę tak pazury ściśnie,//w których ujęty obłów ani piśnie» (I, 1) — «Упрямую Москву так нохтями согнет, // в которых уловленное нимало не дохнет» (*л. 390*); или немного объяснены, перетолкованы: «Moskwa. . .do n a s ciągnie dla obłowu» (IV, 11) — «Москва. . . идет полонить п о л я к и» (*л. 395*). «Победа над Шереметем», «Песнь о Серке. . .» — уже более свободные переводы, переводчик объединяет или переставляет некоторые стихи, вводит свои рифмы, смелые переносы, которых нет в оригинале; заметна тенденция не к построчному переводу, а к строфической корреляции. А в сатирических стихотворениях, особенно в «Посмеятельных словах жолнером полским», переводчик не только виртуозно справляется с «вертоглавными концептами» Коховского, но и выступает здесь соревнователем его, вводя свои, исключительно смелые метафоры. Таким образом, характер текста определяет технику его перевода.

Однако главное значение посольских переводов заключается в другом. Дело в том, что в генологии русской поэзии XVII в. не нашлось места для окказиональной политической поэзии.[21] Переводчики столкнулись с жанром для них новым, которому

---

[21] П а н ч е н к о А. М. 1) Несколько замечаний о генологии книжной поэзии XVII века. — ТОДРЛ, т. XXVII. Л., 1972, с. 236—246; 2) Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973.

аналога на русской почве не было. Посольские переводы — поэзия чужая, но не чуждая, и, вероятно, она в определенной мере замещала отсутствующие русские стихотворные жанры, так же как украинская поэзия [22] или польские песни.[23] В таком случае понятно, почему «Песнь о Серке. . .» переведена полностью, ведь именно за этот поход Серко получил похвальный лист от царя. Не случайно первые стихотворения о русских победах написаны поляками на польском языке (П. Терлецкий, П. Болест). Лишь в конце 90-х гг. появляются русские стихотворения об Азовских походах (Карион Истомин и др.).[24]

Как известно, XVII век — время прилива в литературу деловых жанров, тесной связи литературы и делопроизводственной письменности.[25] В нашем случае эта граница почти неуловима. С одной стороны, это по природе своей поэзия, и притом поэзия высокого уровня. С другой — документы, которые находятся среди королевской переписки, конституций сеймов, статейных списков и т. д. Поэтому в качестве документов стихотворения имеют и «подстрочные примечания»: «Бахус — винной бог», «Кениксмарк — генарал свейской», «снопок — герб прежних королей полских», «Таурика — Крым» и т. д. Язык переводов — это язык деловой письменности, а не литературный язык той эпохи. Итак, функционально это документы. Но некоторые переводы создавались уже как литературные произведения, и здесь жанр теряет связь с узко деловыми функциями.

Здесь мы подходим к вопросу, на который ответить положительно пока не представляется возможным, — для кого делались эти переводы, если они уже в силу своей специфики не могли иметь распространения? Очевидно, что не для представления польским комиссарам — для этого достаточно «перечневой выписки». Очевидно, и не «для себя», ибо подбор текстов тенденциозен, да такие переводы и не могли попасть в делопроизводство. Может быть (это только догадка), они делались еще и для самого царя и зачитывались ему не так, как панегирики Симеона Полоцкого, но как «Вести-Куранты», а возможно — и вместе с ними. Посольские стихотворные переводы во всем противостоят литературной продукции элиты, во главе которой стоял Симеон Полоцкий. Их жанр, язык, даже неравносложность стихов, как нам кажется, противостоят принципам школы Симеона Полоцкого, в частности изосил-

---

[22] Каган М. Д. «Вирши об обороне Чигирина от Турок». — ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961, с. 435—444.

[23] Позднеев А. В. Светские польские песни в русских рукописных песенниках XVII века. — В кн.: Польско-русские литературные связи. М., 1970, с. 56—70.

[24] Ср.: Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв., вступит. статья, подгот. текста и примеч. А. М. Панченко. Л., 1970, с. 230 и сл.

[25] Лихачев Д. С. Зарождение и развитие жанров древнерусской литературы. — В кн.: Славянские литературы. VII международный съезд славистов. М., 1973, с. 173 и сл.

лабизму. Это была еще одна партия строителей культуры, которая новую культуру описывала на «новом» языке. Язык этот не был чужд, например, царю Алексею Михайловичу, который и сам писал «потешные челобитные».[26] Однако настоящую победу эта партия одержала позднее, в эпоху Петра I, когда последний в своей культурной политике начинает ориентироваться на тип писателя, противоположный Симеону Полоцкому, — на чиновника, литературного поденщика.[27] Тогда и получила признание «копотливая» работа переводчиков Посольского приказа — в частности, над польской окказиональной поэзией В. Коховского, С. Х. Любомирского и В. Потоцкого.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В песни 20, как полское войско отступило от короля Яна Казимера, а поддались шведом под Краковом в лето 1655

Великого бесчестья пота не лишимся[a]
и вечного срама, покамест движимся;
никоторой никогда век наш не укроет
и николи нам мутен Днепр не обмоет
греха, которой нас ныне осквернил,
что поляк государю своему изменил.
В людех сих свободных разразненной веры
невозможно миру быть никоими меры.
Сверх того, уж навыкли — в постели б лежало
наследие, нежели б в поле воевало.
На быстрой сести не смеет лошеди;
скучив в креслах, не скочит с копьем по площеди,
ни лука не вытянет крепка на побеге. //
Тешится отец, как в домовом ночлеге
сыночик молоденек девочку схватает
или с нею в полате песни воспевает.
Пусть смотрят крепко ныне отцов своих дела,
сколь чюжих стран рука их к своему задела
государству, где были полские рубежи,
сколь далече мерены просторны чертежи.
Предосадные крепко жестоки морозы
безтрудно проходили з своими обозы.
Не задержали Волги мутной воды,
не трудны нам болотных озер были броды;
не были помешкою до одоления
полунощны упором княжения.

(*ЦГАДА*, *ф.* 79, *кн.* 177, *л.* 391 *об.*—392).

[a] *Испр. по второму списку, в ркп.* — лишихся.

[26] Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., ч. I. М., 1895, с. 12.

[27] Панченко А. М. Славянские связи и национальные традиции в русской литературе на рубеже XVII—XVIII веков. — В кн.: Славянские литературы. . ., с. 225—238.

Л. А. ИТИГИНА

РЕДАКТОРСКАЯ РАБОТА СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО НАД ИЗДАНИЕМ «ПОВЕСТИ О ВАРЛААМЕ И ИОАСАФЕ»

Симеон Полоцкий известен в основном как поэт, драматург и проповедник. Не меньший интерес представляет и его деятельность как издателя и редактора. Симеон Полоцкий подготовил ряд текстов для печати в Верхней типографии. Среди них: «Букварь», предназначенный, по мнению Л. Майкова, для царевича Петра, «Псалтырь рифмотворная», «Тестамент Василия, царя греческого, сыну своему Льву Философу»; «Вечеря душевная», «Обед душевный», «Житие Варлаама и Иоасафа». «Сам выбор книг, — писал Л. Майков, — заслуживает особого внимания».[1] Он отметил, что произведения, отобранные Симеоном, носят в основном аскетический нравоучительный характер. Безусловно, этот выбор не случаен. Однако, на наш взгляд, следует подчеркнуть и то, что Симеон Полоцкий обращался именно к тем текстам, которые наиболее отвечали его мировоззрению, могли так или иначе перекликаться с реальной, современной ему обстановкой, а главное — служить его педагогическим целям.

В этой связи обратимся к истории создания Симеоном Полоцким перевода широко популярного в средневековье романа о Варлааме и Иоасафе. Это произведение было издано в 1680 г. в Верхней типографии.[2]

Как известно, это издание романа обрамлено стихотворениями самого Симеона Полоцкого. Однако до сих пор не выяснено, какое участие он принимал в подготовке к изданию основного текста. Упоминания об этом существуют у И. Татарского и Н. Попова: И. Татарский утверждает, что Симеон механически воспроизводит текст кутеинского издания 1639 г.,[3] Н. Попов пишет о несомненной

---

[1] Майков Л. Очерки из истории русской литературы XVII—XVIII столетий. СПб., 1889, с. 243.

[2] Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Вступит. статья, подгот. текста и примеч. А. М. Панченко. Л., 1970, с. 369. — Мы придерживаемся точки зрения А. М. Панченко, доказавшего ошибочность даты «1681 г.», стоящей на титульном листе книги.

[3] Татарский И. Симеон Полоцкий. Жизнь и деятельность. М., 1886, с. 159.

близости текста к сербскому списку романа начала XVII в. (ГИМ, сербск. 11).[4]

Сличение текстов симеоновского и кутеинского изданий опровергает точку зрения И. Татарского. Кутеинское издание — это фактически переложение польского текста кириллицей. Текст же симеоновского издания максимально очищен от варваризмов. И полонизмов, и сербизмов там в равной степени немного. Это последнее обстоятельство подвергает сомнению предположение Н. Попова о связи симеоновского издания с сербским списком.

Однако Симеон, по-видимому, был знаком с кутеинским изданием, так как в соответствии с ним разделил текст в своем издании на главы, на что обратил внимание в названной выше работе И. Татарский.

Весьма ценным является указание Н. Попова на рукопись перевода романа о Варлааме и Иоасафе, содержащую большое количество исправлений, сделанных самим Симеоном Полоцким.[5] Однако Н. Попов подробно их не анализировал.

Н. Попов назвал эту рукопись с правкой Симеона Полоцкого «корректурой» книги. На наш взгляд, этот термин не точен, так как фактически это скорее черновик. По сравнению с изданием в рукописи отсутствуют «Предисловие к читателю», «Стиси краесогласия в похвалу Иоасафа», «Служба святым Варлааму и Иоасафу», «Молитва Иоасафа в пустыню входяща» и оглавление. Поэтому мы считаем, что точнее назвать рукопись, которую правил Симеон, исходным текстом. Сличение печатного текста с исходным показывает, что все редакторские исправления Симеона вошли в само издание.

Правка Симеона весьма разнообразна. Это и исправления грамматических ошибок, и вставка пропущенных или замена неточных по смыслу слов; мелкие стилистические исправления и изящная инкрустация текста библейскими и античными сравнениями. Часто Симеон вставляет свое обобщение сказанного.

В данном случае нас интересуют те изменения, внесенные им в исходный текст, которые позволяют выявить основные тенденции его редакторской деятельности. Для Симеона характерна замена группы конкретных понятий одним, на его взгляд, обобщающим. Так, не только обозначение неодушевленных предметов, но и «скороувядающие» явления жизни, а также некоторые качества человека (слава, богатство, гордость, воинская доблесть и т. п.) последовательно заменяются понятием «сласть» или «сладости».

---

[4] Попов Н. Рукописи московской синодальной библиотеки, вып. 1. М., 1905, с. 87.

[5] ГИМ, Синод., № 114 (рукопись размером в лист представляет собой лицевой экземпляр, на бумаге просматриваются филиграни «герб Амстердама» и «шут с семью бубенцами», почерк — полуустав второй половины XVII в.). Описание рукописи см. в книге: Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). Составила Т. Н. Протасьева, ч. I. № 577—819. М., 1970, с. 51, № 634 (Син. 114).

Подобные исправления встречаются от первого до последнего листа рукописи.

В то же время Симеон часто распространяет понятия, заключенные иногда в одном слове исходного текста. Например, слово «сокровище» он заменяет целым перечнем: злато, серебро, адаманты, сапфиры и т. д. Особенно ярко проявляется подобная правка в описаниях палат дворца царя Авенира, в притче о граде.[6]

На первый взгляд может показаться противоречивым сочетание двух таких противоположных тенденций. На самом же деле никакого противоречия здесь нет. Для монашеского мировосприятия Симеона было свойственно пренебрежительное отношение ко всему, что составляет мирскую суету; для Симеона — поэта барокко — естественно стремление к ярким словесным украшениям. Аналогичные явления (варьированное употребление перечня названий драгоценных камней) можно наблюдать и в пьесах Симеона, и в его проповедях, где проявляется стремление давать, по выражению Л. В. Пумпянского, «красивые названия красивым вещам». Это в какой-то степени перекликается с «бриллиантизмом» «второй силезской школы» — прециозным направлением в немецкой поэзии XVII в.

Следующий тип правки связан с существованием специального корпуса дополнений к основному тексту, причем они касаются принципиальных проблем, важных для позиций раннего просветительства.

Во-первых, это дополнения, связанные с темой необходимости праведного суда. Эпизоды романа, так или иначе затрагивающие эту тему (будь то мирской суд — суд царя — или суд небесный), Симеон дополняет рассуждениями о беспристрастности разумного суда.

Например, характерно такое дополнение: в основном тексте читаем (сцена встречи воеводы-пустынника с царем):[7] «. . . да сядет с тобою на послушание глаголемых и на суд благ смысл и правда. На сия царь рекл: Глаголи ми без боязни». Симеон вставляет между этими фразами (после слов «смысл и правда») следующее: «. . .аще ярость и желание из среды изнесеши, вместо его Смысл и Правду (смысл и правда — с большой буквы, — *Л. И.*) возведеши — вся праведно повем ти. На сия царь рекл: се соизволяя твое прошение и желание, ярость от среды суда изверту, потщусь же возвести Смысл и Правду». И далее следует продолжение — «глаголи ми без боязни».

Симеон старается развить и тему независимости суда от «лстивых», его неподкупности. Так, в текст, описывающий небесный суд, он вставляет фразу: «Тот правый суд даров обилное даяние развращати не могут. . . а все хитрости подавити будут мучителна». Совершенно очевидно, что Симеон сознательно развивал в тексте

---

[6] См.: ГИМ, Синод., 114, л. 80—85 об.

[7] Там же, л. 40.

важную для него мысль об объективном суде, о справедливом и мудром монархе, этот суд вершащем.

Целый ряд дополнений Симеона связан с настойчивым обличением «злобы».[8] Л. Н. Майков справедливо указывал, что для Симеона обличение «злобы» — «один из главных путей наставления на истину».[9] Ориентируясь на другие произведения Симеона Полоцкого, и прежде всего на составленный им «Жезл правления»,[10] содержащий полемику со старообрядцами, можно утверждать, что Симеон считал «злобу» результатом невежества. Таким образом, дополнения к тексту романа, связанные с обличением злобы, в некоторой степени являются продолжением этой полемики.[11]

Другая группа дополнений связана с темой слова, столь важной для позиции писателей барокко.[12] В рассказ о христианских святых, которые просвещали людей, Симеон вставляет: «Глаголом их, и на мира сияние истинных добродетелей, и честных их деяний просветити. Не токмо дело и кровь, и кости святых исцеля душу, но и словеса».[13]

Поднять значение слова, обладающего «божественной» силой, — это было одной из важнейших задач Симеона-просветителя, Симеона-поэта.

Возможно, такое возвеличение слова было в какой-то мере связано и с тем, что Симеон Полоцкий воссоздавал, как подчеркивают исследователи (Л. Майков, И. Татарский, В. Попов), живое проповедное слово.

Распространение фрагментов, связанных с темой слова, четко прослеживается в симеоновской правке на протяжении всего романа. Приведем еще примеры. В эпизоде публичного поклонения Авенира христианскому кресту Симеон Полоцкий заменяет в тексте понятие «дело» понятием «слово». В исходном тексте: «яко же тогда названу от Павла делу познану быти». В окончательном варианте: «. . .яко же тогда реченному от Павла словеси истинствовати».[14] В эпизоде принятия царем Авениром христианства (после речи к нему Иоасафа) в исходном тексте читаем: «Царь слыша такие речи немало дивляшеся». Вставка Симеона: «и преклоняшася премудрости словес: им же противиться не возможаше».[15]

Аналогичная мысль звучит и в стихотворном предисловии Симеона к роману. «Почюдишися промыслу дивному, от старца

---

[8] См., например, дополнения в ркп. на л. 113 об., л. 124, л. 235.

[9] Майков Л. Н. Очерки из истории русской литературы XVII—XVIII столетий. СПб., 1889, с. 28.

[10] Жезл правления. М., 1667.

[11] См. в связи с этим: Елеонская А. С. Русская публицистика второй половины XVII века. М., 1978, с. 137—186.

[12] Об этом см., например: Панченко А. М. Слово и знание в эстетике Симеона Полоцкого. — ТОДРЛ, т. XXV. Л., 1970, с. 241.

[13] ГИМ, Синод., 114, л. 67.

[14] Там же, л. 221.

[15] Там же, л. 153 об.

мудрого изобретенному, како словом тщати уловити Иоасафа, дабы верну быти».

Таким образом, очевидно, что все дополнения, связанные с темой слова, не случайны, они носят целенаправленный характер и развивают мысли, присущие авторским произведениям Симеона Полоцкого.

Большое количество исправлений и вставок в тексте рукописи связано со специальными рассуждениями Симеона о благе иночества. Если все остальные дополнения встречаются на протяжении всего текста, то эти сконцентрированы в главе «О благости иноческого бытия». Они отражают жизненную позицию самого Симеона. А кроме того, эти вставки предназначались, на наш взгляд, прежде всего для одного из читателей повести — царя Федора Алексеевича. Доказательством этого может служить находящийся между листами этой главы рукописи черновик неоконченной записи Симеона Полоцкого, связанной с его работой над текстом повести: начало записи предваряется обращением к «царю, государю и великому князю Феодору».[16]

Известно, что царь Федор Алексеевич, любимый ученик Симеона, находился под огромным влиянием своего духовного наставника. И Симеон в своем литературном творчестве неоднократно обращался с наставлениями непосредственно к нему.

Если мы проанализирует дополнения, сделанные Симеоном к исходному тексту, то обнаружим, что каждая из четырех условно выделенных нами групп перекликается с заветами Алексея Михайловича царевичу Федору, которые сформулировал от имени умершего царя Симеон Полоцкий в «Гласе последнем».[17]

I. Дополнения, связанные с темой праведного суда, с тем, что монарх должен изгнать от себя гнев и ярость, выслушивая мнения других, и вершить правосудие — в «Гласе последнем»: «Советник правду хотяй глаголати, не должен гнева от тебя страдати».

II. Дополнения, связанные с обличением злобы, — в «Гласе»: «Злым человекам да не даси власти. Злыя люди огневи предати».

III. Дополнения, связанные с темой иночества, необходимости благочестивой жизни, — в «Гласе»:

Мнози на земли царие бывают,
Но не вси в небеси царство получают.
Самому нужно свято жити
Добродетели всякие творити
. . . .
Аще хощеши вечеряти в небе.

[16] Черновик записи находится между л. 67 об. и л. 68. Текст трудно читаем: частично размыт, несколько слов зачеркнуто. «Царю, государю и великому князю Феодору. Еже творити, двѣма возбуждяхуся винама. Первая, дабы злых похотѣй винъ не видящымъ тѣхъ желание от сердець си весма искоренити, и память ихъ изтребивше любовь и желание божественныхъ и небесныхъ въ себѣ насадити. Вторая. . .» (текст недописан). Ср. л. 60—60 об. издания.

[17] «Глас последний» цитируется по ркп. ГПБ, собр. ОЛДП, Q—25.

IV. Дополнения, связанные с темой слова, — в «Гласе»:

Ты ум свой словом бога да поищи. . . ибо
божие слово оживляет душу.

Таким образом, на наш взгляд, и «Глас последний», и издание романа благодаря внесенным туда дополнениям обращены к одному лицу — царю Федору. Возможно, что, выбирая «Повесть о Варлааме и Иоасафе» для издания, Симеон Полоцкий учитывал и другие аллюзии, возникающие у современников в связи с деятельностью Федора.

Основная мысль романа — обращение в христианскую веру. Как известно, именно при Федоре Алексеевиче на Руси началось крещение язычников (мордвы, касимовских татар, чувашей, черемисов).[18]

В романе Иоасаф заботился о том, чтобы обратить в христианскую веру язычников. При содействии Федора на Руси были обращены в христианство существовавшие здесь «идолопоклонники».

Духовным наставником Иоасафа был Варлаам, Федора Алексеевича — Симеон Полоцкий.

Значение Симеона в жизни царя Федора было огромно. Под его влиянием, как свидетельствуют историки (Татищев, Соловьев, Ключевский), Федор даже увлекся литературным трудом, в частности поэзией. Существует предположение о том, что 132 и 145 псалмы из «Псалтыри рифмотворной» были переложены на стихи самим Федором.

Известно, что, когда Симеон Полоцкий умер, Федор Алексеевич заставил Сильвестра Медведева 14 раз переделывать эпитафию своему учителю. Последний вариант, ставший широко известным, Сильвестр писал по непосредственным указаниям Федора. Вот что говорится там о значении Симеона Полоцкого:

Учитель бо зде токмо един таков бывый,
Богослов правый, церкве догматам учивый,
Муж благоверный, церкви и царству потребный,
Проповедного слова народу полезный.

Эти стихи о роли Симеона как просветителя вполне соответствуют молитве Иоасафа, оплакивающего Варлаама:

Он мя богу примирил есть,
Светом правды просветил есть,
Он ми жизни вождь да будет.

Таким вождем для Федора был Симеон Полоцкий. И, возможно, в сознании придворного окружения и в сознании самого Федора взаимоотношения Варлаама и Иоасафа проецировались на отношения между ним самим и Симеоном.

---

[18] См. об этом, например: П е р е т я т к о в и ч Г. Поволжье в XVII—XVIII вв. Одесса, 1882; Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. XI, вып. 3, Казань, 1893; Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. I. Саранск, 1940, № 69—70.

Таким образом, выбор романа о Варлааме и Иоасафе для издания и редактирования, работа над исходным текстом носили совершенно целенаправленный характер. Симеона привлекала возможность аллегорического выражения собственных мыслей, уже высказанных им во многих его авторских произведениях. Его дополнения к тексту отчетливо проявляют аналогии между художественным вымыслом и реальной, современной ему действительностью.

Нужно отметить, что роман о Варлааме и Иоасафе, переведенный задолго до жизни и деятельности Симеона Полоцкого и существовавший в славянской книжной традиции на протяжении столетий, еще раз был использован в конце XVII в. — в русле утверждения идей и стилистических принципов барокко.

А. А. МИХАЛИНА

ПРОБЛЕМЫ ДАТИРОВКИ «ГИСТОРИИ О ФРАНЦЕ МЕМЗОНЗИЛИУСЕ»

«Гистория о Франце Мемзонзилиусе» — оригинальное произведение XVIII в., текст которого не издан до сего времени. Первым ввел повесть в научный оборот А. Д. Григорьев.[1] Позднее, независимо от первого исследователя, к ней обратилась М. В. Николаева (статья Григорьева была ей не известна).[2]

В подходе к «гистории» о Франце эти работы обнаруживают определенную однотипность: обе включают в себя пересказ памятника (А. Д. Григорьев в своей статье передает также содержание повести о Василии Златовласом, подробно останавливаясь на истории ее изучения); их авторов волнуют в основном одни проблемы: время происхождения «гистории» и ее отношение к повести о Василии Златовласом; обе статьи, на наш взгляд, более ориентированы на общее ознакомление читателей с данным произведением, нежели на конкретную разработку какой-либо отдельной проблемы.

Одна из основных проблем, которую выдвигают в своих статьях А. Д. Григорьев и М. В. Николаева, — это проблема датировки повести. В попытке разрешить ее исследователи решительно расходятся друг с другом. Так, А. Д. Григорьев полагает, что изучаемая «гистория» является ярким порождением петровской эпохи, поскольку она проникнута ее взглядами и интересами.

М. В. Николаева придерживается другой точки зрения на время написания «гистории». Она считает, что появление ее в обиходе читателей должно быть отнесено ко времени не ранее середины 20-х гг., так как именно в этот период вошли в русский язык такие слова, как «ранг» и «тайный советник» (М. В. Николаева опирается на петровский «Табель о рангах», который был «сочинен» в 1722 г.), и не позднее начала 30-х гг. (на основании списка, датированного

---

[1] Григорьев А. Д. Повесть о чешском королевиче Василии Златовласом и История об испанском королевиче Франце. — Варшавские университетские известия, кн. IV. Харьков, 1916, с. 1—32.

[2] Николаева М. В. Повесть о Франце Имензолиусе (из истории рукописной литературы XVIII в.). — Уч. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена, т. 198. Л., 1959, с. 3—25.

«1738» годом, который, с точки зрения исследовательницы, не является оригиналом повести).

Однако утверждению исследовательницы противоречит ряд положений.

1) Рукопись ГИМ, собр. Черткова, № 179 (далее: Ч), которую М. В. Николаева относит к 40—50-м гг. XVIII в., по особенностям почерка, орнамента и филиграни (1708 г.) можно датировать самым началом XVIII в. — не позже 1712—1713 гг.[3]

2) Неправильно думать, что слово «ранг» вошло в русский язык в середине 20-х гг. XVIII в., поскольку оно фигурирует уже в списке Ч. Так как это слово не известно большинству просмотренных списков, то можно полагать, что его не было и в архетипе повести, поэтому опираться на него в датировке памятника, на наш взгляд, нельзя.

3) Чин «тайного советника» был не «введен» Петром I в 1722 г., а, по всей видимости, лишь узаконен им в «Табели о рангах». В неузаконенном же виде он существовал в России и раньше: так, в чине тайного советника был принят в русскую службу фон Паткуль;[4] в 1711 г. Петр жалует Лейбница этим званием;[5] в 1712 г. число сенаторов увеличивается тайным советником, кригскомиссаром князем Яковом Долгоруким;[6] в 1717 г. в созданную Юстиц-коллегию президентом назначают тайного советника А. А. Матвеева, [7] и т. д.

Верхняя граница в датировке М. В. Николаевой также неточна: как показывает Ю. К. Бегунов [8] и наша проверка, список «1738» г. в действительности относится к концу 50-х—началу 60-х гг.

Поскольку датировка М. В. Николаевой неправомерна, то встает вопрос о новом хронологическом приурочении повести.

Во взглядах на время происхождения «Гистории о Франце Мемзонзилиусе. . .» ближе к истине, пожалуй, оказался А. Д. Григорьев, который интуитивно отнес ее к петровской эпохе. В пользу принадлежности повести к петровскому времени говорят реалии, являющиеся, по всей видимости, отражением тогдашней действительности.

1) Прочитав грамоту Гордиана о требовании дани с «Гишпании», король Фридрих приказал собрать «консилию министров» и «нача советовати, как послу его ответ дати». «Консилия министров»,

---

[3] Приношу глубокую благодарность Л. М. Костюхиной, проверявшей по нашей просьбе датировку этого списка.

[4] Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. М., 1788, ч. X, с. 120, 121, 140.

[5] Пекарский П. П. Наука и литература при Петре Великом, т. I. СПб., 1862, с. 26.

[6] Соловьев С. М. История России с древнейших времен, т. 16. М., 1962, с. 452.

[7] Там же, с. 455.

[8] Бегунов Ю. К. Рукописная литература XVIII в. и демократический читатель. — Русская литература, 1977, № 1, с. 130.

иначе «канцелярия Боярской думы» или «Ближняя канцелярия», называвшаяся так по месту, где чаще всего проводились заседания, — это орган административно-финансового контроля, учрежденный Петром I в 1699 г. В 1710 г. новая дума состояла из 8 человек, которые управляли «отдельными ведомствами центральной администрации», приказами. Здесь, па съездах, обсуждались распоряжения царя, различные вопросы, по которым иногда принимались решения прежде, чем об этом доносилось Петру. Так дума превратилась в «тесный совет министров», который управлял страной во время отлучек государя.[9]

В марте 1711 г. организуется Сенат, к которому переходят все дела Ближней канцелярии. С учреждением Сената она не упраздняется, однако деятельность ее в 1711—1714 гг. пока неясна. Очевидно, она помогала в чем-то Сенату, но министерских съездов уже не было (хотя достоверно это не известно). Примерно с 1714 г., отмечает П. Милюков, «Ближняя канцелярия», или «консилия министров», представляет собой уже чисто счетное учреждение, «счетную канцелярию», и в период 1714—1719 гг. никаких министерских съездов также не наблюдается.[10] Это время падения ее значения, вплоть до упразднения в 1719 г. Таким образом, активная деятельность «Ближней канцелярии» падает на 1693—1714 гг. Видимо, автор «гистории», упоминая в ней данное учреждение, имел в виду «консилию министров» именно этого времени, когда была возможность наблюдать ее как живое явление, имеющее огромное значение в жизни страны, или когда еще были живы воспоминания о былом ее значении. Что касается периода 1714—1719 гг. и далее, то автору повести о Франце правомернее было бы упомянуть Сенат, который взял на себя функции «министерской консилии» и значение и роль которого в это время отчетливо наблюдаемы. Между тем ряд списков, среди них те, которые, как мы полагаем, ближе всего стоят к архетипу, не содержат в себе упоминания о сенаторах. Следовательно, «Гистория о Франце Мемзонзилиусе. . .», вероятно, была создана до 1714 г.

2) В тексте повести фигурируют золотые червонцы: золотыми червонцами осыпают в ней героя, своим пажам он жалует «на месяц по 12 червонцев», рыцарь Ганцбеус вручает резидентам, «всякому человек по тысячи червонных» и т. д. Как известно, вернувшись из-за границы, Петр I проводит монетную реформу. В 1701 г. велено было чеканить золотые червонцы, серебряные полтинники, гривенники и т. д. Вероятнее всего предположить, что в «гистории» упоминается именно петровский червонец, хотя он применялся и в допетровской Руси как общее название иностранных золотых мо-

---

[9] См.: Ключевский В. О. Боярская дума древней Руси. Пг., 1919, с. 442—447; Советская историческая энциклопедия, т. 2. М., 1962, с. 487.

[10] См. об этом: Милюков П. Государственное хозяйство России в 1-й четв. XVIII-го столетия. СПб., 1905 (особенно гл. IX).

нет (дукатов, цехинов, талеров), но широкого обращения последние не знали.[11]

3) Ганцбеус, по просьбе короля Фридриха взяв Франца к себе в «науку», «учинил» школу французского, немецкого, итальянского, греческого и турецкого языков и велел ему «быть во всякой школе в день по 2 часа».

Для обучения иностранным языкам уже при царе Алексее Михайловиче стали устраиваться школы. Но предпочтение тогда отдавалось изучению древних и славянских языков. В частности, очень популярным был польский. Людей же, знающих новые европейские языки, в это время буквально единицы: В. Голицын, сын А. Л. Ордина-Нащокина, который свободно говорил по-французски и по-немецки, и, возможно, некоторые другие. Любопытно, что знание языка они приобретали случайным образом: или от пленных (как Ордин-Нащокин), или за границей, или еще каким-то способом.

В петровское время повышается интерес к европейским языкам и уже делаются первые попытки к их распространению. Так, в «Набросках сведений о первых культурных реформах Петра I, сделанных им для составляемой в Кабинете е. в. истории его царствования» сообщается: «Того же (1699 году) . . . почелась школа навигаторская, также и протчих наук школы начало свое воспринимать помалу стали; також и разные художества. Приумножены школы латинские и вновь заведены немецкие и других языков».[12] В 1703 г. пастор Глюк основал в Москве школу, намереваясь учить русских юношей французскому, немецкому, греческому и латинскому языкам[13] (первыми тремя, как мы помним, владеет по «гистории» Франц Мемзонзилиус). В инструкции Гюйссена о воспитании царевича Алексея Петровича акцент тоже делался на французский язык как «легчайший и потребнейший». Известно, что царевич владел и немецким.[14]

Знание Францем Мемзонзилиусом итальянского языка также не противоречит тогдашней действительности: 15 мая 1697 г. состоялся указ, чтобы у греков, братьев Лихудов, преподававших в греко-латинском Московском училище, «детям бояр и иных чинов» учиться итальянскому языку. Это, как указывает П. П. Пекарский, «первое известное распоряжение правительства о распространении в России знаний европейских языков».[15]

Изучение королевичем Францем турецкого языка, возможно, тоже не случайно. В период оживленных сношений с Турцией, частых конфликтов с нею (на 1711 г., в частности, приходится зна-

---

[11] См.: Большая советская энциклопедия, т. 47, с. 126; Соловьев С. М. История России, т. 15, с. 71—72.

[12] Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. М.—Л., 1945, т. I, № 149, с. 115—116.

[13] Соловьев С. М. История России, т. 15, с. 78.

[14] Пекарский П. П. Наука и литература, с. 93—94.

[15] Там же, с. 190.

менитый прутский поход Петра), думается, существовала потребность в людях, знающих язык этой страны. Так, еще в 1704 г. Матвеев отправил в Москву из Англии «гречанина» Серафима с рекомендательным письмом, в котором говорилось, что поскольку последний «сведом» в турецком языке, то может быть «надобен для дел турецких впредь».[16]

Что касается «танцевального искусства» и церемоний, которым с «прилежанием» «обретаетца» в «гистории» Франц Мемзонзилиус, то школа Глюка как раз и ставила своей задачей научить юношей «поступи немецких и французских учтивств», «танцевальному искусству». Инструкция Гюйссена тоже преследовала цель обучения царевича «танцеванию». Петр I, как известно, проявлял большую заботу о воспитании дворянства в духе хорошего тона. Уже в 1708 г. была издана специальная книга «Приклады, како пишутся комплементы разные», а несколько позднее — «Юности честное зерцало» (в 1719 г.). Так что учтивость Франца, изысканность его манер, которой он чарует всех окружающих, комплименты, «отдаваемые» им «по обычаю, как надлежит», — все это вполне соответствует духу петровского времени.

Обучившись музыке, танцам, церемониям, овладев иностранными языками, королевич изъявил желание познать «гражданские права». Проявленный им интерес к юридическим наукам имеет параллели в петровской действительности: в 1715 г. Петр отдал приказ резиденту при императорском дворе Веселовскому сыскать книгу «юриспруденции».[17] В этом же году он поручал генералу Вейде достать иностранных ученых и в правах искусных мужей для отправления дел в коллегиях.[18] И в этом же 1715 г. Конон Зотов писал Петру из Франции: «. . .понеже офицеры в Адмиралтействе суть люди приказные, которые повинны юриспруденцию и прочия права твердо знать, того ради не худо бы было . . . выбрать сюда 2—3 лучших латинистов, . . .дабы прошли оную науку и знали бы, как суды и всякие судейские дела обходятся. . . Я чаю, что сие впредь нужно будет».[19]

4) Выслушав «дело» деда пажа Видли, которому судьи по причине его бедности «суда не дали», король Фридрих в негодовании воскликнул, что он «того судью, кто так неправо судит, велел бы смертию казнить». Эпоху Петра I отличал, как известно, строгий взгляд на государственную службу. В «Государственном регламенте» говорится, что «если кто по дружбе или вражде к просителю станет пренебрегать своими обязанностями, того подвергнуть конфискации имущества, лишению чина, ссылке на галеры и даже смертной казни».[20] Указ от 5 февраля 1724 г. еще раз подтверждает

---

[16] Соловьев С. М. История России, т. 15, с. 94.
[17] Там же, т. 16, с. 454.
[18] Там же.
[19] Пекарский П. П. Наука и литература, с. 157.
[20] Воскресенский Н. А. Законодательные акты, № 401, с. 507—508.

это: «Кто в суде неправду учинит . . . волно такого, яко нарушителя государственных прав и своей должности, казнить смертию натуральной».[21] Петр и на практике соблюдал это. Достаточно вспомнить печальную участь князя Гагарина, Нестерова, Шафирова. Негодование «гишпанского» короля Фридриха по поводу несправедливо осужденного «раба» хорошо вписывается в этот контекст.

5) О принадлежности повести к петровской эпохе свидетельствуют и более мелкие детали. Так, грамота английского короля Гордиана, направленная в «Гишпанию», заканчивается словами: «. . . при сем подписуюсь великой державы король и государь Гордиан Первый». В «Набросках сведений о первых культурных реформах Петра I. . .» читаем: «В 1699 г. начал все грамоты, отправляемые к другим христианским государям, или подтвержденные грамоты подписывать собственною рукой, чего прежние российские государи не чинили, а употребляли только печать».[22]

6) Примечательно и то, что английский король именует себя Гордианом Первым. Именно Петр, как известно, претендуя на святость, впервые в истории России объявил себя «Первым», и это «в глазах современников было гораздо более нескромным, чем то, что он стал называть себя «Великим».[23]

7) «И король Гордиян принял ево (Ганцбеуса) честно за такие ево великие дары и велел ему торговать, а того не знал, что он гишпанской рыцарь, потому что он назывался купец из града Любика». Может быть, такое приурочивание тоже не случайно и в нем можно усмотреть слабый отголосок той ожесточенной борьбы, которая шла между иностранными купцами и резидентами в России по поводу важного для них вопроса о перемещении торговли из Архангельска к Балтийскому морю, к Петербургу. Против ее перенесения хлопотали голландские купцы: в 1714 г. голландский резидент Деби имел разговоры с царем, в которых настаивал, чтобы не переводить торговлю из Архангельска в Петербург, представляя все трудности — малую широту вод, недостаток магазинов, погребов для товаров в новой столице и т. д. Но если голландцы хлопотали, чтоб все осталось по-прежнему, то жители Любека и других прибалтийских городов старались изменить движение внешней торговли к Петербургу. Разумеется, хотел этого и Петр, несмотря на то что в этом начинании его поддерживал лишь Меншиков, в то время как все другие министры были против.[24]

8) Отпустив английского посла с «честию», король решил удовлетворить просьбу сына и отправить его «послом во Англию во образе некоторого министра». Король Фридрих, и не подозревая о готовящейся авантюре с утаиванием посольства, переодеванием

---

[21] Соловьев С. М. История России, т. 18, с. 465.

[22] Воскресенский Н. А. Законодательные акты, № 149, с. 116.

[23] Успенский Б. А. Historia sub specie semioticae. — В кн.: Культурное наследие древней Руси. М., 1976, с. 290.

[24] Соловьев С. М. История России, т. 16, с. 470—471.

купцами и т. д., тем не менее почему-то решает отправить Франца за границу под чужим именем. Стремясь избавить свое государство от уплаты дани и войны, Франц, подобно Великому посольству 1699 г., преследовавшему цель создания союза европейских держав, которые бы поддержали Россию в войне с Турцией, организует за границей союз государств в поддержку «Гишпании». Правда, союз этот мнимый, но последнее обстоятельство не мешает герою в достижении целей. Таким образом, прав, видимо, был А. Д. Григорьев, считая, что заграничная поездка Франца описана не без влияния путешествия Петра в составе Великого посольства.

9) При обсуждении вопроса о дани английскому королю на собрании «консилии» Франц посоветовал, чтобы посла его отпустить «с честию», а самим писать к другим монархам и просить у них совета и помощи. «И те ево слова королю Фридриху и прочим советником были нравы, також де и министры к тому склонились, и подписались все руками своими». 7 октября 1707 г. Петр I приказывал князю Ромодановскому: «Изволь объявить при съезде в Полате всем министромъ, которые в Конзилию съезжаютца, чтобы они всякие дела, о которых советуют, записывали, и каждый бы министр своею рукою подписывал».[25] Отражение в повести этого указа позволяет установить нижнюю границу в ее датировке: «гистория» о Франце, по всей видимости, не могла появиться ранее 7 октября 1707 г. Таким образом, анализ реалий дает возможность датировать памятник периодом 1707—1714 гг. Этому выводу не противоречит и его идейное содержание.

Основной социальный мотив «Гистории о Франце Мемзонзилиусе» составляют представления о мудром «просвещенном» правителе. В 1-й части истории автор развивает программу подготовки будущего главы правительства. Он утверждает мысль о необходимости разностороннего образования наследника престола, чтобы тот мог успешно царствовать. Все это находится в соответствии со взглядами Петра I, который не мыслил себе преемника без серьезных знаний, без любви к наукам, ратному делу. Такого преемника, как известно, он не нашел в лице своего старшего сына, царевича Алексея, считавшего, что положение царя ни к чему не обязывает и позволяет быть лишь повелителем. Царевич Алексей был умен (это не отрицалось и отцом), образован, начитан, но образованность и начитанность его были образованностью и начитанностью человека XVII в. Заниматься же математикой, фортификацией, новыми языками и т. д. он был «несклонен по природе» и потому в отличие от Франца не проявлял особого рвения и прилежания в изучении наук, несмотря на предупреждения и побои Петра. Так, в мае 1709 г. на вопрос отца, какую книжку прислать ему для перевода, он отвечал с явным неудовольствием: «Учиться фортификации по указу твоему зачал, также и лечиться. А что позволил писать

---

[25] Воскресенский Н. А. Законодательные акты, № 238, с. 196.

о книжке, какую мне для перевода прислать, и я прошу о истории какой, а иной не чаю себе перевести».[26] В 1713 г. царевич по возвращении из-за границы, куда был отправлен отцом для завершения образования, прострелил себе руку, убоявшись, что Петр, устроивший испытание, заставит чертить при себе.[27]

Военное дело также вызывало у царевича Алексея отвращение. По его мнению, ратными вопросами, вопросами обороны должны заниматься генералы (Франц Мемзонзилиус придерживается на этот счет другой точки зрения, вспомним его обещание королю Гордиану: «Наследство мне вдай славно, получишь оборону явно»). Не нравились царевичу отцовские дела. О его неприязни к «новизнам» Петра в 1710 г. было известно даже в Германии.[28] Не было у царевича также петровской (и францовской) энергии, предприимчивости. Он стремился вести спокойный образ жизни, не любил ездить по стране, предпочитая оставаться дома и заниматься хозяйством. Естественно, что все это должно было вызвать неудовольствие и тревогу Петра, хотя до серьезных разногласий и больших неприятностей было еще далеко. Тем не менее 17 марта 1711 г. Петр I отдал следующий приказ Посольской канцелярии: «. . . надлежит конечно к будущему 1712 году о первенстве детей и их наследстве перевесть из правил французских и аглинских (а буде возможно сыскать, — и из венецыских)».[29] А в письме с берегов Прута от 10 июля 1711 г., очутившись в отчаянном положении, Петр писал в Сенат: «. . .если я погибну . . . то выберите между собою достойнейшего мне наследника».[30] Этим распоряжением Петр I заявил о неспособности царевича управлять государством, по крайней мере в настоящий момент. Возможно, «Гистория о Франце Мемзонзилиусе» явилась своеобразным откликом на зреющие разногласия между отцом и сыном, и, возможно, одна из целей, которую преследовал ее создатель, рисуя образ просвещенного, мудрого и справедливого правителя Франца, чья держава «прославлена вельми», — дать ноучение, наставление наследнику российского престола.

Развитие в повести идеи мудрого, «просвещенного» монарха, дела которого направлены на «пользу отечества», показывает неправомерность ее отнесения к 30-м гг. XVIII в., поскольку значение этой идеи падает сразу же после смерти Петра I. Уже само избрание на престол Екатерины I было нарушением его заветов. Петр II, как известно, ознаменовал свое правление тем, что строжайше

---

[26] Соловьев С. М. История России, т. 17, с. 118.
[27] Там же, с. 127.
[28] Там же, т. 16, с. 389.
[29] Воскресенский Н. А. Законодательные акты, № 11, с. 37.
[30] Соловьев С. М. История России, т. 16, с. 388. — В свое время высказывались сомнения относительно подлинности этого письма, но Е. П. Подъяпольской удалось показать, что оснований для подобных сомнений нет. См. об этом: Подъяпольская Е. П. К вопросу о достоверности письма Петра I с берегов Прута. — В кн.: Исследования по отечественному источниковедению. М.—Л., 1964, с. 314—318.

запретил чтение, хранение и распространение изданных дедом в «народ» «Розыскного дела», «Манифеста о лишении царевича Алексея прав на престолонаследие» (1718 г.), «Устава о наследствии престола российского февраля 5 дня 1722 г.»,[31] по которому право на престол не просто наследовалось, но и заслуживалось: «Кому оной (государь) хочет, тому и определит наследство и определенному, видя, какое непотребство, паки отменит. . .».[32] Эти документы к 1730 г. становятся большой редкостью.

Для царствования Анны Иоанновны идея «просвещенного» монарха также не характерна. Она вновь обретает былую популярность лишь в годы правления Елизаветы, которые отмечены возрождением культа Петра I. Но это 1741 г., ранний же список «гистории» датируется 1708 г.

Возможно, малочисленность ранних списков «Гистории о Франце Мемзонзилиусе» объясняется как раз непопулярностью этой идеи в правление Петра II и Анны Иоанновны. Большинство списков повести о Франце относится, как мы помним, к 40-м, 50-м, 60-м гг. XVIII в., т. е. время их появления в обиходе читателей приходится на годы царствования Елизаветы и Екатерины II, когда, как известно, резко возрастает интерес к идее просвещенного абсолютизма.

Сопоставление «Гистории о Франце Мемзонзилиусе. . .» с другими произведениями петровской эпохи еще раз подтверждает верность ее приурочивания к данному времени. Как указывает Г. Н. Моисеева, прославление «разума» и «науки» является отличительной чертой повести 1-й трети XVIII в.[33] Василий Кориотский благодаря своим способностям выдвигается из среды товарищей, «понеже он знал в науках матросских вельми остро». Имея «достойный разум» и быстро усваивая науку, Василий был почитаем «галанским гостем», у которого брал уроки практики. Острота ума характеризует и Александра, героя «Повести об Александре, российском дворянине». Герой повести о шляхетском сыне достигает высоких почестей также только благодаря своему разуму и «науке». Этот же мотив, мотив прославления разума и «науки», проходит через все содержание «Гистории о Франце Мемзонзилиусе»:

1) как только Франц родился, философы предсказали ему, что будет «велми мудр»;

2) Франц, подобно Василию Кориотскому и шляхетскому сыну, достигает блестящих успехов в учении: учителя его «признали довольным всем наукам», даже философии часть изучил; на арфе «играет так жестоко, что хотя б и мастер так играл»;

---

[31] Николаева М. В. «Тестамент» Петра I царевичу Алексею. — В кн.: Проблемы литературного развития России первой трети XVIII в. Л., 1974, с. 93—111 (XVIII век, вып. 9).

[32] Цитирую по: Николаева М. В. «Тестамент» Петра I, с. 99.

[33] Моисеева Г. Н. Русские повести первой трети XVIII в. М.—Л., 1965, с. 160—188.

в «гражданских правах» показал себя столь искусным, что король Фридрих принял его за человека другой державы;

3) на совете вельмож и министров только он произносит «здравые слова»: английского посла проводить с «честию», войны с Гордианом не иметь, просить его об отсрочке дани, а самим писать к другим монархам, чтобы получить от них «совет и вспоможение»;

4) ловко «проводит» он и английского короля Гордиана, принудив его не только отказаться от требования дани с «гишпанского» королевства, но и отдать ему в жены свою единственную дочь Роксану. При этом он насмешливо заявляет в письме к будущему тестю: «Гордиан! Смирися, в совести своей признася, твоего крепкого лука побеждает моя острая наука». Мотив прославления разума звучит даже в заключительных строках повести. Роксана говорит королевичу Францу: «Ныне пришла мне утеха, ныне разумом твоим избыла посмеха».

Петровские реформы открывали путь к славе и богатству. Для достижения этого нужны были прежде всего способности, предприимчивость, сила воли. «Табель о рангах» формировал уверенность в том, что не благородное происхождение, не «порода», а личные достоинства — залог успеха в жизни. И практика петровского времени давала тому наглядные примеры. Естественно, что все это получило преломление и в литературе. Так, например, в «Повести Госина историка о Агезиляи царе», читающейся в сборнике петровского времени, рассказывается о царе Агезиляе, который «множайшею же честию их же зрит мужественнейших, умом изряднейших и на благопотребные дела угоднейших». Неизвестный автор пишет, что «премерзостное зло есть — достоинствы недостойных ущедряти», «велие есть противление и неприличие неугодным почесть, достоинства возлагати, по общему древнему слову: ... не возлагай волови».[34] Эта же идея, идея необходимости оценки человека по его разуму, заслугам независимо от его социального происхождения и положения, звучит и в «Гистории о Василии Кориотском» и в «Повести о шляхетском сыне». Для них характерно как раз то, что герой, незнатный молодой человек, достигает высокого положения в обществе не своим происхождением, а личными заслугами. Продвижение Василия Кориотского, ставшего после смерти тестя флоренским королем, — подтверждение тому, что не порода, а личные дарования обеспечивают преуспевание в жизни. Аналогичная ситуация наблюдается и в «Повести о шляхетском сыне». Любопытно, что и Франц Мемзонзилиус достигает высоких чинов не благодаря своему происхождению, а в результате выдающихся способностей. В судейской палате Франца учиняют «младшим писцом», однако он показывает себя настолько искусным в делах, что уже через год доходит до «самого вышняго чину судейского». Король Фридрих, лишь убедившись в его премудрости, с какой он разбирает судебные дела, дарует ему чин министра.

---

[34] ГБЛ, ф. 299, собр. Тихонравова, № 489, л. 517—517 об.

Английский король Гордиан, будучи уверен, что имеет дело с простым приказчиком Францем Мемзонзилиусом, неожиданно делает его своим тайным советником. Объяснение этому мы находим в письме Франца к королю Гордиану, где он вспоминает, что в «бытность свою» при английском дворе «показал многих наук вид».

Чувство общественного долга, которое Петр I неустанно стремился воспитывать в дворянстве, внушая ему, что только служба государству и отечеству делает его «благородным», отличным «от подлости»,[35] роднит Франца Мемзонзилиуса с героями повестей 1-й трети XVIII в.

Василий Кориотский по собственному желанию «для лучшего познания наук» отправляется в Голландию. Российский дворянин Александр тоже едет за границу с целью учиться. Добровольная поездка за границу характеризует их как людей передовых, ибо в то время такие поездки были явлением весьма редким. Франц Мемзонзилиус тоже предпринимает добровольную заграничную поездку («И Франц начал отцу своему говорить, чтобы ево послал послом во Аглию»), цель которой также носит общественный характер: избавить свое «гишпанское» королевство от уплаты дани английскому королю. Одновременно у Франца было и тайное намерение — встретиться с великобританской королевной Роксаной. В этом плане интересно противопоставление «гишпанского» королевича Франца и российского дворянина Александра. Если последний в погоне за любовными увлечениями забыл о своем общественном долге и с тревогой думает: «како приближуся монарху моему. . .», то Франц сумел и невесту себе добыть и «Гишпанию избыть от нашедшия беды».

В «Гистории о Франце Мемзонзилиусе. . .», как уже упоминалось, получили развитие представления о мудром правителе. В этом можно увидеть отображение политических устремлений русского общества XVIII в. Как отмечал В. Сиповский, «русское общество XVIII в. было сильно затруднено политическими мечтами времени. Часто это было простое желание ругнуть придворных, дать поучение государю, нарисовать утопию, но тем не менее любопытен сам факт существования у нас этой потребности высказаться по поводу политического строя государства».[36] Ученый приводит ряд произведений, где можно наблюдать мотивы, в той или иной степени перекрещивающиеся с теми, что нашли отражение в «гистории» о Франце. В частности, в «Приключениях Фемистокла» Эмина ставится вопрос о воспитании принца, говорится о том, что царю почаще следует советоваться с книгами.

Но можно найти и более ранние параллели. Так, в «Притче о царе богатом», читающейся в списке петровского времени, расска-

---

[35] Татаринова Л. Е. История русской литературы и журналистики XVIII в. М., 1975, с. 32.

[36] Сиповский В. Очерки по истории русского романа, т. I. СПб., 1910, с. 203.

зывается о правителе, который в «сем же едином сосрешающа, яко не имети богоразумия и просвещения». Благодаря стараниям «благого советника» он был наставлен на путь истинный: проникся почтением к богу, изъявил желание, «что есть известно обрящ ти», и повелел своему советнику: «не токмо по вся дни, но и по вся часы сих память непрестанно да обновляеши ми».[37]

В 1722 г. в «Правде воли монаршей. . .» Феофан Прокопович ставит ту же проблему — проблему воспитания мудрого монарха: «Должны цари-родители так наставляти сыны своя, дабы они явились достойни царствования».[38]

Развитие этого же мотива мы встречаем в «Гистории о шляхетском сыне», где цесарь обращается к своей дочери: «учиню тебя . . . наследницею по мне, но первой яви свое достоинство».[39] Следовательно, вопрос о воспитании мудрого, образованного монарха был актуален уже в 1-й трети XVIII в. И в этом плане «Гистория о Франце Мемзонзилиусе» отстоит не так далеко от так называемых «петровских повестей».

Феофан Прокопович утверждал, что главная обязанность государя есть забота о подданных.[40] В какой-то мере с ним перекликается Иван Посошков, ставивший перед абсолютной властью обширные задачи. В частности, он говорил о «всенародном обогащении», по его словам, «самое царственное богатство: еже бы весь народ . . . богат был».[41] В 1702 г. в «Манифесте о вызове иностранных мастеров» Петр обещал управлять страной так, «чтобы наши подданные попечением нашим о всеобщем благе более и более приходили в лучшее состояние». В 1721 г. во время празднования Ништадтского мира Петр скажет: «Надлежит трудитца о пользе и прибытке общем . . . от чего облегчен будет народ».[42] Естественно, что обещаемая Петром политика оказалась благом лишь для господствующих классов, но сами высказывания его любопытны. В одном из списков «гистории» (списке Т) в письме к английскому королю Гордиану Франц заверяет последнего: «при мне будет твоя держава славна, и царские народы не будут мною злоди». Этот же мотив заботы о подданных проявляется и в следующем: когда английский король потребовал дани, то Франц в отличие от министров вступается за государство и народ, указывая, что дань придется платить не вельможам, а государству, вследствие чего «подлому народу» грозит разорение. Развитие того же мотива мы имеем и в сатирической новелле «гистории» о судопроизводстве, где в защиту «раба» от самоуправства богатых выступает сам королевич.

---

[37] ГБЛ, собр. Тихоправова, № 143, л. 118 об.

[38] Феофан Прокопович. Правда воли монаршей. . . М., 1722, с. 19.

[39] Моисеева Г. Н. Русские повести. . ., с. 295.

[40] Татаринова Л. Е. История русской литературы, с. 23.

[41] Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве. М., 1951, с. 311.

[42] Воскресенский Н. А. Законодательные акты, № 213, с. 156.

«Гистория» заканчивается описанием английского королевства в правление Франца, при котором оно «велми прославлено», где «честно хранятся гражданские правы» и где «никто не смеяше обидети ближнаго своего». Эта концовка перекликается с утопическими мечтами И. Посошкова, верящего, что когда-нибудь «вражды и обиды все истребятся» и даже «высокомнимые дворяне превратятся в кроткие овчата».[43]

Таким образом, сопоставительный анализ идейного содержания «Гистории о Франце Мемзонзилиусе. . .» с произведениями петровской эпохи показывает, что «гистория» отразила основные идейные устремления этого времени и несомненно является произведением того же периода.

---

[43] Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве, с. 311.

Л. В. СОКОЛОВА

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБРАБОТКИ XVIII в. ПОВЕСТИ ОБ АПОЛЛОНИИ ТИРСКОМ

Известно, что многие памятники древнерусской литературы, в том числе и переводные романы, об одном из которых пойдет речь в этой статье, переходят хронологический рубеж нового времени и продолжают переписываться на протяжении всего XVIII в., составляя, по словам Н. С. Тихонравова, «преобладающий элемент в народном чтении первой половипы XVIII в.».[1]

Какова же была судьба древнерусской беллетристики в XVIII в.?

На этот вопрос, интересный как для медиевистов, так и для историков литературы XVIII в., нельзя получить ответ без предварительного анализа списков XVIII в. конкретных памятников. Внимание исследователей уже привлекали обработки XVIII в. таких произведений, как Повесть об Акире Премудром,[2] Повесть о Григории, папе Римском,[3] Повесть о Бове и Повесть о Петре Златых Ключей,[4] Повесть о Еруслане Лазаревиче,[5] Повесть о Дмитрии Басарге и о сыне его Борзосмысле.[6]

В данной статье будет рассмотрена рукописная традиция XVIII в. Повести об Аполлонии Тирском с целью выявить основные направления редакционных изменений, вносимых в XVIII в. в текст этого древнерусского произведения.

Переведенная во II половине XVII в. в составе сборника «Римские деяния»,[7] Повесть об Аполлонии Тирском в том же столетии

[1] Тихонравов Н. С. Русская литература XVII—XVIII вв. — Сочинения, т. II. М., 1898, с. 7.

[2] Перетц В. Н. К истории текста «Повести об Акире Премудром». — ИОРЯС, т. XXI, кн. 1. Пг., 1916, с. 262—278.

[3] Гудзий Н. К. 1) К истории легенды о папе Григории. — ИОРЯС, т. XIX, кн. 4, Пг., 1914, с. 217—256; 2) Новые редакции повести о папе Григории. — ТОДРЛ, т. XV. М—Л., 1958, с. 177—191.

[4] Кузьмина В. Д. Рыцарский роман на Руси. Бова. Петр Златых Ключей. М., 1964.

[5] Пушкарев Л. Н. Литературные обработки о Еруслане Лазаревиче в XVIII в. — В кн.: Исследования и материалы по древнерусской литературе. Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967, с. 206—236.

[6] Повесть о Дмитрии Басарге и о сыне его Борзосмысле. Исследование и подготовка текстов М. О. Скрипиля. Л., 1969.

[7] Дата перевода Повести об Аполлонии Тирском на русский язык пока точно не установлена. Большинство исследователей считают, основываясь на указании русских рукописей, что она была переведена в конце XVII в.,

была существенно переработана. Эта вторая редакция повести была известна в литературе преимущественно по публикации Н. С. Тихонравова,[8] почему она и получила название «Тихонравовская» (ср., например, у Мурко: «Tichonravov'sche Text» и условное обозначение этой редакции — «Т»).[9] По сравнению с первоначальной редакцией повести для Тихонравовской редакции характерна более христианско-благочестивая позиция пересказчика и риторичность «высокой» литературы.[10]

В XVIII в. переписывались и перерабатывались обе редакции повести: и входящая в состав «Римских деяний» (ред. РД), и Тихонравовская редакция (ред. Т). При этом отношение к тексту второй редакции, встречающейся как самостоятельная повесть (в отдельных списках или сборниках непостоянного состава), было, по общему правилу, более свободным, чем к тексту, входящему в сборник постоянного состава («Римские деяния»). Поэтому обработки XVIII в. ред. Т более многочисленны и разнообразны. Они дают богатый и интересный материал для изучения литературных вкусов различных читательских кругов XVIII в., для наблюдения над трансформацией в XVIII в. древнерусской беллетристики. На них и остановимся в данной статье.

Обработки XVIII в. ред. Т различны по характеру и значимости внесенных в текст изменений. Одни из них я определяю как варианты ред. Т, отличные от первоначального, основного варианта этой редакции, другие — как особые редакции. Но для удобства изложения все они называются в предлагаемой статье однозначно — обработки ред. Т XVIII в. или редакции XVIII в., — тем более что для данной постановки вопроса (наиболее общие тенденции редакционных изменений) эта градация не имеет значения. Условно обозначим обработки XVIII в. ред. Т так: T_1 (ГИМ, собр. Забелина, № 498 и ГИМ, собр. Барсова, № 2364),[11] T_2 (ГПБ, Q XV. 87), T_3 (ГБЛ, собр. Тихонравова, № 222; ГИМ, Музейское собр., № 1043; БАН, 17.7.48; ГИМ, собр. Вострякова, № 914, 1274; ЦГАДА, ф. 181, № 540/1023; ИРЛИ, собр. Перетца, № 429; ГЛМ, ОФ, № 57),[12] T_4 (ГИМ, собр. Барятинского, № 160), T_5 (ИУЛ,

---

а М. Н. Сперанский относит дату перевода к самому началу XVII или даже к концу XVI в. См.: Сперанский М. Н. Рукописные сборники XVIII в. М., 1963, с. 31, сноска 5. — Исследование всех доступных мне списков отдельной повести и сборников «Римские деяния» дает основание считать, что повесть была переведена в конце 60-х—начале 70-х гг. XVII в.

[8] Тихонравов Н. С. Повесть об Аполлоне Тирском. — В кн.: Летопись русской литературы и древностей, т. I, ч. 2. М., 1859, с. 6—33.

[9] Murko M. Die russische Übersetzung des Apollonius von Tyrus und der Gesta Romanorum. — Archiv für slavische Philologie, Bd XIV, 1892, H. 3, с. 405.

[10] Более подробную характеристику этой редакции см.: Соколова Л. В. Две русские редакции XVII века Повести об Аполлонии Тирском. — ТОДРЛ, т. XXXIV. Л., 1979, с. 313—322.

[11] Цитируется по списку из собр. Барсова (далее: $Б_{2364}$).

[12] Цитируется по разным спискам (далее соответственно: T_{222}, M_{1043}, БАН, B_{914}, B_{1274}, ЦГАДА, $П_{429}$, ГЛМ).

№ 961), $Т_6$ (ГИМ, собр. Ундольского, № 912), $Т_7$ (ГПБ, собр. Колобова, № 400).[13] Отрывком из еще одной обработки текста ред. Т, отличной от всех перечисленных, является список ЛОИИ из собр. Лихачева, № 288, в котором сохранилось менее $^1/_5$ части текста.

Итак, что же характерно для обработок XVIII в. Повести об Аполлонии Тирском? Что отличает их от Тихонравовской редакции, на основе которой они возникли?

Во-первых, иным стало в XVIII в. жанровое восприятие повести. Если в XVII в. она рассматривалась читателями как назидательное поучение, то в XVIII в. она стала восприниматься как занимательная «гистория». Это заметно уже по изменению названия повести. В списках Тихонравовской редакции она называлась так: «Приклад дивный, коль благ бог и всесилен и како прелогает печаль на радость. Слышанием древних деописец. Повесть о Аполлоне, короле тирском и о Тарсии королевне» (ГПБ, Q XVII, 139). Или: «Повесть изрядная о Апполоне, царе тирском, и о случаях и о бедах и печалех в мире сем, и яко человеколюбие божие никого ж оставляет до конца погибнути. Начася ж Антиохом царем» (ГБЛ, собр. Беляева, № 12 (1518)).

Иначе озаглавлена повесть в различных списках XVIII в.: «Повесть о премудром короле тирском и сидонском» (ИРЛИ, собр. Перетца, № 186), «Гистория о Апполоне, короле тирском» ($Т_2$, $Т_5$), «Гистория о Апполоне, короле тирском и сидонском и о прекрасной королевне Тарсии» (ГЛМ), «Гистория о Апполоне, короле тирском, како пострада от Антиоха и како достал себе супругу, прекрасную королевну Лучницу, дочь короля Алтистрателя, и как с ней божиею волею разлучился, по многим же бедам такожде и паки совокупился» ($М_{1043}$, БАН, ЦГАДА).

В последнем заголовке особенно наглядно внимание переписчика к сюжетной, занимательной стороне повести. Об этом свидетельствуют и подзаголовки в одном из видов $Т_3$, делящие текст на части и передающие содержание каждой из них, например: «Како короля Апполона неки, именем Барбата, хотя поимати; и како во граде Тарсе живяше (*в ркп. ошибочно* Тарте, — *Л. С.*), потом же от морскаго потопления едва спасеся» ($В_{914}$, л. 8).

Состав сборников XVIII в., в которых встречается наша повесть, также говорит о том, что ее назначением стало в первую очередь развлекать читателей. В XVIII в. повесть встречается, как правило, в сборниках, которые, по словам М. Н. Сперанского, «обнаруживают явное тяготение к занимательной повести, столь любимой читателями XVIII в.».[14]

Для обработок XVIII в. характерна, во-вторых, исключительно большая свобода в обращении с текстом повести, который, по-

---

[13] $Т_5$ и $Т_6$, восходящие к общему протографу, а также $Т_7$ объединяют текст ред. РД и Т. Но поскольку за основу и в том и в другом случае взят текст ред. Т, я отношу эти списки к обработкам ред. Т.

[14] Сперанский М. Н. Рукописные сборники XVIII в. М., 1963, с. 31.

добно текстам фольклорных произведений, отличается в списках XVIII в. неустойчивостью, «текучестью». Довольно часто переписчик становится одновременно и весьма решительным редактором. Списки XVIII в. очень индивидуальны; редакции XVIII в. часто представлены всего одним списком. Так, например, из перечисленных выше обработок ред. Т лишь T_3 представлена несколькими (8) списками. Однако и между ними имеются существенные различия как в стилистическом, так и в сюжетном отношении. Списки объединены нами не столько на основании близости их текстов, сколько на основании тех общих особенностей, которые внес в текст создатель списка-протографа.

При первом знакомстве с обработками XVIII в., с их многообразием создается впечатление, что нет никакой закономерности в изменении ими текста Тихонравовской редакции. Однако более детальный анализ списков позволяет свести разнообразные изменения текста ред. Т в обработках XVIII в. к нескольким основным тенденциям.

Прежде всего отметим, может быть, не самую важную, но тем не менее показательную особенность списков XVIII в.: восприятие текста стало более критическим в связи с новым, более свободным отношением к нему. В XVII в. нередко какое-либо недоразумение в тексте «кочевало» не только из списка в список, но и из редакции в редакцию. Переписчиками XVIII в. исправляются многие смысловые алогизмы, проясняются «темные места» повести.

В сцене оживления Лучницы место, на которое была положена героиня и под которым был разведен огонь, названо непонятным в данном контексте словом «хладничек». Оно является, по-видимому, старославянским фонетическим вариантом слова «холодничек», которое наряду со словом «ледничок» заменило в одном из видов ред. РД полонизм «ляса»[15] (из польского łasa — в зн. верша[16]). В списке M_{1043} оно заменено словом «кладничек», в T_4 и T_7 — «одр», а в T_1 — словом «полотно».

Автор ред. Т сообщает читателю, что после того как ученик врача Тиримонуса вывел Лучницу из состояния летаргии, врач Тиримонус «упроси ю, еже стояти ей в болшей божнице вместо богини или вместо властелинии» (л. 274 об.).[17] Во многих списках XVIII в. это явно испорченное место (в чешском тексте говорится

---

[15] Н. Нильссон предполагает, что замена слова «ляса» на «ледничок» и через него на «холодничек» произошла потому, что Люциня (такое имя носит героиня в ред. РД), впавшая в летаргический сон, изображалась скованной, замерзшей («als erfroren geschildert wird»). См. об этом: Nilsson N. Å. Die Apollonius — Erzählung in den slawischen Literaturen. — Труды по славянской филологии, изд. русским институтом при Стокгольмском университете) Uppsala, 1949, с. 144.

[16] Гессен Д. Большой польско-русский словарь. М., Варшава, 1967, с. 361.

[17] Текст ред. Т цитируется здесь и далее по лучшему списку — ГБЛ, собр. Беляева, № 12 (1518). Слова, исправленные по другим спискам, заключаются в квадратные скобки.

о том, что Люциня служила жрицей в храме богини Весты) исправляется, но осмысливается при этом по-разному. Создатель ред. T_4 сообщает, что Тиримон «учредил королевну . . . в великой божнице начальницею» (л. 20), а согласно T_3 в храме стояла не сама Лучница, а «образ персоны ея».

Но не только необходимость исправления текста ред. Т служила поводом к его изменению. В обработках XVIII в. встречаются самые различные виды трансформации сюжетной основы: модификация, редукция, амплификация, модернизация и т. п.[18]

Под термином «модификация» понимаются в данном случае различные смысловые изменения, вносимые в сюжет повести: видоизменения сюжетных мотивов, переосмысление (иное истолкование) сюжетных эпизодов, а также изменения образов персонажей. Начну с последнего, как наиболее важного.

В T_3, например, утрачивается житийно-этикетная условность изображения персонажей, которую внес автор ред. Т, в результате чего значительно изменяется образ главного героя — Аполлона. В ред. Т он, подобно персонажам житий, — слаб, покорен судьбе, часто плачет.[19] Действия его характеризуются «житийными» определениями («поклонився умиленно, отъиди»), его обращение к корабельщикам также церковно-христианское («о любезная братия моя»). В T_3 перед читателями совсем иной герой. Он уже не проявляет «житийного», христианского смирения, речь его независима, а проявления чувств более сдержанны. Сравним, например, ответ Аполлона королю Антиоху, утверждающему, что Аполлон неверно отгадал загадку и тем самым погубил себя. Ред. Т: «Великославный цесарю, вси сие мое извещение слышат, яко тако есть. Но ты, праведный цесарю, и правый суд имаши. Готов есмь к смерти» (л. 266 об.). T_3: «Великий Антиоше и славный цесарю, на сие бо гадание мое отвещание право есть, а не по моей воли. Ныне бо, великий цесарю, ты суд имаши, но токмо дабы имел в правде судити» (T_{222}, л. 6). Как видим, здесь Аполлон уже не выражает уверенности, что суд царя будет правый, а напротив, требует, чтобы царь судил «в правде», и уже не высказывает готовности подвергнуться любому наказанию. Образу главного героя «возвращается» его первоначальный (см. ред. РД) смысл, соответствующий жанру приключенческого романа.

Переосмысление некоторых сюжетных эпизодов, как и модификация некоторых сюжетных мотивов в обработках XVIII в.,

---

[18] Термины «трансформация», «редукция» и «амплификация» используются вслед за В. Я. Проппом и именно в том значении, какое придавал им он. См.: Пропп В. Я. Трансформация волшебной сказки. — В кн.: Хрестоматия по теоретическому литературоведению, вып. 1. Тарту, 1976, с. 140, 149 (2-й абзац). Термин «модификация» также используется вслед за В. Я. Проппом, но в несколько расширенном значении (объяснение см. в тексте).

[19] Способность плакать органически входит в образ истинного христианина. Интересные наблюдения по этому поводу содержатся в статье В. В. Виноградова «К изучению стиля протопопа Аввакума, принципов его словоупотребления» (ТОДРЛ, т. XIV, с. 373).

связаны, как правило, со стремлением переписчиков к большей правдоподобности и мотивированности изложения. Приведу соответственно два примера.

Согласно ред. Т Аполлон, скрываясь от Антиоха, покидает родной город Тир. Он уплывает, наполнив корабль пшеницей. В городе Тарсе, где он решает остановиться, царит голод. Аполлон распродает пшеницу, но деньги возвращает горожанам, «дабы его купецом не назвали». В T_5 этот эпизод истолкован иначе: Аполлон, по этой редакции, продает пшеницу, «дабы его не признали и купцом бы называли» (л. 89 об.). Тем самым мотивируется решение Аполлона наполнить корабль пшеницей, никак не объясняемое в ред. Т.

Модификация сюжетных мотивов, как наиболее доступная для непрофессионального редактора (скорее читателя, чем писателя) форма проявления авторского самосознания, очень часто встречается в обработках XVIII в. Например, в ред. Т говорилось, что Тарсиса «по многом неутешном плачи» погребла свою мамку Лигорию на берегу моря. В T_4 королевна просит Странгвилея «о погребении мамки своей Лигории, которой прозьбою ее оное учинил» (л. 21), а в T_5 Тарсия «повелела (кому именно, не указывается, — *Л. С.*) погрести тело ея на морском берегу» (л. 91).

Очень характерными являются для обработок XVIII в. такие изменения сюжетной основы, как редукция и амплификация. Можно выделить два вида редукции в редакциях XVIII в. В одном случае — это пропуск тех или иных сюжетных мотивов, эпизодов. В другом случае сюжетный эпизод не опускается, а «стягивается», излагается кратко, без подробностей. Простое отбрасывание сюжетных мотивов или эпизодов не нуждается в иллюстрации. Приведу пример лишь второго вида редукции. Он часто используется авторами редакций XVIII в. при переработке особо растянутых эпизодов и многословных, риторичных монологов ред. Т. Особенно же характерен этот вид редукции для обработок краткого типа, превращающих изложение в пересказ, как например T_4, из которой и взят следующий пример.

Аполлон, отдавший на волю волн тело своей жены, мнимоумершей при родах, оставляет родившуюся дочь вместе с ее кормилицей Лигорией в городе Тарсе, у Стренгвила и Дионисии. Умирая, Лигория открывает Тарсисе тайну ее рождения. В ред. Т этот эпизод развернут в целую сценку: «Некогда же прииде от учителя Тарсиса, мама ея Лигория разболеся к смерти. Сия видя, нача, горько рыдая, плакати. Лигория же нача ю вопрошати: „Веси ли, — рече, — чия еси ты дщи?" Тарсиса же рече: „Странвила и Дионизии". Лигория же: „Несть, — рече, — сей твой ни отец, ни мати; ты еси благороднаго отца дщи, великаго краля Аполлона Тирскаго, мати же твоя бысть дщи краля кипрьскаго, кралева Лучница; родив же тя, предана морю; зде же ты дана отцем воспитати; отец же твой, ища матери твоей, странствует по морю". И сия известивши, Лигория умре» (л. 275—275 об.).

В T_4 лишь сообщается об этом эпизоде, подробности здесь опущены: «По вручении же Тарсисы в школу, а мамка Лигория обдержима тяжкою болезнию, об которой Тарсиса королевна весьма плакала и при испущении духа в самой краткости жизни призвав королевну, дала ей знать, чья она дочь и кто мать ея. И всю историю донесла» (л. 21).

Сюжетная амплификация (расширение сюжетной основы) бывает, как и редукция, разных видов. В одних случаях она выражается в разработке сюжетных эпизодов, обогащении их новыми подробностями. Примером такого рода разработки сюжета может служить тот же эпизод прощания Тарсисы с умирающей мамкой Лигорией. Если в ред. Т Лигория лишь спрашивала у Тарсии, кто ее родители, то в T_5 она вначале говорит о своей болезни, о близости смерти, объясняя этим свой последующий вопрос к Тарсии о ее родителях. Ответ Тарсии в ред. Т также был краток: «Странвила и Дионизии». В рассматриваемой обработке Тарсия начинает свой ответ таким предисловием: «Воистинну, любезная моя мамушка Лигория, и сама я то в сие время признала, что уже жизнь твоя прекращается, и в не уме своем о родителях вопрошаешь, будто бы их и не знаешь. . .». А после рассказа Лигории о настоящих родителях Тарсии в текст этой редакции XVIIIв. введено предсмертное обращение Лигории к своей воспитаннице с просьбой простить ее и «не оставить в памяти своей» (л. 91).

Как видим, один и тот же эпизод редуцируется в одних обработках и амплифицируется в других.

Помимо этого в обработках XVIII в. встречается осложнение сюжета — введение в текст новых мотивов, включение новых сюжетных эпизодов.

В T_2, например, вводится «сценка» между Аполлоном и Лучницей после сообщения Аполлону об избрании его царем Антиохии: приняв от приплывших к нему с этим известием «лист от всея земли», Аполлон показывает его жене, бывшей с ним на берегу моря. «Она же, — читаем дальше, — прочет, бысть в несказанной радости и рече: „О прелюбезнейший мой королю Аполлоне, не напрасно сердце мое тя возлюбило, ныне виждь известно и веселюся, яко даде ми вышний промысл таковаго преславнаго в свете иметь мужем“» (л. 10).

Если приведенный эпизод в какой-то степени «подсказывается» текстом ред. Т, где нарушен принцип логической оправданности, мотивированности повествования [20] (в начале эпизода упомянуто, что с Аполлоном была Лучница, а дальше о ней ничего не говорится; о героине словно забыли и герой и автор), то в следующем примере новый сюжетный эпизод не только не вытекает из текста ред. Т, но даже противоречит ему. В T_5 введена любовная сценка-диалог

---

[20] О мотивированности и мотивировке в произведении см.: Томашевский Б. Теория литературы. Поэтика. Изд. 5-е. М.—Л., 1930, с. 144—152.

между Лучницей и Аполлоном во время обучения героини танцам. Этот отрывок, рассказывающий в стиле галантных «гисторий» XVIII в.[21] о признании героев в любви друг другу и обмене их перстнями в знак «верности и вечного союзства», противоречит тому, что было сказано о них в ред. Т: «Не возре же во весь той год [пристрастно] на ню, ниже она на него» (л. 269 об.).

Этот пример сюжетной ассимиляции [22] наглядно свидетельствует о том, что Повесть об Аполлонии Тирском отождествлялась в сознании читателя XVIIIв. с популярными любовно-авантюрными «гисториями», стиль которых охарактеризован В. Н. Перетцем.[23]

Как правило, амплификация сопутствует редукции: в одной и той же обработке одни сюжетные эпизоды «стягиваются» или опускаются, а другие — разрабатываются или вводятся заново.

Но, пожалуй, самой характерной и отличительной особенностью многих списков XVIII в. является привнесение в повествование черт современного быта (и отсюда введение в текст ряда неологизмов и понятий, отражающих быт Петровской эпохи), т. е. модернизация повести.

В списке ГЛМ (T_3), например, говорится о том, что, остановившись в Тарсе, Аполлон идет «в дом к сенатору своему»; вознаграждая Елавика, «учинил его во Антиохии сенатором», а доктора Тиримона и ученика Силимона, вернувших жизнь Лучнице, «учредил генералами».

В T_5 Антигор просит короля Аполлона, «дабы принял ево в свою протекцию со всем его владетельством». У короля Антистрателя был «банкет, и многия знатныя персоны, такожде и дочь его Люцыня королевна, при том банкете присутствовала». Аполлон в благодарность за спасение ему жизни Елавиком «министром себе его поставил». Дионисия грозит Феофилу, что отдаст его «под суд в розыск». Собираясь хоронить мнимоумершую Лучницу, Тиримонус «пригласил знатных персон к провожению тела ея», и т. д. В T_6 в честь свадьбы Аполлона и Лучницы Алтистратис устраивает «балы при генералитетах и прочих министрах» и т. д.

Но особенно характерен в этом отношении список ГИМ, Музейское собр., № 1312. Читаемая здесь повесть — по сути дела оригинальное русское произведение на сюжет древнерусской повести. В этом списке мы обнаруживаем обширные вставки в текст, отражающие события Петровского и послепетровского времени, а также нововведения в быту, общественной жизни и т. д. В одной

---

[21] Характеристику этого стиля см., например: Перетц В. Н. Очерки по истории поэтического стиля в России (эпоха Петра Великого и начало XVIII ст.), I—IV и особенно V—VIII. СПб., 1905—1907.

[22] Термин В. Я. Проппа, см.: Пропп В. Я. Трансформация волшебной сказки, с. 147—149.

[23] Перетц В. Н. Очерки по истории поэтического стиля. . ., V—VIII, с. 12.

из таких вставок, занимающей несколько листов, редактор рассказывает о строительстве, украшении и заселении Антиохом своей столицы (в первоначальной русской редакции этому соответствует одна фраза: «И созда себе град тверд и богат»). Несомненно, что в этом эпизоде отразились предания о строительстве Петербурга.

Как видим, изменения, внесенные авторами обработок XVIII в. в сюжет Тихонравовской редакции, разнообразны и многочисленны. Не менее интересны и приемы стилистической редактуры Повести об Аполлонии Тирском под пером переписчиков XVIII в.

Стиль Тихонравовской редакции напоминает экспрессивно-эмоциональный стиль агиографического повествования, сформировавшийся в житийной литературе еще в XVв.

Однако этот изысканный, искусственный стиль даже в житийной литературе приходит в XVIII в. к упадку.[24] Тем более случайным и неуместным осознавался он в переводном романе, особенно популярном в XVIIIв. в демократической среде. Риторичность, многословие, экспрессия — все эти черты ослабевают, а то и совсем исчезают в обработках XVIII в.

Высокий стиль ред. Т уступал место «просторечию», под которым деятели Петровского времени, как и древнерусские книжники, понимали, по словам Г. О. Винокура, прежде всего «отказ от сложных и искусственных синтаксических средств традиционного схоластического витийства».[25] Сравним, например, по ред. Т и $Т_4$ сцену между Аполлоном и Лучницей перед их отплытием с Кипра, — точнее, монолог Лучницы из нее.

Узнав о решении Аполлона отплыть на родину, оставив ее у родителей, Лучница, по ред. Т, «бысть яко мертва и паде на землю». Придя в себя, она, «горько рыдая», обращается к Аполлону с такой эмоциональной и возвышенно-риторичной речью: «О возлюбленный, всего света дражайши мне! Како мя хощеши немилостивно оставити? Аз же инаго утешения не имам, разве еже видети пресветлое твое лице; сама убо изволих кроме всех за тя, с тобою хощу везде быти. Аще ти будет радостная, купно возвеселимся, аще будеши в злополучии, купно претерпим. Готова есмь с тобою и умрети. Лутчи ми очима яже о тебе видети, нежели ушима слышати, яко больши прилогают, нежели бывает» (л. 271 об.—272).

В $Т_4$ ответ Лучницы Аполлону предельно краток. Одним предложением передается смысл многословного монолога ред. Т: «Королевна же Лучница рече: „Лутче мне вкупе с вами на море смерть принять, нежели без вас пребывать“» (л. 16 об.).

Я сознательно выбрала для сравнения ту редакцию XVIII в., в которой сведена на нет риторичность, связанная с многословием.

[24] См. об этом: Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, с. 369—370.

[25] История русской литературы, т. III. М.—Л., 1941. Введение, гл. III (Русский литературный язык в первой половине XVIII в.), с. 57.

Но и другие обработки XVIII в., не ликвидируя полностью стилистические приемы редакции Т, существенно ослабляют свойственные ей экспрессивность и риторичность, значительно опрощают синтаксис. Приведу этот же монолог по ред. T_2. «О возлюбленный, всего света дражайший Аполлон, аз избрах тя и возлюбила паче меры, ты же како хощеши немилостивно оставити? И кое утешение без тебя, возлюбленного моего, иметь буду, кроме слез и всегдашней печали?» (л. 10 об.).

Если для ред. Т было характерно стилистическое единство, то этого нельзя сказать о редакциях XVIII в. Напротив, на языке этих обработок «лежит яркий отпечаток неупорядоченности русского литературного языка послепетровской поры, причудливо сочетающего славянизмы старинной книжности с варваризмами канцелярско-деловой речи»[26] и с западноевропейскими лексическими заимствованиями, а порой и вовсе уступающего место языку с сильной бытовой окраской. Эта пестрота дополняется использованием в некоторых случаях стилистических особенностей модной в то время любовно-авантюрной повести. Однако авторы некоторых обработок XVIII в. ред. Т все же придают манере повествования определенную стилистическую направленность, уподобляя ее в одних случаях сказочной (T_1), в других — изысканно-галантному тону авантюрно-любовной беллетристики (T_5), в третьих — краткому канцелярскому отчету, сообщению (T_4).

В ред. T_1 изложение ведется порой таким живым разговорным языком, что при первом знакомстве с ней возникает мысль о перерыве рукописной традиции, о записи устного рассказа. Автор ее нередко использует разговорно-просторечные формы: «будто испужался», «поставил ему есть», «велел привесть к себе ужинать», «почал кричать изо всех сил» и т. д. Кроме того, здесь используется фразеология устного народного творчества, например сказочные формулы: «И потом увидеша окрестных государств цари-цесаревичи и короли-королевичи, что у цесаря Антиоха тщерь зело прекрасна. . .» ($Б_{2364}$, л. 5); постоянные эпитеты: «И пустился в море в славный Тир град» ($Б_{2364}$, л. 21); характерный для сказки оборот — ответ, начинающийся риторическим вопросом «как мне не. . .?»: «Драгий мой отче, как мне не ехать в свое царство, понеже давно отлучился» (л. 19), и т. д. В одном случае автор вводит даже небольшую сценку в духе русских сказок: «Прекрасная королевна Лучница так в него крепко влюбилась и стала его спрашивать, какова он роду: король-королевич или царь-царевич или сильный могучий богатырь, — повеждь ми. Он же ей поведа всю истинную, с начала своего все рассказал» ($Б_{2364}$, л. 16).

---

[26] Эту характеристику П. Н. Берковым языка оригинальных любовно-авантюрных повестей XVIII в. см. в кн.: История русской литературы, т. I. М.—Л., 1958. Ч. II (Русская литература XVIII в.), с. 454.

Влияние авантюрно-любовных «гисторий» несомненно в обработке T_5, где введена уже упоминавшаяся сценка между Аполлоном и Лучницей, в галантных выражениях объясняющихся в любви и «присягающих» друг другу «в верности и вечном союзстве». Изменяется в связи с этим и поведение Лучницы после получения письма от отца с просьбой назвать имя того, кого она избирает себе в мужья. Она уже не мучается вопросом, как ответить отцу («естьли правда отписать — срамота ми есть; аще ли же не отпишу — велику тщету восприяти» — ред. Т, л. 270 об.), а лишь подумала, что «сей случай на пользу ей со Аполоном явится к совершению любви их, что она обещалась быть женою уже давно Опполону» (л. 90). На примере этой обработки можно, пожалуй, говорить о жанровой переориентации. Герои древнерусской полуаскетической повести одеты здесь в костюмы галантного кавалера и его дамы.

Уподобление Повести об Аполлонии Тирском галантной «гистории» нашло свое выражение и в использовании автором ред. T_5 стилистических особенностей последней.[27] Галантно-метафорические обращения с частым смешением «ты» и «вы», причудливая витиеватость выражений встречаются в разных местах повествования, но особенно характерен в этом отношении сюжетный эпизод, самостоятельно введенный автором обработки T_5, — любовная сценка между Аполлоном и Лучницей.

Литературный язык XVIII в. характеризуется, как известно, расширением функций деловых стилей.[28] На примере обработки T_4 мы видим использование канцелярского стиля применительно к жанру приключенческого романа. Дело в том, что язык документов в ней (не отдельных канцеляризмов!) — это только один из компонентов некоего стилистического единства, определенной манеры повествования, для которой кроме лексических канцеляризмов, устойчивых оборотов (штампов) и синтаксических конструкций деловых бумаг, т. е. «приказного языка», характерно также выпрямление сюжета, краткость изложения, интерес к сути события в ущерб различным художественным деталям. При этом прямая речь заменяется косвенной, обширные риторические монологи ред. Т передаются нередко одной фразой, выражающей основной смысл высказывания, кратко пересказываются автором развернутые сцены, изображающие действия героев.

Примером такой стилистической обработки служит список ГИМ, собр. Барятинского, № 160 (T_4), текст в котором, к сожалению, сохранился не полностью.

---

[27] Характеристику языка авантюрно-любовной беллетристики, представлявшего собой своеобразную разновидность литературного языка начала XVIII в., см., например, у Г. О. Винокура: История русской литературы, т. III. М.—Л., 1941. Введение, гл. III, с. 59—61.

[28] См. об этом: Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XVIII вв. М., 1938, с. 62—63.

Приведу из него небольшой отрывок, который наглядно характеризует язык и слог этой обработки.

«Аполлон же в скором времени приказал потребная в путь готовить и убрать корабль достойным манером, и объявил намерение свое супруге, которая, как услышала об отъезде его, оцепенев, упала на постель; и едва в память прииде, нача сетовать неутешно. Аполлон же нача ее утешати своими премудрыми словами, чтоб не весьма об нем сокрушалася и печали никако не имела, понеже аз за нею по времени приеду, а до того времени изволила жить при отце. И она в то время была непраздна. Королевна же Лучница рече: „Лутче мне вкупе с вами на море смерть приняти, нежели без вас пребывать". Чему и Аполлон бысть произволил и приказал ея со всем збиратися, и что надлежит до служащих и протчих, брала бы, что ей угодно, понеже отца запрещения не было» (л. 16 об.).

В приведенном отрывке можно отметить, во-первых, значительное сокращение текста за счет прямой речи героев. Это выражается в одних случаях в сокращении реплик диалога, в других — в замене прямой речи кратким авторским сообщением. Так, прямая речь Аполлона, сообщающего Лучнице о своем отъезде (61 слово!) заменяется в ред. T_4 кратким сообщением автора: «И объявил намерение свое супруге». Приведенный выше (стр. 287) риторичный монолог Лучницы, укоряющей Аполлона за его намерение покинуть ее (74 слова), также заменен сообщением автора ред. T_4 о том, что она «нача сетовать неутешно». Последняя реплика Лучницы значительно сокращена (13 слов вместо 46), а ответ на нее Аполлона снова заменен авторским сообщением: «чему и Аполлон бысть произволил».

Во-вторых, в приведенном отрывке из ред. T_4 можно отметить речевые обороты, свойственные деловой письменности (даны в тексте разрядкой).

Отметим также, что отсутствие у создателя данной редакции литературного мастерства и его невнимание к художественной стороне текста приводит порой к возникновению алогизмов или других погрешностей повествования. Например, в косвенную речь вторгается прямая (. . .понеже аз за нею по времени приеду. . .), а после слов Лучницы — «Лутче мне на море смерть приняти, нежели без вас пребывать» — следует авторское замечание: «чему и Аполлон бысть произволил».

Итак, XVIII век — это качественно новый этап в литературной истории Повести об Аполлонии Тирском.

Во-первых, она стала расцениваться именно как светское произведение, задача которого не поучать, а развлекать. В связи с этим редакторы XVIIIв. проявляют большое внимание к ее сюжетной, занимательной стороне. У одних это проявляется в интересе к подробностям повествования (амплификация), у других, напротив, в интересе к сути события в ущерб различным

художественным деталям (редукция). Подчеркнем, что эти сокращения или распространения сюжетной основы обусловлены именно интересом к фабуле, а не стремлением к большему соответствию жанра и стиля, как можно было бы объяснить появление «украшенных» редакций в древнерусской литературе. Различные переосмысления переписчиками XVIII в. сюжетных элементов ред. Т связаны, как правило, со стремлением к большей правдоподобности и мотивированности изложения. Трудно сказать, что побуждало редакторов XVIII в. вводить в повесть понятия и отражать явления современного им русского быта, но иногда такие включения настолько значительны, что возникает новое оригинальное произведение на сюжет переводной повести.

Новые редакции повести отразили также смену литературных вкусов. Для книжников XVIII в. оказался чужд «высокий» литературный стиль XVII в. Но, «отрицая» экспрессивность и риторичность Тихонравовской редакции, деформируя и модернизируя церковнославянский язык, списки XVIII в. далеко не однородны по своему языку и слогу. Одни из них сближаются по манере повествования с волшебной сказкой, другие — с любовно-авантюрной «гисторией», третьи — с деловой письменностью.

Значительность и разнонаправленность переработок повести об Аполлонии Тирском свидетельствуют в итоге об изменении самого отношения к тексту литературного произведения. Новый читатель не исполнен прежнего пиетета перед книжным словом. Напротив, в списках XVIII в. мы встречаемся со своеобразной «фольклорностью» в передаче текста. Подобно фольклорным произведениям, повесть об Аполлонии Тирском пересказывается «на свой лад» почти каждым переписчиком XVIII в.

Литературная судьба Повести об Аполлонии Тирском не является исключением. В перечисленных выше исследованиях других произведений древнерусской беллетристики отмечаются как различные виды трансформации сюжета в списках XVIII в., так и разнообразие последних в стилистическом отношении, в совокупности приводящие порой к переориентации жанра древнерусского произведения.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ	— «Акты, собранные... Археографической экспедицией».
АЕ	— «Археографический ежегодник».
АН СССР	— Академия наук СССР.
БАН	— Библиотека Академии наук СССР (Ленинград).
Брике	— Briquet C. M. Les filigranes. Paris, 1907.
ВВ	— «Византийский временник».
ВОИДР	— «Временник Общества истории и древностей российских при Московском университете».
ГБЛ	— Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).
Гераклитов	— Гераклитов А. А. Филиграни XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963.
ГИМ	— Государственный Исторический музей (Москва).
ГЛМ	— Государственный Литературный музей (Москва).
ГПБ	— Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
ГПНТБ	— Государственная Публичная научно-техническая библиотека (Новосибирск).
ГТГ	— Государственная Третьяковская галерея (Москва).
ЖМНП	— «Журнал Министерства народного просвещения».
ИА	— «Исторический архив».
ИЗ	— «Исторические записки».
ИОЛЯ	— «Известия Отделения литературы и языка Академии наук СССР».
ИОРЯС	— «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук».
ИпоРЯС	— «Известия по русскому языку и словесности Академии наук».
ИРЛИ	— Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР (Ленинград).
ИИФиФ	— Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР (Новосибирск).
ИУЛ	— Институт Украинской литературы (Киев).
Каманин	— Каманин И. М. Водяні знаки на папері українських докуменів XVI—XVII вв. (1566—1651). Київ, 1923.
Клепиков, Филигр. и штемп.	— Клепиков С. А. Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX веков. М., 1959.
Лауцявичус	— Лауцявичус Э. Бумага в Литве в XV—XVIII вв. Вильнюс, 1967.

ЛГУ — Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова.

ЛЗАК — «Летопись занятий Археографической комиссии».

Лихачев — Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899.

ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР.

МАМЮ — Московский архив Министерства юстиции.

МГАМИД — Московский главный архив Министерства иностранных дел.

МДА — Московская духовная академия.

НIЛ, НIIЛ, НIIIЛ, НIVЛ, НVЛ — Новгородские первая, вторая, третья, четвертая и пятая летописи.

НСРК — Новое собрание рукописной книги.

ОИДР — Общество истории и древностей российских при Московском университете.

ОЛДП — Общество любителей древней письменности.

ОЛЯ — Отделение литературы и языка Академии наук СССР.

ОРРК — Отдел рукописной и редкой книги ГПБ.

ОРЯС — Отделение русского языка и словесности.

ОСРК — Основное собрание рукописной книги (ГПБ).

ПВЛ — Повесть временных лет.

ПДП — Памятники древней письменности.

ПДПИ — Памятники древней письменности и искусства.

П1Л, П2Л, П3Л — Псковская первая, вторая и третья летописи.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

РИБ — Русская историческая библиотека.

СО АН СССР — Сибирское отделение Академии наук СССР.

СОРЯС — «Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук».

СIЛ, СIIЛ — Софийская первая и вторая летописи.

Срезневский, Материалы — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893—1912.

ТОДРЛ — «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР».

Тромонин — Тромонин К. Изъяснение знаков, видимых на писчей бумаге. . . М., 1844.

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов СССР (Москва).

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).

ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив в Ленинграде.

ЧОИДР — «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете».

ЧОЛДП — «Чтения в Московском обществе любителей духовного просвещения».

Heawood — Edward Heawood M. A. Watermarks mainly of the 17-th and 18-th centuries. Hilversum, 1950.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 3

Е. В. А ф а н а с ь е в а, Е. М. Ш в а р ц (Ленинград). Древнейший славянский перевод Книги Иова (по пергаменным рукописям) 7

В. С. З и л и т и н к е в и ч (Ленинград). Переводы из Феогнида в древнерусской «Пчеле» 33

А. М. М о л д о в а н (Москва). Лингвотекстологический анализ списков «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона 38

Е. А. Ф е т (Новосибирск). Новые факты к истории древнерусского Пролога 53

А. Д а н т и (Флоренция). О «Задонщине» и о филологии. Ответ Д. С. Лихачеву 71

Е. И. В а н е е в а (Ленинград). Селевк и Филоп в Сербской Александрии 92

Т. В. Ч е р т о р и ц к а я (Горький). О начальных этапах формирования древнерусских литературных сборников Златоуст и Торжественник (триодного типа) 96

В. И. О х о т н и к о в а (Йошкар-Ола). Повесть о Довмонте и княжеские жизнеописания XI—XIV вв. 115

В. И. О х о т н и к о в а (Йошкар-Ола). Повесть о Довмонте в составе псковских летописей. (К вопросу о старшей редакции) 129

Л. И. Ж у р о в а (Барнаул). Из литературной истории Повести о Луке Колочском 143

Т. А. М а х н о в е ц (Йошкар-Ола). «Слово о хмеле» в списках XV века 155

Л. В. Т и т о в а (Новосибирск). «Беседа отца с сыном о женской злобе». (Краткая характеристика редакций) 164

Д. М. Б у л а н и н (Ленинград). Вологодский архиепископ Иона Думин и рукописная традиция сочинений Максима Грека 174

Л. Ф. М о р о х о в а (Ленинград). Подобники как форма музыкально-теоретического руководства в древнерусском певческом искусстве 181

З. М. Г у с е й н о в а (Ашхабад). К вопросу об атрибуции памятников древнерусского певческого искусства. (На примере рукописи Соловецкого собрания, № 690/751) 191

Е. Л. Б у р и л и н а (Ленинград). О соотношении текста и напева в древнерусских песнопениях XVI—XVII вв. 204

Т. А. Б р у н (Москва). К вопросу о возникновении Сказания об Унженском кресте (Повести о Марфе и Марии) 216

Я. Г. С о л о д к и н (Курск). Редакции «Истории» Авраамия Палицына 227

Г. П. Е н и н (Ленинград). О Выдубецком списке «Повести о некоей брани» и ее авторе 237

В. К. Зиборов (Ленинград). Об авторе так называемой повести Катырева-Ростовского 244
С. И. Николаев (Ленинград). «Небездельное безделье» В. Коховского в Посольском приказе 251
Л. А. Итигина (Ленинград). Редакторская работа Симеона Полоцкого над изданием «Повести о Варлааме и Иоасафе» 259
А. А. Михалина (Новосибирск). Проблемы датировки «Гистории о Франце Мемзонзилиусе» 266
Л. В. Соколова (Ленинград). Литературные обработки XVIII в. Повести об Аполлонии Тирском 279

Список сокращений 292

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Утверждено к печати Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР

Редакторы издательства К. Н. Феноменов, Н. А. Румянцева
Художник Д. С. Данилов
Технический редактор Л. М. Семенова
Корректоры Г. А. Александрова, Е. В. Шестакова

ИБ № 9013

Сдано в набор 14.12.79. Подписано к печати 02.06.80. М-36706. Формат $60\times90^1/_{16}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. $18^1/_2$=18.50 усл. печ. л. Уч-изд. л. 20.69. Тираж 4650. Изд. № 7428. Тип. зак. 945. Цена 1 р. 90 к.

Издательство «Наука», Ленинградское отделение
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

